

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ ИМ. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

С О В Е Т С К А Я Э Т Н О Г Р А Ф И Я

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1926 ГОДУ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

1

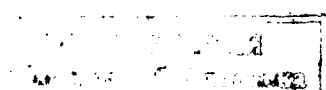
Январь — Февраль

1970

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва

Редакционная коллегия:

Ю. П. Петрова-Аверкиева (главный редактор), **В. П. Алексеев**, **Ю. В. Арутюнян**,
Н. А. Баскаков, **С. И. Брук**, **Л. Ф. Моногарова** (зам. глав. редактора),
Д. А. Ольдерогге, **А. И. Перьниц**, **Л. П. Потапов**, **В. К. Соколова**,
С. А. Токарев, **Д. Д. Тумаркин** (зам. глав. редактора), **В. Н. Чернецов**

Ответственный секретарь редакции *Н. С. Соболев*

Ю. В. Бромлей, В. И. Козлов

ЛЕНИНИЗМ И ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В СССР

В многогранной деятельности В. И. Ленина видное место занимал национальный вопрос, национальные проблемы. Великая историческая заслуга В. И. Ленина состоит в том, что он, творчески развивая марксизм применительно к новым историческим условиям — к эпохе империализма и пролетарских революций, создал цельное и стройное учение по национальному и национально-колониальному вопросам, разработал основы национальной программы большевистской партии и отстоял ее в борьбе против реакционных теорий, шовинистических и националистических уклонов. Под руководством В. И. Ленина большевистская партия добилась интернационалистского сплочения русского рабочего класса с трудящимися всех национальностей России и привела их к победе Великой Октябрьской социалистической революции, уничтожившей социальный и национальный гнет. В. И. Ленин разработал политику коммунистической партии в национальном вопросе в условиях диктатуры пролетариата и социалистического строительства и руководил практическим претворением ее в жизнь. Одним из величайших успехов этой политики было национально-государственное строительство, создание советских республик и добровольное объединение их в единое государство — Союз Советских Социалистических Республик.

Претворение в жизнь основных принципов ленинской национальной политики не означало, конечно, что национальный вопрос, как вопрос об отношениях между народами нашей многонациональной страны, снимается с повестки дня. Национальные факторы играют и в обозримом будущем будут играть видную роль в нашей жизни, во многом определяя особенности нашего пути к коммунизму, и не случайно, что анализу их по-прежнему уделяется столь существенное внимание в программных документах КПСС, на партийных конференциях и съездах. Вполне оправдано поэтому и пристальное внимание философов, историков, этнографов и ученых других гуманитарных специальностей к исследованию процессов, которые ведут к изменению роли и формы проявления национальных факторов, к изменению самих национальных общностей. Актуальность исследования этих процессов, обычно называемых национальными или этническими (на некотором различии этих терминов мы остановимся ниже), возросла в последнее время в связи с ускорившимися под влиянием научно-технической революции темпами социально-экономического и культурного развития, с существенными преобразованиями во всех областях нашей жизни на пути к коммунистическому обществу.

Однако, несмотря на уже проделанную за последние годы значительную работу по исследованию национальных процессов в СССР¹, в

¹ Это получило, в частности, выражение в ряде прошедших в последние годы теоретических конференций и сессий, материалы которых опубликованы в сборниках: «Торжество ленинской национальной политики КПСС», Махачкала, 1968; «Торжество ленинской национальной политики», Улан-Удэ, 1968; «Торжество ленинской национальной политики в Татарии», Казань, 1968; «Торжество ленинских идей пролетарского

данной области остается еще много белых пятен и нерешенных проблем. Естественно, что в рамках небольшой статьи невозможно рассмотреть все эти проблемы или хотя бы основную их часть; в целом ряде случаев мы попытаемся лишь поставить вопросы, которые должны, по нашему мнению, привлечь внимание исследователей.

Обратимся в этой связи к трудам В. И. Ленина, в частности к его методологически важной концепции о двух тенденциях в национальном вопросе, о закономерностях развития наций и межнациональных отношений: «Развивающийся капитализм,— писал В. И. Ленин,— знает две исторические тенденции в национальном вопросе. Первая: пробуждение национальной жизни и национальных движений, борьба против всякого национального гнета, создание национальных государств. Вторая: развитие и утаивание всяческих сношений между нациями, ломка национальных перегородок, создание интернационального единства капитала, экономической жизни вообще, политики, науки и т. д.

Обе тенденции суть мировой закон капитализма. Первая преобладает в начале его развития, вторая характеризует зрелый и идущий к своему превращению в социалистическое общество капитализм»².

Уделяя пристальное внимание второй тенденции, В. И. Ленин указывал, что процессы межнационального сближения характерны в первую очередь для многонациональных государств, в пределах которых нации «...связывают миллионы и миллиарды нитей экономического, правового и бытового характера»³. Усиление межнациональных контактов в таких странах обусловлено развитием экономики, которая «сплачивает живущие в одном государстве нации», ломает национальные перегородки, приводит к территориальному смешению различных национальностей в городах и промышленных районах. «Города,— замечает он,—...играют важнейшую экономическую роль при капитализме, а города везде — и в Польше, и в Литве, и на Украине, и в Великороссии и т. д.— отличаются наиболее пестрым национальным составом населения»⁴. «В акционерных обществах сидят вместе, вполне сливаясь друг с другом, капиталисты разных наций. На фабрике работают вместе рабочие разных наций»⁵.

Излагая основы политики пролетарских партий в национальном вопросе, В. И. Ленин подчеркивал: «Борьба против всякого национального гнета — безусловно да. Борьба за всякое национальное развитие, за „национальную культуру“ вообще — безусловно нет... Принцип буржуазного национализма — развитие национальности вообще, отсюда исключительность буржуазного национализма, отсюда безвыходная национальная грызня. Пролетариат же не только не берется отстоять национальное развитие каждой нации, а, напротив, предостерегает массы от таких иллюзий, отстаивает самую полную свободу капиталистического оборота, приветствует всякую ассимиляцию наций за исключением насильственной или опирающейся на привилегии»⁶.

Важной формой процесса сближения наций, разрывавшегося в полную силу с эпохи «зрелого капитализма», В. И. Ленин считал естественную ассимиляцию, понимая под ней утрату национальных особенностей — переход в другую нацию⁷ и подчеркивая, что «...всемирно-историческая тенденция капитализма к ломке национальных перегородок, к

интернационализма и дружбы народов», Алма-Ата, 1969; «Строительство коммунизма и проблемы сближения наций», Киев, 1969; «Строительство коммунизма и проблемы интернационального воспитания», Киев, 1969.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 24, стр. 124.

³ Там же, стр. 175.

⁴ Там же, стр. 149.

⁵ Там же, стр. 134.

⁶ Там же, стр. 132—133.

⁷ Там же, стр. 123.

стиранию национальных различий, к *ассимилированию* наций... с каждым десятилетием проявляется все могущественнее, ...составляет один из величайших двигателей, превращающих капитализм в социализм»⁸. «Уже несколько десятилетий,— писал В. И. Ленин,— вполне определен процесс более быстрого экономического развития юга, т. е. Украины, привлекающей из Великороссии десятки и сотни тысяч крестьян и рабочих в капиталистические экономии, на рудники, в города. Факт „ассимиляции“ — в этих пределах — великорусского и украинского пролетариата несомненен. И *этот факт безусловно прогрессивен*»⁹.

Следует особо отметить, что, по мысли В. И. Ленина, победа социалистической революции должна привести к дальнейшему усилению тенденции межнационального сближения. «...Вся хозяйственная, политическая и духовная жизнь человечества все более интернационализируется уже при капитализме,— подчеркивает он. — Социализм целиком интернационализирует ее»¹⁰. «Трудящиеся массы, освобождающиеся от ига буржуазии,— писал он,— всеми силами *потянутся* к союзу и слиянию с большими и передовыми социалистическими нациями...»¹¹. «Целью социализма является не только уничтожение раздробленности человечества на мелкие государства и всякой обособленности наций, не только сближение наций, но и слияние их»¹².

Как бы суммируя свои выводы по этой проблеме, В. И. Ленин указывал: «При капитализме уничтожить национальный (и политический вообще) гнет *нельзя*. Для этого *необходимо* уничтожить классы, т. е. ввести социализм. Но, базируясь на экономике, социализм вовсе не сводится весь к ней. Для устранения национального гнета необходим фундамент — социалистическое производство, но на этом фундаменте *еще* демократическая организация государства, демократическая армия и пр. ...На этой базе, в свою очередь, разовьется *практически* абсолютное устранение малейших национальных трений, малейшего национального недоверия, создастся ускоренное сближение и слияние наций, которое завершится *отмиранием* государства. Вот теория марксизма...»¹³.

В последние годы в нашей печати неоднократно поднимался вопрос об исторических рамках действия открытых В. И. Лениным двух тенденций в национальном вопросе. К сожалению, дискуссия по этой проблеме, затрагивающая соотношение общего и особенного в историческом процессе, приобрела несколько абстрактный характер. Недавно в нашей партийной печати справедливо отмечалась ошибочность механического перенесения указанных тенденций, действующих при капитализме, на социалистическое общество, ибо «нация — категория социально-историческая. Ее экономическая основа, ...ее классовая структура и социально-политические устремления, духовный облик, то-есть все то, что характеризует данный исторический тип нации, коренным образом изменяются в результате перехода от капитализма к социализму». Что же касается этнических признаков, которым нами в дальнейшем будет уделено основное внимание, то указывалось, что они «сохраняются и развиваются в преобразованном виде и в условиях социализма»¹⁴. И правы, на наш взгляд, те авторы, которые в данной связи подчеркивают, что если «чисто классовые характеристики нации при смене фор-

⁸ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 24, стр. 125.

⁹ Там же, стр. 128.

¹⁰ Там же, т. 23, стр. 318.

¹¹ Там же, т. 30, стр. 36.

¹² Там же, т. 27, стр. 256.

¹³ Там же, т. 30, стр. 22.

¹⁴ См.: «Торжество ленинской национальной политики», «Коммунист», 1969, № 13, стр. 7.

маций изменяются коренным образом, то присущие ей этнические свойства в значительной мере сохраняются»¹⁵.

Недопустимость механического перенесения на социализм отмеченных В. И. Лениным тенденций, особенно относится к первой из них. Характеризуя ее, В. И. Ленин писал не только о национальном развитии и самоопределении, но и о «борьбе против национального гнета», который был ликвидирован в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции. Что же касается второй тенденции, то возможность распространения ее на социалистическое общество, в соответствии с прямыми указаниями В. И. Ленина, кажется, не вызывает особых возражений, хотя формы проявления этой тенденции в новых условиях должны были, конечно, претерпеть изменения.

«В условиях социализма,— отмечается в Программе КПСС,— действуют две взаимосвязанные прогрессивные тенденции в национальном вопросе. Во-первых, происходит бурное и всестороннее развитие каждой нации... Во-вторых, под знаменем пролетарского интернационализма идет все большее сближение социалистических наций, усиливается их взаимовлияние и взаимообогащение»¹⁶.

Исследование обеих этих сторон национального развития шло далеко не одинаково. Выступая на XXIII съезде КПСС, первый секретарь ЦК КП Молдавии И. И. Бодюл отметил: «...наука по-прежнему ограничивается главным образом рамками объяснения процесса расцвета каждой нации. Это, конечно, важно и нужно. Что же касается проблем межнационального общения в различных сферах общественного развития, процесса сближения и слияния наций, то этим вопросам уделяется явно недостаточное внимание. В результате слабо научно обоснованы принципы зарождения и формирования новых интернациональных черт и особенностей общей коммунистической культуры, традиций, языка»¹⁷. К сожалению, за время, прошедшее после XXIII съезда, положение изменилось сравнительно слабо, особенно в отношении изучения процесса сближения наций. Поэтому наше основное внимание будет обращено именно на данную сторону национального развития. Вместе с тем мы считаем необходимым остановиться и на тех специфических явлениях, которые способствуют сохранению, а кое-где и укреплению национальных чувств, сохранению роли национальных факторов в жизни советского общества, создавая весьма пеструю картину взаимодействия первой и второй тенденций.

При рассмотрении вопроса о соотношении тенденций национального развития в нашей стране следует учитывать, что национальные явления чрезвычайно сложны: они сопряжены с самыми различными сферами общественной жизни (от экономики до психологии). И как всякую многоплановую систему, их можно рассматривать в различных аспектах, в различных взаимосвязях с другими факторами и элементами общественной среды. К сожалению, методология таких многосторонних исследований, а также связанный с ней рабочий терминологический аппарат еще не вполне установились. При обсуждении национальных проблем в нашей печати и на конференциях разные авторы нередко вкладывают в одни и те же термины различное содержание, что крайне затрудняет ведение научных дискуссий. Поэтому, поскольку в центре нашего внимания в дальнейшем будут находиться главным образом этнические ас-

¹⁵ П. М. Рогачев, М. А. Свердлин, *Нации — народ — человечество*, М., 1967, стр. 72. См. также: А. М. Егиазарян, *Об основных тенденциях развития социалистических наций СССР*, Ереван, 1965; А. Г. Агаев, *К исследованию исторических тенденций социализма в национальном вопросе*, сб. «Строительство коммунизма и проблемы сближения наций», Киев, 1969.

¹⁶ «Материалы XXII съезда КПСС», М., 1962, стр. 191.

¹⁷ «XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет», М., 1966, т. I, стр. 424.

пекты национальных процессов, или собственно этнические процессы, сразу же поясним, что мы понимаем под этими терминами.

По нашему мнению, этническими процессами в широком смысле этого понятия следует считать процессы изменения всех основных элементов этнической общности — языка, культуры и других, в первую очередь тех из них, которые являются самобытными для этой этнической общности или играют для ее членов роль своеобразных символов, индексов этнической принадлежности¹⁸.

Основными типами этнических процессов являются процессы этнического разделения и этнического объединения; историческое соотношение их было различным, но в настоящее время ведущим и повсеместно господствующим типом этнических процессов в СССР являются процессы этнического объединения¹⁹.

Эти процессы этнического объединения, отражающие исторически закономерную и в целом прогрессивную тенденцию к укрупнению народов, могут быть подразделены на три вида: консолидацию, ассимиляцию и интеграцию. К процессам этнической консолидации следует отнести процессы слияния нескольких родственных по языку и культуре этнических единиц в единый народ, например, происшедшее в основном в годы советской власти слияние родоплеменных групп туркмен в туркменскую нацию. К процессам этнической ассимиляции принято относить процессы растворения небольших групп (или отдельных представителей) одного народа в среде другого народа. Под этнической или точнее этнополитической интеграцией нами понимается процесс взаимодействия этнических единиц — народностей и наций — внутри одного государства, ведущий к постепенному их слиянию в единый народ; такие процессы, постепенно развертывающиеся внутри некоторых многонациональных стран мира, в частности внутри СССР, представляют большой интерес для исследователей.

Вопрос о соотношении этнических и национальных процессов встал сравнительно недавно, главным образом в связи с тем обстоятельством, что многие авторы, согласившиеся так или иначе с целесообразностью замены прежнего группового понятия «исторические общности людей» (племя, народность, нация) более точным понятием — «этнические общности» (или «этноты»), вкладывают в понятие «национальные процессы» определенное политическое и социально-экономическое содержание, т. е. применяют его в более широком смысле, чем собственно «этнические процессы»²⁰. В связи с этим представляется целесообразным выделять в национальных явлениях и процессах две основные взаимосвязанные стороны: социально-экономическую и собственно этническую²¹.

¹⁸ Мы не останавливаемся особо на раскрытии понятия этнической общности (этноты) потому, что детальный разбор этого уже в значительной степени рассмотрено в нашей литературе вопроса сильно отвлеч бы нас от основной темы.

¹⁹ В. И. Козлов, *Динамика численности народов*, М., 1969, стр. 260 и сл.

²⁰ Определенная политическая окраска термина «нация», связанная со стремлением этой общности людей к тем или иным формам государственности или уже с наличием таких форм (например, в СССР — союзные и автономные республики), не означает, конечно, что нацию следует отрывать от стадийно предшествующей ей народности и относить не к этническим, а к политическим общностям, как предлагает, например, Ю. И. Семенов. (См. Ю. И. Семенов, К определению понятия «нация», «Народы Азии и Африки», 1967, № 1). Об отсутствии здесь каких-то качественных граней говорит и тот факт, что термины — «национальный», «национальность» и т. п. обычно применяются в расширенном смысле и охватывают не только собственно нации, но и другие стадийно предшествовавшие им этнические общности классовых формаций. Такой расширительный смысл в ряде случаев имели, например, термины «нация», «национальный» и т. п. и в произведениях В. И. Ленина по национальному вопросу (См. В. И. Козлов, О некоторых аспектах национальной проблематики в трудах В. И. Ленина, «Сов. этнография», 1969, № 6).

²¹ См. М. С. Джунусов, *Теория и практика развития социалистических национальных отношений*, «Вопросы философии», 1967, № 9, стр. 32; Л. В. Хомич, Этнические процессы (к вопросу о предмете и методе исследования), «Тезисы докладов годичной научной сессии, май 1968 г.», Л., 1968, стр. 37—39.

Признавая известную условность этого разделения (потому что «этническое» также является социальным в широком смысле этого слова, т. е. общественным), мы в дальнейшем воспользуемся им, чтобы сконцентрировать свое внимание именно на этнической, до сих пор сравнительно слабо изученной и в то же время чрезвычайно важной стороне дела. Этот аспект во многом определяет своеобразие национальных проблем и уже поэтому представляет большой интерес не только для этнографов, но и для ученых других специальностей.

Отмеченные выше две основные тенденции в развитии национальных явлений в разных сферах общественной жизни нашей страны проявляются далеко не одинаково. Но их взаимосвязь обнаруживается повсюду — как в социально-экономических, так и в «чисто» этнических явлениях, причем первые обычно самым непосредственным образом воздействуют на вторые (особенно на этническое сознание), а эти последние, в свою очередь, могут оказывать заметное обратное воздействие на базисные явления.

Определяющее значение для развития в нашей стране рассматриваемых тенденций и изменения их соотношения, несомненно, имел прогресс в сфере производительных сил. Обусловив усиление хозяйственных связей как внутри отдельных регионов, так и в масштабах всей страны, этот прогресс в конечном счете явился основной материальной предпосылкой как этнической консолидации внутри отдельных наций²², так и внутрисоударственной межнациональной интеграции.

Анализируя конкретный ход исторически меняющегося соотношения тенденций развития наций и тенденции межнационального сближения, следует, по нашему мнению, учитывать тот важный факт, что в отсталой России накануне Октябрьской революции промышленный капитализм среди многих народов не получил существенного развития, и они находились еще на стадии преобладания первой тенденции. Эта тенденция, искусственно сдерживаемая царизмом, в новых социально-политических условиях, ознаменовавшихся ликвидацией национального гнета и неравноправия, неизбежно получила на первых порах особо интенсивное, хотя и существенно трансформированное развитие. В силу тяжелого наследия в области национальных отношений в нашей стране сразу же после победы социалистической революции во весь рост встала задача сделать все необходимое для реализации ленинского указания о том, что «...только громадная внимательность к интересам различных наций устраняет почву для конфликтов, устраняет взаимное недоверие...»²³. Реализация этой задачи проявилась в создании различных форм национальной государственности, в распространении письменности и образования на родном языке, в ускорении процессов национальной консолидации и т. д. (подробнее об этом см. ниже). Вместе с тем первые же лет советской власти процессы бурного национального развития сочетались со все возрастающей тенденцией к сближению наций.

Предсказанное В. И. Лениным усиление действия этой тенденции в эпоху социализма опирается прежде всего на объективные законы развития экономики, ломающей национальные рамки. Социально-экономическое развитие всех народов СССР, развитие промышленности и сельского хозяйства с соответствующими изменениями социально-классовой структуры подчинялось, главным образом, общегосударственным задачам и проходило в теснейшем межнациональном содружестве. Проведение в жизнь ленинской национальной политики, ликвидация прежнего

²² Подробнее о процессах этнической консолидации в нашей стране см.: В. К. Гарданов, Б. О. Долгих, Т. А. Жданко, Основные направления этнических процессов у народов СССР, «Сов. этнография», 1961, № 4; Т. Ф. Аристова, Г. П. Васильева, Об этнических процессах на территории Южной Туркмении, «Сов. этнография», 1964, № 5; Л. Ф. Моногарова, Современные этнические процессы на Западном Памире, «Сов. этнография», 1965, № 6, и др.

²³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 45, стр. 240.

национального неравноправия привели к тому, что разделение труда стало повсеместно основываться не на национальной, а на профессиональной принадлежности тех или иных групп населения, не на этнической, а на порайонной специфике хозяйства. Усиление межрайонных экономических связей населения привело к миграциям и дальнейшему росту территориального смешения национальностей. Поэтому экономическое развитие советских наций означало в то же самое время их экономическое сближение и интеграцию.

Однако в связи с тем, что основное политико-административное деление СССР имеет национальную форму союзных и автономных республик, к которым обычно привязываются и статистические данные об экономическом развитии, многие авторы невольно связывают эти данные только с соответствующими нациями (составляющими в ряде автономных республик меньшинство населения) и недостаточно учитывают различия межреспубликанской и внутриреспубликанской экономической интеграции наций.

Сближение наций в экономической (а также и в политико-идеологической) области сопровождалось их сближением и в этнической сфере. Однако данный процесс протекал значительно медленнее и имел свою специфику. Это, в частности, было обусловлено тем, что языково-культурное развитие советских наций в отличие от социально-экономического развития определялось прежде всего не общегосударственными, а внутринациональными потребностями. Оно по самой своей природе ограничивалось рамками этнических (национальных) общностей и не допускало широкой межнациональной кооперации: русские помогали казахам, например, строить школы, но обычно не могли преподавать в этих школах. Данная задача могла быть выполнена только силами казахской интеллигенции. Короче говоря, развитие этих элементов носило не столько интегрирующий, сколько этно-дифференцирующий характер.

При анализе этнической стороны национального развития целесообразно особо остановиться на ее языковом аспекте, непосредственно связанном с общими нуждами социально-экономического развития. Для подъема экономики, индустриализации и механизации требовалась ликвидация прежней культурной отсталости и неграмотности; эта задача могла быть быстро решена только путем распространения образования на родном языке, использования этого языка в средствах массовой информации (пресса, радио, кино) и т. д. Политика равенства языков, введение языков всех народов в административное управление, судопроизводство и т. п., создание письменности и литературы у многих бесписьменных народов, издание литературы на родном языке — все это с первых же лет советской власти способствовало расширению сферы использования языков народов СССР. Этот процесс хорошо прослеживается на примере украинского языка, который в дореволюционной России почти не использовался даже в начальных общеобразовательных школах. В советскую эпоху были созданы все условия для широкого развития общественных функций украинского языка, т. е. функции языка образования (включая высшее), науки, общественно-политической жизни и т. д.²⁴ Резкое расширение функций национальных языков произошло в первые же годы советской власти. В настоящее время отмечается дальнейшее функциональное развитие основных языков всех союзных республик²⁵. Это может быть в какой-то степени подкреплено и количественными данными, относящимися к тиражам книг на отдельных языках народов СССР. Имеющиеся материалы, ярко демонстрируя колоссальное увеличение за годы советской власти тиражей книг у

²⁴ Ю. Д. Дешериев, *Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе*, М., 1966, стр. 366.

²⁵ Там же, стр. 369—370.

всех народов СССР, вместе с тем убедительно свидетельствуют о росте за период с 1950 г. по 1964 г. тиражей на всех (кроме белорусского) основных языках союзных республик²⁶. Еще более показательны данные о неуклонном росте в 1950—1967 гг. во всех без исключения союзных республиках тиражей таких массовых изданий на национальных языках, как газеты и журналы. При этом, например, тиражность газет на белорусском языке за указанный период возросла более чем в 3,5 раза, а на молдавском почти в 6 раз²⁷.

Существенно и то, что более чем в половине республик за 1950—1967 гг. произошел не только абсолютный, но и относительный рост тиражей газет на национальных языках. Особенно большие сдвиги в данном отношении наблюдались в Азербайджане. Заметное относительное и абсолютное увеличение тиражей выходящих в республиках газет на русском языке произошло лишь в Белоруссии, Молдавии и Казахстане, причем в последнем случае это сопряжено с увеличением удельного веса русского населения.

Взаимодействие языков народов СССР отражалось, главным образом, в изменении их лексического состава за счет заимствования слов из других языков, но оно не могло, конечно, привести к какому-то «сближению и слиянию» языков. Поэтому действие второй — интегрирующей тенденции национального развития в сфере языковых процессов проявлялось, в основном, в форме распространения двуязычия и в форме языковой ассимиляции. Ведущую роль при этом играло усвоение нерусскоязычными народами русского языка как основного языка межнационального общения в СССР и одного из основных мировых языков с богатыми культурными традициями, огромной литературой и т. д.

Известно, что В. И. Ленин в своих работах по национальному вопросу уделил усвоению русского языка существенное внимание. Он указывал, что «...потребности экономического оборота всегда заставят живущие в одном государстве национальности (пока они захотят жить вместе) изучать язык большинства»²⁸, т. е. русский язык. Вместе с тем, В. И. Ленин решительно выступал против всякого принуждения в деле распространения русского языка, в частности против того, чтобы он получил привилегии как «государственный язык». В письме к С. Г. Шаумяну он писал: «Как Вы не хотите понять той *психологии*, которая особенно важна в национальном вопросе и которая при малейшем принуждении поганит, пакостит, сводит на нет бесспорное прогрессивное значение централизации, больших государств, единого языка?? Но еще важнее экономика, чем психология: в России *уже* есть *капиталистическая* экономика, делающая *русский* язык необходимым»²⁹. В. И. Ленин отмечал, что «на Кавказе представители нерусских народностей *сами* стараются научить детей по-русски»³⁰ и подчеркивал, что стоит «за то, чтобы каждый житель России имел возможность научиться великому русскому языку»³¹.

За полвека, прошедшие после Великой Октябрьской социалистической революции, в результате увеличения территориального смешения русских с другими национальностями, расширения межэтнических контактов в хозяйственной, научной и культурной областях, увеличения числа национально-смешанных браков и т. д., распространение русского

²⁶ См. «Народное хозяйство СССР в 1964 г.», М., 1965, стр. 723. К 1967 г., однако, несколько сократилась по сравнению с 1964 г. тиражность литературы также на азербайджанском, казахском и таджикском языках. Вместе с тем за тот же период наблюдался рост тиражей на белорусском языке, хотя они все же не превзошли уровень 1950 г. (См. «Народное хозяйство СССР в 1967 г.», М., 1968, стр. 833).

²⁷ «Народное хозяйство СССР в 1967 г.», стр. 838—839.

²⁸ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 24, стр. 116.

²⁹ Там же, т. 48, стр. 234.

³⁰ Там же, т. 24, стр. 116.

³¹ Там же, стр. 295.

языка значительно возросло. Согласно данным переписи 1959 г., свыше 10 млн. человек нерусской национальности признали русский своим родным языком. Полные данные о распространении двуязычия даст только перепись 1970 г., но вряд ли можно сомневаться, что и она подтвердит уже отмеченный многочисленными исследователями факт повсеместного распространения русского языка в качестве разговорного, хотя и не родного языка. Положительная оценка естественного и закономерного процесса распространения русского языка была дана в «Программе КПСС», и нет сомнения, что этот процесс будет развиваться и дальше.

Происшедший за годы советской власти расцвет национальных культур, отражающий в целом первую тенденцию национального развития, достаточно полно освещен в нашей литературе. Действие второй — интегрирующей — тенденции национального развития раскрыто значительно слабее. Сама терминология, связанная с исследованием этой тенденции в области культуры, страдает некоторой неопределенностью и неустойчивостью. Многие авторы, характеризую данный аспект сближения наций, пишут о постепенном повышении в национальных культурах веса и значения «интернациональных» элементов. Однако сам термин «интернационализация» толкуется далеко не одинаково. Так, П. М. Рогачев и М. А. Свердлин понимают под ним усвоение тем или иным народом инонациональных элементов³², т. е. так называемую аккультурацию. М. С. Джунусов считает, что это — «прогрессивные принципы национальных отношений: равенство национальностей, добровольное их сотрудничество, братская помощь и взаимопомощь и т. д.»³³. Есть авторы, понимающие под «интернационализацией» самые разнообразные (например, торговые) отношения между нашей страной в целом или ее отдельными республиками и другими (в первую очередь — социалистическими) странами мира³⁴, а также отношения между отдельными республиками внутри СССР, хотя во многих случаях, ввиду пестроты национального состава республик, такие отношения вообще являются скорее не национальными, а административно-территориальными.

Конечно, термин «интернационализация» многозначен и допускает разнообразное применение, однако его никак нельзя сводить, например, к усвоению инонационального. Если же говорить о его узком употреблении, то, по нашему мнению, этот термин уместнее всего применять к случаям распространения тех элементов духовной культуры, которые непосредственно связаны с интернационализмом, как идеологией и политикой межнациональной (внутри СССР) или международной солидарности трудящихся всех национальностей в борьбе за торжество коммунизма. Интернационализация, происходящая в сфере культурной жизни нашей страны, означает прежде всего процесс складывания единой по своему социалистическому содержанию культуры. Неотъемлемым компонентом этой культуры является идеология интернационализма. Следует учитывать также процесс культурной нивелировки, связанной с распространением среди народов СССР элементов культуры (главным образом материальной, например, автомобилей, радиоприемников, холодильников и т. п.), аналогичных для населения многих стран мира, т. е. принадлежащих к современной общечеловеческой культуре. Но, как известно, советская культура обладает и своими специфическими особенностями. При этом последние имеют не только национальную форму, но и общесоветские черты. В данной связи прежде всего привле-

³² П. М. Рогачев, М. А. Свердлин, О преобладающей тенденции развития наций в советской общности, «Вопросы философии», 1969, № 7, стр. 27.

³³ М. С. Джунусов, Закономерности становления интернационалистических отношений между народами и государствами, в сб. «Строительство коммунизма и проблемы сближения наций», Киев, 1969, стр. 14.

³⁴ См., например: С. В. Юрьева, Интернациональные связи Белорусской ССР с социалистическими странами Европы, в сб. «Строительство коммунизма и проблемы сближения наций», Киев, 1969.

кает внимание процесс восприятия всеми народами СССР некоторых элементов культуры, зародившихся у отдельных из них. Несомненным представляется и влияние на формирование единых специфических черт советской культуры общесоветской социальной психологии и прежде всего такого ее важнейшего компонента как советский патриотизм.

Одним словом, существует «этнический» аспект рассматриваемой тенденции к сближению советских наций; именно в ходе его формируются те отдельные элементы культуры, которые вместе с языком и самосознанием влекут за собой складывание специфических черт советского народа как единой общности людей. Но это, так сказать, форма культурной интеграции. Что же касается существа данной тенденции, то ее перспективы четко определены в Программе КПСС. В ней подчеркивается, что, «придавая решающее значение развитию социалистического содержания культур народов СССР, партия будет содействовать их взаимному обогащению и сближению, укреплению их интернациональной основы и тем самым формированию будущей единой общечеловеческой культуры коммунистического общества»³⁵.

Рассматривая основные тенденции в развитии национальных и собственно этнических процессов, следует учитывать, что взаимодействие этих тенденций до сих пор носит диалектически противоречивый, хотя и не антагонистический характер. Эти противоречия особенно заметны в сфере языково-культурных изменений. Так, распространение русского языка сопровождается не ослаблением, а скорее укреплением национальных языков, что отражается в ряде случаев в расширении границ их общественных функций, в увеличении тиража книг на этих языках и т. д. Быстрый, происходящий буквально на глазах процесс нивелировки многих элементов материальной культуры народов СССР (орудий труда, жилища, одежды), региональная дифференциация которых все больше подчиняется не этнической традиции, а практической целесообразности, сопровождается дальнейшим развитием таких элементов традиционной культуры и профессионального национального искусства, которые связаны в первую очередь с удовлетворением духовных потребностей членов соответствующих этнических общностей. Распространение общей интернационалистической идеологии, чувства принадлежности к единому «советскому народу» сопровождается в ряде случаев ростом национальных чувств, укреплением национального самосознания. Вместе с тем этот процесс кое-где осложняется рецидивами национализма.

Сложный и слабо разработанный в нашей научной литературе вопрос о причинах сохранения видной роли национальных факторов в жизни нашей страны и противоречивости форм проявления этих факторов — весьма важен и заслуживает специального рассмотрения³⁶. Необходимость перехода от общих рассуждений к детальному анализу конкретных причин этих явлений представляется весьма актуальной и важной как в теоретическом, так и в практическом отношении.

За последние годы в этой области наметился определенный прогресс. Был проведен, в частности, ряд этносоциологических обследований по изучению сложного переплетения интернациональных и национальных компонентов в сфере личных и групповых идеалов, интересов, установок, нравственных норм, ценностных ориентаций и т. п. Результаты этих исследований показывают тесную связь этнопсихологической ориентации с уровнем образования, социально-профессиональным положением, двуязычием и другими факторами. Они дают ценный материал для практического управления этническими процессами. Однако ряд существенных проблем еще ждет своего теоретического анализа. Одно из

³⁵ «Программа КПСС», М., Госполитиздат, 1962, стр. 115.

³⁶ См., например: В. П. Шкорин, Интернациональное воспитание личности как этическая проблема, в сб. «Строительство коммунизма и проблемы интернационального воспитания», Киев, 1969.

центральных мест среди них занимает проблема, связанная с самой активизацией межнациональных контактов по мере усиления территориальной подвижности населения. Диалектическое противоречие заключается здесь в том, что такие контакты, развивающиеся не только в пограничных этнических границах, но и в глубинах этнических территорий, создавая базу для обмена элементами культуры и в конечном счете для развития процесса сближения, подчас сопровождаются усилением внимания к национальному самоопределению, интенсификацией национального сознания.

Как мы видим, развитие двух тенденций в этнической сфере весьма сложно. Иногда этнические процессы идут как бы на двух уровнях, и если на одном из них преобладает стремление к национальному самоутверждению и закреплению этнически специфических черт, то на другом преобладает тенденция к межнациональной интеграции, к сближению и слиянию наций.

Конечно, путь к предсказанному В. И. Лениным слиянию наций долг и сложен и не все участки этого пути сейчас достаточно четко видны. Сам В. И. Ленин указывал, что национальные различия «...будут держаться еще очень и очень долго даже после осуществления диктатуры пролетариата во всемирном масштабе...»³⁷. В Программе КПСС отмечается, что «с победой коммунизма в СССР произойдет еще большее сближение наций, возрастет их экономическая и идейная общность, разовьются общие коммунистические черты их духовного облика. Однако стирание национальных различий, в особенности языковых различий, значительно более длительный процесс, чем стирание классовых границ»³⁸. И совершенно ясно, что на этом пути еще предстоит борьба как против национального нигилизма, против попыток искусственно ускорить процесс сближения и слияния наций, так и против проявлений национализма, всячески тормозящего этот в целом исторически закономерный и прогрессивный процесс.

Исторически закономерная для социалистического общества тенденция к сближению наций, получила широкое отражение в Программе КПСС, при обсуждении проекта которой на XXII съезде КПСС было специально отмечено сложение новой исторической общности людей — «советского народа». Действенность этого процесса формирования советского народа определяется рядом важнейших факторов: политическими (нахождение в одном государстве, с единым политическим строем, законодательством и т. п.), экономическими (общая система народного хозяйства, повсеместное межнациональное сотрудничество и кооперация и т. д.), идеологическими (общая идеологическая база и общая цель построения коммунистического общества, укрепление советского патриотизма и т. д.).

В тезисах ЦК КПСС «К 100-летию со дня рождения В. И. Ленина» советский народ определяется как «принципиально новая, интернациональная общность людей, социалистический союз всех трудящихся СССР — работников индустрии, сельского хозяйства и культуры, физического и умственного труда, составляющих социальную основу многонационального общенародного государства»³⁹. Одним словом, советский народ, прежде всего, — социально-политическая общность. В отдельных этнографических работах советский народ рассматривается и как постепенно складывающаяся «этнополитическая» общность⁴⁰. Применение

³⁷ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 77.

³⁸ «Программа КПСС», стр. 113.

³⁹ «Правда», 23 декабря, 1969 г.

⁴⁰ С. И. Брук, Основные проблемы этнической географии (Методика определения этнического состава населения, принципы этнического картографирования), М., 1964, стр. 28.

приставки «этно» в данном случае представляется вполне оправданным⁴¹. Действительно, общность «советский народ», как уже говорилось, помимо территориально-политического, экономического и социального единства приобретает отдельные типично этнические свойства: особую культуру (советская культура), специфический психический склад (советский характер, советский патриотизм), свое самосознание, включающее представления об общности исторических судеб, в том числе революционных традиций. Все эти черты особенно отчетливо проступают при контактах советских людей с представителями зарубежных стран. В результате широкого распространения русского языка как языка межнационального общения у советского народа складывается и определенная этнолингвистическая общность. В будущем можно ожидать дальнейшего развития у советского народа некоторых общеэтнических элементов и признаков. Изучение этого процесса составляет важную задачу советских этнографов.

SUMMARY

Two tendencies in national development uncovered by V. I. Lenin are characterized in the article: their methodological importance in studying national problems are stressed. In the Soviet period the tendency towards national self-determination and the tendency towards the drawing together and consolidation of nationalities are both manifested in a strongly transformed way. The authors distinguish in national processes their socio-economic and strictly ethnic aspects and pay particular attention to the evolution of such ethnic elements as language and culture. It is noted that the interrelation of the two tendencies in the sphere of ethnos often has a dialectically contradictory character, especially against the background of the formation of an ethno-political community — the «Soviet people» which is taking place within the boundaries of the U.S.S.R.

⁴¹ Однако, на наш взгляд, было бы ошибочно определять советский народ как нацию, ибо во всей иерархии этнических общностей нации обладают наибольшей интенсивностью этнодифференцирующих свойств.

И. С. Гурвич

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ЛЕНИНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ У НАРОДОВ КРАЙНЕГО СЕВЕРА СССР

С именем Владимира Ильича Ленина связана замечательная страница в истории страны Советов — спасение и возрождение малых народов Севера, приобщение их к сознательному, самостоятельному историческому творчеству.

Опыт национального строительства на Крайнем Севере неоднократно привлекал к себе внимание как широкой общественности, так и специалистов — историков, этнографов, социологов¹.

Малые народы Севера, отрезанные огромными пространствами от городов, промышленных очагов, культурных центров, были в царской России наиболее отсталыми, угнетенными и обездоленными группами населения². Они были обязаны платить ясак — особую натуральную подать в виде мехов. Ясак поступал непосредственно в фонд императорского кабинета. Эта подать составляла в государственных масштабах незначительную сумму. Однако для нищего коренного населения тайги и тундры ясак был чрезвычайно обременителен.

Хозяйство народов Севера основывалось на примитивной технике, далеко не всегда позволявшей добыть зверя и заготовить рыбу в нужном количестве. Голодовки, эпидемии ежегодно уносили множество жизней. Старики юкагиры, чукчи, коряки, эвены рассказывали автору этой статьи о безвременной гибели своих близких от оспы, кори, гриппа, о горькой участи людей, вынужденных голодать, наблюдать мучения опухших от недоедания детей, сознавать свое бессилие перед стихийным бедствием и жестокостями администрации. Официальные документы XIX — начала

¹ Д. К. Зеленин, Народы Крайнего Севера после Великой Октябрьской социалистической революции, «Сов. этнография», 1938, № 1; М. А. Сергеев, Некапиталистический путь развития малых народов Севера, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. XXVII, М.—Л., 1955; В. Н. Увачан, Переход к социализму малых народов Севера, М., 1958; его же, Октябрьская социалистическая революция и малые народы Севера, сб. «Просвещение на Советском Крайнем Севере», Л., 1967; Н. Н. Степанов, Великая Октябрьская социалистическая революция и малые народы Крайнего Севера, сб. «Просвещение на Советском Крайнем Севере», Л., 1958; И. С. Вдовин, Малые народности Севера за 50 лет Советской власти, «Сов. этнография», 1967, № 5; «Новая жизнь народов Севера», М., 1967.

² Термин «малые народы Севера» стал применяться в советский период. Основанием для выделения ряда народностей тайги и тундры в группу «малых народов Севера» явились: малочисленность, общая направленность их хозяйства (охота, оленеводство, рыболовство, а в ряде районов и морской зверобойный промысел), особенности быта. Согласно перечням, имеющимся в постановлениях правительства СССР и РСФСР, в эту группу включаются: чукчи, азиатские эскимосы, коряки, ительмены (камчадалы, юкагиры, чуванцы, эвены (ламуты), эвенки (тунгусы), долганы, нганасаны (тавгийцы), ненцы (самоеды), энцы (енисейские самоеды), селькупы (остяко-самоеды), кеты (енисейские остяки), ханты (остяки), манси (вогулы), саамы (лопари), обитатели Дальнего Востока — нивхи (гиляки), негидальцы, нанайцы (гольды), ульчи, орочи, эроки, удэгейцы и маленькая народность Саян — тофалары (карагасы). («Постановления ЦИК и СНК СССР», см.: «Собрание узаконений и распоряжений 1925 г.», № 74, ст. 543; 1928 г., № 21, ст. 186; «Постановления ВЦИК и СНК РСФСР», см.: «Собрание узаконений и распоряжений 1926 г.», № 73, ст. 573; 1929 г., № 2, ст. 15 и др.).

XX в. полны известий о трагической участи коренных обитателей Северных окраин³.

Представители передовой русской научной общественности, в особенности этнографы-сибиреведы, неоднократно обращали внимание царского правительства на бедственное положение народов тайги и тундры, указывали на вымирание отдельных групп населения⁴.

В целях сохранения платежеспособности народов Севера царское правительство запрещало завоз на Север спиртных напитков, а в ряде районов в XIX в. учредило хлебозапасные магазины на случай голодовок. Однако эти меры в государстве помещиков и капиталистов, в условиях жесточайшей эксплуатации, не могли себя оправдать.

Положение народов Севера коренным образом изменилось только после Великой Октябрьской социалистической революции.

Оказание действенной помощи народам Севера, преодоление их глубочайшей отсталости, создание условий для перехода этих народов на протяжении жизни одного поколения от архаических форм хозяйства и быта к социалистическим — убедительное свидетельство жизнеспособности ленинской национальной политики.

Положения, выдвинутые К. Марксом и Ф. Энгельсом по национальному вопросу получили дальнейшее творческое развитие в работах В. И. Ленина. Национальная политика коммунистической партии, разработанная В. И. Лениным, вооружила марксистов острейшим оружием борьбы за социализм.

Разработанные В. И. Лениным положения по национальному вопросу были воплощены в программе РСДРП, принятой II съездом РСДРП в 1903 г., в решениях Поронинского совещания ЦК партии с партийными работниками в 1913 г., в постановлении VII (Апрельской) партийной конференции в 1917 г.

Великая Октябрьская социалистическая революция, освободившая народы России от национально-колониального гнета, позволила перейти к практическому воплощению в жизнь ленинской национальной программы. «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», подписанная В. И. Лениным 15 ноября 1917 г., торжественно провозгласила принцип национального равноправия как незыблемую основу советской государственности. Этот великий гуманный принцип относился не только к большим нациям и многомиллионным народам, но и к упомянутым Декларацией «этнографическим группам» — в том числе малочисленным народам Крайнего Севера и Дальнего Востока⁵. Национальное равноправие законодательно закрепила Конституция РСФСР, принятая в июле 1918 г. V Всероссийским съездом Советов. Политическое равноправие всех народов Советской России было первым шагом в разрешении национального вопроса.

Для уничтожения фактического неравенства народов потребовалась длительная работа, огромная помощь ранее отсталым и угнетенным народам. Судьба отсталых народов окраин бывшей Российской империи не могла не волновать партию.

В докладе на II конгрессе Коминтерна в 1920 г., В. И. Ленин со свойственной ему широтой поставил вопрос: «Можем ли мы признать правильным утверждение, что капиталистическая стадия развития народного хозяйства неизбежна для тех отсталых народов, которые теперь освобождаются, и в среде которых теперь после войны замечается

³ С. А. Бутурлин, Отчет уполномоченного МВД по снабжению продовольствием в 1905 г. Колымского и Охотского края, СПб., 1907, стр. 47.

⁴ Н. В. Слюнин, Охотско-камчатский край, СПб., 1900, стр. 679; С. К. Патканов, О приросте инородческого населения Сибири. Статистические материалы для освещения вопроса о вымирании первобытных племен, СПб., 1911, стр. 183—184.

⁵ «Первая Советская конституция», М., 1938.

движение по пути прогресса»⁶. Отвечая на него, он показал, при каких условиях отсталые народы могут избежать мучительного пути капиталистического развития. «Если революционный победоносный пролетариат поведет среди них систематическую пропаганду, а советские правительства придут им на помощь всеми имеющимися в их распоряжении средствами, тогда неправильно полагать, что капиталистическая стадия неизбежна для отсталых народностей»⁷.

Учение В. И. Ленина о некапиталистическом пути развития отсталых народов при условии оказания им всесторонней помощи со стороны социалистического государства нашло прямое отражение в решениях X и XII съездов партии. Так, X съезд в решении по национальному вопросу записал: «Задача партии состоит в том, чтобы помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию, помочь им: а) развить и укрепить советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов; б) развить и укрепить у себя действующий на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения; в) развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке; г) поставить и развить широкую сеть курсов школ, как общеобразовательных, так и профессионально-технического характера, на родном языке»⁸.

В решениях XII съезда также была выдвинута задача оказания помощи отсталым народам для устранения их фактического неравенства. При этом отмечалось, что эти народы «не в состоянии подняться на высшую ступень развития и догнать, таким образом, ушедшие вперед национальности без действительной и длительной помощи извне»⁹.

Решения X и XII съездов партии явились программой для социалистических преобразований на Крайнем Севере.

В советской литературе подчеркивалось, что на Севере были творчески применены общие положения марксистско-ленинской теории¹⁰. Здесь социалистическое строительство в особой конкретно-исторической обстановке, в специфической этнографической среде отличалось не только по своим формам, но и по темпам и срокам. Партийными и советскими органами было учтено замечание В. И. Ленина, высказанное им в письме к большевикам Кавказа и Закавказья в 1921 г., о строгом учете уровня социально-экономического развития, достигнутого теми или иными народами при строительстве социализма. Чем более низкий уровень развития, тем должен быть «более медленный, более осторожный, более систематический переход к социализму»¹¹.

Для понимания особенностей осуществления ленинской национальной политики в обширной северной зоне представляется необходимым рассмотреть, как она проводилась на разных этапах социалистического строительства у народов Севера. Изучение процесса социалистических преобразований на Севере позволяет нам предложить следующее членение: 1917—1924—избавление от колониального гнета, борьба с голодом, попытки осуществить первые социальные мероприятия; 1924—1929—советизация, укрепление промыслового хозяйства, вытеснение государственной и кооперативной торговой сетью с Севера частных

⁶ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 245—246.

⁷ Там же, стр. 245.

⁸ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, М., 1954, стр. 559.

⁹ Там же, стр. 713—714.

¹⁰ См., например, М. А. Сергеев. Об опыте руководства КПСС некапиталистическим развитием малых народов Советского Союза, «Вопросы истории КПСС», 1964, № 9, стр. 98—103.

¹¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 43, стр. 199.

скупщиков пушнины, начало культурной революции; 1929—1934—на начальный период коллективизации, национально-территориальное районирование; 1934—1941—укрепление колхозного строя, первые меры принятия по реконструкции хозяйства, завершение перехода народов Севера к социализму; 1941—1945—военный период; 1945—1956—послевоенный период, переход к высшим формам коллективизации (сельхозартели и рыболовецкие артели), укрупнение артелей, повсеместное введение всеобщего начального образования; с 1956—ускоренная индустриализация Севера, техническая реконструкция промышленного хозяйства, глубокое переустройство быта коренного населения Севера, общинный подъем его культуры.

Уже в первый период на Севере произошли большие изменения. Октябрьская социалистическая революция избавила народы Севера от жестокого ясачного гнета. Первоочередной задачей после разгрома интервентов и белогвардейцев была борьба с голодом, оказание материальной помощи населению Севера. В 1921 г., по указанию В. И. Ленина, СНК РСФСР выделил только для оказания помощи населению Камчатской области 500 тыс. руб. золотом. В 1921 г. Сибревком принял решение направить 200 тыс. пудов хлеба коренному населению Туруханского края. В 1923 г. из Владивостока на Колыму для снабжения необходимыми товарами и продовольствием юкагиров, чукчей, эвенов, якутов был снаряжен пароход «Ставрополь», доставивший 350 т груза на сумму 150 тыс. руб. золотом. В том же году Тюменская губернская партийная конференция постановила послать в помощь хантам, манси, ненцам 400 тыс. пудов хлеба¹².

На Севере так же, как и в южных районах Советского Востока, партия стремилась в первую очередь осуществить ленинский совет — «Сразу постараться улучшить положение крестьян»¹³.

В 1921—1924 гг. были предприняты и первые шаги по ликвидации политической отсталости народов Севера и Дальнего Востока и попытки развить потребительскую кооперацию, ограничить частную торговлю¹⁴. Однако в условиях чрезвычайно тяжелого экономического положения страны, оторванности от европейской части РСФСР, от южных освоенных в промышленном отношении районов Сибири, эти мероприятия осуществлялись лишь в отдельных местах и при отсутствии необходимых средств не могли, естественно, оказать заметного воздействия на хозяйство и быт отсталого населения северных окраин.

Фактически, как уже отмечалось в литературе, вовлечение народов Севера в советское строительство началось с 1924 г.¹⁵.

К этому времени большинство народов Советского Востока развило свою государственность. Возникновение национальных республик и областей, объединение их в Союз Советских Социалистических Республик позволили в 1924 г. упразднить специальный Народный комиссариат по делам национальностей¹⁶. Однако народы Севера еще не имели собст

¹² «За власть Советов на Камчатке (1917—1924)», Петропавловск-Камчатский, 1957, стр. 57—59; В. Увачан, Ленинская национальная политика и малые народы Севера, «Сов. этнография», 1963, № 3, стр. 6; «Очерки по истории Якутии советского периода», Якутск, 1957, стр. 145; М. Е. Бударин, Коммунистическая партия Советского Союза в борьбе за вовлечение малых народностей Северо-Западной Сибири в построение социализма, М., 1957, стр. 9.

¹³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 43, стр. 200.

¹⁴ М. П. Серебрякова, В. П. Зибарев, Начало советского строительства среди малых народов Дальнего Востока (1922—1926), «Сб. Научных трудов Томского электромеханического ин-та инженеров железнодорожного транспорта», т. XXVI, 1958. В. Н. Увачан, Ленинская национальная политика и малые народы Севера.

¹⁵ М. А. Сергеев, Об опыте руководства КПСС некапиталистическим развитием, стр. 99.

¹⁶ В составе Наркомнаца был создан Полярный подотдел, но он не успел широко развернуть работу среди народов Севера, см.: И. П. Клещенко, Народы Севера и ленинская национальная политика в действии, М., 1968, стр. 60—64.

венной советской национальной автономии. Учитывая это положение и уровень развития коренных обитателей Севера, ЦК РКП (б) и Советское правительство при упразднении Наркомнаца решили учредить особый правительственный орган — Комитет содействия народностям северных окраин при Президиуме ВЦИК¹⁷. Впоследствии этот комитет сокращенно именовался Комитетом Севера.

Задачей этого директивного органа было «содействовать планомерному устройству малых народностей Севера в хозяйственно-экономическом, административно-судебном и культурно-санитарном отношении»¹⁸.

Придавая огромное значение подъему хозяйства и культуры народов Севера, ЦК партии включил в состав Комитета Севера выдающихся партийных работников: П. Г. Смидовича, Ф. Я. Кона, А. В. Луначарского, Н. А. Семашко, Е. М. Ярославского и других. К работе этого органа были привлечены и ученые-специалисты В. Г. Богораз-Тан, С. А. Бутурлин и другие.

Комитет Севера руководил всей деятельностью по советскому строительству, административному устройству, снабжению, просвещению, медицинскому и культурному обслуживанию северных окраин, широко использовал свое право законодательной инициативы. Опираясь на актив из представителей народов Севера, Комитет практически осуществлял национальную политику партии в обширных районах тайги и тундры. В сибирских губерниях и краях, а также в Якутской АССР были созданы местные комитеты содействия народностям северных окраин¹⁹.

Руководствуясь положениями В. И. Ленина, постановлениями съездов партии, Комитет Севера совместно с широким кругом привлеченных специалистов разработал систему мер, позволивших народам северных окраин безболезненно ликвидировать свою отсталость, включиться в строительство социализма.

В 1925 г. народы Севера были освобождены от всех прямых общегосударственных и местных налогов и сборов, от воинской и трудовой повинности²⁰. Для оказания охотникам и оленеводам помощи на случай неудачи в промыслах в 1926 г. были организованы государственные хлебобазовые магазины²¹.

Еще в 1923—1924 гг. партийные и руководящие советские органы Туруханского края, а также Дальнего Востока выработали положения о кочевых и родовых советах. При этом они учли особенности управления, существовавшие здесь в прошлом²².

В 1926 г. ВЦИК и СНК РСФСР утвердили «Временное положение об управлении туземных народностей и племен северных окраин РСФСР», подготовленное Комитетом Севера²³. Так как значительная часть коренного населения Севера вела кочевой образ жизни, то было признано нецелесообразным создавать сразу территориальные административные единицы. Согласно положению, учреждались следующие органы управления: а) родовые собрания, б) родовые советы, в) районные туземные съезды, г) районные туземные исполнительные комитеты»²⁴. Родовые советы по

¹⁷ «Местные органы власти и хозяйственные организации на Крайнем Севере», М.—Л., 1934, стр. 22—23.

¹⁸ Там же.

¹⁹ О деятельности Комитета Севера см.: А. Скачко, Десять лет работы Комитета Севера, «Сов. Север», 1934, № 2; М. А. Сергеев, Десять лет работы Комитета Севера, «Сов. строительство», 1934, № 7; его же, Комитет содействия народностям северных окраин, сб. «Летопись Севера», т. III, М., 1962.

²⁰ «Итоги работы Комитета содействия народам северных окраин», «Северная Азия», 1926, кн. 3, стр. 89.

²¹ «Местные органы власти и хозяйственные организации на Крайнем Севере», стр. 194—195.

²² См., например, «Временное положение об управлении туземными племенами Дальнего Востока», Петропавловск-Камчатский, 1925.

²³ «Северная Азия», 1927, кн. 2, стр. 85—91.

²⁴ Там же.

существованию соответствовали сельсоветам, а районные и туземные исполкомы — райсоветам. Комитет Севера, разрабатывая это положение, учитывал существование старых административных единиц — «родовых управ». Как известно, согласно «Уставу об управлении инородцев Сибири» 1822 г., группа соседних стойбищ считалась родом и управлялась старостой и его помощниками — старшинами. Эти объединения, представлявшие собой не древние кровные роды, а административные единицы, в какой-то мере приспособленные к условиям жизни кочевого населения, сохранялись у народов Севера до Октябрьской революции. На первых этапах социалистического строительства, когда отсутствовали необходимые сведения о хозяйстве и расселении коренного населения Севера, важно было воспользоваться этими объединениями с тем, чтобы в дальнейшем перейти к общесоветскому территориальному принципу²⁵. В ряде районов Севера, где кочевой образ жизни не был распространен, советы строились по территориальному признаку.

Следует подчеркнуть особенности экономической политики по отношению к народам Севера в 1924—1929-х годах. Во всей стране в это время шла борьба за индустриализацию; в северных районах усилия партийных и советских органов были направлены на восстановление и укрепление традиционного промыслового хозяйства, на борьбу с голодовками, на устранение последствий колониального господства царизма.

Большую роль сыграла развернутая в эти годы сеть кооперативных магазинов с разъездными торговыми точками, скупавшими пушнину по твердым расценкам и отпускавшими товары по государственным ценам. В ряде районов производился прямой обмен товаров на пушнину. В 1927 г. вместо отраслевых видов кооперации, нерентабельных в условиях Севера, была создана интегральная смешанная кооперация с задачами снабжения, сбыта, заготовок, кредитования и организации промыслов на плановых началах²⁶.

На специальных ссуды Интегралсоюза беднейшие хозяйства безвозмездно обеспечивались оружием, оленями²⁷. На Обском севере в 1928 г. хозяйствам хантов, манси и кетов был предоставлен кредит в сумме 400 тыс. руб.²⁸.

Большим своеобразием отличалась просветительная работа на северных окраинах. Она была направлена в этот период на ликвидацию крайней общекультурной отсталости малых народов и приспособлена не только к уровню социально-экономического развития людей, никогда не соприкасавшихся с техникой и городской жизнью, но и к особенностям быта народов тайги и тундры.

Так, наряду со стационарными школами для детей оседлого населения, в ряде мест были организованы передвижные школы для детей оленеводов. Учитель такой школы кочевал вместе с оленеводами и на стоянках в чуме или яранге обучал детей.

Важную роль сыграли на Севере комплексные культурно-просветительные учреждения — культбазы Комитета Севера. Они строились в наиболее отдаленных районах обитания коренного населения. Культбазы состояли из школы-интерната, больницы, фактории, магазина, ветеринарно-зоотехнического пункта, курсов для подготовки местных кадров,

²⁵ Термин «родовой совет» рядом исследователей был понят как совет действительно существующего кровного рода. М. А. Сергеев, например, считал, что нормальный территориальный принцип не был введен из-за того, что у народов Севера сохранились сильные пережитки родовых связей. См.: М. А. Сергеев, Некапиталистический путь развития малых народов Севера, стр. 230.

²⁶ «Пятый расширенный пленум Комитета Севера при Президиуме ВЦИК», М., 1928, стр. 7; Н. М. Скворцов, Северная интегральная охотничье-промысловая и рыбачья кооперация. Возникновение, развитие, перспективы, М., 1931.

²⁷ «Пятый расширенный пленум Комитета Севера», стр. 7.

²⁸ М. Е. Бударин, Путь малых народов Крайнего Севера к коммунизму, Омск. 1968, стр. 171.

клуба, заезжих домов для кочевников. Работники культбаз помогали населению в хозяйственной деятельности, снабжали его новыми видами промыслового инвентаря — усовершенствованными сетями, неводами, охотничьим оружием, ремонтировали это оружие; ветеринары оказывали помощь в борьбе с заболеваниями оленей, демонстрировали преимущество новых форм организации труда.

На культбазах зародились специфические культурно-просветительные учреждения — красные яранги, красные чумы, предназначенные для ведения культурной работы среди кочевников — оленеводов. Работники этих передвижных клубного характера учреждений (пропагандисты, фельдшеры, учителя, киномеханики) переезжали из стойбища в стойбище, оказывали медицинскую помощь, демонстрировали кинокартины, обучали соблюдению санитарных правил, проводили беседы. Деятельности первых школ, культбаз, красных чумов посвящена значительная литература²⁹.

На II конгрессе Коммунистического Интернационала В. И. Ленин предупреждал партийных и советских работников о колоссальных трудностях работы в массах там, где почти нет пролетариата³⁰.

Проведение социалистических преобразований на Севере столкнулось со значительными трудностями. Так как политико-просветительная работа велась через переводчиков, то, разумеется, далеко не всегда она доходила до сознания коренного населения. Бесплатная выдача оружия, рыболовных снастей часто порождала иждивенческие настроения. Нехватка опытных советских кадров вынуждала нередко прибегать к услугам старых специалистов, не понимавших политики партии в национальном вопросе.

Все же известная стабилизация северного промыслового хозяйства, меры по ограничению эксплуататорских элементов, скупщиков пушнины, рост сознательности и политической активности коренного населения

Рис. 1. Володя Каёка — ученик шестого класса Слаутнинской школы (это и остальные фото выполнены корреспондентом ТАСС Л. В. Гарковым в Корякском национальном округе)

²⁹ Ф. Р. Богданов, Медицинская помощь малым народностям Крайнего Севера, «Сов. Север», сб. 1929, № 1; М. Антропов, Среди ламутов, М.—Л., 1931; Г. Н. Прокофьев, Три года в самоедской школе, «Сов. Север», 1931, № 7—8; Т. З. Семушкин, Опыты работы по организации школы-интерната Чукотской культбазы ДВК, «Сов. Север», 1931, № 3—6; его же, Чукотка, М., 1939; С. Н. Стебницкий, Школа на тундре, М., 1932; П. Ковалевский, В школе-юрте, «Сов. Север», 1934, № 2; А. В. Базанов и Н. Г. Казанский, Школа на Крайнем Севере, Л., 1939; М. А. Сергеев, Некапиталистический путь развития малых народов Севера, стр. 262—291; Ф. Ф. Кронгауз, К истории школы на Крайнем Севере, сб. «Просвещение на Советском Крайнем Севере», вып. 8, Л., 1958.

³⁰ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 244.

позволили перейти в 1929—1930 гг. от восстановительного этапа к реконструктивному — к национально-территориальному районированию и социалистической перестройке промыслового хозяйства³¹.

Крупным политическим событием для коренного населения Севера было создание национальных округов. В 1929 г. в Архангельской области был образован Ненецкий национальный округ. Опыт его работы показал, что эта форма автономии жизненна. В 1930 г. были организованы Ямало-Ненецкий, Ханты-Мансийский, Таймырский (Долгано-Ненецкий), Эвенкийский, Чукотский и Корякский национальные округа³².

В национальные округа была выделена территория с максимальным числом представителей одного или нескольких близких по культуре и бытовому укладу народов. Окружным съездом Советов было предоставлено право посылать своего депутата на Всероссийский съезд Советов. Таким образом, народы Севера получили свою государственность, близкую к областной автономии.

Образование национальных округов на Севере было прямой реализацией завета В. И. Ленина, указывавшего, что «для устранения всякого национального гнета крайне важно создать автономные округа, хотя бы самой небольшой величины с цельным, единым национальным составом»³³.

Следует сказать, что создание национальных округов происходило одновременно с начальным периодом осуществления на Севере ленинского кооперативного плана. Производственное кооперирование батрацких, бедняцких и середняцких хозяйств рассматривалось партией как путь приобщения ранее отсталых народов восточных окраин к социалистической экономике.

В резолюции X съезда партии в разделе «Об очередных задачах партии в национальном вопросе» отмечалось, что «экономическая организация местной бедноты смешанного профессионально-кооперативного типа явится переходом местных трудовых масс от отсталых экономических форм к более высоким»³⁴.

XVI съезд партии рекомендовал в районах незернового хозяйства, в национальных районах Востока (это относилось в полной мере и к Северу) организацию товариществ как переходной формы к артели³⁵.

Комитет Севера разработал конкретные рекомендации по производственному кооперированию³⁶. Примечательным моментом в осуществлении кооперирования на Севере было то, что в отличие от восточных и южных районов земельное и водное устройство не предшествовало коллективизации, а проводилось в период коллективизации и явилось одной из форм наделения угодьями коллективных хозяйств³⁷. В ходе этой работы у нетрудовых элементов, самовольных поселенцев, кулаков, скупщиков пушнины были отняты захваченные ими промысловые угодья коренного населения.

Основными формами кооперирования на Севере явились простейшие производственные объединения и товарищества. Искривления линии партии в виде попыток перескочить к более высоким формам были своевременно исправлены. Центральный Комитет партии в 1932 г. указал на

³¹ «Шестой расширенный пленум Комитета Севера при Президиуме ВЦИК», М., 1929, стр. 4.

³² «Об организации национальных объединений в расселении малых народов Севера». Постановление Президиума ВЦИК 10 декабря 1930 г., сб.: «Местные органы власти и хозяйственные организации на Крайнем Севере», стр. 29—30.

³³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 24, стр. 148.

³⁴ «КПСС о резолюциях и расширениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, М., 1954, стр. 560.

³⁵ Там же, ч. III, стр. 57.

³⁶ «Шестой расширенный пленум Комитета Севера при Президиуме ВЦИК», М., 1929, стр. 14.

³⁷ Там же, стр. 15—20.

недопустимость проведения сплошной коллективизации в районах расселения народов Крайнего Севера и предложил сосредоточить внимание на организации первичных форм производственного кооперирования³⁸.

Жизненность этих форм подтвердила практика. Уже в первые годы после объединения оленеводов в товарищества по совместному выпасу оленей, а рыбаков в товарищества по использованию рыболовецких снастей население убедилось в экономической целесообразности и преимуществах новых коллективных форм труда по сравнению с индивидуальными и традиционными временными объединениями. Коллективный труд в товариществах, объединение оленей позволили высвободить часть трудоспособных людей, занятых выпасом мелких стад оленей, для занятия рыболовством, пушной охотой и перевозками грузов. Это способствовало повышению материального благосостояния членов товариществ.

Товарищества, производственные объединения явились своеобразной школой, переходным этапом к более совершенным формам кооперации. Создание даже простейших объединений позволило значительно усилить вложение государственных средств в промысловое хозяйство, расширить кредитование. На государственные кредиты товарищества, смешанные производственные объединения приобретали неводы, сети, лодки, оружие. Новые орудия производства стали в этот период вытеснять архаические: колья, устарелое оружие, примитивные ловушки.

Коллективизация, строительство национальных округов сопровождалось подлинной культурной революцией. В 1931 г. началась подготовка к введению на Крайнем Севере всеобщего начального обучения. К 1934 г. оно было осуществлено в ряде районов³⁹. В 1931—1932 гг. была разработана письменность на языках наиболее крупных народов Севера, началось издание на этих языках букварей, учебников и литературы⁴⁰. Особое внимание центральных и местных руководящих организаций было обращено на подготовку местных кадров, на выдвижение в органы местного управления бедноты, очищение советов от бывших эксплуататорских элементов.

На Севере в это время не хватало не только специалистов, но и просто грамотных людей. По призыву Комитета Севера в тайгу и тундру отправлялись выпускники вузов, комсомольцы (учителя, врачи, ветеринары и др.). В центрах округов, на культбазах были организованы курсы по подготовке из среды местного населения председателей и секретарей сельсоветов⁴¹.

В 1925 г. при рабфаке Ленинградского университета было организовано северное отделение, а в 1927 г. оно было реорганизовано в северный факультет, в дальнейшем преобразованный в Институт народов Севера, выпускавший и выпускающий квалифицированных специалистов из самих народов Севера⁴².

В 1933—1934 гг. вопросами подготовки кадров из коренных народностей Севера специально занимался организационно-инструкторский отдел ЦК партии⁴³.

В результате принятых мер местные органы власти были укреплены грамотными людьми. В райисполкомах национальных округов появились руководящие работники из коренного населения⁴⁴. Если в 1924 г. ком-

³⁸ «Местные органы власти и хозяйственные организации на Крайнем Севере», стр. 133.

³⁹ М. А. Сергеев, Некапиталистический путь развития малых народов Севера, стр. 379.

⁴⁰ «Местные органы власти и хозяйственные организации на Крайнем Севере», стр. 69—81.

⁴¹ «Резолюция VIII расширенного пленума Комитета Севера при Президиуме ВЦИК», М., 1931, стр. 8.

⁴² Д. К. Зеленин, Указ. раб., стр. 18.

⁴³ «Резолюция X расширенного пленума Комитета Севера при Президиуме ВЦИК», М., 1934, стр. 12.

⁴⁴ М. А. Сергеев, Некапиталистический путь развития малых народов Севера, стр. 323.

мунистов на Севере были единицы, то в 1934 г. партийные организации северных национальных округов и районов имели в своих рядах 3500 членов и кандидатов в члены партии, в том числе около 1200 представителей народов Севера.

Таким образом, в 1929—1934 гг. на Севере и Дальнем Востоке была проведена огромная многогранная работа по социальной реконструкции по подъему культуры и политического уровня коренного населения.

Согласно основным ленинским принципам руководства кооперативным движением, партия и Советское правительство оказали организационную, финансовую, материально-техническую и политическую помощь в становлении, укреплении и развитии нового общественного строя на Севере.

Однако к 1934 г. было коллективизировано всего около 37 % хозяйств народов Севера. Потребовалось немало времени, пока производственные объединения и товарищества окрепли в организационном и хозяйственном отношении, подорвали экономическую мощь эксплуататорских элементов и освоили социалистические методы труда. Это произошло основным в 1934—1940 гг. В этот период на Севере окончательно исчезли эксплуататорские элементы, и народы северных окраин перешли к социализму. Следует отметить, что значительная часть коренного населения сохраняла в быту многие особенности, унаследованные от прошлого в тундровых и лесотундровых районах преобладал кочевой образ жизни. Остро проявлялась культурная отсталость. После осуществления первых социалистических преобразований в 1935 г. Комитет Севера был упразднен⁴⁵. В свете имеющихся материалов видно, что упразднение единого руководящего органа по социалистическому переустройству жизни коренного населения Севера было преждевременной мерой. В некоторых районах Севера ослабело внимание к устройству быта коренных народов.

Все же в 1936—1940 гг. товарищества и простейшие производственные объединения под руководством партийных организаций добились значительных успехов в работе. К концу этого периода на основе роста общественного хозяйства они стали переходить на устав сельхозартелей, обобществляя основные средства производства. К 1936 г. в социалистическом секторе было сосредоточено уже 50 % поголовья оленей. Организация оленеводческих колхозов и совхозов, укрупнение стад позволили внедрить в оленеводство ряд зоотехнических мероприятий: пастбищеобороты, разделение стад на поло-возрастные группы, подкормку оленей солью и т. д.

Поднялась техническая оснащенность оленеводства. В этот период была налажена и ветеринарная служба. Значительные изменения произошли в технике рыболовства. Усилилась роль товарной пушной охоты.

Обзор мер, проведенных в 1934—1940 гг., показывает, что особенностью национальной политики партии на северных окраинах были замедленные темпы коллективизации, сохранение в течение длительного времени первичных форм производственного кооперирования — простейших производственных объединений и товариществ, тождественных по своему экономическому и социальному смыслу товариществам по совместной обработке земли в центральных районах России. Усиленная финансовая, материальная и организационная помощь северным промысловым коллективным хозяйствам позволила укрепить северное производство в целом, поднять материальный и культурный уровень населения Севера.

Рядом значительных особенностей отличалась национальная политика партии и правительства на Севере в военный (1941—1945 гг.) и послевоенный (1945—1956 гг.) периоды.

⁴⁵ «Резолюция X расширенного пленума Комитета Севера при президиуме ВЦИК», стр. 5—6.

Годы Великой Отечественной войны явились серьезным испытанием и для народов Севера. Несмотря на величайшие трудности военного времени северные районы бесперебойно снабжались необходимыми товарами и продовольствием. В большинстве районов расселения народов Севера не производился призыв в армию. Все же сотни воинов из числа народов Севера сражались в рядах Советской армии и приняли непосредственное участие в боях с немецко-фашистскими захватчиками. Отвага воинов из числа эвенков, нанайцев, хантов, манси, нивхов и других была высоко оценена правительством Советского Союза. Наиболее отличившиеся сыны народов Севера были удостоены звания Героев Советского Союза — эвенки Эдян, И. Увачан, нанайец Н. Пассар и другие.

В тяжелые годы войны народы Севера проявили себя подлинными патриотами страны Советов. Они не только самоотверженно трудились, стремясь помочь фронту усиленными поставками рыбы, оленьего мяса и пушнины, но помогали и своими личными сбережениями, отправкой в армию теплых вещей, сбором средств на постройку танковых колонн, эскадрилий самолетов. Активное участие приняли народы Севера в развитии рыбной промышленности, продвинутой в годы войны на Крайний Север.

Военные условия, разумеется, замедлили поступательный ход экономического и культурного подъема народов Севера, но не приостановили его. Партия и Советское правительство и в годы войны уделяли внимание не только хозяйственным вопросам, но и школьному образованию, ликвидации неграмотности, укреплению сети медицинских учреждений. Однако в 1941—1943 гг. прекратилось издание учебников и литературы на языках народов Севера, затруднилась работа по переустройству быта этих народов, замедлялась подготовка местных кадров.

Крупные изменения произошли на Севере в послевоенный период. Заботы партии и правительства в этот период были направлены на дальнейшее организационно-хозяйственное укрепление северных колхозов и подъем культуры народов Севера. К 1943 г. колхозы объединили 97 % населения Севера⁴⁶. В послевоенные годы процесс перехода большинства северных артелей с устава товариществ на устав сельскохозяйственных рыболовецких артелей завершился.

Много мероприятий в эти годы было проведено по обогащению фауны. Во многих районах Севера был произведен выпуск ондатры. На соболиных угодьях, опустошенных еще в дореволюционный период в результате хищнической охоты, началась реакклиматизация соболя.

К концу 1947 г. в ряде районов Севера была полностью ликвидирована неграмотность взрослого населения. В послевоенный период вновь начали издаваться учебники и литература на языках Севера. Однако в это время имелись и значительные недостатки в работе. Промысловое хозяйство отличалось неустойчивостью. В ряде районов местные сельскохозяйственные отделы усиленно насаждали, в порядке эксперимента, нерентабельные на Севере отрасли производства — молочное животноводство, огородничество, отрывая население от привычных высокодоходных традиционных отраслей — оленеводства, рыболовства и охоты.

Значительное влияние на новый подъем промыслового хозяйства, реконструкцию быта коренного населения северных районов, устранение отмеченных выше недостатков оказало Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 16 марта 1957 г. «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера»⁴⁷. Разработанная в этом постановлении целая программа хозяйственного и культурного строительства, мероприятий по переводу кочевого населения на оседлый

⁴⁶ М. А. Сергеев, Некапиталистический путь развития малых народов Севера, стр. 423.

⁴⁷ «Решения Партии и Правительства по хозяйственным вопросам», т. 4, М., 1958, стр. 331—336.

образ жизни, по повышению материального благосостояния оленеводов, охотников, рыбаков, зверобоев явились проявлением заботы партии и правительства о народах Севера. В постановлении в свете ленинской национальной политики подчеркивалась необходимость учета национальных особенностей народов Севера при дальнейшем всестороннем развитии их экономики и культуры. Особое внимание постановление уделило жилищному строительству.

С конца 1950 г. Север вступил в особую полосу своего развития, характеризующуюся усиленной и ускоренной индустриализацией, технической реконструкцией промыслового хозяйства, новым подъемом культуры и глубоким переустройством быта коренного населения.

В результате последовательного осуществления ленинской национальной политики в наши дни решается проблема выравнивания уровня жизни и культуры народов Севера с уровнем всех народов Советского Союза.

В настоящее время Север переживает период бурного, невиданного по темпам и широте индустриального развития. На Крайнем Северо-востоке, в Чукотском национальном округе осваиваются месторождения золота и цветных металлов; в северных районах Якутии уже эксплуатируются запасы олова, золота, алмазов; на базе недавно открытых нефтегазовых месторождений в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком национальных округах создается нефтегазовая промышленность, в Таймырском национальном округе — Норильский полиметаллический комбинат и широким фронтом идет разработка новых месторождений.

XXIII съезд КПСС наметил программу освоения природных богатств Севера. Всестороннее развитие народного хозяйства северных районов предусматривает и новый подъем традиционного для Севера промыслового хозяйства.

В последнее десятилетие проведены большие мероприятия по организационно-экономическому укреплению промыслового производства. Это, прежде всего, большая работа по укреплению северных промысловых колхозов, которая началась в 1950-х годах. Однако широкий размах она получила в последние годы. На базе экономически слабых колхозов были организованы совхозы.

В 1960 г., учитывая пожелания населения, Совет Министров РСФСР вынес постановление «О преобразовании 69 колхозов северных районов Якутской АССР в совхозы». На базе этих колхозов были образованы 23 промыслово-звероводческих и оленеводческих совхоза⁴⁸.

В 1968 г. 24 колхоза из 27, существовавших на Чукотке, были преобразованы в совхозы. Укрупнение колхозов, преобразование некоторых из них в совхозы имело место и в других северных национальных округах.

В результате только с 1953 по 1966 г. число сельхозартелей по Северу сократилось с 1444 до 300, рыболовецких артелей с 600 до 250, в то время как число совхозов возросло с 50 до 200; кроме того, было организовано свыше 50 государственных и кооперативных промысловых хозяйств⁴⁹. Задача северных госпромхозов — освоение отдаленных охотничьих угодий, добыча пушнины, дичи, рыбы, сбор грибов, ягод, а также воспроизводство промысловой фауны.

Эти мероприятия позволили значительно укрепить материально-техническую базу промыслового хозяйства, превратившегося в экономически устойчивую отрасль северного производства.

Техническая вооруженность промыслового хозяйства быстро растет. Уже в 1965 г. в северных национальных округах имелось свыше 2270 тракторов, а также автомобили, вездеходы, катера, моторные лодки⁵⁰.

⁴⁸ «История Якутской АССР», т. III, М., 1963, стр. 343.

⁴⁹ А. П. Тюрденев, В. Н. Андреев, Основные направления в развитии сельского и промыслового хозяйства Севера СССР, «Проблемы Севера», вып. 13, М., 1968, стр. 12.

⁵⁰ Там же, стр. 10.

Рыболовецкие артели Корякского национального округа в 1967 г. имели более ста морских самоходных промысловых единиц различных типов⁵¹.

После укрупнения колхозов Нижнего Амура им были переданы рыбоперерабатывающие базы, рыбозаводы, а также техника бывших моторно-рыболовецких станций. В 1963—1965 гг. приамурские рыболовецкие колхозы стали приобретать флот для экспедиционного лова рыбы в открытом море. Переход к активному лову потребовал подготовки механизаторов, квалифицированных кадров рыбаков. Значительная часть колхозов нижнего Амура стала заниматься не только добычей, но и обработкой рыбы, что способствует значительному повышению доходов.

Рыбный промысел рыболовецких артелей превратился в современное технически высокоорганизованное производство.

Значительные реконструктивные мероприятия проводятся в настоящее время в области оленеводства — ведущей и наиболее перспективной отрасли промыслового хозяйства. С 1959 по 1966 г. наблюдается неуклонный рост поголовья оленей. С 1891 тыс. оно увеличилось до 2362 тыс., а валовый выход мяса с 14,5 тыс. до 22,7 тыс. т⁵².

Экономическому укреплению оленеводства способствовало повышение закупочных цен на оленье мясо (1965 г.).

С укрупнением оленеводческих хозяйств наметилась тенденция превращения тундрового и лесотундрового оленеводства в отгонное животноводство.

Оленеводческие колхозы и совхозы теперь широко используют не только тракторы, вездеходы, катера, самоходные баржи, но и самолеты АН-2 и вертолеты для завоза в тундру продуктов, медикаментов, оборудования, подкормки для оленей, а также для смены пастушеских бригад.

Совершенствуется и техника выпаса оленей. Противооvodная обработка стад химикатами значительно облегчает выпас и резко повышает доходность оленеводства. Испытывается и новая техника для оленеводства — снегоболотоходы, мотосани, мотонарты⁵³.

Улучшается ветеринарная и зоотехническая работа.

Налажена эффективная охрана пастбищ от пожаров. В Чукотском и Корякском национальных округах, на Севере Якутской АССР на летний период создаются авиационные пожарные отряды, патрулирующие свои участки на самолетах АН-2 и вертолетах. Эти отряды своевременно ликвидируют очаги пожаров.

Рентабельность оленеводства повышается благодаря строительству современных убойных пунктов с аммиачными ледниками, что позволяет полностью использовать получаемую продукцию. В настоящее время в ряде оленеводческих колхозов и совхозов созданы мастерские, оборудованные техникой для выделки шкур и пошива меховой одежды и обуви. Это дает возможность обеспечить работой женщин, проживающих на центральных усадьбах совхозов и колхозов. Таким образом, современная техника широко внедряется и в оленеводство.

Крупные изменения происходят и в области охотничьего промысла. Значение этого промысла весьма велико. Ежегодно в зоне Севера добывается пушнины на 10—12 млн. руб.⁵⁴. Кроме этого много пушнины дают звероводческие фермы. Северная пушнина высоко ценится на внутреннем и на мировом рынках.

Повышение технической вооруженности охотников, внедрение новых конструкций орудий самоловного промысла облегчает труд промыслови-

⁵¹ К. Г. Кузаков, Минувшая стадия капитализма, Петропавловск-Камчатский, 1968, стр. 37; его же, Корякские колхозы, Петропавловск-Камчатский, 1969, стр. 60—63.

⁵² А. П. Тюрденев, В. Н. Андреев, Указ. раб., стр. 12—13.

⁵³ Г. Нетребин, Оленеводам современную технику, «Магаданский оленевод», № 1—2, 1967, стр. 18, 19.

⁵⁴ А. П. Тюрденев, В. Н. Андреев, Указ. раб., стр. 25.

ков. В районах промысла строятся охотничьи домики, а в центрах сосредоточения нескольких бригад — охотничьи базы. Совхозы, колхозы, промхозы практикуют завоз охотничьих бригад со всем оборудованием отдаленные, но богатые зверем уголья на самолетах и вертолетах⁵⁵.

Не вдаваясь в описание переустройства всех отраслей промыслового хозяйства, отметим, что характерной особенностью современного этапа развития экономики народов Севера, отличавшейся еще недавно крайней отсталостью, является интенсификация всего северного сельскохозяйственного производства.

Рис. 2. Мастерница по изготовлению лыж для охотников, село Аянка

Современное промысловое хозяйство требует квалифицированных кадров. В настоящее время в оленеводстве работают лица не только начальным, семилетним, но и с законченным средним образованием. Среди чукчей, коряков, ненцев, эвенов и других народов Севера подготовлены техники, трактористы, водители вездеходов, катеров, прорабы, также специалисты зоотехники, ветеринары, охотоведы. Специальную курсовую подготовку теперь получают рыбаки, участвующие в морском рыболовном промысле. Имена знатных оленеводов, охотников, рыбаков широко известны по всему Северу. Среди них Герой Социалистического Труда оленевод чукча И. П. Аренто, орденосцы коряки Ильяка И. С. Коммо, ненцы Ляхо Вэнго, Отто Хороль, хант А. М. Молданов, рыбаки Герои Социалистического Труда нивх П. Г. Чайка, нанец К. Одзя коряк В. В. Ахайми, охотники, награжденные орденом Ленина, эвены В. И. Бухаров, В. Н. Лапинов и многие другие.

С укреплением промыслового хозяйства резко поднялся и уровень материального благосостояния народов Севера.

В 1968 г. среднемесячная оплата труда оленеводов в Корякском национальном округе колебалась от 250 до 300 рублей⁵⁶. В Чукотском национальном округе уже в 1965 г. среднегодовой доход колхозников оленеводов достиг 2200 руб.⁵⁷. Оленеводы регулярно пользуются отпусками, нередко выезжают в санатории, дома отдыха. Денежные доходы на

⁵⁵ Д. А. Удачин, С. М. Тарасов, Перспективы развития северных госпрохозов, «Проблемы Севера», вып. 13, М., 1968, стр. 142; «Экономика и культура народов Севера Якутии», М., 1969, стр. 55—62.

⁵⁶ И. Багаев, К новым успехам оленеводства, «Камчатская правда», 25 января 1969 г.

⁵⁷ В. И. Дзоздилов, В. И. Устинов, Вопросы развития оленеводства Магаданской области, «Проблемы Севера», вып. 13, М., 1968, стр. 70.

ления в промысловых хозяйствах северных национальных округов за 1958—1966 гг. выросли в 2,5 раза. Это оказало огромное влияние на быт коренного населения и повышение его культурного уровня.

В послевоенный период основная часть населения Крайнего Севера перешла на оседлость.

Широкое использование механических видов транспорта позволило изменить формы организации труда в оленеводстве и перевести население на оседлый образ жизни.

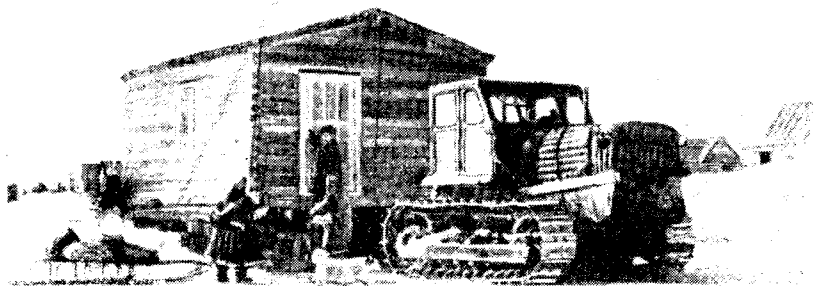

Рис. 3. Старые яранги в тундре теперь заменены такими домиками (совхоз Пенжинский)

Следует, однако, отметить, что перевод оленеводов на оседлый образ жизни встречает на своем пути трудности. В колхозах и совхозах Ненецкого национального округа применяется сменный выпас, заключающийся в том, что звенья оленеводческой бригады сменяются через определенные сроки. Это дает возможность пастухам-олeneводам значительную часть времени жить в поселках на центральных усадьбах. В северных районах Якутской АССР, на Чукотке, в Корякском национальном округе, где маршруты кочевания крайне велики, в районах зимних и летних кочевков для нескольких пастушеских бригад создаются небольшие поселки — промежуточные базы. В Мурманской области применяется вольный выпас оленей в изгородях, и пастухи избавлены от постоянных перекочиков⁵⁸.

В тайге, тундре и лесотундре возникли сотни новых благоустроенных поселков с комплексом бытовых и культурно-просветительных учреждений и обслуживающих предприятий.

По долгосрочным государственным льготным кредитам развернуто большое жилищное строительство. Три четверти стоимости жилых домов, возводимых для коренного населения, покрывается за счет государственного бюджета, остальная часть оплачивается в рассрочку. С 1952 по 1964 гг. только в Чукотском национальном округе было построено около трех тысяч домов. Это позволило обеспечить почти все население жильем в поселках⁵⁹. Массовое жилищное строительство развернулось и в других округах. В ряде поселков строятся двухэтажные дома с водяным

⁵⁸ И. С. Гурвич, Пути переустройства экономики и культуры народов Севера, «Сов. этнография», 1961, № 4; В. И. Васильев, Ю. Б. Симченко, З. П. Соколова, Проблемы реконструкции быта малых народов Крайнего Севера, «Сов. этнография», 1966, № 3.

⁵⁹ Э. Е. Селитренник, Колхозное строительство в Чукотском национальном округе, «Сов. этнография», 1965, № 1, стр. 20.

Рис. 4. Пастух-комсомолец Анатолий Емык
(совхоз Пенжинский)

отоплением, канализацией, водопроводом. Возводятся также дома из заводских деталей и конструкций специальными передвижными механизированными строительными колоннами.

В настоящее время жилищное строительство в сельских районах Севера планируется с расчетом обеспечить население повышенным комфортом. Например, ряд совхозных и колхозных поселков в Чукотском, Корякском национальных округах переводится на центральное отопление. Образование больших оленеводческих совхозов, укрупнение колхозов способ-

ствовало концентрации населения в сравнительно крупных поселках, насчитывающих 500—700 жителей. В таких поселках обычно функционирует средняя школа, интернат, больница, детский сад, ясли, клуб, столовая, специализированные магазины. Жители этих поселков получают круглосуточно электроэнергию, пользуются бытовыми электроприборами. Большие поселки телефонизируются, в них сооружаются дороги, тротуары.

Если в поселках используются жилища современных типов, то на промысле традиционные яранги, чумы, хорошо приспособленные к условиям Крайнего Севера, конкурируют с палатками, передвижными сборно-разборными домами. Наряду с новыми формами транспорта население применяет и местные, выработанные веками оленьи и собачьи упряжки. Охотники, оленеводы пользуются и лыжами традиционных форм. На северо-востоке бытуют ступательные лыжи, в остальных районах — широкие лыжи, подбитые камусом или шкурами.

Сохраняют свое значение национальная одежда, обувь, головные уборы народов Севера, хотя широко используются современная городская одежда (пальто, плащи, шубы, костюмы, платье, белье и т. д.). В ряде случаев национальный костюм превратился в зимний промысловый, дорожный и праздничный. Наиболее рациональные формы национальной одежды распространяются за пределами своих исконных ареалов. Так, чукотский мужской глухой костюм в настоящее время используется не только чукчами, но и тундровыми юкагирами, эвенами, частично северными якутами и русскими старожилками.

Стойко сохраняются традиции народов Севера в области пищевого режима. На Север теперь доставляются все пищевые продукты, характерные для любой городской местности, в том числе овощи и фрукты. Все же в питании коренного населения Севера преобладают привычные блюда из мяса и рыбы. Вышли из употребления лишь неполноценные продукты, такие как кислая рыба, сосновая заболонь и т. д.

Современная культура народов Севера, в этнографическом понимании этого термина, является сплавом традиционных и новых элементов.

Из быта народов Севера исчезли вредные архаичные обычаи, такие как ранние браки, обычаи, унижавшие достоинство женщины, обряды, несовместимые с социалистическим образом жизни. В то же время тщательно сохраняются и культивируются обычаи гостеприимства, почтительное отношение к старшим. Наряду с общесоветскими революционными праздниками отмечаются и традиционные. Чукчи и коряки-оленьеводы и теперь празднуют осенью день молодого оленя, зимой устраивают

Рис. 5. Ансамбль «Мэнго». Танец «Халало»

Рис. 6. Детский ансамбль «Каюю» — «Олененок» (Паланская средняя школа — интернат)

спортивные состязания, бега оленьих упряжек, в ряде случаев отмечается и отел оленей.

Народы Севера гордятся успехами, достигнутыми в области просвещения. В настоящее время в семи национальных округах работает свыше 600 школ. Создана разветвленная сеть дошкольных учреждений. Большинство детей школьного возраста находятся в интернатах при школах на полном государственном обеспечении. Воспитание и обучение в дошкольных и школьных учреждениях организовано так, чтобы дети не забывали родной язык и хорошо владели русским. В тех районах, где дети владеют только родным языком и приходят в подготовительный класс, не зная русского, обучение в школах начинается на родном языке, а в школах, где дети лучше знают русский язык, родной язык преподается как предмет. Теперь на Севере не только в районных центрах, но и в крупных колхозных и совхозных поселках открыты музыкальные школы. За последние годы укреплена материальная база школ, интернатов, детских садов.

В северных национальных округах функционирует 11 специальных средних учебных заведений. Педагогические училища открыты в Анадыре, Игарке, Ханты-Мансийске, Нарьян-Маре и Салехарде; сельскохозяйственные техникумы — в Нарьян-Маре, Салехарде, Дудинке, Оле. В педагогических училищах обучается около 700 чел. из коренного населения. Значительная часть учащихся после окончания средней школы продолжает обучение в институтах.

Образование дает возможность молодежи находить применение в различных отраслях народного хозяйства. На Дальнем Востоке из среды нивхов, нанайцев, ульчей выделилась прослойка рабочих и технической интеллигенции. Они трудятся на лесоразработках, нефтепромыслах, на фабриках и заводах Комсомольска, Амурска, Хабаровска.

Большую работу проводят на Севере медицинские учреждения. В северных округах и районах в каждом поселке имеется участковая больница или фельдшерский пункт. Районы Севера обслуживают 37 отделений санитарной авиации при окружных, областных и краевых больницах, 24 станции скорой помощи. На 10 тыс. жителей на Севере приходится от 30 до 37 врачей. Охотники, оленеводы во время нахождения на промысле обслуживаются выездными медицинскими отрядами, широко использующими авиацию.

Теперь среди коренного населения Севера почти полностью ликвидированы такие широко распространенные в прошлом заболевания, как трахеита, туляремия, брюшной тиф. Резко сократилась заболеваемость туберкулезом.

Развивается зародившаяся в конце 1920-х годов самобытная литература народов Севера. Произведения писателей и поэтов северян чукчи Ю. Рытхеу, нанайца Г. Ходжера, нивха В. Санги, манси Ю. Шесталова и других переведены на многие языки народов СССР, изданы и за рубежом. Литераторы из народов Севера не только поведали миру о жизни своих народов в прошлом, но и рассказали о глубоких изменениях, происходящих на Севере в наши дни.

Письменность и печать на ненецком, хантыйском, мансийском, эвенкийском, эвенском, нанайском, чукотском, корякском и эскимосском языках сейчас играет важную роль⁶⁰. Значительное количество литературы на чукотском и эскимосском языках за последние годы выпустило Магаданское книжное издательство. Особенно следует отметить издание на чукотском языке произведений В. И. Ленина. В настоящее время на родных языках издаются газеты в Чукотском, Ханты-Мансийском и

⁶⁰ И. Ф. Беленкин, Развитие печати в северных национальных округах, «История СССР», № 3, 1968, стр. 133—142; С. Н. Оненко, Нанайская письменность и ее значение в культурном строительстве, «Известия СО АН СССР», вып. 3, 1968, стр. 116—122.

Ямало-Ненецком национальных округах. В других округах на родных языках в газетах печатаются лишь отдельные материалы или издаются приложения к газетам.

Продолжает бытовать и устное народное творчество, декоративно-прикладное искусство. Из среды резчиков по кости выдвинулись профессиональные художники. Произведения чукотских и эскимосских косторезов известны далеко за пределами Советского Союза.

Рис. 7. Актив совхоза Пенжинский.

Рис. 8. Голосование пастухов в одном из табунов совхоза Паланский

Особое развитие получило танцевальное искусство народов Севера. Традиционные танцы исполняются не только многочисленными самодеятельными коллективами, но и профессиональными ансамблями. В Корякском национальном округе создан профессиональный коллектив, осуществляющий постановку балета по корякским национальным мотивам. В Чукотском округе в 1969 г. возник большой профессиональный чукотско-эскимосский ансамбль «Эргырьон» (Рассвет), исполняющий традиционные плавные эскимосские и чукотские танцы, пантомимы.

Важную роль в современной общественной жизни народов Севера играют культурные учреждения. Почти в каждом поселке имеется клуб с киноустановкой, библиотека. Только в северных национальных округах насчитывается свыше 500 клубных учреждений. Население, занятое на промыслах, обслуживают красные чумы или красные яранги, агитбригады.

Культура отдельных народов из этой группы имеет свои различия в зависимости от направления хозяйства, местных природно-климатических условий, исторического наследия. Характеристике ее посвящена значительная литература⁶¹.

Из изложенного не следует делать вывод, что все вопросы развития экономики и культуры народов Севера решены. Однако достижения в области экономики и культуры позволили народам Севера занять подобающее место в братской семье народов СССР.

Из среды народов Севера выдвинулись видные общественные деятели. Членом Президиума Верховного Совета СССР, депутатом Верховного Совета СССР является чукчанка А. Д. Нутэтэгрэнэ, Первый секретарь Эвенкийского окружного комитета КПСС, кандидат исторических наук В. Н. Увачан избран депутатом Верховного Совета СССР, членом Центральной ревизионной комиссии ЦК КПСС. Большую работу ведут кандидаты филологических наук нанайец С. Н. Оненко, эвенк А. В. Романов, чукча П. И. Инэнликей, хант Н. И. Терешкин, кандидаты исторических наук нивх Ч. М. Таксами, ительменка Н. К. Старкова и другие.

Вместе со всеми народами Советского Союза народы Севера идут по пути, открытому Великой Октябрьской социалистической революцией.

Приобщение народов тайги и тундры к социалистической действительности — акт величайшей исторической справедливости, свершенный благодаря осуществлению на Севере ленинской национальной политики.

SUMMARY

The specific features characterizing the implementation of Leninist national policy among the peoples of the Far North (the Chukchi, Koryaks, Eskimos, Evens and others) are considered in the article. The author proposes a periodization of socialist transformation processes in the North; he adduces data showing how the backwardness of the Northern peoples is being overcome. Particular attention is paid to reconstruction measures in the North in recent years.

The author comes to the conclusion that the present-day culture (in the ethnographic meaning of the term) of the peoples of the North is a fusion of traditional and new socialist elements.

Socialist reality has been brought within reach of the taiga and tundra peoples; this is a result of Leninist national policy.

⁶¹ «Современное хозяйство, культура и быт малых народов Севера», М., 1960; В. Г. Ларькин, Орочи, М., 1964, стр. 147—170; И. С. Вдовин, Очерки истории и этнографии чукчей, М.—Л., 1965, стр. 273—401; А. В. Смоляк, Ульчи, М., 1966, стр. 142—289; Л. В. Хомич, Ненцы, М.—Л., 1966, стр. 224—327; Ч. М. Таксами, Нивхи, Л., 1967, стр. 229—269; Е. А. Алексеенко, Кеты, М.—Л., 1967, стр. 210—249.

Б. В. Андрианов, Л. Ф. Моногарова

ЛЕНИНСКОЕ УЧЕНИЕ ОБ ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ УКЛАДАХ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ЭТНОГРАФИИ

В условиях новой фазы мирового революционного процесса и острой идеологической борьбы двух противоположных социально-экономических систем важное значение приобретает творческое освоение и дальнейшее развитие ленинского учения об общественно-экономических укладах, методологическая роль которого в развитии советской исторической, и в частности этнографической, науки была неоднократно отмечена¹. Учение об общественно-экономических укладах было развернуто В. И. Лениным в работах «О „левом“ ребячестве и о мелкобуржуазности» и «О продовольственном налоге». Фундамент этого учения был заложен в более ранних работах (в первую очередь в монументальном исследовании «Развитие капитализма в России»), где детально рассмотрены исторические связи и выявлены переплетения патриархально-родовых, феодальных и капиталистических элементов в экономической и общественной жизни царской России. В статье «Три источника и три составные части марксизма» В. И. Ленин писал: «Величайшим завоеванием научной мысли явился исторический материализм Маркса. Хаос и произвол, царившие до сих пор во взглядах на историю и политику, сменились поразительно цельной и стройной научной теорией, показывающей, как из одного уклада общественной жизни развивается, вследствие роста производительных сил, другой, более высокий,— из крепостничества, например, вырастает капитализм»².

В. И. Ленин понимал под общественно-экономическим укладом определенную совокупность производственных отношений, характеризующих одну более или менее оформившуюся систему общественного хозяйства. В. И. Ленин указал в своих работах на возможность одновременного сосуществования различных общественно-экономических укладов. Так, в России после отмены крепостного права «капиталистическое хозяйство не могло сразу возникнуть, барщинное хозяйство не могло сразу исчезнуть. Единственно возможной системой была, следовательно, переходная система, система, соединявшая в себе черты и барщинной и капиталистической системы»³.

Еще более сложный, многоплановый, переходный характер имел социальный строй России сразу после Великой Октябрьской социалистической революции.

¹ См. С. П. Толстов, Советская школа в этнографии, «Сов. этнография», 1947, № 4; его же, В. И. Ленин и актуальные проблемы этнографии (к 25-летию со дня смерти), «Сов. этнография», 1949, № 1; его же, Основные теоретические проблемы современной этнографии, «Сов. этнография», 1960, № 6; Ю. И. Семенов, В. И. Ленин о категории «общественно-экономический уклад», «Ученые записки Красноярского Гос. пед. Ин-та», т. 18, 1960; В. К. Гарданов, Б. О. Долгих, Т. А. Жданко, Основные направления этнических процессов у народов СССР, «Сов. этнография», 1961, № 4; А. И. Першиц, Актуальные проблемы советской этнографии, «Сов. этнография», 1964, № 4, и др.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 23, стр. 44.

³ Там же, т. 3, стр. 186.

В. И. Ленин перечисляет в своих работах пять различных общественно-экономических систем или укладов, или экономических порядков России: «...первое — патриархальное хозяйство, это когда крестьянское хозяйство работает только на себя или если находится в состоянии кочевом, или полукочевом, а таких у нас сколько угодно; второе — мелкотоварное хозяйство, когда оно сбывает продукты на рынок; третье — капиталистическое, — это появление капиталистов, небольшого частного хозяйственного капитала; четвертое — государственный капитализм и пятое — социализм»⁴.

Рисуя таким образом общую картину экономического строя послереволюционной России в 1918—1922 гг., В. И. Ленин говорил, что «Россия так велика и пестра, что все эти различные типы общественно-экономического уклада переплетаются в ней»⁵. Если западные окраины России — Прибалтика, Украина и другие были в той или иной степени промышленно развитыми накануне Октября, а народы этих областей уже сложились в буржуазные нации, и в общественных отношениях там стал преобладать капиталистический уклад, то восточные окраины — большая часть Кавказа, Сибири и Севера, Средней Азии и Казахстана, представляя собою экономически отсталые районы, где господствовали докапиталистические феодальные, полуфеодальные и патриархальные отношения⁶. Народы этих областей в начале XX в. еще не прошли стадию капиталистического развития.

В своих работах В. И. Ленин обращал особое внимание на уклады, предшествовавшие капиталистическому. Он отмечал взаимосвязь и, в то же время, различия двух общественно-экономических укладов: мелкого натурального или патриархального⁷ и мелкотоварного мелкобуржуазного⁸. В. И. Ленин писал: «Ясное дело, что в мелкокрестьянской стране преобладает и не может не преобладать мелкобуржуазная стихия; большинство, и громадное большинство, земледельцев — мелкие товарные производители»⁹.

Многоукладность, т. е. сосуществование наряду с прогрессивными устаревших укладов, являвшихся для более высокоразвитых областей давно пройденным этапом, была серьезным тормозом на пути экономического и культурного прогресса многих народов послереволюционной России.

В. И. Лениным разработано целостное и стройное учение о путях преодоления многоукладности и возможности перехода отсталых стран при определенных, исторически сложившихся, условиях к социализму, минуя капиталистическую стадию развития¹⁰. Он подчеркивал важность индустриализации и аграрных преобразований путем ликвидации феодализма, проведения аграрной реформы и передачи земли крестьянам, создания укрупненных кооперированных хозяйств и расширения внутреннего рынка, развития крупной промышленности и общего подъема экономики в стране. Ленинский путь приобщения к социализму отсталых народов национальных окраин Советской России стал реальностью в наши дни.

В СССР путь к социалистическому переустройству советского общества заключался в экономических преобразованиях и преодолении многоукладности. И советские ученые-обществоведы, в том числе этнографы, внесли свой посильный вклад в общую теоретическую и практическую

⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 43, стр. 158; т. 45, стр. 279—280.

⁵ Там же, т. 36, стр. 296.

⁶ Там же, т. 30, стр. 35.

⁷ Там же, т. 36, стр. 295—297; т. 43, стр. 157—158, 436, 447—449; т. 45, стр. 279—280 и др.

⁸ Там же, т. 2, стр. 218—219; т. 36, стр. 295—296; т. 43, стр. 157—158, 206—207, 220—221, 279 и др.

⁹ Там же, т. 36, стр. 296.

¹⁰ Там же, т. 41, стр. 246.

работу по подъему хозяйства и культуры национальных окраин, ликвидации темноты и бескультурья многих народов. Практические нужды переустройства отсталых в прошлом областей потребовали историко-этнографического изучения форм и проявлений общинно-родового и патриархально-феодального укладов, переплетавшихся с более поздними общественно-экономическими укладами¹¹.

Особый интерес в этом плане представляет пример многих народов Средней Азии и Казахстана, где практически было осуществлено теоретическое положение В. И. Ленина о том, «что с помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития»¹².

В конце XIX — начале XX в. в среднеазиатских ханствах и колониальных владениях царской России в Туркестане господствовали феодальные отношения, которые соотечались с пережитками патриархальных (т. е. первобытнообщинных отношений) и элементами развивающихся капиталистических отношений, особенно усилившихся после присоединения этих областей к России. Здесь в начале XX века у оседлых, кочевых и полукочевых народов в экономике сосуществовало несколько общественно-экономических укладов: патриархальный, мелкотоварный и развивающийся капиталистический. У более развитых народов Средней Азии и Казахстана (главным образом узбеки, таджики равнинных районов) преобладал мелкотоварный уклад, хотя развивались и элементы капиталистического, у других — особенно среди кочевых (туркмены, киргизы, казахи) и полукочевых (каракалпаки, полукочевые узбеки) и малочисленных народностей и этнографических групп в экономически отсталых изолированных горных районах — патриархальный, т. е. натуральный, несмотря на развивающиеся элементы мелкотоварного уклада.

Основываясь на учении В. И. Ленина об общественно-экономических укладах, советские этнографы вскрыли некоторые конкретные особенности многоукладных общественно-экономических структур, установили наличие пережиточных общественных форм, восходящих у некоторых народов к первобытнообщинному строю. Уже в конце 1920-х и в 1930-е годы появляются работы, посвященные одной из важных проблем этнографической науки — проблеме изучения конкретных форм сочетания патриархальных, феодальных или полufeодальных отношений, которые были в тот период характерны и для значительной части народов Средней Азии и Казахстана. Эти пережиточные формы исторически развивались в условиях взаимодействия с более поздними и более прогрессивными общественными укладами. Исследователи показали, что у целого ряда народов (киргизов, туркмен, каракалпаков и др.) в XIX — начале XX в. так называемые «племена» и «родовые» группы под оболочкой рода скрывали глубокий классовый антагонизм и многообразные формы

¹¹ См. И. И. Зарубин, Список народностей Туркестанского края, Л., 1925; М. Немченко, Национальное размежевание Средней Азии, М., 1925; И. И. Зарубин (составитель), Этнографическая карта Самаркандской области в границах 1917 г., Л., 1926; Буров-Петров, На борьбу с байством и манапством, Фрунзе, 1927; Н. Брюлова-Шаскольская, Племенной и родовой состав туркмен, «Народное хозяйство Средней Азии», 1927, № 4; П. И. Кушнер, Манапство в горной Киргизии, «Революционный Восток», 1927, № 2; Г. Т. Токжанов, О казакском ауле, Кзыл-Орда, 1927; Э. А. Шмидт, Материалы по родовому составу казакского населения юго-западной части Чимкентского уезда, Ташкент, 1927; И. И. Умняков, Изучение культуры и быта Средней Азии в 1920—1927 гг. (по материалам Средазкомсариса), «Новый Восток», 1928, кн. 23—24; Этнографическая карта республик и областей Средней Азии, Ташкент, 1928; Л. П. Поталов, Материалы по семейно-родовому строю у узбеков кунград, «Научная мысль», 1930, № 1; С. М. Абрамзон, Современное манапство в Киргизии, «Сов. этнография», 1931, № 3—4; А. Н. Бернштам, Туркменский род и колхозы, сб. «Труд и быт в колхозах», т. II—«Колхозы Советского Востока», Л., 1931; Ф. А. Фиельс-труп, Исследования среди каракиргиз, сб. «Этнографические экспедиции 1924—1925 гг.», Л., 1926 и др.

¹² В. И. Ленин, Поли. собр. соч., т. 41, стр. 246.

феодалной и полуфеодалной эксплуатации. Капиталистические отношения только зарождались. Эти исследования этнографов были направлены против националистических попыток эксплуататорских элементов затушевывать классовую борьбу на Востоке и представить родовую общину как готовую ячейку социалистического общества¹³.

Советские этнографы в отношении кочевых народов Средней Азии и Казахстана показали, что «решающее значение во всех этих объединениях кочевников, начиная с более крупных, типа племени, и кончая так называемыми «родами», включавшими в себя во многих случаях тысячи людей (а иногда и семей), играл классово-политический момент»¹⁴.

Социолого-этнографическое исследование в горной Киргизии, проведенное П. И. Кушнером в 1925 г.¹⁵, выявило, что родового строя у киргизов больше не существует, за формальной оболочкой «родового аула» скрыто классовое расслоение и деление на манапов (феодализирующуюся знать), богачей, середняков и бедняков. Главной целью этого исследования было выявление социальных корней манапства, что имело в то время большое практическое значение для правильного решения социальных проблем и национального вопроса на местах.

Таким образом советские этнографы включились в решение «одной из первоочередных политических задач»¹⁶.

В последующие годы выходит целая серия работ, убедительно свидетельствующих о стойкости родоплеменных делений у народов Средней Азии и Казахстана, которые нередко — как это показала на примере каракалпак в своем исследовании Т. А. Жданко — отражались на типе расселения, на системе управления каракалпаками в пределах существовавшего до 1920 г. Хивинского ханства¹⁷.

Однако «те ячейки каракалпакского общества, которые продолжали носить название рода («уру»), по своему социально-экономическому содержанию ни в коей степени уже не соответствовали роду как организации первобытнообщинного строя»¹⁸.

В отношении туркмен тоже самое прослежено целым рядом исследователей, в частности Г. И. Карповым, С. П. Толстовым, Г. П. Васильевой, Г. Е. Марковым и Я. Р. Винниковым. Последний, например, подчеркивает, что «водо-земельная община в условиях Мургабского оазиса уже с момента своего возникновения, а тем более в дальнейшем, коренным образом отличалась от родовой общины бесклассового общества»¹⁹.

¹³ П. И. Кушнер, Горная Киргизия, М., 1929; А. Н. Бернштам, Проблемы распада родовых отношений у кочевников Азии, «Сов. этнография», 1934, № 6; С. П. Толстов, Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах, «Известия Государственной академии истории материальной культуры», 1934, № 103; Л. П. Поттапов, К вопросу о патриархально-феодалных отношениях у кочевников, КСИЭ АН СССР, вып. III, 1947; Т. А. Жданко, Очерки исторической этнографии каракалпак, ТИЭ АН СССР, т. IX, М.—Л., 1950; С. М. Абрамзон, Формы родоплеменной организации у кочевников Средней Азии, сб. «Родовое общество», ТИЭ АН СССР, т. XIV, М., 1951; Б. В. Андрианов, Социально-экономический строй каракалпак по данным статистико-экономического обследования Аму-Дарьинского отдела 1912—1913 гг., «Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии», М.—Л., 1959; Н. А. Кисляков, Патриархально-феодалные отношения среди оседлого сельского населения Бухарского ханства в конце XIX—начале XX в., ТИЭ АН СССР, т. LXXIV, М., 1962.

¹⁴ С. М. Абрамзон, Формы родоплеменной организации у кочевников Средней Азии, стр. 155.

¹⁵ П. И. Кушнер, Горная Киргизия, стр. 4—5, 42—43 и др.

¹⁶ С. П. Толстов, Советская школа в этнографии, стр. 13.

¹⁷ Т. А. Жданко, Указ. раб., стр. 8.

¹⁸ Там же, стр. 94.

¹⁹ Г. И. Карпов, Племенной и родовой состав туркмен, Полторацк (Асхабад), 1925; С. П. Толстов, Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен, «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1936, № 9—10; Г. П. Васильева, Туркмены-нохурли, «Среднеазиатский этнографический сборник», I, М., 1954; Я. Р. Винников, Социалистическое переустройство хозяйства и быта дайхан Марыйской области Туркменской ССР, там же, стр. 10.

Патриархально-феодальные отношения среди различных групп оседлого населения Средней Азии глубоко исследовались в работах Н. А. Кислякова²⁰, М. С. Андреева²¹, А. Н. Кондаурова²², С. М. Абрам-зона и других советских этнографов.

Полученные путем непосредственного наблюдения живой действительности, этнографические материалы, характеризовавшие общественно-экономические уклады, сыграли свою роль в практических мероприятиях Советской власти по изживанию экономической и культурной отсталости, выравниванию уровней социально-экономического развития ранее угнетенных народов. Значение этнографических материалов особенно проявилось при определении конкретных форм хозяйственного и культурного преобразования остальных национальных окраин. Изучение культурных традиций, современного быта, общественных отношений сложной многоукладной социальной структуры отдельных народов Средней Азии и Казахстана, помогло в определении методов ликвидации архаических культурно-бытовых традиций, тормозивших социалистические преобразования. Средняя Азия и Казахстан в первые годы Советской власти оставались аграрными районами, с преобладанием крестьянских хозяйств и, как мы видели, сохраняли значительные пережитки феодальных и патриархально-феодальных отношений. Поэтому социалистические преобразования начались с перестройки сельского хозяйства и организации промышленных центров. Преобразования шли по пути изживания патриархального и мелкотоварного укладов, ликвидации частной собственности на землю, ее национализации, проведения земельно-водной реформы. Социалистические преобразования в области сельского хозяйства, начавшиеся в форме кооперирования, нашли широкую поддержку всех трудящихся крестьян и завершились созданием крупных коллективных хозяйств.

Социалистическое переустройство сельского хозяйства и изживание архаических общественно-экономических укладов проводилось с учетом местных особенностей. Так, например, в Самаркандской области Узбекистана «большая часть первых коллективных хозяйств носила характер коммун, меньшая — артелей... Однако многие коммуны этих лет вскоре распались... Гораздо более приемлемой первичной формой кооперации оказалось товарищество по совместной обработке земли»²³.

С первых лет установления Советской власти патриархальный уклад в деревне начал уступать место различным видам «кооперативных объединений, начиная от самой низшей ступени — сбыто-снабженческой, мелиоративной и кредитной — до высшей производственной формы кооперации — колхозов»²⁴. Например, в скотоводческих районах Туркмении, где туркмены вели кочевую или полукочевую жизнь, они еще в начале 30-х годов сохраняли патриархальные пережитки. Здесь необходимо было в первую очередь создать условия для перехода кочевых и полукочевых скотоводов на оседлость. В этом деле «важным фактором... явилась национализация колодцев и скота феодалов и баев и передача их совхозам и вновь организованным товариществам скотоводов по совме-

²⁰ Н. А. Кисляков, Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вакно-Боло, М.—Л., 1936; его же, Патриархальная семья у таджиков долины Ванджа, в кн. «Вопросы истории доклассового общества», М.—Л., 1936; его же, Патриархально-феодальные отношения среди оседлого сельского населения Бухарского ханства в конце XIX — начале XX века, ТИЭ АН СССР, т. LXXIV, М.—Л., 1962.

²¹ М. С. Андреев, Таджики долины Хуф, вып. 1, Сталинабад, 1953; вып. II, Сталинабад, 1958.

²² А. Н. Кондауров, Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев, М.—Л., 1940.

²³ «Этнографические очерки узбекского сельского населения», М., 1969, стр. 85.

²⁴ Я. Р. Винников, Хозяйство, культура и быт сельского населения Туркменской ССР, стр. 110.

стному использованию пастбищ и выпасу скота, преобразованным позже в колхозные животноводческие фермы»²⁵. Особенно значительные изменения быта и всего уклада произошли в связи с процессом перевода на оседлость массы кочевников среди казахов и киргизов. Господствующим укладом хозяйства стал социалистический уклад.

Весьма сложными были процессы социально-экономического развития среди мелких этнографических групп и небольших отдельных народностей нашей страны — Севера и Сибири, горных областей Кавказа и Средней Азии²⁶.

Ярким примером преодоления многоукладности и осуществления на практике ленинского положения о некапиталистическом пути развития являются социалистические преобразования в экономике, быту и культуре припамирских народностей²⁷ (иначе называемых этнографами припамирскими таджиками). Этим термином исследователи обозначают группу родственных ираноязычных народностей — язгулемцев, рушанцев, шугнанцев, ваханцев и других, живущих в западных районах Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР. В результате завоеваний Октябрьской социалистической революции они получили в 1925 г. национальную государственность в форме автономной области в составе Таджикской ССР и при помощи братских народов нашей страны, особенно русских и таджиков, прошли путь глубоких социальных преобразований, завершившихся переходом их от докапиталистических отношений к социализму.

До Октябрьской революции припамирские народности жили в условиях полузависимых феодальных владений, часто враждовавших между собой. В начале XX в. господствующим был патриархальный, т. е. в значительной степени натуральный уклад, тот самый уклад, который В. И. Ленин, определяя элементы различных укладов, характеризовал как «патриархальное, т. е. в значительной степени натуральное крестьянское хозяйство»²⁸.

Натуральное хозяйство (вместе с домашними промыслами, не отделившимися от сельского хозяйства) обеспечивало всем необходимым крестьянскую семью. Элементы натурального уклада в хозяйстве припамирских народностей к моменту установления Советской власти сосуществовали с элементами мелкотоварного уклада, так как некоторые хозяйства сбывали часть своей продукции на рынок в соседние страны. Развита была главным образом меновая торговля между отдельными припамирскими народностями и соседними с ними мургабскими киргизами. Меновая торговля осуществлялась обычно через своеобразный институт «партнерства по обмену» или «дружбы». Часто шугнанец долины Шах-Дары, верховьев Гунта, бартангец или ваханец «дружил» с кем-либо из киргизов; они ездили периодически друг к другу в гости и обменивались продуктами своего хозяйства; изделия киргизов — уздечки

²⁵ Я. Р. Винников, *Хозяйство, культура и быт сельского населения Туркменской ССР*, стр. 114.

²⁶ Т. А. Жданко, *Ленинская национальная политика на новом историческом этапе* (к проблеме развития социалистических наций Средней Азии на пути к коммунизму), «Сов. этнография», 1960, № 2; В. К. Гарданов, Б. О. Долгих, Т. А. Жданко, *Указ. раб.*; В. И. Козлов, *Динамика численности народов, Методология исследования и основные факторы*, М., 1969, и др.

²⁷ М. С. Андреев, *Указ. раб.*; Л. Ф. Моногарова, *Материалы по этнографии язгулемцев, «Среднеазиатский сборник», II, М., 1959; А. К. Писарчик, Припамирские таджики, «Народы Средней Азии и Казахстана» (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), т. I, М., 1962, стр. 657—682; Л. Ф. Моногарова, Современные этнические процессы на Западном Памире, «Сов. этнография», 1965, № 6; сб. «Крыша мира», Душанбе, 1965; М. Шергазиев, Борьба коммунистической партии за ликвидацию экономической и культурной отсталости Советского Памира (1920—1941 гг.), Душанбе, 1966, Автореферат канд. дисс.*

²⁸ В. И. Ленин, *Полн. собр. соч.*, т. 43, стр. 207.

сбрую, подседельники, конские плети, вьючные сумы, кошмы припамирцы приобретали в обмен на зерно, шерстяную ткань для халатов и т. п.

Редкие заезжие торговцы из Кашгара, Читрала и Афганского Бадахшана также обычно меняли свои товары на продукты хозяйства припамирцев. Иногда сами припамирцы ездили со своими изделиями в соседние страны, где продавали их на базаре. Базаров на Западном Памире не было. Углубление социального расслоения, вызванного проникновением товарно-денежных отношений, способствовало развитию отходничества в крестьянских семьях²⁹.

За годы Советской власти индивидуальная меновая торговля была вытеснена кооперативной и государственной, что в значительной степени способствовало ломке патриархального уклада у горцев Западного Памира.

В. И. Ленин придавал особо важное значение путям, способным «облегчить переход от патриархальщины, от мелкого производства к социализму»³⁰. Одним из главных условий этого перехода В. И. Ленин считал организацию Советов и обращал внимание партийных и советских работников на то, что «идея советской организации проста и может быть применяема не только к пролетарским, но и к крестьянским феодальным и полуфеодальным отношениям»³¹.

На Западном Памире после укрепления Советской власти и решения политических задач первоочередной экономической задачей стало проведение земельно-водной реформы. Весной 1922 г. земельно-водная реформа была проведена у шугнанцев и рушанцев. Крестьянам передали конфискованные у баев и духовенства земли. В результате общего передела земель крестьяне получили на человека от одного до трех «кавей» («кавч» — площадь земли, на которой можно высеять около 23 кг зерна)³². Бедняки получили от государства безвозвратные ссуды для приобретения сельскохозяйственного инвентаря и рабочего скота.

Большое значение в преобразовании хозяйственной жизни области имел 2-й съезд Советов Западного Памира (проходивший в Хороге с 1 по 5 апреля 1924 г.). На этом съезде были приняты решения о создании трудовых артелей для общественной обработки земли, о восстановлении старой и строительстве новой ирригационных систем, об организации кооперативной торговли. Трудящиеся понимали полезность производственных артелей и горячо поддерживали это начинание Советской власти. Навыки коллективного, общинного труда сделали более понятными для крестьян эти первичные формы коллективизации сельского хозяйства. Такие формы коллективной работы, как «хашар» или «киряр» — традиционная родственная и коллективная взаимопомощь при различных хозяйственных работах — дожили до нашего времени. Кроме того, беднейшие крестьяне вплоть до коллективизации объединялись в своеобразные «товарищества» — группы нескольких, часто родственных семейств, при жатве, выносе удобрений на поля и т. д. Нередко хозяйства, не имеющие тягловой силы или орудий труда, объединялись и пользовались ими по очереди. Иногда 2—3 бедняцких хозяйства (так как многие имели по одному быку, а для пахоты требуются два), объединив рабочий скот и сельскохозяйственные пахотные орудия, сначала сообща вспахивали поле одной семьи, потом поочередно следующим, затрачивая на пахоту несколько дней, в зависимости от количества подлежащей обработке земли³³. Н. И. Вавилов, приезжавший в этот период на Памир, подчер-

²⁹ «История таджикского народа», т. II, кн. 2, М., 1964, стр. 222.

³⁰ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 43, стр. 229.

³¹ Там же, т. 41, стр. 244—245.

³² «История таджикского народа», т. III, кн. I, стр. 134—135.

³³ Полевые записи Л. А. Булановой и Л. Ф. Моногаровой от 29/IX—1967 г., кишлак Барзуд, Рушанского сельсовета Рушанского района; Л. Ф. Моногарова, Язгулемцы. Автореферат канд. дисс., М., 1951, стр. 6.

живал, что «большие селения живут коммунами. Применяется общинная работа по обмолоту и очистке зерна»³⁴. Производственные кооперативы простейшего типа (ТОЗ'ы), создававшиеся в области с 1932 г., поэтому легко привились в производственном быту припамирских крестьян. Товарищества по совместной обработке земли преобладали в области до 1937 г. Коллективизация в ее высшей форме — сельскохозяйственной артели (колхоз) началась на Западном Памире в 1933 г. Первые 20 колхозов объединяли 3,5% крестьянских хозяйств и 7,1% всей посевной площади³⁵.

Массовая коллективизация на Западном Памире проводилась с 1937 года, когда насчитывалось 57,4% хозяйств, охваченных коллективизацией; к весне 1938 г. 70% хозяйств было объединено в 86 колхозах. В 1939—1940 гг. ТОЗ'ы стали постепенно переходить на устав сельскохозяйственной артели. В 1940 году колхозы уже объединяли 95,8% крестьянских хозяйств³⁶. Так постепенно в условиях социализма у припамирцев, как и у других народов нашей страны, «классы мелких натуральных и мелких товарных производителей превратились в класс колхозного крестьянства...»³⁷.

За годы Советской власти, благодаря всенародной помощи (в первую очередь русского и таджикского народов), у припамирцев хозяйство из натурального, патриархального, превратилось в социалистическое³⁸.

Победа колхозного строя, появление индустриальных очагов, культурные преобразования, всеобщая грамотность, непрерывный рост материального благосостояния народных масс — все это способствовало переходу прежде отсталых колониальных народов горного Памира за несколько десятилетий к социализму.

Научное предвидение В. И. Лениным возможности ускоренного социально-экономического и культурного развития отсталых народностей России минуя капитализм, воплощенное в жизнь в условиях первого в мире многонационального социалистического государства, в наши дни приобретает огромное международное значение для выбора генерального пути развития экономики и культуры в развивающихся странах Африки и Азии.

Пятьдесят лет назад В. И. Ленин относил 70% всего населения земли к угнетенным колониальным и зависимым народам³⁹. В наше время образование социалистической системы и крах старых колониальных империй коренным образом изменили политическую карту мира.

Стремление освободившихся стран вырваться из отсталости ставит перед ними задачу преодоления многоукладности, как это имело место в свое время у народов Средней Азии.

В основном документе международного Совещания коммунистических и рабочих партий 1969 г. говорится: «Некоторые молодые государства вступили на некапиталистический путь — путь, который обеспечивает возможность ликвидации отсталости, унаследованной от колониального прошлого, и создания условий для перехода к социалистическо-

³⁴ Н. И. Вавилов, У Памира (Дарваз, Рушан, Шугнан), в кн.: П. А. Баранов, А. Н. Гурский, Л. Ф. Остапович, Земледелие и сельскохозяйственные культуры Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР, Душанбе, 1964, стр. 24.

³⁵ М. Шергазиев, Указ. раб., стр. 14.

³⁶ П. А. Баранов, А. Н. Гурский, Л. Ф. Остапович, Указ. раб., стр. 74; Ф. Амануллаев, Развитие сельского хозяйства колхозов Советского Памира, Сталинабад, 1957, стр. 22.

³⁷ Ю. И. Семенов, Указ. раб., стр. 233.

³⁸ И. М. Клеандров, Развитие народного хозяйства Горно-Бадахшанской автономной области, «Проблемы развития и размещения производительных сил Таджикской ССР», Душанбе, 1967, стр. 252—253.

³⁹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 30, стр. 352—356.

му развитию. Социалистическая организация в этих странах пробивает себе дорогу, преодолевая большие трудности и испытания»⁴⁰.

Особенно велики социально-экономические контрасты в Африке: от небольших бродячих групп бушменов — примитивных собирателей и охотников Калахари, и сейчас живущих родовым строем, до крупных народностей с оформившимися феодальными отношениями (например, хауса, канури и фульбе в Нигерии) и многомиллионных наций (египтяне, тунисцы и др.)⁴¹. Так почти все исторические формы досоциалистических общественных отношений, соответствующие самым различным стадиям социального развития человечества, реально существуют в современной Африке. В некоторых районах они тесно переплетаются между собой, сосуществуют и образуют как бы звенья постепенных переходов, между которыми трудно уловить грани.

Колониализм оставил Африке тяжелое наследство и множество нерешенных проблем, важное место среди которых занимают проблемы экономического прогресса, преодоления многоукладности, а также национального развития в современных политических границах путем сплочения разнородных этнических групп и образования таких этнических общностей, как народности и нации.

Стремясь разобщить борющиеся за свое освобождение народы, колонизаторы и неокolonизаторы долгое время прилагали усилия для консервации докапиталистических отношений, племенной организации и феодально-племенной раздробленности, а реакционная буржуазная этнография всячески подчеркивала и преувеличивала отсталость народов, этническую и культурную раздробленность, рисуя этнический состав населения африканских стран как хаотический конгломерат почти не связанных между собой диких племен и народностей⁴². Напротив, советские этнографы, опираясь на ленинское учение об укладах, выявили, что племя и родовая община у многих африканских народов являются искусственно сохраняемой формой, не соответствующей новому содержанию⁴³, что за внешней пестротой этнических самоназваний уже кроются большие складывающиеся общности, существуют социальные классовые структуры.

Они показали, что в ходе антиколониальной революции, объединявшей народы без различия племенной принадлежности, языка и культуры, в африканских странах были заложены основы и намечены контуры национально-политических общностей — будущих наций. Основой для этого объединения явился антиколониализм. В ходе национально-освободительных революций образовывалась направленная против колонизаторов общность интересов разнородных социальных, этнических и религиозных групп населения. Все классы колониального общества, кроме узкого круга лиц, тесно связанных с колонизаторами, были заинтересованы в национальной независимости и создании суверенного национального государства. Для этого этапа освободительной борьбы характерна высокая политическая активность широких народных масс и всенарод-

⁴⁰ См. «Правда» от 18 июня 1969 г.

⁴¹ Б. В. Андрианов, Проблемы формирования народностей и наций в странах Африки, «Вопросы истории», 1967, № 9, стр. 109.

⁴² См. G. T e s s m a n n. Volksstämme Cameruns, «Petermanns Mitteilungen», № 78, 1932; H. C. Bruce, Tribal map of Negro Africa, New York, 1956; G. P. Murdock, Africa. Its peoples and their culture history, New York — Toronto — London, 1959.

⁴³ И. И. Потехин, Некоторые проблемы этнографического изучения народов колониальных стран, «Сов. этнография», 1951, № 3; его же, Формирование национальной общности южноафриканских банту, ТИЭ АН СССР, т. XXIX, 1955; его же, Задачи изучения этнического состава Африки в связи с распадом колониальной системы, «Сов. этнография», 1957, № 4; его же, Африка смотрит в будущее, М., 1960, его же, Некоторые проблемы африканистики в свете решений XXII съезда КПСС, «Народы Азии и Африки», 1962, № 1; «Народы Африки» (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), М., 1954, и др.

ность национально-освободительных движений; пережитки родоплеменной идеологии и феодальный сепаратизм были подчинены общим интересам национального единения.

В настоящее время национально-освободительные движения в Африке вступили в новый этап, основные задачи которого связаны не только с национальным освобождением и достижением экономической независимости, но и с коренным преобразованием общества, ликвидацией эксплуатации, нищеты и невежества. На этом этапе развитие национальных процессов особенно тесно переплетается с общим социально-политическим и экономическим развитием общества.

Современная экономика подавляющего большинства стран Африки отличается многоукладностью, сложным переплетением натурального сельскохозяйственного производства, сочетающего общинное и частное землевладение, с развивающимся товарно-денежным производством, с феодальными и даже капиталистическими формами эксплуатации, с зарождающимся в ряде стран государственным сектором⁴⁴.

Разнообразие уровней социально-экономического развития отдельных народов и различных социальных и этнических групп населения — вот наиболее характерная черта, определяющая особенности развития современных социальных и этнических процессов в Африке.

Это особенно ярко может быть проиллюстрировано на материале, характеризующем различные уровни социально-экономической дифференциации и степени развития товарных капиталистических отношений в африканских странах.

В Африке основная масса населения (до трех четвертей самостоятельного населения) занята в сельском хозяйстве (в Эфиопии, Гвинее, Танзании — даже около 90%, в Чаде, Нигере, Того, — свыше 80%). Во многих странах Африки сохраняется натуральное замкнутое производство с существованием незначительной и нерегулярной меновой торговли. Это относится в равной степени к скотоводческим народам Северной Африки (кочевые арабские и берберские племена Сахары)⁴⁵ и Восточной Африки (нилоты — динка, нуэр и др.)⁴⁶, и к оседлоземледельческим народам Экваториальной Африки (народы банту Конго и др. стран), где практикуется тропическое подсечно-огневое земледелие, не создающее фактически излишков продукции; кроме того, здесь на обширных территориях возделываются весьма однородные сельскохозяйственные культуры⁴⁷, что затрудняет развитие товарообмена. У целого ряда наиболее отсталых народов (например, пигмейские племена, хадзапи или вакинди у оз. Эяси, бушменские племена Южной Африки и др.) еще преобладает наиболее древнее охотничье-собираческое направление хозяйства, чему соответствуют сохраняющиеся первобытнообщинные социальные отношения⁴⁸. Община, состоящая из представителей разных родов, является хозяйственным коллективом у многих первобытных охотников и собирателей⁴⁹.

⁴⁴ Р. Ульяновский, О некоторых вопросах некапиталистического развития стран Азии и Африки, «Проблемы мира и социализма», 1969, № 9, стр. 83.

⁴⁵ G. Nachtigal, Sahara und Sudan, 2 vols, Berlin, 1879—1881; Р. Капо Рей, Французская Сахара, пер. с франц., М., 1958; А. И. Першиц, Общественный строй туарегов Сахары в XIX в., Сб. «Разложение родового строя и формирование классового общества», М., 1968, стр. 320—355.

⁴⁶ E. Evans-Pritchard, The Nuer, Oxford, 1940; E. J. Butt, The Nilotes of the Anglo-Egyptian Sudan and Uganda, London, 1952.

⁴⁷ См.: И. А. Сванидзе, Сельское хозяйство Северной Родезии, М., 1963; А. Б. Летнев, Деревня Западного Мали, Социально-экономический очерк, 1950—1960 гг., М., 1964, и др.

⁴⁸ См. P. Schebesta, Bambuti, Leipzig, 1932; H. Trilles, Les Pygmées de la forêt équatoriale, Paris, 1932.

⁴⁹ В. Р. Кабо, Первобытная община охотников и собирателей, Сб. «Проблемы истории докапиталистических обществ», М., 1968, стр. 223—324.

В широкой зоне, где господствует натуральное замкнутое производство, есть значительные области (в Центральной и Западной Африке, в зоне саванн вдоль южной границы Сахары) с преобладанием «немонетных» форм торговли⁵⁰. В качестве эквивалента здесь применялись еще недавно раковины каури, отрезки тканей, куски металла, миниатюрные железные мотыги и т. п. Фактически эта зона включает две подзоны — одну, связанную с торговлей через Сахару (находящейся теперь в упадке), и другую — соединяющую скотоводов саванн и полупустынь с оседлыми земледельцами экваториальных лесов⁵¹.

Экономический уклад у оседлоземледельческих народов экваториального леса по степени развития и характеру торговли весьма близок к типу натурального производства. Однако экваториальные банту ведут с давних времен относительно большой торговый обмен, используя различные формы железных или медных денег⁵². На северо-востоке континента среди сомали, афар и галла внутренняя торговля сводится к взаимному обмену скотоводческой продукции на зерно и ткани⁵³, в некоторых районах в качестве денег используются даже бруски каменной соли.

В настоящее время обширные области в Африке уже втянуты в мелотоварное производство, здесь широко используются современные деньги. Это города и многие деревни Гвинейского побережья Западной Африки (Гана, Берег Слоновой Кости и др.) и страны Северной, Восточной и Южной Африки. Внутренняя торговля часто связана с земледелием экспортной ориентации (культуры какао, кофе, арахиса, сахарного тростника и хлопчатника). В странах с развитым экспортным земледелием (Сенегал, Гамбия, Сьерра-Леоне, Берег Слоновой Кости, Гана) роль поставщиков сезонной рабочей силы играют внутриконтинентальные районы и соседние страны (Верхняя Вольта, Малави и др.). Например, в Гане и Береге Слоновой Кости сезонные отходники составляют основную массу (до 90%) наемных рабочих в плантационных хозяйствах. В Восточной Африке отходничество осуществляется в крупных масштабах из Руанды и Бурунди и ближайших районов Танзании в Уганду, из Мозамбика — в южную и приморскую часть Танзании, из Танзании, Малави и Мозамбика — в промышленные районы Замбии, Южной Родезии и ЮАР. Общая численность лиц наемного труда за годы после второй мировой войны возросла более чем в 3 раза и оценивается примерно в 20 млн. чел. В наиболее экономически развитых странах Африки рабочие и служащие составляют не менее одной трети самостоятельного населения: в ОАР — 49,4% (1960 г.), Тунисе — 37,8% (1956 г.) и др. В развивающихся странах Тропической Африки доля лиц наемного труда среди самостоятельного мужского населения составляет примерно одну пятую часть (в Замбии, Малави, Южной Родезии — до половины, в Конго, Анголе — третью часть). Пролетариат сосредоточен преимущественно в плантационном хозяйстве, горнодобывающей промышленности, на переработке сельскохозяйственного сырья и на строительных работах.

Африка — наименее урбанизированная часть света. Однако за последние десять лет удельный вес городского населения увеличился с 10 до 20%.

⁵⁰ D. H. Reader, A survey of categories of economic activities among the peoples of Africa, «Africa», vol. XXXIV, № 1, 1964.

⁵¹ «Народы Африки», стр. 133—142; Д. А. Ольдерогге, Западный Судан в XV—XIX вв. Очерки по истории и истории культуры, М.—Л., 1960.

⁵² P. Bohannan, The impact of money on an African subsistence economy, «Journal of Economic History», 1959, p. 491—503; P. Bohannan, G. Dalton, Introduction in «Markets in Africa», New York, 1965.

⁵³ J. M. Lewis, Peoples of the Horn of Africa: Somali, Afar and Saho, London, 1955.

Значение этих социально-демографических сдвигов для общественной жизни африканских стран трудно переоценить. Вспомним, что В. И. Ленин считал, что «неземледельческий отход представляет из себя явление прогрессивное. Он вырывает население из заброшенных, отсталых, забытых историей захолустьев и втягивает его в водоворот современной общественной жизни»⁵⁴.

В начале XX в., когда европейские державы завершили расчленение африканского континента на колониальные владения, в Африке столкнулись различные общественно-экономические системы: первобытнообщинный строй, ранний феодализм и монополистический капитализм. Основной экономический процесс шел по линии постепенного внедрения товарного хозяйства. Можно проследить по крайней мере четыре стадии развития товарного хозяйства: натуральное хозяйство; полунатуральное хозяйство, где лишь в урожайные годы часть излишков сельского хозяйства продавалась или выменивалась на другие товары; полутоварное хозяйство, где продукты ежегодно поступали на рынок; развитое товарное хозяйство, где товарная продукция ежегодно превышала потребительскую.

Потребительское африканское сельское хозяйство обусловлено экономической и политической изолированностью областей, господством феодальных или патриархально-родовых порядков, узостью и отсталостью идеологических представлений, этнической раздробленностью, поддерживаемой старыми традициями. Напротив, государственный сектор и частнопредпринимательское товарно-денежное хозяйство связаны с непрерывным расширением районов производства и обмена, смешением различных этнических групп населения, появлением объединительных тенденций и в экономике, и в общественной жизни. Эти уклады стимулируют возникновение и развитие новых, более широких форм социального и этнического самосознания.

Внутреннее развитие молодых стран Африки определяется борьбой противоречивых тенденций: тенденции свободного национального развития в интересах широких трудовых масс по некапиталистическому пути и тенденции насаждения и укрепления капиталистических отношений под эгидой империализма. Процессы классообразования еще не завершены, социальная дифференциация не так глубока и менее значительна, чем в большинстве стран Азии. Но завоевание независимости в ряде стран способствовало усилению социального неравенства (обогащению правящих групп); оно усилило в некоторых странах позиции местных феодалов и в то же время увеличило возможности создания классов капиталистов из африканцев там, где он не успел зародиться в колониальный период. Эксплуататорские слои населения — феодальные и патриархально-феодальные правители, религиозная верхушка, торговая промышленная буржуазия и быстро растущая бюрократия — пытаются использовать тяжелое наследие колониализма, незавершенность этнических процессов и этническую обособленность в своих классовых и сепаратистских интересах.

Для большинства стран Африки еще характерны значительное разнообразие условий социально-экономического и политического развития переходного периода, сосуществование укладов: родоплеменного, патриархально-феодального, мелкотоварного, национального частнопредпринимательского, хозяйств, связанных с иностранным капиталом, государственно-капиталистического.

В ряде же освободившихся стран развитие капитализма ограничено, появился государственный некапиталистический сектор, который постепенно занимает ведущее место. Положено начало принципиально новому направлению развития освободившихся стран.

⁵⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 3, стр. 356—357.

Без преодоления многоукладности, без социальной и этнической интеграции невозможен экономический и культурный прогресс африканских народов.

Для развивающихся стран Азии и Африки особенно нагляден пример народов Советского Союза, которые благодаря социалистическому строительству и национальной политике Коммунистической партии и Советского государства, основывающихся на ленинском учении о некапиталистическом пути развития, за короткий срок перешли от патриархально-феодального строя к социализму. Советские этнографы внесли посильный вклад в практическое дело преобразования слаборазвитых национальных окраин. Они выявили у некоторых народов классовую сущность общественных структур, внешне сходных с первобытнообщинными; были намечены практические пути изживания пережитков архаических укладов.

В данной статье мы попытались на исторических примерах социально-экономического развития ряда советских среднеазиатских народов и народов Африки показать глубокое методологическое и практическое значение ленинского учения об общественно-экономических укладах.

SUMMARY

Lenin's teaching on social-economic systems has played an important role in the development of Soviet ethnography. Its activity has been motivated by the practical needs of socialist construction and of the transformation of the economy and culture of former Russia's national outlying regions. A good example of the non-capitalist way of evolution is the destiny of the peoples of Middle Asia, and among them that of the Pamir peoples; their example has international value for the developing countries of Africa and Asia which stand before a choice of the way to progress.

Social-economic contrasts are especially strong in African countries where colonialism has left a heavy legacy and many involved problems. Among the most important of these are problems of economic progress and those of nationality development within present-day political boundaries. Ethnographic study of the changes in the life of African peoples will enrich Marxist theory of national processes.

Л. П. Л а ш у к

**В. И. ЛЕНИН О ЗЕМЛЯЧЕСКИХ
И НАЦИОНАЛЬНЫХ СВЯЗЯХ**

Марксистская методология советской этнографии основывается на руководящих идеях В. И. Ленина и прежде всего на его учении о закономерностях исторической смены феодализма капитализмом и этой последней классово-антагонистической формации — социализмом; на учении об общественно-экономических укладах, о генезисе государства, о нации как исторически складывающейся этно-политической общности большой массы людей, о путях решения национального вопроса в Советской России, о некапиталистическом пути развития малых народов Севера и Сибири. Советские этнографы ввели также в свой научный оборот массу конкретных ленинских характеристик тех или иных явлений российской и мировой действительности в дореволюционное время и в первые годы существования Советской власти, глубокие ленинские прогнозы дальнейшего развития социалистической экономики и культуры народов СССР.

Значение теоретического наследия В. И. Ленина особенно возрастает на современном этапе подъема общественных наук, когда, с одной стороны, ощущается настоятельная необходимость серьезных обобщений и методологического осмысления огромного эмпирического материала, а с другой — испытывается потребность усиления критического отношения к различным течениям буржуазной науки в области этнографии и социологии. Вспомним здесь слова В. И. Ленина, сказанные им еще в конце прошлого века: «„Закрывать просто глаза“ не только на буржуазную науку, но даже и на самые нелепые учения до крайнего мракобесия включительно, конечно, безусловно вредно; это — банальное общее место. Но одно дело — не закрывать глаз на буржуазную науку, следя за ней, пользуясь ею, но относясь к ней *критически* и не поступаясь цельностью и определенностью миросозерцания, другое дело — пасовать перед буржуазной наукой и повторять, напр., те словечки о „тенденциозности“ Маркса и т. п., которые имеют совершенно определенный смысл и значение»¹.

Начиная с первых своих теоретических работ — «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов», «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», — В. И. Ленин остро критикует субъективистское направление в буржуазной социологии и отстаивает основные идеи марксистской социологической науки. Защищая марксизм от спекулятивных наскоков мелкобуржуазных идеологов, В. И. Ленин подчеркивал, что марксистский «анализ материальных общественных отношений сразу дал возможность подметить повторяемость и правильность и обобщить порядки разных стран в одно основное понятие *общественной формации*. Только такое обобщение и дало возможность перейти от описания (и оценки с точки зрения идеала) общественных явлений к строго научному анализу их, выделяющему, ска-

¹ В. И. Л е н и н, Полн. собр. соч., т. 3, стр. 636, примеч.

жем для примера, то, что отличает одну капиталистическую страну от другой, и исследующему то, что общее всем им»².

Советская этнография твердо усвоила ту ленинскую идею, что научное воззрение на уклад всей общественной жизни людей должно быть «системным», то есть раскрывающим коренные черты данной системы общественных отношений, в основании которых всегда лежит «особый уклад общественного хозяйства»³. Но, отмечал Ленин, мало еще представить себе «совокупность тех общественных отношений», при которых живут люди, как «нечто определенное, целостное, проникнутое таким-то началом», необходимо об этих отношениях иметь ясное представление, «как об особых исторических общественных отношениях»⁴. Этот принятый советскими этнографами основополагающий принцип решительно отличается от исследовательского метода буржуазных этносоциологов, увлеченных на современном этапе «описанием отдельных обществ в том виде, в каком они есть, не пытаясь доказать что-либо еще, за исключением того, как функционирует данный конкретный образец человеческого многообразия»⁵. Если при этом ставится вопрос о функционировании общества «вообще», функционировании, отвечающем будто бы неизменным потребностям людей, то такой подход, лишенный конкретно-социальной (классовой) и исторической перспективы, не будет по-настоящему содержательным, так как при нем не выясняется «даже возможность обобщения самых различных социальных порядков в особые виды социальных организмов»⁶.

Когда заходит речь о диахроническом и синхроническом аспектах рассмотрения общественных явлений и процессов, то в первом случае изучаемое общество рассматривается в его историческом движении, во втором — в том динамическом состоянии, в котором общество находится в данный момент этого развития, во взаимосвязи и взаимодействии его составных частей — социальных групп. Очень важно материалистическое определение понятия «социальная группа». По В. И. Ленину, «само по себе это понятие слишком еще неопределенно и произвольно: критерий различения „групп“ можно видеть и в явлениях религиозных, и этнографических, и политических, и юридических, и т. п. Нет твердого признака, по которому бы в каждой из этих областей можно было различать те или иные „группы“»⁷. Поясним, что здесь ставится вопрос не об этнической, а о собственно социальной принадлежности некоторых групп людей, о сведениях «индивидуального к социальному».

Руководящая идея метода раскрытия социальной структуры содержится в следующих словах В. И. Ленина: «Материализм дал вполне объективный критерий, выделив *производственные отношения*, как структуру общества, и дав возможность применить к этим отношениям тот общенаучный критерий повторяемости, применимость которого к социологии отрицали субъективисты»⁸. Поэтому, когда мы говорим о структурных связях в социальных общностях, то имеем в виду прежде всего материальные формы общения людей, спускаясь при этом «до простейших и таких первоначальных отношений, как производственные»⁹.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. I, стр. 137.

³ Там же, т. 4, стр. 37.

⁴ Там же, т. I, стр. 136.

⁵ Г. Беккер и А. Босков, Современная социологическая теория, М., 1961, стр. 618.

⁶ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. I, стр. 430.

⁷ Там же, стр. 428—429.

⁸ Там же, стр. 137.

⁹ Там же, стр. 136. Выдвигая на передний план сферу производственных социально-экономических отношений, В. И. Ленин видел в ней общественный строй производства, а не только его организационно-трудовую структуру. Поэтому он критиковал тех ученых, которые сбивались «с „общественных отношений производства“ на производство вообще» (Полн. собр. соч., т. 4, стр. 35).

В. И. Ленин призывал к исследованию определенных форм устройства общества, среди которых этнограф с позиций своей науки выделял этнические, — в более широком понимании — этно-социальные общности. Изучение этнических общностей на современном этапе ставит проблему соотношения социальных и этнических факторов, социальной целостности и этнической общности¹⁰. В плане этнической истории нас интересуют генетические корни и исторические связи этно-социальной общности. Собственно, те специфические признаки этнического родства, которые конкретно (со стороны языка, культуры, быта и т. д.) характеризуют этно-социальную общность, как раз и образуют ее историко-генетическую определенность. Но так же важно знать те интегративные социальные связи, которые всегда действуют в глубине этнического массива, формируя его в качестве определенной общественной целостности. Эти связи основываются как на общественном разделении труда, так и на практике длительного общения людей в этнически однородной среде, органический характер которой, в свою очередь, имеет глубокие социальные основания. Теоретической основой изучения этих связей является научное наследие марксизма-ленинизма. Применительно к исторической действительности нашей страны В. И. Ленин неоднократно рассматривал вопрос о смене одних форм общественных связей другими, различающимися между собой качественно, в соответствии с тем, как качественно изменялась их экономическая основа.

Тут мы вплотную подходим к общеизвестной критике В. И. Лениным взгляда народника Михайловского, что национальные связи это будто бы суть «продолжение и обобщение связей родовых». Мысль В. И. Ленина по данному вопросу предельно ясна: русские национальные связи не были ни продолжением, ни обобщением архаических родовых связей древней Руси, напротив, они возникли вопреки не только родовым, но феодальным связям на базе новых экономических условий развивающегося товарного хозяйства. Возникновение и все большее упрочение национальных связей «вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок. Так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было не чем иным, как создание связей буржуазных»¹¹.

Процитированный текст широко использован в самых различных сочинениях историков и этнографов, касающихся проблемы национального развития народов России и зарубежных стран. Но гораздо меньше внимания уделялось вопросу о донациональных (или преднациональных) формах общественных связей, о которых В. И. Ленин писал столь же четко и определенно, называя их «средневековыми», «феодальными», «местными», наконец, «земляческими» связями¹². По Ленину, «... в средине века, в эпоху московского царства, ... родовых связей уже не существовало, т. е. государство основывалось на союзах совсем не родовых, местных: помещики и монастыри принимали к себе крестьян из различных мест, и общины, составлявшиеся таким образом, были чисто территориальными союзами. Однако о национальных связях в собственном смысле слова едва ли можно было говорить в то время: государство распадалось на отдельные „земли“, частью даже княжества, сохранявшие живые следы прежней автономии»¹³.

О том, что В. И. Ленин придавал особое историческое значение земляческим связям, свидетельствует следующее его положение: «только

¹⁰ Ю. В. Бромлей, Основные направления этнографических исследований в СССР, «Вопросы истории», 1968, № 1, стр. 48.

¹¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 154.

¹² Там же, т. 2, стр. 207, 208, 214.

¹³ Там же, т. 1, стр. 153.

крупная машинная индустрия (т. е. развитый капитализм.— Л. Л.) вполне разрушает земляческий характер общественных связей и ставит на их место национальные (и интернациональные) связи»¹⁴. К сожалению, столь важная характеристика донациональных связей, определявших собой целую полосу исторической жизни феодальной России (и не только России), как-то не утвердилась в этнографической литературе и даже встречает известное недопонимание, хотя она и присутствует в работах отдельных авторов¹⁵.

Очевидно, есть необходимость восстановить во всех правах научное определение донациональных земляческих связей. Сам этот термин рисуется нам удачным, вполне соответствующим букве и духу русских средневековых документов и представлениям наших предков, нашедшим отражение в русском языке¹⁶. Не обошла вниманием земляческие связи и дореволюционная отечественная историография¹⁷. Внимательное чтение летописных источников показывает, что средневековое русское общество вкладывало в понятие «земля» тот особый смысл, что это — не только страна, край, княжение («волость», «область»), но и населяющая его определенная территориальная и даже этно-культурная общность значительного числа людей.

Древнерусский летописный свод 1113—1118 гг., как известно, открывает особая вводная часть «Повесть временных лет — откуда есть пошла Русская земля, и кто в Киеве нача первее княжити, и откуда Русская земля стала есть». Из этого заголовка ясно, что «Повесть» имела целью по-своему осветить истоки русской государственности, первичное становление Киевско-Русского княжества¹⁸. Однако тот же летописец, обращаясь к более ранним временам, подчеркивает самостоятельность восточнославянских «племенных княжений», но называет из них примерно половину («И по сих братьи держати почаша род их княженъ в Полях, а в Деревлях свое, а Дреговичи свое, а Словени свое...» и т. д.)¹⁹. По мнению Б. А. Рыбакова, это «очевидно, объяснялось специальным интересом летописца именно к этой половине племен, составивших впоследствии Русь в ее первоначальном виде»²⁰.

Любопытна и та версия начального летописного свода, что, хотя поляне и их ближайшие соседи все были «от рода Словеньска», по отдельности они «имяху бо обычаи свои, и закон отец своих и преданья, каждо свой нрав», к тому же «живяху каждо со своим родом и на своих местах»²¹, то есть некоторым образом отличались друг от друга этнографически. Однако нет оснований считать, что в период политического оформления Киевской Руси эти группировки восточнославянского населения представляли собой отдельные и суверенные племенные социальные образования «военно-демократического» типа. В X в. все это оставалось лишь воспоминанием о прошлых временах.

Начальная летопись сообщает о перипетиях сложных отношений между Киевским «князем русским» и его данниками — населением «Деревьской земли», которая управлялась местным князьком и «лучши-

¹⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 3, стр. 392, примеч.

¹⁵ См., напр., А. Г. Агаев, К вопросу о теории народности, Махачкала, 1965, стр. 52; К. И. Козлова, Специфика этнической общности марийцев в период присоединения к России, «Сов. этнография», 1968, № 6, стр. 37.

¹⁶ По В. Далю: «Земля — страна, народ и занимаемое им пространство, государство, владение, область, край, округ — (И пришла на них ростовская земля — народ, войско)... Земля — единоземец, одноземец, соземец, рожденный в одном с кем-либо государстве, области, местности... Землячество — состояние земляков, взаимность этого отношения». («Толковый словарь», т. 1, М., 1955, стр. 678—679).

¹⁷ См., например, сб. «Киевская Русь», под ред. В. Н. Сторожева, т. 1, М., 1910, стр. 230—234; В. О. Ключевский, Соч., т. 6, М., 1959, стр. 133—134.

¹⁸ Б. А. Рыбаков, Древняя Русь, М., 1963, стр. 218.

¹⁹ «Повесть временных лет», СПб., 1910, стр. 9—10.

²⁰ Б. А. Рыбаков, Указ. раб., стр. 228.

²¹ «Повесть временных лет», стр. 8, 12.

ми мужи, иже дерьжаху Деревьску землю». Известны и последствия окончательного разгрома восставших против киевской власти древлян: на них была наложена «дань тяжкая», часть их угодий отошла в пользу княжеского домена, некоторые люди попали в полную кабалу (в «рабство») к киевским дружинникам — «мужам»²².

В этой связи позволим себе сделать пространную выдержку из сочинения А. Е. Преснякова, совершенно справедливо заметившего, что «... как только восточное славянство выступает на свет истории, уже организованное в политической форме Киевской Руси, перед нами картина такого строя народной жизни, который ничего общего с племенным бытом не имеет. Страна... разделена на ряд „земель“; каждая из этих „земель“ тянет к одному главному своему городу, составляя его „воласть“, а все земли вместе объединены в один сложный политический организм под главенством Киева. Вопрос о том, как представить себе процесс перехода от древнейшего племенного быта к историческому строю городских земель-областей, труднейший в истории древней Руси. Все попытки вывести второе явление из первого в виде органической эволюции не дают никакого результата и обречены на неизбежную неудачу. Городские волости-земли явились на развалинах племенного быта, не из него выросли, а его разрушали»²³.

Обрисованный социальный процесс перестроил структуру общественных связей в раннефеодальном обществе, заменив ранее господствовавшие среди населения связи по признаку родства связями по принципу соседской экономической заинтересованности. Сложилась и политическая система в форме сложно субординированной иерархической лестницы общественных положений, состояний, степеней господства и зависимости, различных ролей и функций в управлении общественной жизнью древней Руси. Эта сложная сеть социальных отношений «перекрыла» прежние автономные «земли» племенного типа. Но исторически заложенные в них диалектные, хозяйственные, культурно-бытовые и прочие основания и особенности «земляческой» общности долгое время не были преодолены. Они давали себя знать в любом случае «самоопределения» местного населения по отношению к крестьянской массе и господствующему слою соседних «земель» и княжений²⁴. Как бы в XI—XII вв. на перекраивались феодальные уделы — «волости», они обыкновенно составляли только части официально признаваемых «земель»: так, земля Черниговская делилась на Черниговскую собственно, Курскую и Трубчевскую «волости»²⁵.

Формирование Русского государства — прямого наследника древней Руси — с центром в Москве также началось путем собирания воедино многих земель Северо-Восточной Руси²⁶. Процесс этот происходил при более развитых, чем в Киевской Руси, феодальных отношениях. Во всех уделах (позднее уездах) централизованного государства, особенно на окраинах, шел процесс усиленного смешения русского и нерусского населения. Тем не менее, в отдельных областях по-прежнему, хотя и в ином оформлении, господствовали чисто земляческие связи, этнографи-

²² «Повесть временных лет», стр. 53, 58.

²³ А. Е. Пресняков, Лекции по русской истории, т. 1, М., 1938, стр. 62.

²⁴ «Правда Русская» в пространной редакции отразила публично-правовое обособление друг от друга «городовых земель» (например: «А из своего города в чюужю землю свода нетуть») и особое положение «чюужеземцев» на местных городских торгах — статья 55 «О долзе» («Правда Русская», М.—Л., 1940, стр. 22—23, 25). Еще ярче такое же положение отдельных «земель» (polensch lant) в государстве обрисовано в «Польской правде» XIII в. (Б. Д. Греков, Избранные труды, т. 1, М., 1957, стр. 438—439).

²⁵ В. О. Ключевский, Соч., т. 6, стр. 134.

²⁶ Подробное освещение этого процесса см. в кн.: «Очерки истории СССР (XIV—XV вв.)», М., 1953, раздел «Дальнейшее политическое объединение русских земель» в конце XIV — начале XV в. в.

чески выраженные спецификой диалекта и быта, крестьянским «своеземским» самосознанием и обоюдными «симпатиями» друг к другу рядовых «одноземцев», «земляков».

Особенно отчетливо это видно в областях с черносошным населением, пользовавшихся «земским» самоуправлением (например, земли Каргопольская, Двинская, Вятская). Очень интересна Вятская земля, которая в XIV—XV вв. успешно отстаивала свою самостоятельность от посягательств со стороны других феодальных центров²⁷. Вятчане гордо называли себя людьми «всеи земли Вяцкой», управлялись собственными самостоятельными «людьми болшими», но в 1489 г. вынуждены были под угрозой истребления бить челом московским воеводам «на всеи воле великого князя», а год спустя «воеводы великого князя Вятку всю розвели», то есть положили конец ее самостоятельности²⁸. Однако этнографические особенности и собственное имя («вятчане», «люди вятчкие») этой своеобразной земляческой общности русского населения Вятского края сохранялись и много столетий спустя.

Но как бы ни были интересны для этнографической науки земляческие группировки русского населения, их история не должна заслонять от нас историю формирования средневековой русской народности. Впрочем, это вопрос особого исследования, а в данной статье мы постараемся только определить соотношение между народностью и земляческой группировкой. В общем плане — это органическое соотношение между этническим целым и его составной частью примерно в том же роде, как и соотношение между основным языком и его диалектом, который в силу своего более или менее «автономного» развития или влияния со стороны иноязычного окружения может иметь заметные отличия от своего генетического источника.

Конечно, история языка не отражает полностью сложных этносоциальных процессов. В рукописи «Франкский период» Ф. Энгельс подчеркивал самостоятельное и первенствующее значение исторической перестройки социальных связей и форм общения в среде средневековых германцев: «Это прежде всего сказалось на народе в целом. Общее происхождение все в меньшей степени воспринималось как подлинное кровное родство, память о нем все больше ослабевала, оставались лишь общая история и общее наречие. Напротив, сознание кровного родства у жителей каждого отдельного округа, естественно, сохранялось дольше. Таким образом, народ превратился в более или менее прочную конфедерацию округов»²⁹. Здесь отражен только начальный этап формирования средневековой народности, на котором сложившиеся на развалинах не столь уж давних территориально-племенных общностей новые земляческие группировки еще сохраняют живые остатки социально-бытовой обособленности. Как долго проявляются такого рода различия — зависит от конкретно-исторических условий общественной жизни данной этнической общности и может быть определено только посредством специального исследования. Готовых рецептов и схем тут предложить нельзя. В России земляческие связи господствовали веками, и это имело под собой глубокое историческое основание, следующим образом обрисованное В. И. Лениным: «Законом докапиталистических способов производства является повторение процесса производства в прежних размерах, на прежнем техническом основании: таково барщинное хозяйство помещиков, натуральное хозяйство крестьян, ремесленное производство промышленников... При старых способах производства хозяйственные единицы могли существовать веками, не изменяясь ни по характеру, ни по величине, не выходя из пределов помещичьей вотчины, крестьянской де-

²⁷ М. Богословский, Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в., т. I, М., 1909, стр. 2—3.

²⁸ «Устюжский летописный свод», М.—Л., 1950, стр. 97.

²⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 496.

ревни или небольшого окрестного рынка для сельских ремесленников и мелких промышленников (так называемых кустарей)»³⁰. Конечно, и в такой среде даже при слабом развитии межрайонного разделения труда устанавливаются коммуникативные цепочки от селения к селению и происходит малозаметный («молекулярный») взаимообмен — демографический, хозяйственный, культурный и т. д., но сфера его действия более всего проявляется в узких границах областной, «земляческой» общности одноязычного населения.

Важно отметить, что в понятие «земля» русские люди XV—XVII вв. обычно вкладывали и собственно этническое содержание, когда речь заходила об исторически сложившихся группировках нерусского населения, фактически отдельных племенных общностях³¹. В Сибири это были большие и малые «землицы» (позднее «волости») с людьми различного происхождения, разной диалектной и родо-племенной принадлежности. Вот несколько примеров: в начале XVII в., когда встал вопрос об основании Красноярского острога, русские служилые люди были посланы «вверх по Енисею реке в новые землицы» на разведку, которая увенчалась успехом в Качинской (Тюлкиной) земле: «...и в той де Качинской земле места ужожи есть, острог поставити и пашня пахати немалая мочно... А только де в Качинской земле острог поставят, и братских и киргизских и иных земель людей под государеву царскую высокую руку приведут, и государю будет прибыль немалая»; в 1626 г. воевода Кузнецкого острога посылал в «новые земли» — Мутарскую (Моторскую) и Тубинскую — служилых людей, чтобы объяснить «тех новых людей Мутарцов и Тубинцов». В 1630 г. жители Енисейского острога жаловались, что новый Красноярский «острог Енисейскому острогу от тунгусских и от налягов и от чипогуров и от братских людей и от других земель не оборонь»³².

Вышеизложенный конкретно-исторический материал может показаться слишком уж пространным отвлечением от основной линии теоретической по замыслу статьи. Однако этот экскурс в историческую этнографию некоторых народов России вполне оправдан, ибо он, во-первых, показывает те научные основания, которые послужили В. И. Ленину для определения типичных для докапиталистических обществ земляческих связей, а во-вторых, еще раз обращает внимание читателя на одну из интереснейших проблем, которая заслуживает большего внимания со стороны этнографов.

В рассмотренном плане феодальная Россия не была исключением. Сходную по типу смену связей родовых территориально-соседскими, а племенных — земляческими переживали многие народы. В отношении Западной Европы этот процесс в важнейших его проявлениях прослежен Марксом и Энгельсом. Так, изучая социально-политическую структуру германцев в период «переселения народов» V—VI вв. и позднее, Ф. Энгельс пришел к выводу, что «с ростом численности народа и дальнейшим его развитием (германцы.—Л. Л.) все больше и больше забывали о союзе, основанном на кровном родстве и служившем здесь, как и повсюду, основой для всего строя народной жизни»; что с расселением германцев по римским провинциям «новые области на римской территории уже с самого начала представляли более или менее произвольно созданные — или обусловленные ранее существовавшими здесь отношениями — судебные округа или очень скоро становились таковыми»; что, наконец, «народ растворился в союзе мелких сельских общин, между которыми не существовало никакой — или почти никакой — экономической связи, так как каждая марка удовлетворяла свои потребности собствен-

³⁰ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 3, стр. 57.

³¹ По терминологии «Начальной летописи», это «суть нини языци, иже дань даютъ Руси: Чюдь, Меря, Весь, Мурома, Черемись, Морьдва, Пермь, Печере...» и т. д.

³² С. В. Бахрушин, Научные труды, т. IV. М., 1959, стр. 14, 15, 17, 18, 24.

ным производством... Вследствие такого состава народа только из мелких общин, экономические интересы которых были, правда, одинаковые, но именно поэтому и не общие, условием дальнейшего существования нации становится государственная власть, возникающая не из их среды, а враждебно им противостоящая и все более их эксплуатирующая»³³.

В принадлежащем перу Ф. Энгельса историческом сочинении «Крестьянская война в Германии» красной нитью проводится мысль, что господство узкоместных, земляческих связей было очень длительным и что в начале XVI в. «цивилизация в Германии существовала лишь местами, сосредоточиваясь вокруг отдельных промышленных и торговых центров; интересы даже этих отдельных центров сильно расходились; лишь кое-где едва обнаруживались точки соприкосновения... Из сельского населения только дворянство вступало в соприкосновение с более широкими кругами и с новыми потребностями. Крестьянская же масса никогда не выходила за пределы ближайших местных отношений и связанного с ними узкого местного горизонта»³⁴.

Подробно освещая социально-политическую обстановку в канун и в самом ходе Крестьянской войны 1525 г., Ф. Энгельс делает упор на том, что местная и провинциальная раздробленность и неизбежно порождаемая ею местная и провинциальная («земляческая») узость кругозора привели все движение к гибели, что ни бюргеры, ни крестьяне, ни плебеи не оказались способными на объединенное общенациональное выступление против феодально-клерикального засилия. Общенациональное движение в Германии начала XVI в. (объективно буржуазного содержания) еще не имело прочных социально-экономических оснований: «Группировка столь разнообразных в то время сословий в более крупные объединения была почти невозможна уже в силу децентрализации, независимости отдельных местностей и провинций друг от друга, взаимной отчужденности провинций в промышленном и торговом отношении и плохого состояния путей сообщения»³⁵. Так как и после Крестьянской войны Германия на столетия осталась экономически и политически раздробленной, процесс становления в ней общенациональных связей происходил крайне медленно и противоречиво, завершившись в основных чертах лишь во второй половине XIX в. в рамках реакционной прусско-полицейской государственности³⁶.

В сочинениях В. И. Ленина дано цельное марксистское учение о содержании и формах национального движения в эпоху поднимающегося капитализма и в тот период, который «характеризует зрелый и идущий к своему превращению в социалистическое общество капитализм»³⁷, а также в эпоху становления политически победившего социалистического общества. Исходя из классовых позиций революционного пролетариата, В. И. Ленин особо подчеркивал: «Принцип национальности исторически неизбежен в буржуазном обществе, и, считаясь с этим обществом, марксист вполне признает историческую законность национальных движений. Но, чтобы это признание не превратилось в апологию национализма, надо, чтобы оно ограничивалось строжайше только тем, что есть прогрессивного в этих движениях»³⁸. Безусловно прогрессивен подъем национальной угнетенной массы, страдающей как от обветшалых остатков феодализма, так и от крепнущего великодержавного господства ка-

³³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 496.

³⁴ Там же, т. 7, стр. 347.

³⁵ Там же, стр. 359.

³⁶ Касаясь вопроса о проведенном Бисмарком объединении Германии с помощью политики «крови и железа», современный немецкий автор-марксист пишет: «Национальное чувство масс... было привязано к колеснице государства господствующего класса, к его политике — оно было отделено от его демократического содержания». (В. Хайзе, В плену иллюзии, М., 1968, стр. 370).

³⁷ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 24, стр. 124.

³⁸ Там же, стр. 131—132.

питалистов. Прогрессивно революционно-демократическое движение за суверенность и свободу каждой отдельной сформировавшейся нации. Но никогда не следует забывать опасности влияния на трудящиеся массы буржуазного (и клерикального) национализма, любых попыток приспособления социализма к национализму³⁹. Классовая линия пролетариата и его передовой партии предельно ясна: «Никакого закрепления национализма пролетариат поддерживать не может,—напротив, он поддерживает все, помогающее стиранию национальных различий, падению национальных перегородок, все, делающее связи между национальностями теснее и теснее, все, ведущее к слиянию наций. Поступать иначе—значит встать на сторону реакционного националистического мешанинства»⁴⁰.

Сущность национального вопроса в марксистском понимании хорошо изложена в советской литературе, в специальных публикациях зарубежных марксистов-политиков и ученых. Столь же обстоятельно рассмотрена проблема зарождения и развития национальных движений в разных странах. Но это нисколько не исключает необходимости дальнейшего, более углубленного теоретического осмысления социальных и экономических основ национальных связей, возникающих в определенной исторической обстановке. В сложном и противоречивом общественном содержании этих связей аккумулируются и общие потребности развития производительных сил при этнодемографической концентрации одноязычного населения, и возросшие потребности этого населения в разностороннем общении, и объективные тенденции политической интеграции социально многообразной этнической среды.

В историческом плане этот процесс конспективно освещен В. И. Лениным следующим образом:

«Эпоха национальных движений—конец средних веков и начало нового времени, эпоха *буржуазно-демократических* революций. *Везде* и всюду национальные движения в это время.

... Экономические основы? Капитализм требует сплочения внутреннего рынка. Рынок есть центр торговых сношений. Главное орудие человеческих торговых сношений есть *язык*.

... Сплочение национальных областей (воссоздание языка, национальное пробуждение etc.) и создание *национального государства*. Экономическая необходимость его.

... Политическая надстройка над экономикой. Демократизм, суверенность нации. *Inde* (отсюда.—*Ред.*) „*национальное государство*...“»⁴¹.

Материальным основанием национальных связей служат широкое общественное разделение труда и товарное хозяйство при налаженной системе рыночных отношений. Выросший на базе промышленного производства и глубоко внедрившийся затем в сельское хозяйство, капитализм исторически создает общественный характер производства в целом государстве, причем крепнущие рыночные отношения разрушают средневековые общественные связи, ставя «на их место связи между *массами индивидов*, не связанных ни общиной, ни сословием, ни профессией, ни узким районом промысла и т. п.»⁴². Особенно активно действует в этом направлении крупная машинная индустрия—и непосредственно сама, как широко организованное производство, и через посредство многих ее экономических придатков,—стирая «местные, земляческие и профессиональные различия» между массой производителей, связи между которыми в главном и решающем имеют «более глубокое значение, основан-

³⁹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 24, стр. 238.

⁴⁰ Там же, стр. 133.

⁴¹ Там же, т. 24, стр. 385.

⁴² Там же, т. 2, стр. 214.

ное на общности ролей в народном хозяйстве, а не на территориальных, профессиональных, религиозных и т. п. интересах»⁴³.

В период становления национальных связей в масштабах целой страны огромную массу формирующейся нации составляет сельское население, которое не сразу и не во всех своих подразделениях втягивается в орбиту торгово-промышленной деятельности. Для судеб этого прогрессивного процесса очень важно полное проникновение обмена «до последней крестьянской семьи». Именно тогда капитализм выполняет свою миссию: «... разрушает местную замкнутость и ограниченность, заменяет мелкие средневековые деления земледельцев — крупным, охватывающим целую нацию, разделением их на классы, занимающие разное место в общей системе капиталистического хозяйства»⁴⁴.

Конечно, развитие это очень противоречиво, ибо, во-первых, его исходным пунктом служит «то различие положения и интересов, которое создано капитализмом и разложением крестьянства»⁴⁵; во-вторых, капитализм «создает новые общественные классы, по необходимости стремящиеся к связи, к объединению, к активному участию во всей экономической (и не одной экономической) жизни государства»⁴⁶; в-третьих, «капитализм в то же время раскалывает все общество на крупные группы лиц, занимающих разное положение в производстве, и дает громадный толчок объединению внутри каждой такой группы»⁴⁷, то есть общественного класса.

Таков в самых общих чертах социально-экономический аспект формирования наций при капитализме. При этом, естественно, надо учитывать всю многоплановость национального объединения, которое в целом есть конкретное воплощение исторически сложившихся этногенетических и социальных связей населения на определенной территории. Национальные связи охватывают широкий круг явлений, включая язык и традиционные формы культуры и быта. В. И. Ленин называл одним из требований национально-буржуазного развития «требование возможно большего единства национального состава населения, ибо национальность, тождество языка есть важный фактор для полного завоевания внутреннего рынка и для полной свободы экономического оборота»⁴⁸. Отсюда и стремление буржуазии в период подъема капитализма замкнуться в рамках «своего» национального государства, в котором ей обеспечивается полное господство над всеми слоями населения.

Марксистская партия российского пролетариата, будучи последовательным сторонником свободы и самоопределения всех наций, всегда отстаивала необходимость их демократического союза в одном большом государстве: «Разграничение наций в пределах одного государства вредно, и мы, марксисты, стремимся *сблизить и слить* их. Не „разграничение“ наций — наша цель, а обеспечение полной демократией их равноправия...»⁴⁹. В условиях российской действительности это отвечало объективным потребностям исторического развития еще при капитализме, ибо и тогда развитие производительных сил требовало «больших, государственно-сплоченных и объединенных территорий, на которых только и может сплотиться, уничтожая все старые, средневековые, сословные, узкоместные, мелконациональные, вероисповедные и прочие перегородки, класс буржуазии, — а вместе с ним и его неизбежный антитип — класс пролетариев»⁵⁰.

⁴³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 2, стр. 207.

⁴⁴ Там же, т. 3, стр. 313.

⁴⁵ Там же, стр. 236.

⁴⁶ Там же, стр. 382.

⁴⁷ Там же, стр. 600.

⁴⁸ Там же, т. 24, стр. 147.

⁴⁹ Там же, стр. 238.

⁵⁰ Там же, стр. 143—144.

Еще за несколько лет до Великой Октябрьской социалистической революции В. И. Ленин, исходя из тактических задач классовой борьбы пролетариата всех национальностей России, приветствовал «возможно тесное экономическое сплочение крупных территорий, на которых бы могла широко развернуться борьба пролетариата с буржуазией»⁵¹. История триумфального шествия Советской власти по стране, гражданской войны и начала строительства Союза Советских Социалистических Республик показала всему миру, насколько прав был в этом вождь русского пролетариата.

Советские историки и этнографы сделали многое в области изучения процессов становления наций и национальных союзных и автономных образований в нашей стране. Этот опыт общих и региональных исследований имеет большое международное значение. Но мы не можем еще сказать, что в данной области сделано все (или почти все) в строгом соответствии с требованиями объективно-научной доказательности, на базе широких историко-социологических обобщений. Еще встречаются попытки умозрительно «формировать» отдельные нации без раскрытия сложных и многоплановых процессов этнического развития народов, совместно пошедших по социалистическому пути.

Вспомним еще раз, насколько серьезно относился В. И. Ленин к определению конкретных путей и возможностей перехода тех или иных (в том числе, конечно, и национальных) районов России к крупному социалистическому хозяйству, построенному на машинной индустрии. Он указывал, что «...конкретные условия и формы этого перехода неизбежно являются и должны быть разнообразными в зависимости от тех условий, при которых начинается движение, направленное к созданию социализма. И местные отличия, и особенности экономического уклада, и бытовые формы, и степень подготовленности населения, и попытки осуществить тот или иной план — все это должно отразиться на своеобразии пути к социализму в той или иной трудовой коммуне государства»⁵².

В этих словах изложена целая программа актуальнейших исследований, которую предстоит еще выполнить совместными усилиями научных работников смежных обществоведческих дисциплин.

SUMMARY

Historical data on Eastern and Western Europe is interpreted in the light of Lenin's teaching on the succession of typical forms of social ties in accordance with qualitative changes in their economic basis. Purely local (*zemlyatcheski*) ties among predominantly agricultural population loosely integrated in the systems of Mediaeval states are illustrated by data from Russian and German history, as well as the overcoming of these limitations in national states with a capitalist market. A general definition of the different historical types of social ties is proposed:—the local (*zemlyatcheski*) ties formed on the basis of a hierarchical system of dependence as to land and person under subsistence economy; the national—arising on the basis of a widening social division of labour through a system of market economy. The problem of further study of ethnic processes is posed with a more profound utilization of the heritage of Lenin's theory.

⁵¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 24, стр. 143.

⁵² Там же, т. 36, стр. 152.

В. А. Александров

**В. И. ЛЕНИН О СЕЛЬСКОЙ ОБЩИНЕ
В КРЕПОСТНИЧЕСКОЙ РОССИИ**

В историографии дореволюционной России трудно найти проблему, которая была бы так тесно связана с общественно-политической борьбой, как проблема сельской общины. Интерес к ней впервые вспыхнул только в середине XIX в., но уже в последующие пять-шесть десятилетий о сельской общине была создана колоссальная литература. Если к 1850 г. было издано только 4 работы о русской сельской общине, а к 1855 г.— 5, то за пятилетие с 1856 по 1860 гг.—99 и к 1880 г.—546 работ. По другим библиографическим подсчетам литература о сельской общине, вышедшая в свет в 1876—1904 гг., насчитывала более 2 тыс. названий книг и статей¹.

В России накануне буржуазной реформы 1861 г. и сразу же после ее осуществления все общественные и политические силы в стране прежде всего определяли свою позицию в крестьянском вопросе, имевшем тогда первостепенное значение в развитии общества и государства. В полемике по этому вопросу, отражавшей разгоравшуюся классовую борьбу и захватившей отъявленных крепостников и либералов, славянофилов и западников, народников и марксистов, не случайно первостепенное место отводилось сельской общине. С отменой крепостного права и изменением общественных отношений в русской деревне ранее мало кого интересовавший вопрос о сельской общине приобрел принципиальное и злободневное значение. Быстро определившиеся в этой борьбе взгляды (главным образом на земельную собственность) тотчас потребовали исторических обоснований происхождения существовавшей сельской общины, ее взаимоотношений с государственной властью и значения в хозяйственной жизни деревни. Историки, этнографы, правоведы, экономисты стремились обосновать взгляды того общественного лагеря, к которому они идейно примыкали или которому сочувствовали.

Специфичность устройства русской сельской общины, не знавшей частной собственности на землю, ее уравнилельно-передельная земельная система, круговая порука и другие хозяйственные и бытовые особенности, резко отличавшие ее в XIX в. от западноевропейской деревни, укрепляли у многих исследователей уверенность в самобытном историческом пути России и способствовали развитию именно в этом направлении общетеоретических взглядов в русской буржуазной историографии второй половины XIX—начала XX вв. Еще в конце 1830-х гг. славянофилами (И. Киреевским, А. Хомяковым) была выдвинута идея об общине как изначальной и основной форме русской народной жизни. В 50-х гг. XIX в. точка зрения на историю общины была сформулирована теоретиком «государственной школы» и идеологом помещичье-буржуазного либерализма Б. Н. Чичериным. Отрицая какую-либо преемственную связь с ранее существовавшими на Руси формами общины и обосновывая всеисилие государственного начала в русском историческом процессе, Б. Н. Чичерин объявил, что бытовавшая в XIX в. в России сельская

¹ С. А. Токарев, История русской этнографии, М., 1966, стр. 291.

община создана была именно государством как фискальная организация в связи с введением подушной подати в XVIII в. Опираясь на эту точку зрения, другие защитники помещичьего землевладения доказывали, что общинное устройство не дает крестьянам права на землю, а его порядки (переделы, круговая порука) порождены крепостным правом, инициативой помещиков и т. п. Точка зрения Б. Н. Чичерина в дальнейшем была поддержана и П. Н. Милюковым. «По существу своему, русская община есть принудительная организация, связывающая своих членов круговым обязательством в исправлении отбывания лежащих на ней платежей и повинностей и обеспечивающая себе эту исправность уравниванием повинностей с платежными средствами каждого члена»² — писал он, и далее проводил мысль о распространении общинных порядков из центра страны на север и юг России в XVIII—XIX вв. под правительственным нажимом³. Та же мысль проводилась крупным историком права В. И. Сергеевичем с той только разницей, что создание общины он относил к концу XV в. и даже к еще более раннему времени⁴.

Взгляды на административное, сравнительно недавнее происхождение сельской общины и чисто фискальный характер ее организации и функций встретили ожесточенное сопротивление со стороны представителей самых разных направлений общественно-политической мысли. Славянофилы отстаивали мысль о существовании общины с древнейших времен в неизменном виде (И. Д. Беляев, К. С. Аксаков и др.). «Защитники исконности и незыблемости русской общины (К. Аксаков и др.) видели в ней гарантию от проникновения в деревню капитализма и от зарождения в России пролетариата, с выступлением которого они связывали европейские революции и появление „язв капитализма“ — писал Б. Д. Греков⁵. Против теории как «государственной школы», так и славянофилов о происхождении общины в России выступил глава революционных демократов Н. Г. Чернышевский; «если Чернышевский разоблачал славянофильские представления о русской общине, как выражение „народного духа“, то он с неменьшей решительностью опровергал либерально-буржуазные извращения, цель которых заключалась в том, чтобы доказать будто бы русская община создана самодержавным государством» — писал один из наиболее авторитетных советских исследователей-историографов В. Е. Иллерицкий⁶.

В дальнейшем взгляды славянофилов, доказывавших историческую обусловленность особого уклада русской жизни, были восприняты народниками⁷.

Конкретные исследования этнографического, земельно-статистического и правового характера, активно развернувшиеся с 1860—70-х гг., дали большой материал о сельской общине и привели исследовательскую мысль к ряду интересных наблюдений. На основании материалов комиссии по преобразованию волостных судов С. В. Пахман показал широкое бытование норм обычного права в жизни общины и отметил многообразие ее функций (хозяйственных, административных, морально-воспитательных, контролирующих и др.). Подчеркивая известную зависимость правительственного законодательства от правовых начал, столетиями разрабатывавшихся в сфере народного быта, он писал: «Сельская об-

² П. Н. Милюков, *Очерки по истории русской культуры*, СПб., 1904, стр. 238.

³ Там же, стр. 258—260.

⁴ В. И. Сергеевич, *Древности русского землевладения*, «Журнал Министерства народного просвещения», 1901, № 3, стр. 49, 54.

⁵ Б. Д. Греков, *Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в.*, кн. I, М., 1952, стр. 60, 61.

⁶ В. Е. Иллерицкий, *Вопросы древнерусской истории в освещении революционеров-демократов*, «Труды Московского государственного историко-архивного института», т. XI, М., 1958, стр. 200.

⁷ В. А. Твардовская, *Социалистическая мысль России на рубеже 1870—1880 гг.*, М., 1969, стр. 191, 192, 115.

щина в той или другой форме существовала задолго прежде чем она стала прямым органом общих интересов государства»⁸. Ретроспективные наблюдения о поземельных отношениях у русских крестьян на Русском Севере (А. Я. Ефименко, А. Лалаш, Г. Приклонский и др.) и анализ выявленного по тем же областям архивного материала (П. А. Соколовский, П. Иванов) привели исследователей к мысли о существовании в разные хронологические периоды различных форм поземельных отношений, изменявшихся под воздействием конкретных хозяйственных обстоятельств или правительственной политики. А. А. Кауфман, обобщивший огромный статистический материал, главным образом по Сибири, представлял смену общинных поземельных форм как эволюционный процесс развития общины. В создании общинно-уравнительной формы основную роль он отводил экономическим отношениям и полагал, что эта форма землепользования была результатом внутриобщинных процессов, проходивших под влиянием прогрессирующего земельного «утеснения»⁹, «не община создает уравнительные порядки землепользования, не община творит общинное обычное право, а наоборот, на общинно-уравнительных порядках складывается и сплавляется земельная община»¹⁰. Мысль об эволюционной смене поземельных общинных форм развивалась и обобщалась и другими исследователями. А. А. Кауфман, доказывавший систему своих взглядов на основании «живых» фактов, бытовавших в его время на окраинах государства, отрицательно относился к возможности восстановления по документам «действительного вида и действительной эволюции» форм землепользования в XVI—XVIII вв.¹¹. На том же настаивали А. Я. Ефименко и даже Н. А. Рожков, специально занимавшийся историей сельского хозяйства России в XVI в.¹²

Однако исследования по истории русского крестьянства XVI—XVIII вв. А. С. Лаппо-Данилевского, В. И. Семевского, П. А. Соколовского, П. Иванова и других ученых показали неосновательность такого пессимизма. А. С. Лаппо-Данилевский, прослеживая происхождение территориальной крестьянской общины, отводил государственному воздействию лишь роль ускоряющего фактора в этом процессе. Он подчеркивал, что «развитие крестьянской общины не всюду привело к однообразным результатам вследствие различия естественных и социально-экономических условий, среди которых оно было поставлено в разных местностях северной, средней и южной полосы государства»¹³. Приблизительно та же точка зрения о «естественном» происхождении общины развивалась В. И. Семевским. Он доказывал, что к середине XVIII в. в центральной России общинное землевладение с переделами было повсеместным, давно установившимся явлением у разных категорий крестьян¹⁴.

Приведенные мнения, конечно, далеко не исчерпывают истории теоретического спора о происхождении и существовании сельской общины, бытовавшей в России. Они лишь свидетельствуют о том, что русская буржуазная историческая наука так и не смогла разрешить эту проблему, хотя

⁸ С. В. Пахман, Обычное гражданское право в России, т. I, СПб., 1877, стр. 11.

⁹ А. А. Кауфман, Документы и живая история русской общины, СПб., 1904, стр. 44.

¹⁰ А. А. Кауфман, К вопросу о происхождении русской земельной общины, М., 1907, стр. 29.

¹¹ А. А. Кауфман, Русская община. В процессе ее зарождения и роста, М., 1908, стр. 437.

¹² Н. А. Рожков, Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке, М., 1899, стр. 201.

¹³ А. А. Лаппо-Данилевский, Организация прямого обложения в Московском государстве со времен смуты до эпохи преобразований, СПб., 1890, стр. 78.

¹⁴ В. И. Семевский, Очерки из истории крепостного права в Великороссии во второй половине XVIII в., «Русская мысль», М., 1880, кн. V, стр. 92—95; его же, Казенные крестьяне при Екатерине II, «Русская старина», 1879, т. 25, стр. 238, 242; его же, Крестьяне в царствование Екатерины II, т. 2, СПб., 1901, стр. XII, 35.

много сделала в выявлении и изучении некоторых типов источников и добилась существенных результатов в исследовании отдельных форм общинного землепользования и норм обычного права, регулировавших хозяйственную и бытовую жизнь общинного крестьянства. Попытки обобщения материала по истории общины, сделанные Ф. Щербиной, и последовавшие обобщающие работы К. Р. Качоровского и А. А. Кауфмана не достигли и не могли достичь своей цели¹⁵. Различные взгляды на общину (как на изначальное и неизменное явление русской жизни; как на формы общественной организации, по своему существу органически не связанные друг с другом на разных этапах исторического развития, или, наконец, как на эволюционную смену форм землепользования) продолжали существовать, и А. А. Кауфман справедливо писал в 1908 г.: «Сорок пять лет прошло,— и несмотря на огромные успехи русской исторической науки, на колоссальные запасы новых факторов, осветивших вопрос о происхождении общины в некоторых совершенно новых направлениях, вопрос этот остается открытым, и взаимно друг друга исключаящие взгляды по-прежнему находят одинаково многочисленных и авторитетных сторонников»¹⁶. Причина этой общей для русской буржуазной науки неудачи объяснялась не столько сложностью проблемы, недостаточной разработкой исторических источников, сколько противоречивостью политических взглядов (прежде всего на земельную частную собственность) и — самое главное — общей методологической слабостью буржуазных исследователей, чуждых подлинного понимания внутренней закономерности исторического процесса. Только Н. П. Павлов-Сильванский подошел к пониманию общины как определенной стадии общественного развития народов и, рассматривая общину в системе развивавшегося феодализма, большое внимание уделил истории ее подчинения крупному землевладению, боярщине¹⁷.

Методологические пути решения проблемы общины, в частности, в России, были определены только марксистско-ленинской наукой. К. Маркс и Ф. Энгельс создали научную схему постепенного разложения первобытной собственности, становления сельской общины — марки и подчинения ее феодалам в процессе формирования и развития феодального способа производства. Они во многих работах подчеркивали исторический приоритет общинных форм землевладения над частными и прослеживали судьбу общины в условиях разных социально-экономических формаций. Наброски ответа К. Маркса на письмо В. И. Засулич свидетельствуют о его глубоком внимании к сельской общине в пореформенной России; К. Маркс рассматривал сельскую общину в России как один из типов в общем ряду подобных же социальных образований, «отличающихся друг от друга и по типу, и по давности своего существования и обозначающих фазы последовательной эволюции»¹⁸. Выводы К. Маркса и Ф. Энгельса послужили основой в историко-материалистическом осмыслении судеб и существа русской общины.

Работы В. И. Ленина открыли новый, марксистский этап в развитии исторической науки в России; в них было уделено немало места и проблемам общины. Обосновывая свою точку зрения на существо аграрного вопроса в России, В. И. Ленин направлял острие критики прежде всего против широко распространенных в среде демократической интеллигенции народнических взглядов. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал неисторичность этих взглядов. В ранней теоретической работе «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?»

¹⁵ Ф. Щербина, Русская земельная община, «Русская мысль», 1880, № 5—8, 10, 12; К. Р. Качоровский, Русская община, М., 1906.

¹⁶ А. А. Кауфман, Русская община. В процессе ее зарождения и роста, стр. 408.

¹⁷ Н. П. Павлов-Сильванский, Феодализм в удельной Руси, СПб., 1910, гл. 8, стр. 228 и след.

¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 417.

В. И. Ленин указывал, что народническая теория в своем первоначальном виде исходила из представления об особом укладе народной жизни в России и их теоретическая работа «была направлена главным образом на изучение той формы *землевладения*, в которой хотели видеть задатки коммунизма... Но этот материал, касающийся преимущественно формы *землевладения* совершенно загрозил от исследователей *экономику* деревни»¹⁹. В. И. Ленин, развивая свою мысль, указывал, что народники своими разглагольствованиями о «народном строе» и «общине» обходят главное — политико-экономическую структуру деревни²⁰. В своей работе «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» В. И. Ленин тогда же подчеркивал, что народники «за формой *землевладения* отдельных крестьянских общин не видят экономической организации всего русского общественного хозяйства»²¹ и объясняют состояние деревни особенностями поземельной, податной, промышленной политики, а не особенностями общественной организации производства²². Чуть позднее (1897 г.), в работе «От какого наследства мы отказываемся?» В. И. Ленин при характеристике народнических воззрений особо выделял взгляды народников на капитализм в России как на регресс в общественном развитии и их уверенность в самобытности русского экономического строя вообще и крестьянина с его общиной, артелью и т. п., в частности²³. Наконец, в 1905 г., говоря об эволюции народнической идеологии, В. И. Ленин вновь писал: «Старое русское революционное народничество стояло на утопической, полуанархической точке зрения. Мужика-общинника считали готовым социализмом»²⁴.

В. И. Ленин подчеркивал, что при изучении общины важно не путать две различные стороны вопроса — агрикультурную и бытовую сторону с политико-экономической²⁵; именно последней он отводил первостепенное значение. В характеристике прошлого русской общины В. И. Ленин прежде всего исходил из социально-экономических условий, в которых она существовала.

Создание теории пролетарской революционной борьбы в России В. И. Ленин считал невозможным без конкретного знания истории, ибо полагал, что «теория, основанная на детальном и подробном изучении русской истории и действительности, должна дать ответ на запросы пролетариата»²⁶. В. И. Ленин развивал марксистское учение о социально-экономических формациях, как основным звеном в понимании закономерностей исторического процесса. Дialeктико-материалистический анализ особенностей развития России в эпоху капитализма В. И. Ленин основывал на изучении предшествующей, феодальной формации, осмыслении сущности свойственных ей общественных отношений и условий, определявших господство этих отношений. Впервые в русской исторической науке В. И. Ленин указал на существование феодализма в России, как системы общественных отношений, основывающихся на крепостничестве. В своей работе «Аграрная программа русской социал-демократии» (1902) В. И. Ленин считал идентичными понятия «крепостники-помещики» и «феодалы»²⁷, а несколько позже термин «феодализм» объяснял как — «землевладение и привилегии крепостников-помещиков»²⁸. Понимание В. И. Лениным феодализма, как системы общественных отношений в

¹⁹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 284—285.

²⁰ Там же, стр. 333.

²¹ Там же, стр. 355.

²² Там же, стр. 381.

²³ Там же, т. 2, стр. 528.

²⁴ Там же, т. 9, стр. 179.

²⁵ Там же, т. 17, стр. 81.

²⁶ Там же, т. 1, стр. 307.

²⁷ Там же, т. 6, стр. 314—315.

²⁸ Там же, т. 22, стр. 155.

России, вело к принципиально новому подходу к русской средневековой истории, а его знаменитая характеристика сущности феодализма в России — крепостнического барщинного хозяйства (господство натурального хозяйства; наделение непосредственного производителя средствами производства вообще и земель, в частности; его прикрепление к землям личная зависимость крестьянина от помещика; крайне низкое и рутинное состояние техники), данная в третьей главе «Развития капитализма в России»²⁹, явилась по существу целой программой научных исследований для марксистов-аграрников в России.

В глубокой взаимосвязи рассматривал В. И. Ленин состояние и изменение общественных отношений и государственного строя в феодальной России. Как известно, В. И. Ленин считал XVII в. в истории России переломным моментом, началом «нового периода» в ее истории, когда началось образование всероссийского рынка и буржуазных связей³⁰. Отмечая различные этапы развития русского государственного строя за три века, — монархию XVII в. с боярской думой, чиновниче-дворянскую монархию XVIII в., монархию первой половины XIX в. («эпоха николаевская крепостная») — и изменение уклада российского государства в 1861 г., В. И. Ленин указывал на единый, хотя и длительный путь превращения феодальной монархии в монархию буржуазную³¹ и подчеркивал, что в аграрном строе пореформенной России стойко сохранялись остатки крепостнических отношений, которые охранялись самодержавием. Даже после революции 1905 г. В. И. Ленин называл русский царизм «полупатриархальным, полукрепостническим»³². Анализируя процесс развития капитализма в русской деревне, В. И. Ленин прежде всего обращался к характеристике пережитков крепостничества и связывал их с существом феодальных производственных отношений. «Гениальное проникновение В. И. Ленина в глубь и в сущность явлений делает его высказывания по данным вопросам одинаково ценными для понимания не только русского варианта феодальных отношений, но и существа феодальных производственных отношений в целом», — отмечал крупный советский медиевист С. Д. Сказкин³³.

Исследование В. И. Лениным процесса развития капитализма в русской деревне дает возможность понять существо сельской общины в крепостнической России. Если буржуазные ученые, собравшие огромное количество «живых» фактов об общине, так и не смогли воссоздать ее истории, то В. И. Ленин в той же российской действительности конца XIX в. сумел увидеть пережиточные явления в жизни крестьянского мира и дал четкое представление о его положении и месте в крепостническом обществе. Говоря о пережитках крепостничества в русской деревне, В. И. Ленин имел прежде всего в виду сохранившиеся пережитки феодальной социально-экономической системы, ее основу — барщинное хозяйство, существо последнего — его натуральный характер, и надстроечное явление — крепостное состояние крестьян, которое обеспечивало функционирование этого хозяйства. В. И. Ленин не случайно называл феодально зависимых крестьян владельцами, но не собственниками, наделов, учитывая фактическую монополию феодалов на основное средство производства — землю. «В средние века, в эпоху московского царства», В. И. Ленин четко выделял в структуре феодального хозяйства два звена — вотчину и крестьянскую общину в их неразрывной взаимосвязи; «...помещики и монастыри принимали к себе крестьян из различных мест, и общины, составлявшиеся таким образом, были чисто

²⁹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 3, стр. 184—185.

³⁰ Там же, т. 1, стр. 153—154.

³¹ Там же, т. 17, стр. 346; т. 20, стр. 121, 165—166, 196—197.

³² Там же, т. 17, стр. 358.

³³ С. Д. Сказкин, В. И. Ленин и некоторые проблемы медиевистики, сб. «Средние века», вып. XVIII, М., 1960, стр. 4.

территориальными союзами», — писал он³⁴. В этой формулировке обращает на себя внимание понимание общины как «территориального союза», т. е. признание В. И. Лениным ее соседского характера.

В. И. Ленин подчеркивал, что замкнутость вотчины и крестьянской общины обуславливалась натуральным характером хозяйства. «Крепостное поместье должно было представлять из себя самодовлеющее, замкнутое целое, находящееся в очень слабой связи с остальным миром»³⁵, — писал В. И. Ленин в «Развитии капитализма в России»; там же он говорил и об обособленности хозяйства крестьян: «Прикованные к своему наделу, к своей крохотной «общине», они были резко отделены даже от крестьян соседней общины различием тех разрядов, к которым они принадлежали»³⁶. Развивая эту мысль, В. И. Ленин в «Аграрной программе социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов» дал характеристику общин как мелких, обособленных хозяйственных миров: «Средневековым является в России не только помещичье, но и крестьянское надельное землевладение. Оно невероятно запутано. Оно раздробляет крестьян на тысячи мелких делений, средневековых разрядов, сословных категорий. Оно отражает на себе вековую историю беспардонного вмешательства в крестьянские поземельные отношения и центральной власти и местных властей. Оно загоняет крестьян, точно в гетто, в мелкие средневековые союзы фискального, тяглогового характера, союзы по владению надельной землей, т. е. общины»³⁷. Раскрывая содержание производственных отношений в крепостническом хозяйстве, где помещик давал крестьянину средства производства и где «надел», как часть земельных владений все той же вотчины, «служил всецело и исключительно для эксплуатации крестьянина помещиком, для «обеспечения» помещику рабочих рук»³⁸, В. И. Ленин указывал на хозяйственную зависимость вотчины от крестьянского хозяйства, на невозможность ее существования вне этого хозяйства. При этой взаимосвязи община была для феодала-вотчинника орудием по обеспечению его интересов, по обеспечению фискальных, тягловых повинностей. Крепостники-помещики, как писал В. И. Ленин, проводили политику охранения старых общинных порядков крестьянского землевладения вплоть до конца XIX в.³⁹

В. И. Ленин несколько раз подчеркивал, что исполнение крестьянами вотчинных повинностей было возможно только при условии прикрепления их к земле. В своей работе «Что такое „друзья народа“...» В. И. Ленин писал, что только одно крепостное право обеспечивало «связь» крестьянина с землей⁴⁰, а в «Развитии капитализма в России», анализируя крепостнические пережитки пореформенной деревни, вновь отмечал: «Без той или иной формы прикрепления населения к месту жительства, к „общине“, без известной гражданской неполноправности, отработки, как система, были бы невозможны»⁴¹. Поземельную общину В. И. Ленин называл фискально-крепостнической обузой, связывавшей крестьян круговой порукой, сословными рамками, препятствовавшей свободе передвижений и свободе распоряжений землей каждым крестьянином⁴². Система сословных ограничений, существование которой поддерживалось общиной, обеспечивала при общинном разделе земли обязательность надела для крестьянина, что было основным условием существования крепостнического хозяйства. «Безземельный, безлошадный,

³⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 153.

³⁵ Там же, т. 3, стр. 184.

³⁶ Там же, стр. 312—313.

³⁷ Там же, т. 16, стр. 405—406.

³⁸ Там же, т. 1, стр. 516 (см. также, т. 1, стр. 473; т. 3, стр. 183).

³⁹ Там же, т. 16, стр. 423.

⁴⁰ Там же, т. 1, стр. 248.

⁴¹ Там же, т. 3, стр. 198.

⁴² Там же, т. 6, стр. 344.

бесхозный крестьянин — негодный объект для крепостнической эксплуатации», — отмечал В. И. Ленин⁴³. Обязательное, наделное крестьянское землевладение В. И. Ленин называл средневековым⁴⁴, а, перечисляя черты крепостнического хозяйства, наряду с подчинением крестьян привилегированным землевладельцам в области суда и управления, понятие обязательное «обеспечение наделом» ассоциировал с понятием «прикрепление к земле»⁴⁵.

«Союз по владению наделной землей» отражал сословную — общественную и хозяйственную — организацию русского крестьянства, причем сугубо замкнутую, разобщающую самих же крестьян. В. И. Ленин тонко подметил сословную солидарность крепостной деревни по отношению к помещику: «тогдашняя солидарность вызывалась тогдашними материальными условиями, которые не могут вернуться: крепостное право стесняло одинаково всех — и крепостного бурмистра, накопившего деньжонок и желавшего пожить в свое удовольствие, и хозяйственного мужика, ненавидевшего барина за поборы, вмешательство и отрывание от хозяйства, и пролетария-дворового и обедневшего мужика, которого продавали в кабалу купцу»⁴⁶. В этом случае община представляла из себя силу, на которую крестьянин опирался. В. И. Ленин подчеркивал, что мир был силою в крепостной деревне, «когда всех давил одинаково барин-крепостник»⁴⁷. Но эта сословная замкнутость общины, определявшаяся раздробленностью производства, свойственной феодальному обществу, что не раз отмечалось В. И. Лениным, ослабляла социальный протест крестьянства.

В 1897 г. в работе «К характеристике экономического романтизма» В. И. Ленин отмечал принципиальное отличие капиталистического производства в деревне от производства общинного: «„Община“ давала (если давала...) организацию производству только в одной отдельной общине, разъединенной от каждой другой общины. Общественный характер производства обнимал только членов одной общины. Капитализм же создает общественный характер производства в целом государстве»⁴⁸.

Критикуя в 1902 г. аграрную программу эсеров и связывая ее с идеями народничества о переходе к социализации земли на основе традиций общинного распоряжения землей, В. И. Ленин называл безнадежно слепыми и глухими тех, кто не знает, что средневековая замкнутость общины раздробляет крестьянство на крохотные союзы и поддерживает традиции козности, забитости и одичалости⁴⁹. Эта же мысль проводилась В. И. Лениным в работе «Аграрный вопрос в России к концу XIX века» (1908 г.), где он указывал, что община «играет роль средневековой перегородки, разобщающей крестьян, точно прикованных к мелким союзам и к потерявшим всякий „смысл существования разрядам“»⁵⁰, и подчеркивал фактическое отсутствие уравнительности в земельном обеспечении крестьян различных общин⁵¹, объясняемое различиями местных условий и безраздельным господством крепостников-помещиков. «Только внутри мелких общин аппарат переделов создает уравнительность этих небольших замкнутых союзов», — отмечал В. И. Ленин⁵². По определению В. И. Ленина, средневековая форма землевладения и организация всей хозяйственной жизни русской деревни в их взаимосвязи

⁴³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 17, стр. 72.

⁴⁴ Там же, т. 16, стр. 258.

⁴⁵ Там же, т. 1, стр. 491.

⁴⁶ Там же, стр. 305—306.

⁴⁷ Там же, т. 7, стр. 149.

⁴⁸ Там же, т. 2, стр. 214.

⁴⁹ Там же, т. 6, стр. 395.

⁵⁰ Там же, т. 17, стр. 65.

⁵¹ Там же, стр. 82.

⁵² Там же.

консервировали феодальный способ производства: «Владение надельной землею разделяет крестьян тысячами средневековых перегородок и средневековою фискальною „общиною“, задерживает развитие производительных сил»⁵³.

Противоречивость общины, как института феодального общества отражалась и на воспитанной веками психологии крестьянства. В. И. Ленин, высмеивая народническую веру в коммунистические инстинкты «общинного» крестьянина, якобы готового к борьбе за социализм⁵⁴, говорил, что «система „стародворянского“ хозяйства, привязывавшая население к месту, раздроблявшая его на кучки подданных отдельных вотчинников, и создавала придавленность личности»⁵⁵. Эта придавленность личности крепостного крестьянина, лишенного какого-либо общественно-го кругозора, укреплялась принципами и общинного существования, укоренившимся в сознании крестьян представлением о необходимости надельного землевладения и их враждебностью к частному владению. В характеристике общественной значимости произведений Л. Н. Толстого В. И. Ленин предельно четко показывал противоречивость психологии общинного крестьянина и ее тормозящую роль в пореформенных условиях России: «В произведениях Толстого выразились и сила и слабость, и мощь и ограниченность именно крестьянского массового движения. Его горячий, страстный, нередко беспощадно-резкий протест против государства и полицейски-казенной церкви передает настроение примитивной крестьянской демократии, в которой века крепостного права, чиновничьего произвола и грабежа, церковного иезуитизма, обмана и мошенничества накопили горы злобы и ненависти. Его непреклонное отрицание частной поземельной собственности передает психологию крестьянской массы в такой исторический момент, когда старое средневековое землевладение, и помещичье и казенно-„надельное“, стало окончательно нестерпимой помехой дальнейшему развитию страны и когда это старое землевладение неизбежно подлежало самому крутому, беспощадному разрушению»⁵⁶.

В теоретической полемике В. И. Ленина с народниками одно из основных мест занимал вопрос о путях развития капитализма в русской деревне. По мнению народников, именно общинное начало препятствовало проникновению капитализма в земледельческое производство. В. И. Ленин на огромном фактическом материале пореформенного периода, особенно в своей книге «Развитие капитализма в России», показал глубокую ошибочность этого теоретического положения, опиравшегося, в частности, на распространенное в буржуазной историографии убеждение о самобытности исторического пути России. «Крестьянская собственность на землю (вырабатывавшаяся в течение феодального периода), — писал В. И. Ленин, — и была повсюду на Западе, как и у нас в России, — основой буржуазного общества»; в сноске он конкретизировал свою мысль: «Доказательство — разложение крестьянства»⁵⁷.

Хорошо известно, что В. И. Ленин отмечал крайне медленное развитие капитализма в русской деревне. В «Развитии капитализма в России» он писал о противоречивости этого процесса: «русское общинное крестьянство — не антагонист капитализма, а, напротив, самая глубокая и самая прочная основа его. Самая глубокая, — потому что именно здесь, вдали от каких бы то ни было „искусственных“ воздействий и несмотря на учреждения, стесняющие развитие капитализма, мы видим постоянное образование элементов капитализма внутри самой „общины“. Самая прочная, — потому что на земледелии вообще и на крестьянстве в особенности тяготеют с наибольшей силой традиции старины, традиции патриар-

⁵³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 17, стр. 158.

⁵⁴ Там же, т. 1, стр. 284; т. 9, стр. 179.

⁵⁵ Там же, т. 1, стр. 434.

⁵⁶ Там же, т. 20, стр. 20—21.

⁵⁷ Там же, т. 1, стр. 281.

хального быта, а вследствие этого — преобразующее действие капитализма (развитие производительных сил, изменение всех общественных отношений и т. д.) проявляется здесь с наибольшей медленностью и постепенностью»⁵⁸. Отмечая враждебность крепостничеству всех имущественных слоев деревни, В. И. Ленин в то же время указывал: «...за пределами этой солидарности начинался самый резкий хозяйственный антагонизм»⁵⁹. Этот антагонизм определялся имущественным неравенством в сельской общине. По словам В. И. Ленина, крепостническая форма общественного устройства «создавала свою особую нищету, которую она и передала по наследству капитализму»⁶⁰. Но в ходе буржуазного расслоения крестьянства появились принципиально новые социальные категории. «Несомненно, что возникновение имущественного неравенства есть исходный пункт всего процесса, но одной этой „дифференциацией“ процесс отнюдь не исчерпывается. Старое крестьянство не только „дифференцируется“, оно совершенно разрушается, перестает существовать, вытесняемое совершенно новыми типами сельского населения... Эти типы — сельская буржуазия (преимущественно мелкая) и сельский пролетариат...», — писал В. И. Ленин в своей работе «Развитие капитализма в России»⁶¹. В. И. Ленин видел длительность и сложность процесса возникновения нового типа хозяйства и образования новых типов сельского населения: «еще при господстве натурального хозяйства, при первом же расширении самостоятельности зависимых крестьян, появляются уже зачатки их разложения. Но развиться эти зачатки могут только при следующей форме ренты, при *денежной ренте*, которая является простым изменением формы натуральной ренты. Непосредственный производитель отдает землевладельцу не продукты, а цену этих продуктов. Базис этого вида ренты остается тот же: непосредственный производитель по-прежнему является традиционным владельцем земли, но „этот базис идет здесь навстречу своему разложению“... Традиционное, обычно-правовое отношение зависимого крестьянина к землевладельцу превращается здесь в чисто денежное отношение, основанное на договоре. Это ведет, с одной стороны, к экспроприации старого крестьянства, с другой — к выкупу крестьянином своей земли и своей свободы»⁶². По мере дифференциации постепенно изменилась и община, а в дальнейшем с разложением «старого крестьянства» — в известной степени и ее существо. Еще в своей работе «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» (1895 г.) В. И. Ленин отмечал, как характерное явление, рост буржуазии «изнутри нашей „общины“, а не извне ее, что порождается она самими общественными отношениями в среде ставшего товаропроизводителем крестьянства»⁶³. В. И. Ленин великолепно показал своеобразие замедленного становления буржуазных отношений в русской деревне. В. И. Ленин обратил внимание на специфичность отходничества в деревне при переходе от феодального способа производства к капиталистическому, когда крестьянин, будучи не в состоянии прокармливать себя с надела и нести за него повинности в пользу помещика, прибегал «к „сторонним заработкам“, носившим сначала, в доброе старое время, форму либо самостоятельного промыслового труда (например, извоз), либо несамостоятельного, но оплачиваемого сравнительно сносно вследствие крайне слабого развития промыслов. Это состояние обеспечивало некоторое, сравнительно с теперешним, благосостояние крестьянства, благосостояние крепостного люда, мирно прозябавшего под сенью ста тысяч

⁵⁸ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 3, стр. 165.

⁵⁹ Там же, т. 1, стр. 306.

⁶⁰ Там же, т. 1, стр. 477.

⁶¹ Там же, т. 3, стр. 166.

⁶² Там же, т. 3, стр. 167—168.

⁶³ Там же, т. 1, стр. 395.

благородных полицеймейстеров и нарождающихся собирателей земли русской — буржуа»⁶⁴.

Замедленное развитие буржуазных отношений в деревне В. И. Ленин связывал также с тем, что возникавшие внутри общины буржуазные элементы свою деятельность длительное время ограничивали лишь ростовщичеством и торговлей. В этой связи В. И. Ленин писал: «...самостоятельное развитие торгового и ростовщического капитала в нашей деревне *задерживает* разложение крестьянства»⁶⁵. Сословная замкнутость общины делала невозможным проникновение в нее лиц торгово-промышленного класса, что, как отмечал В. И. Ленин, ограничивало развитие промышленности⁶⁶. Наконец, В. И. Ленин прекрасно показал, что сама сельская буржуазия не была заинтересована в уничтожении общины и ее патриархальных традиций, так как община становилась орудием порабощения разоряющихся соседей-крестьян и орудием защиты интересов сельской верхушки. Особенно ярко это проявилось в пореформенное время, но, разумеется, и в крепостническую эпоху развивающиеся буржуазные элементы использовали общинные порядки в своих целях и старались их обойти в случае необходимости; «...разрушение сословной замкнутости крестьянской общины, по мере экономического развития, становится все более и более настоятельной необходимостью для сельского пролетариата, тогда как для крестьянской буржуазии неудобства, проистекающие отсюда, вовсе не так значительны. „Хозяйственный мужичок“ легко может арендовать землю на стороне, открыть заведение в другой деревне, съездить куда угодно на любое время по торговым делам. Но для „крестьянина“, живущего главным образом продажей своей рабочей силы, прикрепление к наделу и к обществу означает громадное стеснение его хозяйственной деятельности, означает невозможность найти более выгодного нанимателя, означает необходимость продавать свою рабочую силу именно местным покупателям ее, дающим всегда дешевле и изыскивающим всяческие способы кабалы», — отмечал В. И. Ленин, имея в виду уже пореформенную действительность⁶⁷.

Анализируя путь капиталистического развития русской деревни, В. И. Ленин развивал мысль К. Маркса, высказанную в III томе «Капитала», о том, «что та форма поземельной собственности, которую застаёт в истории начинающий развиваться капиталистический способ производства, *не соответствует* капитализму. Капитализм *сам создает* себе соответствующие формы земельных отношений из старых форм — из феодального помещичьего, из крестьянски-общинного, кланового землевладения и т. д.»⁶⁸. Логическое следствие начавшегося в условиях крепостничества разложения общины В. И. Ленин видел в том, что капитализм «перерастает узкие формы средневекового, деревенского капитализма, разрывает крепостническую власть земли и заставляет давно уже дочиста обобранного и голодного крестьянина, бросив землю в общество для уравнительного распределения между торжествующими кулаками, уходить на сторону, бродить по всей России...»⁶⁹. Этот этап в истории общины не относится к эпохе крепостничества, но подготовлялся и развивался он по мере усиления кризиса феодального общества именно в эту эпоху.

На основе марксистско-ленинской методологии советские исследователи разрешили многие вопросы из истории общины, над которыми тщетно билась буржуазная наука в России. В результате многочисленных исследований о становлении и развитии феодальной формации на

⁶⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 248.

⁶⁵ Там же, т. 3, стр. 178.

⁶⁶ Там же, т. 2, стр. 420.

⁶⁷ Там же, т. 2, стр. 535—536.

⁶⁸ Там же, т. 16, стр. 252.

⁶⁹ Там же, т. 1, стр. 333—334.

Руси казавшийся неразрешимым вопрос об отношении крестьянина к земле — был ли он когда-либо ее собственником или сидел испокон века на земле господской — стал уделом историографии. Огромная работа, проведенная советскими учеными, по систематизации, изучению и сопоставлению источников древней Руси показала, что древнерусская сельская община, как переходная ступень от родовой организации к политической, на протяжении своей дальнейшей жизни не оставалась неизменной. Б. Д. Греков писал, что уже в X—XI вв., в ранний период феодализации на Руси крестьянская община играла страдательную роль. В этом процессе «наступающей и побеждающей силой является землевладелец (князь, дружинник, церковь), осваивающий землю, подчиняющий себе путем экономического и внеэкономического принуждения свободного общинника-смерда»⁷⁰. Этому наступлению в ходе дальнейшей феодализации общества и упрочения крупного землевладения было уделено много внимания исследователями истории русского крестьянства XIII—XVI вв. (А. И. Копанев, Ю. Г. Алексеев, Г. Е. Кочин и др.)⁷¹. Длительная борьба волостных общин за свои земли и за право самоуправления, внутриобщинная хозяйственная деятельность, взаимоотношения общин между собой, с феодалами и усиливающейся государственной властью свидетельствовали об общественной и хозяйственной жизнедеятельности общинной организации на протяжении указанного времени. М. Н. Тихомиров, характеризую крестьянские и городские общины России XVI в., писал: «Крестьянская община в XVI столетии еще сохраняла многие черты древней верви времен Киевской Руси... Конечно, количество черных земель непрерывно уменьшалось, но в XVI столетии крестьянское землевладение все-таки играло еще большую роль»⁷². Феодалы к концу XVI в. добились разрушения волостной общинной организации в центральных уездах страны, но тем не менее сельская община продолжала существовать. Ее история в позднефеодальной России заслуживает пристального внимания. Отдельные исследователи отмечали ее тягловый и полицейский характер в XVII—XVIII вв.⁷³, но эти черты вряд ли исчерпывали все существо сельской общины. Ленинское понимание общины как средневекового «союза по владению надельной землей», ее сословного антифеодального антагонизма, роли общины в зарождении буржуазных элементов в России позволяет значительно шире ставить и решать проблему истории русского крестьянства в крепостническую эпоху. В частности, вне связи с историей сельской общины весьма затруднительно решение проблемы генезиса капитализма в России, которой в настоящее время уделяется пристальное внимание в советской исторической науке. Сельская община, как сословный институт, отражала глубокие противоречия социально-экономического развития феодальной России. В. И. Ленин впервые показал роль этого важнейшего института в многовековой истории русского государства.

SUMMARY

Pre-revolutionary Russian literature on the village community (the *obshtchina*) mirrored the intense social and political struggle centering on the direction in which the Russian village evolved after the 1861 reform. Russian bourgeois historians owing to their methodological weakness and to their social-political bias were unable to solve the theoretical controversy as to the historical destinies of the village community in Russia.

⁷⁰ Б. Д. Греков, Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века, кн. 1, стр. 227.

⁷¹ А. И. Копанев, История землевладения Белозерского края XV—XVI вв., М.—Л., 1951; Ю. Г. Алексеев, Аграрная и социальная история северо-восточной Руси XV—XVI вв., М.—Л., 1966; Г. Е. Кочин, Сельское хозяйство на Руси конца XIII — начала XVI в., М.—Л., 1965.

⁷² М. Н. Тихомиров, Россия в XVI столетии, М., 1962, стр. 62, 63.

⁷³ См., например, Д. И. Петрикеев, Крупное крепостное хозяйство XVII в., Л., 1967, стр. 160 и сл.

It was only Marxist-Leninist science that was able to reach a methodological solution of this problem. V. I. Lenin developed further the theses proposed by K. Marx and F. Engels and was the first to show that the nature of the village community was determined by the social-economic system under which it existed. V. I. Lenin showed the contradictory character of the village community in Russia under serfdom — its unity in the struggle against the feudal lord on the one hand and its transformation into an instrument securing feudal interests on the other. V. I. Lenin pointed out that the Mediaeval village community stemmed the economic development of the Russian village under serfdom; at the same time it was within the village community that the bourgeois elements gradually evolved.

И. А. Кривелев

В. И. ЛЕНИН О СОЦИАЛЬНЫХ КОРНЯХ РЕЛИГИИ

Установленные этнографической наукой факты свидетельствуют о том, что на земном шаре не существует ни одного народа или племени, которого миновала бы религиозная аберрация общественного сознания и человеческого поведения. В этом сказывается то обстоятельство, что религия представляет собою не случайное, а закономерное явление в истории человечества, с неизбежностью возникшее на определенной ступени его развития. Этот тезис находится в полном соответствии с теорией познания марксистско-ленинской философии, трактующей отражение общественного бытия в сознании как диалектически-противоречивый, а не метафизически-прямолинейный процесс. Исторический материализм установил закономерность развития идеологий и показал то определяющее влияние, которое имеет социально-экономический базис общества на его идеологическое развитие; в данном случае мы имеем в виду влияние «извращенных» (К. Маркс) условий жизни на сознание людей.

Марксизм-ленинизм не приемлет, таким образом, те теории старых атеистов, которые прокламировали решающую роль обмана в возникновении и существовании религиозных верований и культов. Если бы религия возникла, по Вольтеру, тогда, «когда первый мошенник встретил первого дурака», то ее приходилось бы рассматривать как случайный эпизод в истории человечества, что совершенно не соответствует ни фактической стороне дела, ни методологическим основам нашего мировоззрения. Ленин всегда подчеркивал, что религия имеет глубокие корни как в сознании людей, так и в их социальном бытии на определенной ступени развития общества.

Корни религии, вытекающие из характера и особенностей человеческого сознания, В. И. Ленин называл гносеологическими. Он писал: «У поповщины (= философского идеализма), конечно, есть *гносеологические* корни, она не беспочвенна, она есть *пустоцвет*, бесспорно, но пустоцвет, растущий на живом дереве, живого, плодотворного, истинного, могучего, всесильного, объективного, абсолютного человеческого познания»¹. Это означает, что религия органически связана с процессом нашего познания, но она есть, выражаясь производственным языком, отход этого процесса, шлак, побочный продукт, не выражающий самой сущности процесса. Это означает, с другой стороны, что в нашем созна-

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 322. В нашей философской литературе была попытка отвергнуть само понятие гносеологических корней религии (Г. М. Гак, Учение об общественном сознании в свете теории познания, М., 1960, стр. 151—152) на том основании, что соответствующие высказывания В. И. Ленина относятся якобы только к философскому идеализму, а не к религии. С этим утверждением нельзя согласиться, ибо по существу В. И. Ленин рассматривает здесь понятие поповщины в его широком объеме, охватывающем и идеалистическую философию, и религию; это не снижает, однако, необходимости рассмотрения гносеологических корней религии в их специфичности относительно корней идеализма. В общем же следует сказать, что само допущение возможности идеологического явления, не имеющего гносеологических корней, представляется совершенно несостоятельным. Без них ни одно явление сознания не может ни возникнуть, ни существовать.

нии имеются такие свойства и особенности, которые делают возможным его отход от действительности и возникновение специфически религиозных заблуждений. Гносеологические корни религии представляют собой, таким образом, только возможность ее возникновения и существования. Реализуется же эта возможность лишь при наличии соответствующих социальных условий, которые формулируются В. И. Лениным в понятии социальных корней религии.

В разработке этого вопроса В. И. Ленин исходил из известных высказываний Маркса и Энгельса о социальной основе религии. Для Маркса религия, как «превратное мировоззрение», была «общей теорией превратного мира»; он рассматривал религию как «убожество» и видел в религиозном убожестве «выражение действительного убожества»; он характеризовал религию как «вздых угнетенной твари»². В своем знаменитом определении религии Энгельс подчеркивает, что в ней фантастически отражаются «те внешние силы, которые господствуют над ними (людьми.— *И. К.*) в их повседневной жизни»³. Речь идет, таким образом, о тех факторах бытия человека, которые тяготят и господствуют над ним, обуславливая убожество его сознания, состояние и самочувствие «угнетенной твари». Неспособность человека реально преодолеть это состояние питает иллюзию возможности такого преодоления сверхъестественными способами.

В. И. Ленин развил эту трактовку проблемы и дал ее развернутое решение своим учением о социальных корнях религии.

Этот термин следует, как нам представляется, принимать в самом широком его смысле как обозначение условий общественного бытия людей. В доклассовом обществе это были прежде всего те условия, которые вытекают из отношения человека к природе, а также отношения, существовавшие между людьми и группами людей — половозрастными, родовыми, племенными. В антагонистических формациях межчеловеческие отношения приобрели классовый характер. Они становятся источником эксплуатации человека человеком и способны в еще большей мере питать религиозные заблуждения. В общем виде Ленин сформулировал эту концепцию в своем знаменитом тезисе о «бессилии дикаря в борьбе с природой», которое «порождает веру в богов, чертей, в чудеса и т. п.» так же, как «бессилие эксплуатируемых классов в борьбе с эксплуататорами... неизбежно порождает веру в лучшую загробную жизнь»⁴.

Возвращаясь неоднократно к этому вопросу, В. И. Ленин постоянно подчеркивал то значение, которое имеет в данном случае придавленность людей господствующими над ними социальными условиями их бытия. Для капиталистического общества он характеризует эти условия следующим образом: «Социальная придавленность трудящихся масс, кажущаяся полная беспомощность их перед слепыми силами капитализма, которая причиняет ежедневно и ежечасно в тысячу раз больше самых ужасных страданий, самых диких мучений рядовым рабочим людям, чем всякие из ряда вон выходящие события вроде войн, землетрясений и т. д.— вот в чем самый глубокий современный корень религии». Социальное бытие трудящихся в капиталистическом обществе вызывает у них «страх пред слепой силой капитала», и именно в этом страхе Ленин усматривал «тот корень современной религии, который прежде всего и больше всего должен иметь в виду материалист»⁵.

Страх, по выражению древнеримского поэта Стация, создавший богов (В. И. Ленин сочувственно цитирует этот афоризм)⁶, бессилие, постоянно ощущаемое человеком на протяжении всей предыстории общества, то состояние угнетенности и придавленности, в котором он пребыва-

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 414—415.

³ Там же, т. 20, стр. 328.

⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 12, стр. 142.

⁵ Там же, т. 17, стр. 419.

⁶ Там же.

ет, подавляют и травмируют его сознание. Человек теряет способность трезво и реалистически смотреть на вещи. Он чувствует себя заинтересованным в том, чтобы те иллюзии, которые сулят ему утешительные перспективы избавления от страданий, не разоблачались как порождения его собственной фантазии, но чтобы, наоборот, они сохраняли в его глазах значение реальности и подлинности.

Возникновение тех или иных иллюзий всегда возможно, ибо процесс познания вовсе не представляет собой прямой и торной дороги. «Познание человека,— писал В. И. Ленин,— не есть (respectively не идет по) прямая линия, а кривая линия, бесконечно приближающаяся к ряду кругов к спирали. Любой отрывок, обломок, кусочек этой кривой линии может быть превращен (односторонне превращен) в самостоятельную, целую прямую линию...»⁷. Но заблуждение может быть и не религиозным. Если оно не связано с верой в сверхъестественный мир и его «закономерности», по существу означающие отсутствие всяких закономерностей, то это обычное человеческое заблуждение, которое раньше или позже под влиянием фактов и уроков трудовой и житейской практики, а то и просто под давлением логики, распознается и устраняется. Такими «нормальными» заблуждениями изобилует даже история науки.

С религиозными заблуждениями дело обстоит по-иному. Их специфическая особенность заключается в том, что они связаны с верой в сверхъестественное, а эта вера не дает человеку возможности оставаться нейтральным к содержанию своих заблуждений. Если последние сулят ему выход из ситуации, которая представляется безвыходной, если они вселяют в него надежду в видимо безнадежном положении, если приносят утешение в безутешном горе, то люди предпочитают принимать такие заблуждения за истину. И здесь наступает то состояние сознания, которое Л. Леви-Брюль именует непроницаемостью для логики. В работах этого выдающегося ученого содержится много примеров того, как совершенно очевидная бессмыслица представляется «примитивному» человеку вполне осмысленной, хотя весь его, по-своему богатый жизненный опыт, да и элементарный здравый смысл, которого он в своем обычном мышлении отнюдь не лишен, буквально вопиют против нее. Правда, Леви-Брюль относит «мистическое мышление» к умственному обиходу лишь первобытного человека; на самом же деле сформулированные им особенности этого мышления присущи религии в целом на всем протяжении ее существования.

Решающую роль в том, что верующий человек оказывается заинтересованным в трактовке явного заблуждения как истины, играет эмоциональная сторона его сознания. Стремление к избавлению от страха и от чувства незащищенности, жажда утешения и надежды приводят к тому, что человек старается обмануть самого себя даже в тех случаях, когда при мало-мальски строгом размышлении ему становится ясно, что он заблуждается. Такая внутренняя необъективность, такое насилие над собственным сознанием возможны не только в религии, а и в самых разных областях человеческой жизни и деятельности. Но нигде этому явлению не открывается такое широкое поле, как в религии, ибо здесь человек получает мнимую возможность удовлетворять свои желания без ограничений. Не обходится, правда, без жестоких разочарований: молился такому-то богу или святому, ангелу, демону, просил их о помощи, а они не помогли; совершал магические манипуляции, рассчитанные на автоматический эффект, а его не получилось, и т. д. Но всегда в этих случаях приходит на помощь своего рода казуистика, достаточно гибкая и увертливая. Можно найти объяснение в неточном выполнении всех правил магической процедуры, в нерасположении бога или ангела к просителю, когда-нибудь разгневавшему его тем или иным грехом или

⁷ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 322.

апроступком, можно просто усмотреть в божеской неуступчивости недоступный человеческому разуму таинственный смысл. И всегда остается надежда на то, что в конце концов сверхъестественное существо сменит гнев на милость или даже просто реализует свои таинственные предназначения, направленные ко благу человека. Да и, наконец, если иссякает надежда на милость божества в реальном мире, можно удовлетвориться ставкой на загробное воздаяние за земные страдания. «Того, кто всю жизнь работает и нуждается, религия учит смирению и терпению в земной жизни, утешая надеждой на небесную награду»⁸. И человека, который не в силах достичь удовлетворения своих нередко абсолютно насущных нужд и требований, манит призрачная перспектива их удовлетворения с помощью сверхъестественных сил.

Бессилие человека перед лицом природы и сил классовой эксплуатации — вот та формула, в которой концентрируется суть ленинского учения о социальных корнях религии. Ее содержание, однако, настолько существенно, что оно требует конкретизации и серьезных размышлений.

Речь идет не об абсолютном бессилии, а о состоянии, которое осознается как бессилие. Если первобытный человек объективно был бы абсолютно бессильным в борьбе с природой, он не выжил бы, и на первобытной стадии развития человечество закончило бы свою историю. Если угнетенные и эксплуатируемые в антагонистическом обществе были бы абсолютно бессильны перед лицом господствующих над ними классовых сил, то классовая борьба против угнетателей не имела бы никаких перспектив, а это опять-таки было бы равнозначно невозможности социального прогресса. Тот или иной человек, та или иная социальная группа могут на определенном этапе и в определенной обстановке оказаться в состоянии абсолютного бессилия, но когда мы говорим о корнях религии, мы имеем в виду бессилие как постоянно действующий фактор, а в этом смысле оно может трактоваться лишь в относительном плане. Состояние бессилия, пусть даже относительного, может вызвать в сознании людей ощущение абсолютного бессилия, порождающее потребность в религиозных иллюзиях. А фантазия в этих случаях достаточно услужлива для того, чтобы такие иллюзии создать.

Человек ведет борьбу за существование, используя реальные средства и действуя стихийно-материалистическими методами, которые дают ему возможность жить и в каких-то пределах удовлетворять свои потребности. Но он всегда хочет большего, и средства для осуществления его стремлений до тех пор, пока он не располагает ими в реальной действительности, ему приходится искать в сфере сверхъестественного. К. Маркс говорит в этой связи о «распаленной вожделением фантазии», создающей фетишистские иллюзии⁹. Магико-культовая практика мнимым, иллюзорным способом восполняет бессилие первобытного человека, она позволяет ему на время почувствовать себя сильным и забыть о своем действительном бессилии.

Нечто подобное происходит и в классовом обществе, но, конечно, на несравненно более сложной основе и в значительно более усложненных формах. Поражения угнетенных в реальной классовой борьбе обычно вызывают рост настроений безнадежности и бессилия. В такие периоды в широких массах распространяется мистицизм, создается благоприятная атмосфера для проповеди старых, а в особенности вновь возникающих религиозных учений. Именно в условиях социального безвременья религиозные идеи, проповедуемые различными «спасителями», легко находят приверженцев и превращаются в серьезную силу. Нередко, однако, социальные движения, облеченные в религиозную форму, носят прогрессивный характер, что происходит, конечно, не благодаря этой

⁸ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 12, стр. 142.

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 98.

форме, а вопреки ей. И это ни в коей мере не меняет основного тезиса о том, что в самих религиозных идеях выражено реальное или кажущееся бессилие данных общественных групп и классов в борьбе за революционное изменение существующих порядков.

В эпоху капитализма угнетенные получают возможность выразить свои классовые требования в адекватной форме, без мистифицирующего религиозного облачения. Ощущение бессилия перестает тяготеть над общественным сознанием пролетариата, ибо перед ним открываются грандиозные перспективы, остававшиеся неведомыми для угнетенных и эксплуатируемых масс предыдущих общественных формаций. Не удивительно, что в рабочем классе все больше растет атеизм, и духовенство различных религий и вероисповеданий получает с каждым десятилетием все больше оснований к жалобам на то, что оно «потеряло рабочий класс» (известное заявление папы Пия IX). В ходе борьбы за свои реальные классовые интересы угнетенные теряют вкус к погоне за религиозными призраками. Там, где бессилие сменяется силой, размывается социальная почва, на которой произрастают в общественном сознании религиозные сорняки. Построение коммунизма окончательно ликвидирует социальные корни религии. Тогда ее гносеологическая возможность станет абстрактной, не имеющей реальных шансов для своего претворения в действительность.

* * *

В годы реакции после революции 1905 г. марксистско-ленинскому атеизму в России противостояли многие враждебные идеологические и политические силы, в частности такие направления общественной мысли, как богоискательство, а внутри рабочего движения — богостроительство. Приверженцы этих направлений занимали в интересующем нас здесь вопросе, как и во многих других, сходную позицию: они обнаруживали корни религии не в слабости человека, а в его силе. Богоискатели типа Бердяева и Мережковского усматривали истоки религии в возвышенном и благородном, по их оценке, стремлении человека «найти бога», и сами рекомендовали искать его не столько на небе, сколько в собственной душе; впрочем, некоторые из них впоследствии обратились-таки к небу в его банально-православном смысле и облачились в рясы. Что же касается богостроителей, главным идеологом которых был А. В. Луначарский, то их концепция в данном вопросе была сформулирована одним из персонажей повести М. Горького «Исповедь» — странником Ионной — в следующих словах: «Не бессилием людей создан бог, нет, но от избытка сил, и не вне нас живет он, брате, но внутри!»¹⁰ Можно найти немало историко-философских параллелей для такого решения проблемы.

В той или иной мере апелляция к «избытку сил» человеческих для объяснения религиозного феномена во всех случаях связана с идеализацией самой религии. Наиболее ясно это в отношении теологической догмы божественного откровения, — бог, дескать, открылся человеку именно потому, что он, человек, есть венец творения, ради которого создан мир; о бессилии его, стало быть, говорить не приходится. Но и более рафинированное идеалистическое решение проблемы ведет в сущности по тому же пути.

¹⁰ Как известно, одно время М. Горький примыкал к богостроителям; в повести «Исповедь» соответствующие взгляды отразились достаточно ярко. В дальнейшем он отошел от них. В связи с вопросом о социальных корнях религии он говорил об ощущении первобытным человеком «ничтожества своих сил перед лицом грозных сил зверя и леса, моря и неба, ночи и солнца» (А. М. Горький, Разрушение личности, Соч., т. 24, стр. 28).

Тем более приходится выразить недоумение и сожаление по поводу того, что за последние годы в зарубежной марксистской и советской литературе по религиоведению появился ряд высказываний, авторы которых оспаривают тезис о решающем значении бессилия человека в борьбе с природой и с угнетающими его социальными факторами как источника возникновения и живучести религии. Наоборот, утверждают некоторые из этих авторов, для мироощущения первобытного человека характерна уверенность в своих силах, вытекающая из его представления о том, что при помощи магических средств он может навязывать явлениям природы свою волю; отсюда-де оптимизм, господствующий в эмоциональном строе первобытной психики и находящий свое выражение в мифологии первобытного общества. Только, мол, в религиях классового общества ощущается «идеология отчаяния», а с нею и иллюзия возможности преодолеть это отчаяние сверхъестественными средствами¹¹.

В этих построениях первобытное общество оказывается отделенным резкой гранью от классового в том отношении, что на этой стадии человек якобы свободен от гнетущих переживаний, подавляющих сознание людей в их последующей истории. Знакомая и совсем не новая концепция золотого века! В. И. Ленину пришлось иметь с ней дело в его полемике с Булгаковым. В отличие, правда, от современных авторов, Булгаков усматривал основу счастливого положения первобытного человека не в том, что он при помощи магии повелевал силами природы, а в том, что он вел собирательское хозяйство и получал средства к существованию как «свободный подарок природы». Ленин назвал эту точку зрения «глупой побасенкой» и сказал по поводу нее: «Никакого золотого века позади нас не было, и первобытный человек был совершенно подавлен трудностью существования, трудностью борьбы с природой»¹². Бесчисленные факты, описанные исследователями-этнографами, подтверждают эту ленинскую точку зрения.

Общеизвестно в этнографической литературе сообщение К. Расмуссена о том, как объяснял ему эскимосский шаман Ауа основы религиозных взглядов его племени: «Мы боимся духа земли, который вызывает непогоду и заставляет нас с боем вырывать нашу пищу у моря и земли. Мы боимся Сила (бога луны). Мы боимся нужды и голода в холодных жилищах из снега... Мы боимся Таканагапсалук, великой женщины, пребывающей на дне моря и повелевающей морскими животными. Мы боимся болезни, которую мы постоянно встречаем вокруг себя. Не смерти боимся мы, а страдания. Мы боимся коварных духов жизни, воздуха, моря, земли, которые могут помочь злым шаманам причинить вред людям. Мы боимся духов мертвых, как и духов животных, которых мы убили... И мы пребываем в таком неведении, несмотря на наших шаманов, что все необычное вызывает у нас страх. Мы боимся всего, что видим вокруг себя. Мы боимся всех невидимых вещей, которые тоже нас окружают»¹³. Такова «эциклопедия страха», выражающая душевное состояние людей, живших в суровых условиях Севера. Но в общем эта характеристика может быть распространена и на народы, обитающие в других географических широтах. Вот что сообщал исследователь относительно племени бахунда с верхнего Конго: «Эти бедные чернокожие живут во власти закона страха—страха болезни, страха несчастия, страха смерти, страха всех тех зол, которые причиняются либо преступными людьми (балози или колдунами), либо духами (базиму)»¹⁴. А другой исследователь сообщает относительно племени горных дама из Юж-

¹¹ А. Каждан, Самая древняя история, «Новый мир», 1969, № 3, стр. 277.

¹² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 5, стр. 103.

¹³ Кп. Rasmussen, Intellectual culture of the Iglulik Eskimos, 1929, p. 56.

¹⁴ Цит. по Л. Леви-Брюль, «Сверхъестественное в первобытном мышлении», М., 1937, стр. 14.

¹⁵ Там же, стр. 14.

ной Африки: «Если мы спросим, в чем заключается жизненный нерв и туземной религии, мы получим простой ответ — страх, ничего кроме страха! Гамаб (бог), который не внушает страха, не пользуется почитанием. Но вот предки, пребывающие в жилище Гамаба и преждевременно обрывающие нить жизни,— их следует бояться. Надо бояться священного огня, так как он может помешать успеху охоты. Следует также бояться духов покойников, так как их появление приносит смерть. Вся жизнь язычника горных дама от детства до старости запечатлена страхом смерти»¹⁵. Конечно, племена и народы, о которых шла здесь речь, не могут считаться первобытными в собственном смысле этого слова, но вряд ли люди на том этапе эмоциональной жизни не находились под влиянием тех же факторов, разве только в еще большей мере.

Откуда же берется то состояние страха, в котором постоянно пребывает человек на ранних стадиях общественного развития? Само собою разумеется, из его бессилия, которое рождает страх и подавленность. Потребность в защите от этих эмоций и неуверенность в том, что защита может быть найдена в естественных средствах борьбы за существование, побуждает фантазию человека измышлять религиозные иллюзии; доводы же рассудка подавляются.

Другое дело, что, приняв религиозно-магические меры к ограждению себя от опасности со стороны враждебных сил, человек может почувствовать себя спокойнее и обрести некоторую степень надежды на то, что «все обойдется». Можно назвать это состояние «гордой уверенностью», «оптимизмом» и т. д., но это ни в коей мере не поколеблет ленинского тезиса о бессилии как основном социальном источнике религии. Ибо реально здесь является именно бессилие, и только из него возникает «гордая уверенность», но только засоряющая мозги людей, но и направляющая человеческое поведение по принципиально неправильному пути. В. И. Ленин указывал на то, что религия не только появляется в результате бессилия и придавленности, но и, возникнув, закрепляет это состояние; в этом сказывается ее реакционная роль даже на самых ранних стадиях ее существования. Отказ от такой трактовки может повести к совершенно неправомерному и неправильному по существу приукрашиванию религии и ее роли в общественном развитии. Некоторые авторы обращают внимание на то, что, по Марксу, религия есть не только «выражение убожества», но и «протест против убожества»¹⁶. Они упускают при этом из виду, что этот протест К. Маркс рассматривает как бесплодный и иллюзорный, почему здесь же, несколькими строками ниже, заявляет: «Упразднение религии, как иллюзорного счастья народа, есть требование его действительного счастья».

Какие могут быть выдвинуты аргументы против тезиса о бессилии как источнике религии? Мобилизуется несколько этнографических фактов, свидетельствующих о том, что в быту некоторых народов, живущих в более тяжелых условиях, чем другие, практикуется «меньшее количество» магических обрядов. Вот, мол, эскимосам трудней живется, чем меланезийцам, а обрядов у них меньше. Теоретический анализ поставлен в таких рассуждениях на строго арифметические основы: здесь колоссальное количество табу, там их меньше. Если даже отвлечься от «потолочного» характера этих арифметических величин, то нельзя не указать на несуразность самой постановки вопроса; бывает в количественном отношении меньше число обрядов или запретов, но значительно более «содержательных», насыщенных, эмоционально напряженных. Арифметикой здесь ничего не докажешь.

Выдвигаются и доводы, так сказать, социологического порядка, по которым в классовом обществе не всегда наибольшую религиозность обнаруживают угнетенные и обездоленные слои населения, пребываю-

¹⁵ H. Vedder, Die Bergdama, Hamburg, 1923, Bd. I, S. 176.

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 415.

щие в бедности или даже в нищете; в современном буржуазном обществе пролетариат менее религиозен, чем буржуазия, а он живет, конечно, куда в большей нужде, чем она... И этот аргумент бьет мимо цели. Именно потому, что с каждым поворотом современной истории рабочий класс чувствует себя все сильнее, религиозные предрассудки в его сознании все больше уступают место научному мировоззрению, противоположному религии.

Доходит дело до того, что ставится под сомнение даже то стимулирующее воздействие, которое оказывают войны на религиозные настроения масс. Но широко известно и не требует особых доказательств то влияние, которое было в этом отношении оказано тяжелыми событиями второй мировой войны. А что касается первой мировой войны, то мы находим яркие высказывания по этому вопросу у В. И. Ленина.

В конспекте реферата, с которым он собирался выступать в Первомайский праздник 1915 г., дается перечисление общественно-психологических явлений, связанных с войной; и на первом месте под литерой *α* фигурирует пункт: «Отчаяние и религия»¹⁷. В более развернутом виде В. И. Ленин говорит об этом в статье «О поражении своего правительства в империалистической войне». Он констатирует, что война «не может не вызывать в массах самых бурных чувств, нарушающих обычное состояние сонной психики». Тут же следует вопрос о «главных потоках этих бурных чувств». Первый же пункт ответа на этот вопрос гласит так: «Ужас и отчаяние. Отсюда — усиление религии. Церкви снова стали наполняться, — ликуют реакционеры. „Где страдание, там религия“, — говорит архиереакционер Баррес. И он прав»¹⁸. Обстановка войны концентрирует как в фокусе и в огромной степени усиливает все отрицательные эмоции, переживаемые массами под влиянием социальных факторов, характерных для условий жизни в антагонистических формациях.

В зарубежной марксистской литературе порой высказываются теоретические несостоятельные и по существу апологетические в отношении религии взгляды. Среди них нашедшее свое выражение и у советских авторов положение о том, что источником религии является потребность, испытываемая в ней обществом. Каждое общество, говорят приверженцы этой концепции, нуждается в «регулятивной системе», т. е. совокупности институтов, способствующих тому, чтобы оно сохраняло свое статус-кво, свое внутреннее устройство, свое равновесие в существующем положении; религия и является одним из компонентов этой регулятивной системы. Она и возникает, и существует в порядке удовлетворения потребности общества в таковом элементе его регулятивной системы¹⁹.

Авторов этой концепции, по-видимому, не интересует вопрос о том, какова классовая структура того общества, о котором идет речь, и одинаково ли нужна «система» классам господствующим и угнетенным. А стоит только поставить этот вопрос, и станет ясно, что потребность в религии как элементе регулятивной системы испытывают классы, господствующие в эксплуататорском обществе. Что же касается угнетенных, то их классовым интересам не только не соответствует, но прямо противоречит та роль, которую играет религия в отношении обеспечения устойчивости существующего эксплуататорского строя.

У угнетенных и эксплуатируемых потребность в религиозных иллюзиях — явление совсем иного порядка, чем «потребность общества в регулятивной системе». Здесь действует тяготение к «духовной усадле», выражаясь словами К. Маркса, к «иллюзорному счастью» в условиях, когда недостижимо действительное счастье, потребность в духовном опи-

¹⁷ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 26, стр. 379.

¹⁸ Там же, стр. 291.

¹⁹ См. Ю. А. Левада, Социальная природа религии, М., 1965.

уме. Та же потребность действует и в доклассовом обществе. Здесь она обуславливается в основном гнетом сил природы. Но коренится она не в каких-то абстрактных потребностях «общества в целом», а в том самом бессилии, которое наши авторы сбрасывают со счетов.

Теория «регулятивной системы» прямо и непосредственно связана с социолого-этнографической концепцией функционализма. Общество, с точки зрения этой концепции, нуждается в том, чтобы те или иные его институты выполняли определенные функции, обеспечивающие его жизнедеятельность и устойчивость; при этом имеется в виду общество в целом без учета его внутренней расчлененности и того обстоятельства, что к различным составляющим его классам та или иная функция, тот или иной институт могут находиться отнюдь не в одинаковом отношении.

Но, может быть, для эксплуататорских классов религия представляет ценность и интерес только в силу ее «регулятивной функции»? Они же не бессильны, над ними не тяготеет боязнь голода, откуда здесь взяться настоящей, неподдельной религиозности?

Если отвлечься от изрядной доли лицемерия и циничного политического расчета, которая содержится в демонстративной набожности верхов эксплуататорского общества, и взять распространенную среди них действительную религиозность, принимающую иногда даже формы иступленного мистицизма, то корни этой религиозности следует искать опять-таки не в хорошей жизни. Боязнь за свое положение, за свои доходы, за власть в обществе тяготеет именно над имущими классами в эксплуататорском обществе. Известно, какую волну самоубийств вызвал мировой экономический кризис 1929 и последующих годов среди капиталистов и банкиров, биржевиков и торговцев. Колебания биржевых курсов и в «нормальное» время представляют собой источник постоянного беспокойства для бизнесменов, а происходящие нередко потрясения в этой области вызывают настоящую панику среди них. Современной буржуазии в целом есть чего бояться: роста революционной сознательности рабочего класса, экономического и социального прогресса народов, освободившихся от колониального гнета и, главное, всестороннего развития стран социалистического лагеря. А отдельным группам буржуазии и каждому ее представителю приходится бояться и за свою собственную судьбу — не быть бы съеденным своими конкурентами, не разориться бы и т. д. И страх этот коренится в бессилии, в неспособности правящих классов системы империализма управлять своей судьбой и, прежде всего, в невозможности изменить закономерный ход исторического процесса, ведущий к крушению системы частной собственности.

Многочисленные исторические факты свидетельствуют о том, что чем более шатко положение той или иной господствующей группы эксплуататоров, тем сильнее распространяются в ней настроения мистицизма и «богоискательские» движения. Ярким примером в этом отношении может служить духовная атмосфера, сложившаяся в придворных кругах царской России накануне революции 1917 г. Царь с царицей были поклонниками «старца» Распутина, в котором они видели чуть ли не воплощение Христа; в предчувствии грядущих потрясений, в перспективе неизбежного краха вся придворная камарилья ударилась в безудержный мистицизм. И здесь потребность в религиозных переживаниях коренилась в остро ощущавшемся бессилии.

В общем, не от «радости бытия», как писали в разное время философы-апологеты религии, люди испытывают потребность в религиозном самообмане, а от унижающего человеческий образ страха и бессилия. Такое состояние сознания обуславливается преимущественно социальными причинами, поэтому мы рассматриваем его в плане проблемы социальных корней религии. Но есть одно обстоятельство, которое осложняет вопрос и вносит в сферу его рассмотрения некоторые факторы, имеющие естественно-биологическое значение.

В качестве живого существа человек испытывает переживания, связанные с особенностями его организма и с сознанием неизбежной смерти. В свое время М. Н. Покровский выводил из страха смерти происхождение религии в целом; эта концепция была заслуженно подвергнута критике в нашей литературе. Нельзя, однако, отрицать того, что страх физических страданий, болезней и, тем более, смерти играет значительную роль в поддержании того духовного состояния, которое вызывает потребность человека в религиозных иллюзиях. В своем конспекте работы Фейербаха «Лекции о сущности религии» В. И. Ленин специально выделил и выписал положение о том, что «особенно *смерть* порождает страх, веру в бога»²⁰. Не случайно во всех первобытных и позднейших культах центральное место занимает шаманско-знахарское врачевание. Безрадостная перспектива неизбежной смерти способствует тому, что создаваемые религиозной фантазией представления о загробной жизни кажутся человеку спасительным выходом из положения. Даже возможность того, что в будущей жизни придется переносить такие неприятности, как адские наказания, не лишает призрак загробного существования его привлекательности, тем более, что эта угроза в некоторой мере нейтрализуется всем арсеналом приемов покаяния, которым располагает религия; к тому же наряду с угрозой ада в религии фигурирует и приманка райских блаженств...

При всей биологической специфичности указанных обстоятельств необходимо иметь в виду, что в некоторых рамках и они имеют социальную основу. Ставка на помощь сверхъестественных сил в случаях болезни и связанных с нею физических страданий имеет тем меньше значения, чем более сильны научные методы медицины и здравоохранения, а их развитие, конечно, является социальным процессом. Незыблемым, правда, остается факт неизбежности смерти каждого индивидуума. В какой-то мере он всегда питает у человека настроения, могущие при благоприятных для этого условиях способствовать возникновению или поддержанию в нем склонности к религии. Тем не менее и в этой, несомненно биологической, проблеме есть социальный аспект.

Средняя продолжительность жизни человека последовательно возрастает в ходе прогрессивного развития общества. В дальнейшем она будет все больше приближаться к тому пределу, который связан с исчерпанием в организме всех его жизненных сил и с нормальным биологическим ощущением близости конца, воспринимаемой без горечи и страха. В условиях грядущего коммунистического общества, когда длительность человеческой жизни возрастет до этого предела у всех членов общества, фактор страха смерти должен потерять свое подавляющее психику значение.

* * *

Как и всякое общественное явление, социальные корни религии не могут не быть историческими. Это значит, что их конкретные формы всегда определяются той ступенью развития, на которой находится общество в данный момент, и тем уровнем, которого достигли на этой ступени разные стороны его материальной и духовной жизни. Но помимо этой широкой трактовки понятия историчности, в учении В. И. Ленина о корнях религии фигурирует и более конкретная, более узкая его трактовка. Наряду с «экономическими» корнями религии, о которых говорит Ленин, имея в виду современную той или иной религии социально-экономическую обстановку, он применял еще понятие и «исторических» корней, сопоставляя этот термин с первым²¹. В такой трактовке понятие

²⁰ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 45.

²¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 12, стр. 145.

исторических корней религии означает те социальные условия, которые когда-то в прошлом породили соответствующие религиозные верования и которых в настоящее время уже не существует. Как правило, эти верования не исчезают одновременно с породившими их условиями и обстоятельствами. Они откладываются в общественном сознании как некая сумма, как итог предшествующего развития, как наследство от ушедших поколений, и могут существовать еще длительное время, будучи внешне лишены «собственной» социальной почвы. Мы имеем в виду не только содержание религиозных представлений, но и то обстоятельство, что склонность к религии, потребность в ней может питаться унаследованными от прошлого психологическими стимулами. Именно таково содержание того понятия, которое обозначается обычно термином «пережитки прошлого в сознании».

В условиях социалистического общества постепенно теряют свою силу те социально-экономические факторы, которые на протяжении предшествовавшей истории порождали и поддерживали религиозные верования. Преодолеваются социальные корни религии. Но длительное время они продолжают действовать в качестве исторических, обуславливая живучесть религиозного мировоззрения и задерживая процесс его преодоления. К этому следует добавить, что и в социально-экономической области еще долгое время существуют в период социализма пережитки, «родимые пятна» предшествовавших стадий развития общества, и эти пережитки, в свою очередь, представляют некоторую питательную почву для религиозных верований. Диалектичность исторического процесса сказывается и здесь во всей своей силе.

SUMMARY

Religion is no accidental but a regular phenomenon appearing at particular stages of the history of humanity. Human life and consciousness both in primitive societies and in antagonistical social structures have certain features which make the rise and tenacity of religion inevitable. Lenin characterized these features as the gnoceological and the social roots of religion. He pointed out that the former lead merely to the potentiality of religion; this becomes realized only under suitable conditions. The social roots of religion stem from man's impotence before the forces of nature and class exploitation; this deforms and injures his consciousness to the degree of losing the capacity for distinguishing between the actual and the fantastic.

The author sets forth these views of Lenin and disputes the opinions of some modern specialists on religion who see the causes of religion not so much in negative social factors as in the requirements of society and of the individual interpreted in an abstract manner.

Н. Н. Чебоксаров, А. М. Решетов

В. И. ЛЕНИН О НАЦИОНАЛЬНОМ РАЗВИТИИ СТРАН ВОСТОКА

Ленинское теоретическое наследие служит и будет служить народам Востока руководством к действию в борьбе за полное и окончательное освобождение.

В. И. Ленин создал стройную и законченную теорию национально-колониального вопроса и тем самым указал всем угнетенным народам колоний и полуколоний единственно верный путь к национальному освобождению. Уже с первых работ В. И. Ленин большое внимание неизменно обращал на изучение исторических судеб народов Востока, считая, что они могут и должны сыграть важнейшую роль в окончательной победе социализма. «Только тогда, когда индийский, китайский, корейский, японский, персидский, турецкий рабочий и крестьянин протянут друг другу руки и пойдут вместе на общее дело освобождения, только тогда обеспечена решительная победа над эксплуататорами»¹. В. И. Ленин указывал на необходимость совместной борьбы пролетариата передовых стран и трудящихся угнетенных народов Востока: «Социальная революция не может произойти иначе, как в виде эпохи, соединяющей гражданскую войну пролетариата с буржуазией в передовых странах и *целый ряд демократических и революционных*, в том числе национально-освободительных, движений в неразвитых, отсталых и угнетенных нациях»². Залог успеха революционного движения во всем мире В. И. Ленин видел в единстве действий пролетариата метрополий и народов колониальных и зависимых стран. Он писал: «Мы всегда стояли, стоим и будем стоять за самое тесное сближение и слияние сознательных рабочих передовых стран с рабочими, крестьянами, рабами всех угнетенных стран. Мы всегда советовали и всегда будем советовать всем угнетенным классам всех угнетенных стран, колоний в том числе, не отделяться от нас, а как можно теснее сближаться и сливаться с нами»³.

В работах В. И. Ленина с глубоким знанием событий, привлечением богатого разнообразного фактического материала подвергнуты острой, беспощадной критике и разоблачению политика империалистических стран в Азии, реакционная роль колониального господства Англии, Голландии, разработаны коренные вопросы национально-освободительного движения и перспектив его развития⁴.

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 122.

² Там же, т. 30, стр. 112.

³ Там же, стр. 120.

⁴ См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 17, стр. 174—183; т. 23, стр. 89—90. См. также: Э. Н. Комаров, В. И. Ленин об английском господстве в Индии, «Сов. востоковедение», 1955, № 2; Н. Н. Селихов и С. Л. Вельтман, Ленин и первые шаги советского востоковедения, «Сов. востоковедение», 1958, № 2; К. А. Маштакова, Книги по Индии в кабинете и квартире В. И. Ленина в Кремле, «Народы Азии и Африки», 1963, № 5.

Вклад В. И. Ленина в изучение Востока многогранен и велик⁵. И поэтому невозможно в рамках одной статьи дать полный анализ значения ленинских работ для изучения Востока. Тема «Ленин и Восток» неисчерпаема, по ней уже создана колоссальная литература⁶. Мы берем только один аспект этой темы: В. И. Ленин о национальном развитии стран зарубежного Востока.

Чтобы полнее, глубже, всестороннее понять ленинские идеи о национальном развитии вообще и стран Востока в частности, необходимо проследить, в каком значении В. И. Ленин употреблял сам термин «нация»⁷. В работах В. И. Ленина мы не находим законченного определения нации. Однако нельзя не отметить, что он считал нацию категорией исторической, свойственной эпохе капитализма, хотя и уходящей своими корнями в значительно более раннюю эпоху, когда капиталистические отношения еще только зарождались в недрах феодализма. Развитие капитализма стимулирует национальное развитие. По существу эти два процесса связаны прямой пропорциональной зависимостью и во втором следует видеть выражение первого. Ленин понимал нацию преимущественно как этническую категорию, хотя в отдельных случаях он употреблял термин «нация» в чисто политическом смысле для обозначения государства.

Ленин считал, что создание национальных связей — это прежде всего создание связей буржуазных⁸; поэтому, анализируя национальное развитие стран Востока до их перехода к социализму, он придавал большое значение росту капиталистических отношений.

Капитализм разной степени развития и в разных формах существовал в конце XIX — начале XX века у большинства народов Востока. Здесь как нельзя более наглядно проявлялся закон неравномерного развития капитализма. Наиболее развитой азиатской страной стала в это время Япония. На ее примере В. И. Ленин отмечал роль колониального грабежа для процессов национального развития. «Своим колониальным грабежом азиатских стран европейцы сумели закалить одну из них, Японию, для великих военных побед, обеспечивших ей самостоятельное национальное развитие. Нет никакого сомнения, что вековой грабеж Индии англичанами, что современная борьба этих „передовых“ европейцев против демократии персидской и индийской *закалит* миллионы и десятки миллионов пролетариев в Азии, закалит для такой же победоносной (как у японцев) борьбы против угнетателей»⁹. Анализируя влияние империализма на отсталые страны, в том числе страны Азии, В. И. Ленин отмечал: «Одно из самых основных свойств империализма заключается как раз в том, что он ускоряет развитие капитализма в самых отсталых странах и тем самым расширяет и обостряет борьбу против национального угнетения»¹⁰. В. И. Ленин рассматривал нацию как определенную политическую силу в общественной жизни любой страны современного мира. Он считал нациями не только народы высокоразвитых стран Европы. «Мы заявили в своих тезисах, что освобождение колоний есть не

⁵ См., например, П. Е. Скачков, Ленин о зарубежном Востоке. Указатель ко 2-му и 3-му изданиям Собрания сочинений В. И. Ленина, «Библиография Востока», вып. 1, М., 1932, стр. 21—42; Ю. М. Гарушянц, О ленинском этапе в развитии историографии Востока, «Народы Азии и Африки», 1965, № 5.

⁶ Из работ последних лет отметим: «Ленин и Восток», М., 1960, А. Н. Хейфец, Ленин — великий друг народов Востока, М., 1960; «Ленин о дружбе с народами Востока», М., 1961; «В. И. Ленин — великий теоретик», М., 1966; «В. И. Ленин и историческая наука», М., 1968; «Коминтерн и Восток», М., 1969.

⁷ См., например: Ю. И. Семенов, Из истории теоретической разработки В. И. Лениным национального вопроса, «Народы Азии и Африки», 1966, № 4; В. И. Козлов, О некоторых аспектах национальной проблематики в трудах В. И. Ленина, «Сов. этнография», 1969, № 6.

⁸ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 153—154.

⁹ Там же, т. 17, стр. 179.

¹⁰ Там же, т. 30, стр. 132.

что иное, как самоопределение наций. Европейцы часто забывают, что колониальные народы *тоже* нации, но терпеть такую „забывчивость“ значит терпеть шовинизм»¹¹.

Исходя из закона неравномерности развития капитализма, В. И. Ленин отмечал, что «...объективная действительность показывает нам, наряду с высокоразвитыми капиталистическими нациями, целый ряд наций очень слабо и совсем неразвитых экономически»¹². В большинстве стран довольно быстро шло формирование капиталистических отношений, рос пролетариат. За всеми этими процессами внимательно следил В. И. Ленин. В частности, он отмечал: «Пролетариат и в Индии дорос уже до сознательной политической массовой борьбы»¹³. Даже те колониальные и зависимые страны, где не создавалось промышленных предприятий, испытывали непосредственное воздействие мировой капиталистической системы, причем вывоз (колониальный грабёж) и ввоз разрушали местное кустарное производство и, таким образом, способствовали пополнению армии обездоленных и немущих.

В. И. Ленин подверг беспощадной критике тех «теоретиков», которые утверждали, что нельзя выставлять лозунг самоопределения наций в колониях, так как там нет рабочих. Решительно не соглашаясь с таким утверждением, В. И. Ленин писал: «К колониальным и полуколониальным народам мы отнесли 1000 млн. населения... Из 1000 млн. населения свыше 700 млн. (Китай, Индия, Персия, Египет) принадлежат к странам, где рабочие *есть*. Но даже для тех колониальных стран, где нет рабочих, где есть только рабовладельцы и рабы и т. п., не только *не* нелепо, а *обязательно* для всякого марксиста выставлять «самоопределение»¹⁴.

В. И. Ленин многократно возвращался к тезису, что под самоопределением наций следует понимать также и освобождение всех колоний, недопущение аннексии в любой форме. «...Если требование свободы наций не есть лживая фраза, прикрывающая империализм и национализм *некоторых отдельных* стран, то оно должно быть распространено на *все* народы и *все* колонии»¹⁵.

Очень важен ленинский вывод о необходимости укрепления классовой международной солидарности. Во имя права наций на самоопределение, считал В. И. Ленин, «...с.-д. угнетающих наций должны требовать свободы отделения наций угнетенных,— ибо в противном случае признание равноправия наций и интернациональной солидарности рабочих было бы на деле лишь пустым словом, лишь лицемерием. А с.-д. угнетенных наций во главу угла должны ставить единство и слияние рабочих угнетенных наций с рабочими угнетающих наций,— ибо в противном случае эти с.-д. окажутся невольно союзниками той или иной национальной *буржуазии, всегда* предающей интересы народа и демократии, *всегда* готовой, в свою очередь, к аннексиям и к угнетению других наций»¹⁶.

Конкретно-исторически подходя к самоопределению наций, В. И. Ленин различал три типа стран. Это положение В. И. Ленин в наиболее законченном виде сформулировал в работе «Социалистическая революция и право наций на самоопределение (тезисы)» в начале 1916 года и затем неоднократно возвращался к нему. «Первый тип — те передовые страны запада Европы (и Америки), где национальное движение — *прошрое*. 2-ой тип — восток Европы, где оно — *настоящее*. 3-ий — полуко-

¹¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 30, стр. 416.

¹² Там же, стр. 112.

¹³ Там же, т. 17, стр. 179.

¹⁴ Там же, т. 30, стр. 117.

¹⁵ Там же, т. 26, стр. 303.

¹⁶ Там же, т. 27, стр. 63—64.

лонии и колонии, где оно в значительной степени — будущее»¹⁷. Именно в странах третьего типа («угнетенные и капиталистически неразвитые нации»¹⁸), по В. И. Ленину, «есть еще *объективно* общенациональные задачи, именно задачи *демократические*, задачи свержения *чужденационального гнета*»¹⁹. Именно здесь В. И. Ленин говорит о национальных задачах отсталых стран Азии по ликвидации чужденационального гнета и, таким образом, о единстве государств, которые должны прийти на смену колониям и полуколониям.

Анализируя социально-экономические отношения у народов Востока, В. И. Ленин обращал большое внимание на классовый состав развивающихся наций. На примере Индии он показал руководящую роль рабочего класса в национальном развитии²⁰.

В. И. Ленин подчеркивал прогрессивную роль буржуазии стран Востока на ранних этапах национального развития. В частности, он отмечал: «В Азии везде растет, ширится и крепнет могучее демократическое движение. Буржуазия там *еще* идет с народом против реакции»²¹. Позднее, в 1913 году, уже после поражения революций в странах Азии, В. И. Ленин сделает вывод: «Азиатские революции показали нам ту же бесхарактерность и подлость либерализма, то же исключительное значение самостоятельности демократических масс, то же отчетливое размежевание пролетариата от всяческой буржуазии»²². Важной составной частью наций на Востоке В. И. Ленин справедливо считал крестьянство: «Главный представитель или главная социальная опора этой, способной еще на исторически прогрессивное дело азиатской буржуазии — крестьянин»²³.

Именно эти три основные социальные силы В. И. Ленин объединял общим термином «народ». Он писал: «Народ, т. е. пролетариат и крестьянство, если брать основные, крупные силы, распределяя сельскую и городскую мелкую буржуазию (тоже „народ“) между тем и другим»²⁴. Как и К. Маркс, В. И. Ленин, употребляя слово «народ», не затушевывал классовые различия внутри народа, не отрицал классовой борьбы, но включал в это понятие те социальные силы, которые были способны довести революцию до конца. Для стран Востока применимо определение В. И. Ленина: «весь народ, т. е. вся масса мелкой буржуазии и крестьянства»²⁵. В работах В. И. Ленина термины «народ» и «нация» часто употребляются в тождественном смысле. Так, исследуя классовый состав наций, характеризую основные силы национального развития, он отмечал, что крестьянская беднота и пролетариат составляют подавляющее большинство народа, нации, а потому революцию, осуществляемую крестьянством вместе с пролетариатом, он называл революцией большинства нации²⁶. В. И. Ленин внимательно наблюдал за изменениями, происходившими в политической, экономической и духовной жизни колониальных и зависимых стран, особенно таких, как Китай, Индия, Персия, следил за литературой, в том числе периодической, дававшей наиболее свежие материалы, что позволяло ему живо откликаться на важнейшие события в странах Азии. Уже в 1905 г. Ленин предугадал неизбежность мощного подъема национально-освободительного движения на Востоке. «Мировой капитализм и русское движение 1905 года окончательно разбудили Азию. Сотни миллионов забитого, одичавшего в

¹⁷ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 30, стр. 88.

¹⁸ Там же, стр. 111.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же, т. 17, стр. 179.

²¹ Там же, т. 23, стр. 167.

²² Там же, стр. 4.

²³ Там же, т. 21, стр. 402.

²⁴ Там же, т. 11, стр. 44.

²⁵ Там же, т. 10, стр. 25.

²⁶ Там же, т. 14, стр. 53.

средневековом застое, населения проснулось к новой жизни и к борьбе за азбучные права человека, за демократию»²⁷.

В работах В. И. Ленина мы находим глубокий конкретный анализ своеобразия развития революционного движения в каждой стране Азии. В частности, известно, как внимательно В. И. Ленин следил за положением в Китае. Вскоре после Синхайской революции 1911 года, 8 ноября 1912 года, в газете «Правда» он публикует статью «Обновленный Китай», где анализирует новые явления в политической жизни китайского народа, на национальное развитие которого определяющее воздействие оказывал тогда «союз зажиточного крестьянства с буржуазией, при отсутствии или полном бессилии пролетариата»²⁸.

В. И. Ленин не случайно дал столь глубокий анализ классового состава нации в странах Востока. Он предвидел, что развитие революции, ход национального развития в этих странах зависит в очень большой, даже решающей мере от того, как поведет себя буржуазия. «Если взять для примера революции XX века, то и португальскую и турецкую придется, конечно, признать буржуазной. Но „народной“ ни та, ни другая не является, ибо масса народа, громадное большинство его активно, самостоятельно, со своими собственными экономическими и политическими требованиями, ни в той, ни в другой революции заметно не выступают»²⁹. Поэтому В. И. Ленин проявлял большой интерес к вопросам идеологии буржуазно-национальных освободительных движений в странах Востока (достаточно, например, вспомнить ленинский анализ суньятсенизма)³⁰.

В. И. Ленин отмечал, что развертывание революционной борьбы всего народа — важное условие победы. Неоднократно, на примере разных стран Азии, он подчеркивал решающую роль народа в борьбе за достижение свободы и за самостоятельное национальное развитие. В частности, характеризуя в 1913 г. партию Сунь Ят-сена, он основную ее слабость видел «...в том, что она *недостаточно* еще смогла втянуть в революцию *широкие массы* китайского народа»³¹. Очень высоко В. И. Ленин оценивал революционную борьбу в Иране, носившую в момент своего наивысшего подъема общенародный характер³².

Ни в одной стране Азии революция в то время не победила. Но ленинский анализ политического и экономического развития стран Востока показал, что эра «пробуждения Азии» началась, что этот процесс необратим, несмотря на временные неудачи и даже поражения. Национально-освободительное движение как мощный фактор национального развития уже сделало свое дело. «Никакие силы в мире не восстановят старого крепостничества в Азии, не сметут с лица земли героического демократизма народных масс в азиатских и полуазиатских странах»³³.

Одним из важнейших положений, выдвинутых и разработанных В. И. Лениным до Великой Октябрьской социалистической революции, является учение о двух исторических тенденциях в национальном вопросе³⁴. «Развивающийся капитализм знает две исторические тенденции в национальном вопросе. Первая: пробуждение национальной жизни и национальных движений, борьба против всякого национального гнета, создание национальных государств. Вторая: развитие и утаивание вся-

²⁷ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 23, стр. 146.

²⁸ Там же, т. 22, стр. 190.

²⁹ Там же, т. 33, стр. 39.

³⁰ Там же, т. 21, стр. 400—406. Подробнее о Сунь Ят-сене и его учении см.: «Сунь Ят-сен. 1866—1966. К столетию со дня рождения. Сборник статей, воспоминаний и материалов», М., 1966.

³¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 23, стр. 139.

³² Там же, т. 17, стр. 177.

³³ Там же, т. 23, стр. 3.

³⁴ Там же, т. 24, стр. 113—150; т. 25, стр. 255—320; т. 26, стр. 43—93; т. 30, стр. 77—130.

ческих сношений между нациями, ломка национальных перегородок, создание интернационального единства капитала, экономической жизни вообще, политики, науки и т. д. Обе тенденции суть мировой закон капитализма. Первая преобладает в начале его развития, вторая характеризует зрелый и идущий к своему превращению в социалистическое общество капитализм»³⁵.

Ленинское учение о двух тенденциях в национальном вопросе имеет громадное значение для понимания проблем национального развития стран Востока. В условиях колониализма, существования зависимых и полузависимых стран, период преобладания в странах Востока первой тенденции довольно сильно затянулся. Обособленное положение полностью или частично зависимых стран Азии, их разобщение усиливались не только наличием государственных границ, но и сфер влияния, на которые были поделены эти азиатские страны между империалистическими государствами, проводившими политику «разделяй и властвуй». Это способствовало, естественно, усилению регионализма, зарождению национализма в странах Востока. Пролетариат и буржуазия, с ростом которых была связана вторая тенденция, были чрезвычайно слабы, а в некоторых странах почти полностью отсутствовали. Эпоха, когда в полную силу проявляется вторая тенденция — «...эпоха вполне сложившихся капиталистических государств» — характеризуется «...сильно развитым антагонизмом пролетариата и буржуазии... Для второй эпохи типично отсутствие массовых буржуазно-демократических движений, когда развитой капитализм, все более сближая и перемешивая вполне уже втянутые в торговый оборот нации, ставит на первый план антагонизм интернационально слитого капитала с интернациональным рабочим движением»³⁶. Как известно, в странах Востока вторая тенденция в начале XX в., да и позднее, не получила значительного, тем более всестороннего, полного развития. Это наложило глубокий отпечаток на направление национальных процессов в этих странах. Здесь процесс национального сплочения происходил в рамках старых государственных границ, государства развивались как многонациональные, со сложным этническим составом. Для стран Востока проблема национального самоопределения, в первую очередь, сводилась к завоеванию политической свободы от колониальных держав.

Перед странами Азии стояла задача ликвидации национального угнетения: угнетения наций неразвитых и слаборазвитых стран нациями империалистических стран, с одной стороны, и угнетения крупными нациями более мелких в пределах одной страны³⁷.

Следует особо подчеркнуть, что борьба угнетенных наций против угнетающих была вызвана не расовыми или национальными предрассудками. В. И. Ленин разоблачал тех, кто утверждал, что движение ихэтуаней в Китае было вызвано враждой желтой расы к белой или ненавистью китайцев к европейской культуре и цивилизации: «Да, китайцы, действительно, ненавидят европейцев, но только каких европейцев они ненавидят, и за что? Не европейские народы ненавидят китайцы — с ними у них не было столкновений, — а европейских капиталистов и покорные капиталистам европейские правительства»³⁸.

В. И. Ленин внимательно изучал буржуазно-демократические национальные движения в странах Востока, направленные прежде всего на свержение чужденационального гнета. «Во всем мире эпоха окончательной победы капитализма над феодализмом была связана с национальными движениями. Экономическая основа этих движений состоит в том, что для полной победы товарного производства необходимо завоевание

³⁵ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 24, стр. 124.

³⁶ Там же, т. 25, стр. 264.

³⁷ Там же, т. 27, стр. 434—444; т. 31, 432—438 и т. д.

³⁸ Там же, т. 4, стр. 379.

внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе... Образование национальных государств, наиболее удовлетворяющих этим требованиям современного капитализма, является поэтому тенденцией (стремлением) всякого национального движения»³⁹.

Новую эпоху в национальном развитии всех народов открыла Великая Октябрьская социалистическая революция. Отныне мир оказался расколотым на две системы. Теперь Советская Россия и партия большевиков, руководимые В. И. Лениным, стали оказывать влияние на ход мировой истории успехами в практическом осуществлении политических, экономических и культурных преобразований. Опыт решения национального вопроса в первой стране социализма, особенно среди народов Советского Востока, не мог не вызвать самого живого интереса на зарубежном Востоке, борющемся против колониального гнета⁴⁰. Советское государство в первый день своего существования заявило в ленинском декрете о мире о своем желании установить мирные и дружественные отношения со всеми народами на основе полного равноправия. Первым государством, с которым Советская Россия установила дипломатические отношения нового типа, был Афганистан. Постепенно устанавливались и развивались экономические связи нового типа⁴¹.

Важным моментом в национальном развитии стран Востока, проявившимся под непосредственным влиянием Великой Октябрьской социалистической революции, было возникновение Коммунистических партий. В 1920 году они возникли в Индонезии, Иране, Турции, в 1920—1921 гг. образовались марксистские кружки и коммунистические группы в Китае и Индии, в марте 1921 года образовалась Монгольская Народно-революционная партия и т. д. Создание коммунистических и рабочих партий в странах Востока отражало сплочение демократических сил для новых битв. И на этом этапе непрерывающаяся национально-освободительная борьба усиливала процессы национальной консолидации.

После Великой Октябрьской социалистической революции при анализе национально-колониального вопроса В. И. Ленин исходил из нового фактора — существования первой страны социализма, противостоящей враждебному капиталистическому окружению. «Если мы упустим это из виду, то не сможем поставить правильно ни одного национально-го или колониального вопроса, хотя бы речь шла о самом отдаленном уголке мира»⁴².

В. И. Ленин и в эти годы придает исключительно важное значение национальному развитию стран Востока. Не случайно в ходе работы II Конгресса Коммунистического Интернационала (19 июля — 7 августа 1920 г.) в комиссии по национальному и колониальному вопросу было принято решение о замене формулировки «буржуазно-демократическое движение» новым термином «национально-революционное движение»⁴³.

³⁹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 25, стр. 258—259.

⁴⁰ См. подробнее: «Зарубежная литература об Октябрьской революции», М., 1961; см. также статьи в журн. «Народы Азии и Африки»: «Великий Октябрь и исторические судьбы народов Востока» (1967, № 1); А. М. Агахи, Иранские деятели науки и культуры о Великой Октябрьской социалистической революции (1967, № 1); Б. Г. Гафуров, Великий Октябрь и национально-освободительное движение (1967, № 5); П. П. Топеха, Влияние Октябрьской революции на Японию (1967, № 5); М. А. Чешков, Из истории первых советско-вьетнамских революционных связей (1967, № 2); Л. П. Делюсин, Октябрьская революция и Китай (отклики начала 20-х гг.) (1967, № 6); А. В. Райков, Ладжпат Рай и Великая Октябрьская социалистическая революция, (1968, № 5).

⁴¹ Л. В. Степанов, Ленинские принципы советской экономической политики в отношении независимых стран Востока, «Проблемы востоковедения», 1960, № 2.

⁴² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 242.

⁴³ Там же, стр. 243.

Здесь следует отметить выдающуюся роль, которую сыграл в национальном развитии стран Востока созданный в марте 1919 г. III Коммунистический Интернационал⁴⁴, особенно Второй его конгресс, на котором В. И. Ленин выступил с основополагающим докладом по проблемам национально-колониального движения.

В этот период были попытки изолировать национально-революционное движение на Востоке, даже обосновывался тезис о так называемом «восточном» маршруте мировой антиимпериалистической революции. В. И. Ленин вновь и вновь указывал, что судьбы национального развития стран Востока зависят от союза национально-освободительного движения с Советской Россией. Только этот союз может привести к поражению мирового империализма и крушению колониализма, к утверждению самостоятельного пути национального развития стран Востока. В. И. Ленин особо подчеркивал настоятельную необходимость установления взаимодействия между национально-освободительным движением стран Востока и мировым революционным движением пролетариата.

Исключительно важное значение имеет ленинское положение о двух фазах национального развития в процессе национально-освободительной борьбы⁴⁵. По В. И. Ленину, существо первой фазы заключается в завоевании политической независимости, создании суверенного государства, существо второй фазы определяется прежде всего социально-экономическими преобразованиями, глубиной и направлением которых в разных странах могут быть различными. Национальное развитие на второй фазе в значительной мере определяется авангардной ролью передовой политической партии.

Ленинское учение по национально-колониальному вопросу играло крупную роль в объединении всех сил, выступающих в каждой стране за национальную независимость и социальное освобождение. Распространению этих идей способствовали Первый съезд народов Востока в Баку в 1920 г., Съезд народов Дальнего Востока в Москве в 1922 г.⁴⁶ В частности, на последнем съезде присутствовали представители Индии, Китая, Кореи, Японии, Монголии, Индонезии. Были заслушаны доклады по странам, обсуждались позиция коммунистов в национально-колониальном вопросе и проблема сотрудничества коммунистов с национально-революционными партиями. Съезд оказал конкретную практическую помощь коммунистическим партиям, особенно в выработке революционных программ, основанных на ленинских идеях. В. И. Ленин, хотя и не присутствовал на заседаниях съезда, внимательно следил за его работой, встречался с делегациями, обсуждая с каждой из них вопросы национального развития стран Востока, объединения всех революционных антиимпериалистических сил⁴⁷.

Идеи В. И. Ленина, изложенные в партийной программе по национальному вопросу, оказали исключительно сильное воздействие на формирование марксистско-ленинских программ партий нового типа. В то время только что возникшие партии на Востоке были слабы, не имели достаточно идейно-теоретически подготовленных кадров. На них оказывали огромное влияние ленинские идеи по национальному вопросу (о возникновении и сущности наций, о праве наций на самоопределение, о равноправии наций и языков, критика насильственного навязывания обязательного государственного языка в многонациональном государ-

⁴⁴ См. «Коминтерн и Восток», М., 1969; Р. А. Ульяновский, Борьба Коминтерна за ленинскую стратегию и тактику в национально-освободительном движении (К 50-летию образования III Коммунистического Интернационала), «Народы Азии и Африки», 1969, № 3.

⁴⁵ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 44, стр. 38.

⁴⁶ Подробнее см.: Г. З. Сорокин, Съезд народов Дальнего Востока, «Проблемы востоковедения», 1960, № 5.

⁴⁷ «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», т. 2, М., 1957, стр. 629.

стве, осуждение великодержавного шовинизма и буржуазного национализма).

Краеугольный камень ленинской программы по национальному вопросу — признание прав наций на самоопределение вплоть до отделения⁴⁸. Вместе с тем В. И. Ленин неоднократно отмечал, что вопросы об отделении нации должны решаться с учетом конкретных исторических условий, т. е. прежде всего с учетом интересов классовой борьбы. Требование самоопределения, по Ленину, отнюдь не равносильно требованию обязательного отделения, т. е. образования мелких государств. Признание этого права — важный принцип, но оно не должно заслонять главного — борьбы за демократическое устройство государства, за уничтожение классового и национального порабощения. В нашей научной литературе по национальному вопросу, к сожалению, не уделяется достаточно внимания ленинским положениям о многонациональном социалистическом государстве, где национальный вопрос решается не путем политического разделения разных народов, прежде входивших в одно государство, а путем образования союза равноправных наций в рамках многонациональной социалистической страны.

В. И. Ленин учил необходимости «относиться с особенной осторожностью и с особым вниманием к пережиткам национальных чувств в наиболее долго угнетавшихся странах и народностях»⁴⁹. Именно так относился к национальным чувствам сам В. И. Ленин. Широко известен такой случай: 14 июня 1920 г., более чем за месяц до открытия Второго Конгресса Коминтерна, в журнале «Коммунистический интернационал» появилась ленинская работа «Первоначальный набросок тезисов по национальному и колониальному вопросам», где были следующие слова: «...чем более отсталой является страна, тем сильнее в ней мелкое земледельческое производство, патриархальность и захолустность, неминуемо ведущие к особой силе и устойчивости самых глубоких из мелкобуржуазных предрассудков, именно: предрассудков национального эгоизма, национальной ограниченности»⁵⁰. В. И. Ленин позднее изъясил это вполне правильное положение по предложению группы коммунистов из Туркестана, Башкирии и Киргизии, не понявших тогда смысла этих слов⁵¹.

Уделяя большое внимание проблемам Востока, В. И. Ленин неизменно подчеркивал единство процесса мировой истории, выступал против деления народов на «исторические» и «неисторические», решительно осуждал «европоцентризм».

В. И. Ленин в новых исторических условиях, сложившихся в мире в связи с победой Великой Октябрьской социалистической революции, обосновал имеющий огромное значение вывод о возможности строительства социализма, минуя капитализм, в странах, в которых до победы революции господствовали феодально-патриархальные, феодальные и полufeодальные отношения. «...Коммунистический Интернационал должен установить и теоретически обосновать то положение, что с помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития»⁵². Наиболее полно эта мысль изложена В. И. Лениным в докладе комиссии по национальному и колониальному вопросам на Втором Конгрессе Коминтерна⁵³. Оценивая направление национального развития стран Востока, В. И. Ленин высказывал мысль, что «...неправильно полагать, что капиталистическая

⁴⁸ См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 27, стр. 255.

⁴⁹ Там же, т. 41, стр. 168.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Об этом подробнее см.: Р. А. Ульяновский, Указ. раб., стр. 7.

⁵² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 246.

⁵³ Там же, т. 41, стр. 245—246.

стадия развития неизбежна для отсталых народностей»⁵⁴. Это же положение В. И. Ленин развивал в беседе с монгольскими товарищами 1921 г.⁵⁵ Ленин советовал монгольским революционерам всемерно укреплять сотрудничество, союз и дружбу с Советской Россией, видя в этой гарантии развития Монголии по некапиталистическому пути. Это ленинское указание уже в то время было не только теорией, а прямым руководством к действию в таких странах, как Монголия и Тува⁵⁶.

Некапиталистический путь предопределил и специфику национального развития Монголии. Монгольская Народная Республика — страна со сложным этническим составом, но в ней представлены в подавляющем большинстве близкие между собой в языковом, культурном и этническом отношении группы. Это обусловило довольно быстрый процесс формирования определенного единства в рамках молодого самостоятельного государства. Если принять существующее в науке деление наций: буржуазные и социалистические, то следует признать, что к монголам первого этапа революции (20—30-е годы) не может быть применимо одно из этих определений. Безусловно, в Монголии в те годы шел процесс интенсивного экономического строительства, социально-экономических преобразований и национальной консолидации. В советской научной литературе был законно поставлен вопрос о формировании наций переходного типа, которые не являются ни буржуазными, ни социалистическими⁵⁷.

В. И. Ленин учил, что рабочему классу отведено ведущее место в национальном развитии, ибо он определяет в конце концов будущее страны. Ленинские идеи нашли воплощение в документах Коминтерна 1 лет. Так, Президиум ИККИ в своей резолюции по вопросу о национально-освободительном движении в Китае и о партии Гоминдан в ноябре 1923 г. специально отмечал, что рабочий класс Китая «неизбежно должен сыграть одну из самых больших ролей в объединении страны и в антиимпериалистическом движении за независимость Китая»⁵⁸. В. И. Ленин всегда подчеркивал активную роль национально-освободительного движения в национальном развитии. Он уделял большое внимание проблемам национального единства, в частности, в период борьбы за национальное освобождение, призывая трудящихся к организованности и дисциплине, к укреплению тесного союза разных народов, независимо от языковой, религиозной, национальной принадлежности⁵⁹.

В. И. Ленина глубоко интересовала проблема эмиграции, анализу которой он посвятил много страниц своих трудов. Он исследовал причины эмиграции, дал анализ положения иммигрантов, их роли в национально-освободительном движении. «Капитализм создал особый вид переселения народов. Быстро развивающиеся в промышленном отношении страны, вводя машины, вытесняя отсталые страны с мирового рынка, поднимают заработную плату выше среднего и привлекают наемных рабочих из отсталых стран»⁶⁰. В. И. Ленин рассматривал иммигрантов как пришлую, но полноправную часть народа, вносящую свой вклад в развитие движения за национальное освобождение. Так, он отмечал роль китайских иммигрантов в Индонезии⁶¹.

В. И. Ленин призывал делать строгое различие между революциями в империалистической стране и в колониальной, где возможен этап об-

⁵⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 246.

⁵⁵ Там же, т. 44, стр. 232—233.

⁵⁶ Подробнее см.: Г. Матвеева, П. Старицина, Монгольская Народная Республика на ленинском пути, Сб. «Ленин и Восток», М., 1960; Г. Ф. Ким, Ф. И. Шагинина, Пролетарский интернационализм и революции в странах Востока, М., 1967.

⁵⁷ С. И. Брук, Н. Н. Чебоксаров, Современный этап национального развития народов Азии и Африки, «Сов. этнография», 1961, № 1, стр. 77.

⁵⁸ См. Р. А. Ульяновский, Указ. раб., стр. 9.

⁵⁹ См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 122.

⁶⁰ Там же, т. 24, стр. 89.

⁶¹ Там же, т. 23, стр. 145.

национального объединенного фронта. Он подчеркивал необходимость для коммунистов всемерно поддерживать буржуазно-демократические национально-освободительные движения в отсталых странах, указывал на необходимость временного тактического союза Коминтерна с буржуазной демократией колоний и полуколоний, но вместе с тем призывал помнить, что это союз с буржуазией, что необходимо сохранять самостоятельность пролетарского движения⁶². Большое значение имеет мысль В. И. Ленина, высказанная им в июне 1920 г. по поводу одного тезиса, выдвинутого Г. В. Чичериным. «Союз с собственной буржуазией,— писал он В. И. Ленину,— вполне уместен у угнетенных народов лишь там, где приходится устранить местный феодализм, подпираемый штыками угнетающей нации, как в Персии. Именно у персов в порядке совместного движения трудящихся и буржуазии для устранения невыносимого гнета продавшихся Англии феодалов». В этой связи В. И. Ленин заметил: «Персия не единична»⁶³.

Направляемое коммунистами движение единого фронта давало четкую перспективу национально-освободительного движения, ибо оно через укрепление общенационального единства вело к достижению независимости, установлению демократических форм власти. Общеизвестна большая положительная роль в этом движении единого фронта, созданного по совету В. И. Ленина во многих странах Востока⁶⁴.

На рост освободительного движения в странах Азии огромное влияние оказывали многие ленинские идеи. Например, на развитие массового движения пуштунов Пакистана в начале 30-х годов повлияли революционные идеи Великого Октября и успехи молодого Советского государства в социалистическом строительстве. Лидеры движения считали В. И. Ленина выдающимся революционером, его мысли и дела производили на них глубокое впечатление⁶⁵.

Великую роль В. И. Ленина в национальном развитии стран Востока признавали деятели самых разных политических направлений. Например, представитель компартии Индонезии писал: «Имя Ленина является лозунгом грядущего освобождения колониальных масс, и эти массы начинают сознавать это: у индусов и китайцев, живущих на острове Ява, полицией несколько раз были обнаружены портреты Ленина, его брошюры, переведенные на малайский язык, и т. д.»⁶⁶. Один из основоположников Компартии Китая Ли Да-чжао отмечал: «Ленин — лучший друг слабых и малых наций, преданнейший слуга угнетенных, благородный мужественный борец, посвятивший себя делу мировой революции»⁶⁷. Сунь Ят-сен говорил о Ленине следующее: «За многие века мировой истории появлялись тысячи вождей и ученых с красивыми словами на устах, которые никогда не проводились в жизнь. Ты, Ленин,— исключение. Ты не только говорил и учил, но и претворил свои слова в действительность. Ты создал новую страну. Ты указал нам путь для совместной борьбы. Ты встречал на своем пути тысячи препятствий, которые встречаются и на моем пути. Я хочу идти твоим путем, и хотя мои враги и против этого, но мой народ будет меня приветствовать за это. Ты умер, небо не продлило твоей жизни, но в памяти угнетенных народов ты будешь жить веками, великий человек»⁶⁸. Можно было бы привести множество подобных высказываний.

⁶² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 167.

⁶³ Цит. по статье: А. Резников, Борьба В. И. Ленина против сектантских извращений в национально-колониальном вопросе, «Коммунист», 1968, № 5, стр. 40.

⁶⁴ См. подробнее: сб. «Ленин и Восток», М., 1960.

⁶⁵ См. Ю. В. Ганковский, Национальный вопрос и национальное движение в Пакистане, М., 1967, стр. 167.

⁶⁶ См. «Ленин, Восток и революция», М., 1924, стр. 39.

⁶⁷ Ли Да-чжао, Избранные статьи и речи, М., 1965, стр. 213.

⁶⁸ Сунь Ят-сен, Сборник статей, воспоминаний и материалов, М., 1966, стр. 342.

Труды В. И. Ленина помогают разработке периодизации национального развития народов Востока. Так, ленинский анализ национально-освободительного движения, которое всегда отражает состояние национального развития, дает возможность выделить в нем три основных периода: 1) период до русской революции 1905 г., когда основной формой борьбы на Востоке были такие выступления, которые В. И. Ленин применительно к Китаю называл «старыми китайскими бунтами»; 2) период после революции 1905 г. — период «пробуждения Азии»; 3) период после революции 1917 г. в России.

Теперь к этому можно добавить период после второй мировой войны — эру претворения в жизнь ленинских идей по национально-колониальному вопросу.

В. И. Ленин, разработавший стратегию и тактику развития национально-освободительного движения в странах Востока, жил и работал только в начальный период развертывания этого движения, когда почти вся Азия (а тем более Африка) представляла собой цепь колоний. Помимо Японии в Азии при жизни В. И. Ленина существовало лишь 5 независимых (фактически полуколониальных) стран — Китай, Таиланд, Афганистан, Иран и Турция. Но уже тогда В. И. Ленин отмечал, что «...капитализм, разбудив Азию, вызвал и там повсюду национальные движения, что тенденцией этих движений является создание национальных государств в Азии, что наилучшие условия развития капитализма обеспечивают именно такие государства»⁶⁹.

В. И. Ленин, имея в виду прежде всего развитие революционной ситуации в Азии, предсказывал, «...что в грядущих решающих сражениях мировой революции движение большинства населения земного шара первоначально направленное на национальное освобождение, обратится против капитализма и империализма и, может быть, сыграет гораздо большую революционную роль, чем мы ожидаем»⁷⁰. Это предвидение В. И. Ленина полностью сбылось. Именно взаимная поддержка, союз мировой социалистической системы и национально-освободительного движения явились теми важными факторами, которые обеспечили ликвидацию колониальной системы.

История национального развития стран Востока в новейшее время подтвердила положение В. И. Ленина о большой роли рабочего класса в демократической революции даже в тех странах, где его удельный вес пока еще незначителен. Жизнь подтвердила и ленинский тезис о необходимости укрепления союза рабочего класса и крестьянства, который оказывает определенное воздействие на степень участия буржуазии в революции. В разных странах различна и степень революционной активности буржуазии. Ленинское положение о классовой неоднородности буржуазии полностью оправдалось. Именно на примере стран Азии можно говорить о различной активности отдельных слоев буржуазии.

Совершенно новая ситуация сложилась в мире после второй мировой войны: новое соотношение сил, превращение социализма в мировую систему способствовали новому направлению национального развития освободившихся от колониального ига стран Азии и Африки — вступлению многих из них на некапиталистический путь развития⁷¹. Немалую роль здесь сыграло и широкое распространение ленинских идей за рубежом. Это прежде всего издание работ В. И. Ленина на языках народов Востока⁷². Таким образом облегчалось знакомство народов азиатских и африканских стран с великим ленинским учением.

⁶⁹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 25, стр. 262.

⁷⁰ Там же, т. 44, стр. 38.

⁷¹ См. подробнее: Г. Ф. Ким, Ф. И. Шабшина, Указ. раб.; В. Степанов, Мировая система социализма — ведущая революционная сила современности, «Коммунист», 1969, № 10, стр. 20—31.

⁷² А. Г. Киселева, Издание произведений В. И. Ленина в странах Востока, «Проблемы востоковедения», 1960, № 2.

Почти все государства Азии исторически сложились как многонациональные, они остались таковыми и после завоевания независимости, встав на путь самостоятельного развития. Все народы этих стран в процессе национально-освободительной борьбы против империализма сплотились в определенные общности, на формирование которых в период независимости активно воздействовала политика центрального правительства. Такого рода общности, порой очень сложные по составу, в советской научной литературе получили название «этно-политических» или «национально-политических»⁷³.

В Азии образовалось несколько социалистических стран. В этих странах тоже происходит процесс национальной консолидации. Например, в ДРВ, где нет крупных народов, помимо собственно вьетнамцев, во главу угла при решении национального вопроса поставлено не признание права на самоопределение вплоть до отделения, а установление национальной автономии разных уровней. Все народы ДРВ получили равноправие. За годы народной власти повысился их жизненный и культурный уровень. Все народы осознают себя гражданами ДРВ.

Национально-освободительная борьба в значительной мере способствовала процессу национальной консолидации. В ходе этой борьбы произошел рост силы и авторитета рабочего класса. Тенденция к единству национального развития в существовавших до освобождения границах возобладала во многих странах Азии (Цейлон, Бирма, Вьетнам, Лаос, Камбоджа, Индонезия, Филиппины и др.). В процессе национально-освободительной борьбы эти страны добились самостоятельности, сохранив исторически сложившееся экономическое, политическое и культурное единство. За последние четверть века в Азии возникли также государства с новыми границами (например, Пакистан и Малайзия); однако и в этих государствах активную роль играет национальная политика, направленная на создание общегосударственной общности, независимо от расовой, этнической, языковой, религиозной и иной принадлежности. Далеко не во всех странах проблемы национального самоопределения внутри отдельных стран решены: остро стоит национальный вопрос в Индии, Таиланде, Иране. Особый интерес вызывают проблемы национального развития переднеазиатских и североафриканских арабоязычных стран.

По существу всякая подлинная революция в Азии развивалась как антиимпериалистическое национально-освободительное движение, которое в свою очередь представляет собой определенный этап национального развития. В. И. Ленин употреблял термин «национальное развитие», когда говорил о национальных движениях в странах, перед которыми «...на исторической очереди дня стоит... переход от феодализма или патриархальной дикости к национальному прогрессу, к культурному и политически свободному отечеству»⁷⁴. Именно такого рода страны, в том числе колонии и полуколонии Азии, должны бороться за свободу своего национального развития. Национальное развитие в странах Востока — это по существу развитие, обеспечивающее прогресс экономической, политической и культурной жизни общества, его консолидацию как в форме образования однопационального государства, так и многонационального, в котором параллельно идут два процесса: складывание отдельных наций (как этнических категорий) и формирование общенационального единства (как национально-политической общности в рамках одного

⁷³ С. И. Брук, Основные проблемы этнической географии, М., 1964; С. И. Брук, Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 78; С. И. Брук, Н. Н. Чебоксаров, Я. В. Чеснов, Проблемы этнического развития стран зарубежной Азии, «Вопросы истории», 1969, № 1, стр. 100.

⁷⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 30, стр. 89.

государства). В этом смысле мы употребляем термин «национальное развитие» в данной статье.

Исходя из того, что «...обязательный государственный язык сопряжен с принуждением и вколачиванием»⁷⁵, В. И. Ленин выступал против его насильственного введения. Это положение, впервые высказанное В. И. Лениным еще в 1914 г., и сегодня актуально для таких многонациональных стран, как Индия, Пакистан, где из-за сильной пестроты этнического состава населения выбор государственного языка затруднен⁷⁶. Никто не спорит, что единый государственный язык способствовал бы активизации процессов национальной консолидации, но В. И. Ленин был прав, выступая против его насильственного внедрения, ибо оно только «...обострит вражду, создаст миллионы новых трений, усилит раздражение, взаимонепонимание и т. д.»⁷⁷. В. И. Ленин выступал за обучение на родном языке, но столь же определенно и категорически подчеркивал, что образование не должно проходить в условиях культурной изоляции.

В. И. Ленину принадлежит постановка вопроса о необходимости учета специфики социалистического строительства в национальных районах⁷⁸. В то же время он боролся за построение единой, общенациональной партии, не разделенной организационно по узко национальному признаку⁷⁹.

Все эти ленинские идеи сохраняют свою полную жизненную силу и сегодня, особенно в таких сложных по этническому составу странах, как Малайзия, Индия, Пакистан, Индонезия, Бирманский Союз и т. д.

После второй мировой войны, в условиях общего краха мировой колониальной системы, приобрело еще большее значение учение В. И. Ленина о некапиталистическом пути развития. К настоящему времени накоплен значительный разнообразный опыт некапиталистического развития. О непосредственном переходе к социализму во Вьетнаме, минуя капиталистический этап развития, писал Хо Ши Мин⁸⁰. Опыт последних 25 лет говорит о том, что новые формы и методы некапиталистического развития возникли и осуществляются в ряде стран «третьего мира»⁸¹. Под влиянием идей В. И. Ленина, под воздействием совершенно очевидных преимуществ социалистической системы в ряде стран Азии и Африки поставлена цель создания социалистического общества⁸².

Ленинские идеи помогают глубже и правильнее понять проблемы национального развития народов современного Востока. Например, ленинский анализ суньятсенизма по существу дает ключ к пониманию социа-

⁷⁵ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 24, стр. 295. Об этом же см.: т. 23, стр. 314—322.

⁷⁶ А. М. Дьяков, Национальный вопрос в современной Индии, М., 1963, стр. 111, 118, 119; Ю. В. Ганковский, Указ. раб., стр. 85, 89.

⁷⁷ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 24, стр. 295.

⁷⁸ Там же, т. 43, стр. 198—200.

⁷⁹ Там же, т. 12, стр. 221—238; т. 22, стр. 249—270.

⁸⁰ См.: Хо Ши Мин. Тридцать лет партии трудящихся Вьетнама, «Проблемы мира и социализма», 1960, № 2, стр. 59.

⁸¹ См.: С. Н. Ростовский, Ленинское учение о некапиталистическом пути развития, «Проблемы востоковедения», 1960, № 2; Н. К. Вайнцвайг, Л. М. Ратаумин, Г. Ф. Ким, Ф. И. Куликова, Теория и практика некапиталистического пути развития (к постановке вопроса), «Народы Азии и Африки», 1966, № 4; А. К. Богачев, О теоретических основах некапиталистического пути развития, Там же; Н. А. Симония, Ленинская идея революционно-демократической диктатуры и некапиталистический путь развития, «Народы Азии и Африки», 1968, № 2; А. Н. Хейфец, Борьба В. И. Ленина против мелкобуржуазно-народнических взглядов на некапиталистическое развитие, «Народы Азии и Африки», 1969, № 1; Р. А. Ульяновский, О некоторых вопросах некапиталистического развития стран Азии и Африки, «Проблемы мира и социализма», 1969, № 9; В. Тягуненко, Проблемы современных национально-освободительных революций, М., 1966; «Развивающиеся страны в борьбе за независимую национальную экономику», М., 1967.

⁸² См., например: «Современные теории социализма „национального типа“», М., 1967; А. С. Кауфман, О социалистических доктринах в развивающихся странах, «Народы Азии и Африки», 1968, № 4.

листических программ многих национальных партий стран Азии и Африки. И в наши дни сохраняют актуальность ленинские положения о пролетарском интернационализме при решении национального вопроса. Интернационализм, признавая равенство наций и право наций на самоопределение, иногда требует принесения в жертву некоторых частных, по существу узко националистических интересов. Именно в связи с такого рода ситуациями В. И. Ленин написал следующее: «Мелкобуржуазный национализм объявляет интернационализмом признание равноправия наций и только, сохраняя (не говоря уже о чисто словесном характере такого признания) неприкосновенным национальный эгоизм, между тем как пролетарский интернационализм требует, во-первых, подчинения интересов пролетарской борьбы в одной стране интересам этой борьбы во всемирном масштабе; во-вторых, требует способности и готовности со стороны нации, осуществляющей победу над буржуазией, идти на величайшие национальные жертвы ради свержения международного капитала»⁸³. В. И. Ленин всегда обращал внимание коммунистов на необходимость борьбы против буржуазного национализма. В настоящее время эта задача является особо актуальной. Прав генеральный секретарь ЦК Сирийской коммунистической партии тов. Халед Багдаш, отмечавший, что даже после свержения власти буржуазии в одной или в нескольких странах остаются источники националистических тенденций, так как по-прежнему сохраняются границы между государствами и национальные различия⁸⁴.

Противники коммунизма часто пытаются утверждать, что основные положения ленинского учения в современную эпоху якобы устарели и ныне неприменимы. Однако жизнь убедительно подтверждает, что марксизм-ленинизм и сегодня является научно обоснованной боевой программой международного коммунистического и рабочего движения⁸⁵. Теперь уже совершенно очевидно, что ленинская теория национально-освободительного движения и основных этапов национального строительства правильна, ибо она подтверждена всем ходом современной истории. В. И. Ленин, говоря о развитии революции в Азии, отмечал: «Народы Востока просыпаются к тому, чтобы практически действовать и чтобы каждый народ решал вопрос о судьбе всего человечества»⁸⁶. Сегодня страны Востока играют важную роль в мировом революционном процессе.

Анализ национального развития стран Востока в новых исторических условиях, но на основе ленинских идей, дан в документах международного Совещания коммунистических и рабочих партий в Москве 5—17 июня 1969 г.⁸⁷. Действительно, ситуация в мире после смерти В. И. Ленина коренным образом изменилась, но неизменной оказалась сила ленинских идей.

SUMMARY

V. I. Lenin's teaching on national liberation movements and national evolution of peoples of the East is reviewed. V. I. Lenin regarded nations as a historical category arising at the dawn of capitalism; he particularly stressed that the peoples of colonies and se-

⁸³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 165—166.

⁸⁴ См. Халед Багдаш, Ленинизм о национальном вопросе и пролетарском интернационализме, «Коммунист», 1969, № 8, стр. 14—24.

⁸⁵ См., например, Е. М. Жуков, Ленинизм и современность, «Вестник АН СССР», 1969, № 1, стр. 18—26.

⁸⁶ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 39, стр. 328.

⁸⁷ «Задачи борьбы против империализма на современном этапе и единство действий коммунистических и рабочих партий, всех антиимпериалистических сил. Основной документ, принятый международным Совещанием коммунистических и рабочих партий в Москве 17 июня 1969 г.», «Коммунист», 1969, № 9.

micolonial countries of Asia and Africa, which are increasingly coming under the influence of capitalist relations, should be regarded as nations as well as those of highly developed capitalist states. V. I. Lenin distinguished two historical tendencies in national evolution: 1) the rise of nations and national movements, the struggle against all kinds of national oppression, the formation of national states; 2) the evolution and increasing frequency of intercourse between nations, the breaking down of national barriers, the emergence of international unity of capital and of economic life in general, of political science etc. Both these tendencies continue to operate in our time when, after the Second World War, a world system of socialism has sprung up, colonialism in Asia and Africa has collapsed, new national and multinational states have come into being whose peoples have embarked on independent economic, social, political and cultural development. The potentialities for non-capitalist evolution of formerly backward countries of the East uncovered by V. I. Lenin are at present being realized with the active help of socialist countries.

Н. И. Чумаченко

ОБРАЗ ЛЕНИНА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ МАСТЕРОВ И ХУДОЖНИКОВ НАРОДНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОМЫСЛОВ

Образ Ленина получил художественное воплощение во всех видах и жанрах советского искусства, в том числе и в таком массовом искусстве, как народные художественные промыслы.

Портреты Ильича на таких декоративных предметах, как настенные тарелки и блюда, разного рода шкатулки и т. п. стали появляться уже в середине 1920-х годов. При этом народные мастера старались эмоционально приподнять образ вождя, сделать его ярким по колориту, в известной мере, сказочным.

Произведения народного декоративного искусства по своему характеру близки к народным песням, сказкам, эпическим сказаниям. Философская, общечеловеческая сущность ленинизма передается в них опосредованно, широко используются символические средства изображения. В образе Ленина народная традиция выделяет прежде всего романтику, революционный пафос, при этом применяются специфические орнаментально-декоративные средства. В соответствии с этим образ Ильича в той или иной композиции может быть гиперболизирован, раскрыт с помощью дополнительных изобразительных и орнаментальных мотивов.

Характерно, что произведения, посвященные В. И. Ленину, раньше всего появились в творчестве мастеров тех промыслов, которые сами возникли в советское время, например, артелей мастеров миниатюрной живописи на папье-маше, которые были организованы на месте бывших центров древнерусской живописи (иконописи). Прежде всего следует назвать палехских художников. Наиболее чутким и одаренным среди них в 1920-е годы был И. И. Голиков. В своих творческих исканиях он идет много дальше своих товарищей, молодых палешан. В этот период им было создано такое выдающееся для своего времени произведение, как «III Интернационал»¹. И почти одновременно с этой работой И. И. Голиков обратился к образу Ленина. К 10-летию Октября он пишет на центральной пластине письменного прибора композицию «Выступление Ленина перед рабочими 3 апреля 1917 г.». В миниатюре много условности, характерной для палехского искусства в целом: черный фон, удлинённые пропорции фигур, золотой контур. Между тем этими средствами создана целостная декоративная композиция, изображающая выступление В. И. Ленина. Художник воспринимает и передает это событие в героико-романтическом духе. Условно, плакатно трактованный силуэт завода красного цвета образует фон, на котором вырисовывается компактная группа людей. Фигуры очерчены мягкими линиями, складки одежд падают свободно, пластично обрисовывая формы. Лица, намеченные немногими штрихами, сохраняют иконописные черты; они обращены к зрителю. Создается впечатление, будто вся эта толпа погружена в лири-

¹ Хранится в Государственной Третьяковской галерее. Воспроизведено в цвете в книге А. В. Бакушинского «Искусство Палеха», «Academia», М., 1934.

ческое раздумье, настороженно слушает сама и приглашает зрителей прислушаться к ленинским словам. Подчеркивается геометризм заводских труб, врезающихся в черное небо. Они контрастируют напряженностью ритма и цвета с внимательно слушающими вождя людьми. Фигура Ленина приподнята над толпой и композиционно смещена влево; художник не боится и ее трактовать условно по пропорциям и движению. Декоративная выразительность линейного контура, силуэтность и плоскостность формы позволяют предельно заострить жест и движение оратора, достигнуть большой динамичности. Такими средствами талантливо раскрывается действенность ленинского выступления, которое доходит до сердца каждого слушателя, касается самого для него сокровенного (рис. 1).

Как видно, И. И. Голиков оперирует чисто декоративными приемами и средствами. В теме, столь для него злободневной, он сумел добиться большего обобщения, раскрыть ее как песню, как эпическое сказание, совместить ее с метафоричным языком миниатюры, с декоративной манерой, восходящей к древнему письму.

Другим, близким по характеру произведением палешан на ленинскую тему, относящимся к 1920-м годам, была миниатюра «Изба-читальня»². Автор ее — палехский миниатюрист, один из основоположников палехской миниатюрной живописи И. М. Баканов.

В то время изба-читальня на селе была живым воплощением ленинской борьбы за новую пролетарскую культуру. Своеобразный условный язык не мешает зрителю увидеть то новое, что принесла в деревню Советская власть. Зоркий глаз художника рассмотрел и запечатлел и красноармейцев в буденновках, и женщин в красных косынках; молодежь и старики расположились вокруг большого некрашеного стола, среди стеллажей с книгами, под свисающей с потолка электрической лампочкой, которая пришла в деревню только с победой Советской власти. Большинство собравшихся читает газеты. Заголовки газет — «Известия», «Кустарь и революция» и других можно легко разобрать.

Вся миниатюра проникнута мыслью о Ленине. Об этом свидетельствует расположенный в центре композиции, на передней стене избы-читальни, портрет Владимира Ильича, помещенный между портретами К. Маркса и М. И. Калинина. Все три портрета украшены золотыми гирляндами и эмблемами Советской власти: серпом и молотом и пятиконечной звездой.

В композиции И. М. Баканова удивительно переплетается новое, живое с традиционным, иконописным. Пространство избы-читальни как бы сплющено, уплощено и вместе с тем раскрыто на зрителя, как сценическая площадка. Пропорции человеческих фигур удлинены, одежда располагается мелкими узорными складками.

Религиозные сюжеты, давно воспринимавшиеся мастерами как сказочные, мифологические, нашли свое естественное продолжение в новом творчестве советских миниатюристов, в революционных романтических композициях, которые можно было решать с той же мерой сказочности и декоративности.

Пройдет 40 лет, и молодой мастер мстёрской миниатюры, также появившейся на свет после Октябрьской революции, — Ю. Ваванов, готовясь к 50-летию Советской власти, в своей композиции «Ликбез»³ вновь обратится к теме и сюжету, близкому миниатюре И. М. Баканова. Мы снова видим интерьер сельской избы-читальни, и портрет Ильича на передней стене, и даже по-иконописному трактованные, сильно вытянутые по пропорциям фигуры людей. Однако это не означает, что мастер по-прежнему находится в плену иконописных канонов. В наше время

² Хранится в Музее народного искусства в Москве.

³ Хранится в Выставочном фонде НИИ Художественной промышленности в Москве.

Рис. 1. Выступление В. И. Ленина перед рабочими 3 апреля 1917 г. Художник И. И. Голиков, 1927 г. Хранится в Литературном музее им. А. М. Горького

Рис. 2. Шкатулка «Ленин в Горках». Художник В. Д. Липицкий, 1959 г. Хранится в Музее народного искусства, Москва

щих. Большую роль играют также форма и пространственное, объемное решение самого предмета (например, той же шкатулки), материал, из которого он выполнен, техника обработки материала, мастерство и тонкость исполнения.

Изделия народных промыслов, украшенные портретом Ильича или сюжетной композицией на ленинскую тему, должны быть торжественными, выразительными по материалу и технике изготовления.

Тиражирование изделий — одна из основных сторон деятельности коллективов народных художников и множественность повторов — одно из характернейших свойств народного декоративного искусства. Однако тиражирование уникальных юбилейных произведений, связанных с образом вождя, обычно минимально. Выпускаются они, как правило, небольшими сериями, исполнение копий поручается главным образом самому автору.

В середине 1950-х годов в произведениях миниатюристов села Федоскино — старейшего центра русской и советской миниатюрной живописи, существующего с конца XVIII в., наблюдается стремление показать задушевную близость Ленина к простому человеку, к крестьянину, солдату, ребенку. В такой типичной для федоскинцев миниатюре, как «Ленин в Горках» (автор — заслуженный художник РСФСР В. Д. Липицкий), Владимир Ильич показан как бы в лирическом плане: в домашней обстановке, в быту.

«Ленин с детьми» — миниатюра на крышке коробки, расписанной в 1964 г.⁴ Автор — художник А. А. Толстов. Представлен уголок парка

древнерусская живопись с ее плоскостью, условностью и высокой декоративностью вполне сознательно рассматривается миниатюристами как великолепная основа для декоративных композиций.

Миниатюра Ю. Ваванова очень хороша по своим пропорциям. Она написана на чуть заметно выпуклой крышке низкой удлиненной прямоугольной коробки, производящей чрезвычайно изысканное впечатление. Черные, блестящие лаком боковые плоскости составляют благородную рамку основной композиции.

В народном декоративном искусстве художественный образ имеет синтетический характер. Эмоциональное воздействие на зрителя здесь зависит не от одной только сюжетной композиции с ее драматизмом или лирической настроенностью, с колоритом, построенном на цветах ярких, насыщенных, напряженных, или же воздушно-легких, вибрирую-

⁴ Хранится в Музее народного искусства в Москве.

в Горках Ленинских. Случайный луч света выхватил из темноты островок заснеженной земли и осветил двоих ребятшек: парнишку в старой отцовской буденновке и маленькую девчурку в большом, очевидно материнском, платке. Дети сосредоточенно наблюдают за нахохлившимися, сидящими на оголенных ветвях снегирями. Позади ребят остановился с доброй улыбкой вышедший на обычную вечернюю прогулку Владимир Ильич. Вся сцена пронизана ощущением покоя и тишины. Художник раскрывает одну из замечательных черт характера Ильича: его любовь к детям, в которых он видел будущее нашей страны, будущих строителей социализма и коммунизма.

В произведениях, созданных к 50-летию Великого Октября, советские миниатюристы больше стали учитывать подарочный, сувенирный характер этих изделий, нашли их ассортимент. Это настольные экраны, крышки блокнотов, декоративные настольные пластины, панно, маленькие сувенирные ларчики изящной формы, в которых могут храниться какие-либо ценные реликвии вроде орденов или медалей.

Федоскинцы продолжили искания художников 20-х годов, которые решали образ Ленина очень демократично, как образ человека-современника. Интересен в этом отношении миниатюрный поясной портрет Владимира Ильича, написанный Н. М. Солонинкиным⁵. В основу созданного им образа легла фотография 20-х годов, запечатлевшая Ленина на Красной площади. С небольшого настольного экрана, повернувшись в полоборота и слегка прищурясь, Владимир Ильич смотрит прямо на зрителя; лицо слегка затенено кепкой, на груди алеет красный бант. Художник уделил большое внимание декоративному цветовому решению. Вся фигура Ильича написана в светлой оливковой гамме и как бы залита не слишком ярким солнечным светом. В живописный строй миниатюры введено несколько оттенков красного цвета.

Связь с самим предметом, освобождение от излишних бытовых подробностей, лаконизм цвета, базирующегося на локально окрашенных плоскостях, выгодно отличают произведения федоскинцев, созданные к 50-летию Октября, от их же работ десятилетней давности.

Еще интереснее в этом отношении работы миниатюристов Мстёры. В 1964 г. мстёрский художник Н. И. Шишаков создал юбилейную композицию «Октябрь»⁶. Миниатюра написана на крышке прямоугольной, довольно большой коробки и изображает революционный Петроград 25 октября 1917 г. Плоскостные силуэты Адмиралтейства, Биржи, Зимнего дворца служат как бы кулисами, среди которых несколькими красочными потоками, в три яруса, один над другим текут революционные толпы солдат, матросов, рабочих. Мелкие фигурки объединены в относительно крупные разомкнутые пятна-клейма. Мелкоузорная разработка этих клейм несколько напоминает ковер. Среди человеческих фигур вспыхивает множество красных флагов, знамен, плакатов. Это придает миниатюре напряженный романтический характер. И над разделенной на ритмические группы толпой высится огромная фигура Ленина, широким шагом идущего впереди всех в распахнутом пальто, в сдвинутой назад кепке. На одной плоскости совмещены фигуры разных размеров. Этот прием пришел в творчество Н. И. Шишакова из древнерусской живописи, наследницей которой мстёрская миниатюра является в той же степени, что и палехская.

«Октябрь» Н. И. Шишакова — выдающееся произведение современной мстёрской миниатюры и вместе с тем выдающееся произведение на ленинскую тему. Здесь полностью сохранен характерный строй декоративной миниатюры с ее занимательностью, многофигурностью, много-

⁵ Хранится в Выставочном фонде НИИ Художественной промышленности в Москве.

⁶ Хранится в Художественном фонде СССР.

Рис. 3. Шкатулка «Ленин и печник». Художник Е. Н. Зонина, 1967 г. Хранится в Художественном фонде СССР

сюжетностью, с певучестью ритмов и ювелирностью мельчайших деталей. Очень ценно, что все эти формальные особенности поставлены на службу современной советской теме и употребляются для создания яркого ленинского образа.

Старейший миниатюрист Мстёры И. А. Фомичев в 1966 г. также написал юбилейный ларец, взяв темой выступление Ильича 3 апреля 1917 г.⁷ Миниатюра решается в типичной для этого мастера манере, как некая общая вибрирующая от цвета и света декоративная плоскость. Эта светоносность и цветовая целостность в декоративном отношении превосходят несколько суховатую локальную раскраску Н. И. Шишакова, но зато миниатюра И. А. Фомичева уступает работе Н. И. Шишако-

⁷ Ларец хранится в Музее народного искусства в Москве.

ва в ясности композиции и точности решения. Здесь ни одна фигура не выписана, и мы видим Ильича так, как видели бы его в действительности, стоя далеко в толпе и обладая не очень острым зрением. Но художнику-миниатюристу позволительно не давать портретного изображения, не выписывать деталей, а изобразить возникшую в его представлении общую картину исторического выступления Ленина, как праздник цвета и света, «движущуюся» массу мелких цветовых мазков, образующих общий мажорный красочный аккорд.

Мстёрская художница Е. Н. Зонина создала в 1967 г. миниатюру «Ленин и печник» (рис. 3). Она использовала для своей композиции народную легенду, поэтически изложенную А. Т. Твардовским. Миниатюра написана на прямоугольной вертикально ориентированной крышке шкатулки. Действие происходит на открытом воздухе. Это дает возможность в полной мере передать традиционный мстёрский пейзаж; красоту лугов, полей, световоздушной, пленэрной среды. В центре композиции запряженный сказочными конями возок, в котором везут печника к Ленину в Горки чинить печь. Введена в миниатюру и узорчатая русская избушка — жилище печника. Сам Ильич в произведении Е. Н. Зониной появляется дважды: в верхней части он впервые встречается с печником, а внизу беседует с печником уже как с добрым знакомым. Фигура Ленина в пальто и в кепке решена очень удачно — просто, убедительно, без неуместной в этом случае героизации и без акцентировки бытовой, жанровой линии. Красочная, проникнутая любовью к природе, крепко связанная с мстёрскими традициями, миниатюра Е. Н. Зониной является, несомненно, большой удачей как самой художницы, так и всего промысла.

Ленинская тема звучит полнее всего в искусстве советской миниатюрной живописи на папье-маше, но очень подходит для воплощения ленинской темы и настенный ковер. Такая вещь обычно предназначается для оформления общественного интерьера (Дворца культуры, зала для голосования, зала заседаний Исполкома и т. д.). Мастера ковровых промыслов отлично знают это. В таком ковре портрет Владимира Ильича, вытканый по фотографии или по живописному изображению, объединяется с орнаментальной плоскостной, мелкоузорной каймой. Ковровщицы и работающие с ними художники стремятся, чтобы портрет и орнаментальное обрамление соответствовали друг другу, вводя в орнамент вместо традиционных древних мотивов изображения плоскостно трактованных коробочек хлопчатника, самолетов, советских эмблем.

Портретные ковры в эмоциональном отношении очень выразительны. Наряду с их художественной ценностью, в них подкупает добротность материала (натуральной шерсти и натурального шелка), ювелирность техники ручного ковроделия, а также их долговечность.

Один из лучших примеров таких произведений — ворсовый туркменский ковер с портретом В. И. Ленина, вытканый в 1936 г. лучшими ковровщицами Туркмении — Биби Курбан и Анной Тваката. Ковер решен в насыщенной красно-малиновой гамме. Сравнительно небольшое центральное поле с портретом Ильича, воспроизведенным по известному рисунку Н. А. Андреева, обрамляет широкий, многоступенчатый, очень красивый по цвету бордюр, в котором темно-малиновая средняя полоса соседствует с холодноватой и звонкой по цвету бледно-зеленой закрайкой (см. рис. на обложке).

Новые ковры с портретами В. И. Ленина создаются в различных республиках. Так, к 50-летию Советской власти ковровщицами Азербайджанской ССР был выткан портретный ковер по проекту заслуженного художника Азербайджанской ССР Камила Муссеиба оглы Алиева (рис. 4). Центральное поле этого ковра с портретом Ленина в фас окружает узорчатая ковровая рама в характере старинных медальонных ковров и архитектурного декора дворцового ансамбля в Нухе. Самый

Рис. 4. Азербайджанский ворсовый ковер, выткан-
ный по проекту Камилы Муссенб оглы Алиева
в 1967 г. Экспонировался на юбилейной выставке в
Центральном выставочном зале в 1968 г.

портрет выполнен в теплой красновато-бежевой гамме, орнаментальный бордюр — в светлых, холодных голубых тонах.

Есть примеры удачного решения ленинской темы и в декоративной народной скульптуре малых форм.

В 1963 г. один из лучших представителей младшего (послевоенного) поколения богородских резчиков Н. Н. Бадаев принял интересную попытку создания образа вождя. Для своей работы он избрал тему «Ходоки у Ленина»⁸. Его композиция состоит из трех фигур, размещенных на треугольной подставке: двое крестьян-ходоков беседуют с Ильичем. Мастеру удалось сохранить в своей работе камерность, интимность, занимательность, присущие богородским скульптурным композициям, и в полной мере использовать богородскую орнаментальную порезку.

Фигуры крестьян-ходоков, пришедших за советом и помощью к Ленину, изображены в манере традиционной для мастеров-богородцев начала XIX в. Фигура самого Ленина решается резчиком несколько в ином плане, ближе к станковой миниатюре. Это понятно, поскольку автор стремился выявить в этом образе глубокое внутреннее содержание, старался в самой позе, в движении показать, насколько серьезные и значительны были тем мысли, которые высказывал Владимир Ильич во время беседы. Здесь неуместна та декоративность, которая применялась при изображении крестьян. Произведение Н. Н. Бадаева трогает своей искренностью, теплотой, а то, что оно исполнено в дереве, в манере богородской резьбы, еще больше приближает его к массовому зрителю. Скульптура Н. Н. Бадаева невелика по размерам, она не только интересна при обозрении, но приятна на ощупь, так как выполнена из дерева. Эти качества придают ей игрушечный, несколько сказочный характер.

Ту же игру и сказочность можно видеть в произведении чукотского мастера-костореза Вуквола «Чукотская легенда о Ленине». Оно выполнено в технике гравировки на моржовом клыке. Художник смело вводит Ленина в обыденную обстановку чукотского полярного поселка, где он не был, но мог бы быть, так как его ждали и верили во встречу с ним во всех уголках нашей страны. Имя Ленин повсеместно обозна-

⁸ Хранится в Музее народного искусства в Москве.

чало новый, социалистический мир. Мы видим, какой радушный прием оказали Ленину чукчи. Фигура вождя несколько раз появляется в композиции. И каждый раз она как бы начинает новый абзац рассказа об этом посещении, новую строфу песни, ибо это также и песня, выраженная изобразительными средствами миниатюры⁹.

В Государственном музее Революции в Москве хранится кинжал с костяной рукояткой и костяными ножами работы чукотского резчика Онно. Интересно, что в эту композицию включен самостоятельно нарисованный профильный портрет Ленина, заключенный в треугольное клеймо и помещенный в верхней части ножен. Ясно, что портрет Ленина трактуется народным мастером как знак, как символ новой жизни, картины которой разворачиваются по всей композиции. В Музее Революции находится также маленький резной кубок работы известного холмогорского резчика А. Г. Штанга, выполненный в 1949 г. Он украшен профильным портретом Ленина.

Там же хранится работа художника-костереза А. Самофалова — ажурная, прямоугольная шкатулка, на боковой стенке которой изображен орден Ленина. Таких и им подобных произведений было в свое время создано довольно много в костерезных промыслах, но в музейных фондах сохранились лишь отдельные, наиболее характерные образцы.

Благородная моржовая, а особенно ископаемая кость мамонтового бивня обладают сами по себе большими возможностями художественно-эмоционального воздействия: они чрезвычайно плотны по массе, тяжелы по весу, красивы: одна — холодным голубоватым, другая — теплым желтоватым оттенком, выявляющимся при полировке. Выразительность костерезных изделий базируется на разработке поверхности вещи, на ритмическом чередовании орнаментированных и гладких полированных участков. Все эти возможности отлично использованы холмогорским мастером А. С. Гурьевым в его вазе (рис. 5), выполненной в 1966 г.

Ваза имеет простую конусовидную форму, причем верхняя ее часть гладкая, отполированная, а нижняя на две трети покрыта рельефным орнаментом из очень строго очерченных геометризованных стягов с длинными тонкими древками. Их вертикальные бороздки ритмически сгруппированы по две и по три; они подчеркивают вертикализм формы, увеличивают ее стройность, а вместе с тем и устойчивость. Профильный портрет Ленина помещен над стягами, на гладком поле, в овальном, немного заглубленном медальоне и воспринимается не сам по себе, а в тесной связи с орнаментом, образованным флагами, с их четким ритмом, со всей торжественной, благородной по тону и чистому матовому блеску поверхности вазы. Портрет Ленина воспринимается как символ, с которым можно соединить лишь чистые и возвышенные идеи. Синтез самого материала, техники его обработки, скульптурной пластики формы и ритмики орнаментации помогает создать цельный, значительный и убедительный художественный образ.

Художники и мастера народных промыслов в последнее время часто воспроизводят в своих произведениях портрет Владимира Ильича, написанный А. А. Мыльниковым, который украшает сцену Дворца съездов в Москве. Его популярность основана на убедительности и лаконизме приемов обобщения. Голова и лицо Владимира Ильича даны при помощи нескольких четко очерченных и контрастно, хотя и в одном тоне, окрашенных плоскостей. Сходство и выразительность портрета при этом не утрачены. Декоративное решение позволяет связать портрет с огромной плоскостью стены зрительного зала Дворца. При изме-

⁹ Хранится в Центральном музее В. И. Ленина в Москве.

Рис. 5. Ваза из мамонтовой кости. Холмогоры. Работа А. С. Гурьева. Хранится в Музее народного искусства, Москва

нении размеров этот портрет легко объединяется с любой декоративно решенной вещью.

Таким примером может служить ваза из мягкого камня серпентина — произведение молодого художника Архангельского камнерезного промысла В. Н. Тырлова (рис. 6). Ваза имеет строгую конусовидную форму и разделена на три равновеликих горизонтальных пояса. В среднем помещен портрет Владимира Ильича, в верхнем и нижнем — композиции о жизни советских людей, их труде и быте. Умело использованы свойства серпентина, серого изломе и черного или темно-зеленого при полировке. Это дает возможность получения графических двуцветных изображений. И действительно, Тырловым использованы приемы строгой графики и силуэтных фризowych композиций. Ваза является частью подарочного письменного прибора. По своему смыслу письменный прибор вещь типично бытовая. Но благодаря решению художника она воспринимается так, как она им и задумана — как комплекс очень выразительных и торжественных предметов.

В преддверии 100-летия со дня рождения В. И. Ленина в художественных промыслах весьма активизировалась творческая работа по созданию юбилейных произведений на ленинскую тему в традициях народного декора-

тивного искусства. По инициативе самих мастеров повсеместно были организованы конкурсы на оригинальные художественные изделия к юбилею и на лучшее их декоративно-орнаментальное решение. В промыслах миниатюрной живописи на папье-маше были написаны целые серии новых как портретных, так и сюжетных композиций в честь Ленина. Среди них новые варианты композиции В. Д. Липицкого (Федоскино) «Ленин в Горках», его же декоративная пластина «Номер „Правды“» с фигурой Ленина, читающего газету; произведение Л. Г. Зуйкова (Мстёра) «Ленин в Разливе», П. И. Сосина (Мстёра) «Разлив», Н. Н. Денисова (Холуй) «Кокушкино» и др.¹⁰. Появилось много произведений на революционную тематику. Разрабатываются темы гражданской войны, социалистического строительства, электрификации. Но мы сознательно останавливаемся лишь на тех, которые непосредственно связаны с образом Ленина или же с памятными ленинскими местами. Широкое отображение в декоративных произведениях получили шалаш в Разливе, Дом-музей в Ульяновске, домик и охотничий шалаш в Шушенском.

В ряде юбилейных произведений народного декоративного искусства отсутствует изображение фигуры или портрета Ленина. Иной раз достаточно только одной надписи. Слово ЛЕНИН для каждого нашего современника само по себе полно огромного содержания. Вырезанное,

¹⁰ Хранятся в Музее народного искусства в Москве.

вытесненное, выгравированное на том или ином предмете, оно вызывает в наших представлениях образы глубокого эмоционального звучания.

Художественные средства такого подлинно народного и широко распространенного как в прошлом, так и в современности искусства, как народная вышивка, по сравнению с миниатюрной живописью, скульптурной резьбой или даже ковроткачеством — очень ограничены. Мы имеем в виду ограниченность не в области декоративно-орнаментальных возможностей, как раз очень разнообразных. Гораздо уже здесь возможности передачи сюжета. Правда, народной вышивке всегда была свойственна сюжетность, часто встречаются изображения цветов, деревьев, птиц, животных, даже человека, но все это передано с такой мерой обобщения и геометризации, которая не может быть применена в интерпретации образа Ленина или в изображении памятных исторических мест, связанных с Ильичем. Верный путь избрали украинские вышивальщицы, которые на своих декоративных юбилейных рушниках в центре богатой орнаментальной каймы вышивают слово **ЛЕНИН**. Для вышивки используется красный шелк или красное мулине. На белом поле пышный, живой и в то же время условный растительный орнамент характерного украинского типа окаймляет юбилейные даты и строге прямые буквы великого имени. Точно так же в прибалтийском тиснении по коже имя Ленина, дважды или трижды повторенное на поверхности тисненой крышки юбилейного подарочного блокнота или обложки книги, и составленное из узорных, очень красиво орнаментально начертанных букв, образует выразительное ажурное заполнение орнаментируемой поверхности и создает почти звучащий ритм.

Мастера камнерезных промыслов, наряду с возрождением каменной мозаики и созданием в этой технике портретов Владимира Ильича, выпускают настоящие декоративные пластины из соответствующего по своим природным качествам цветного поделочного камня, например из кроваво-красной, так называемой сургучной яшмы. На них воспроизводится факсимиле Ленина, вырезанное из полосы блестящего металла и наложенное на красный фон. Символика красного цвета играет здесь немаловажную роль.

Произведения народного декоративного искусства, изделия мастеров и художников народных художественных промыслов входят в наш быт, украшая жилой или общественный интерьер. Они постоянно находятся перед глазами — на письменном столе, на стене жилой комнаты, на книжной полке и вызывают переживания иного порядка, чем те, которые возникают около монументального полотна исторической картины или в кинозале во время демонстрации художественного или историко-революционного документального фильма. Это переживания более интимные, если можно так сказать, — более камерные, тесно связанные с

Рис. 6. Ваза из серпентина с портретом В. И. Ленина. 1967 г. Хранится в Музее народного искусства, Москва

восприятием самой вещи, ее пространственного и декоративно-орнаментального решения. Такие переживания играют важную идейно-воспитательную роль. Если художник воспроизводит образ Ленина, рассказывает средствами декоративного искусства о партии, о революции, он помогает в воспитании коммунистической морали, коммунистической идеологии в формировании духовного облика человека коммунистического будущего.

SUMMARY

Works devoted to V. I. Lenin occupy an important place in the creative activities of Soviet folk craftsmen and artists. Beginning with the 1920's and up to the present time scores of works of art have been created by Soviet folk craftsmen in which various moments of Lenin's life and his revolutionary activities have been embodied by means of traditional folk decorative-ornamental art. Among them are various works in stone, mammoth and walrus bone, carpets, embroidery, Bogorodsk carved small-scale sculpture, papier-mache caskets and plates of Palekh, Fedoskino, Mstera with their traditional miniature painting. They are all highly decorative and characterized by beauty of outline and colour and by high professional skill in execution. In view of the preparations for the centenary of Lenin's birth many new works of craft have appeared recently. Inscriptions, Lenin's facsimile, anniversary dates, Soviet symbols and emblems are in wide use as well as thematic compositions on historical-revolutionary subjects.

С. И. Брук

АТЛАС НАСЕЛЕНИЯ МИРА

(ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ДЕМОГРАФО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО КАРТОГРАФИРОВАНИЯ)

Картографирование тех или иных явлений — наиболее наглядный метод выражения результатов их изучения. Вместе с тем оно служит источником познания закономерностей, ранее ускользавших от внимания исследователей: карты связывают географические явления с социально-экономическими и историческими факторами и помогают выявить корреляционные связи между ними. Особенно это относится к картам, дающим комплексную характеристику населения. При картографировании населения используются материалы ряда смежных наук: этнографии, археологии, лингвистики, демографии, географии и т. д. Кроме того, для картографирования населения очень характерно широкое использование массовых статистических материалов: нельзя составить карты населения даже сравнительно мелкого масштаба, не собрав предварительно подробных сведений по отдельным населенным пунктам или мелким административным единицам.

Детальное рассмотрение изменений различных объектов и явлений в пространстве и во времени, что достигается при составлении карт на различные исторические периоды, а также учет количественного фактора на этих картах, представляет собой по существу внедрение в науку математико-статистического метода, особенно плодотворного при характеристике явлений, меняющихся от места к месту. Сопоставление ряда карт позволяет исследователю выявить те факты и причинные связи, которые при обычном методе изучения недостаточно себя проявляют. Эти факты и причинные связи могут быть, в свою очередь, отражены на сводных картах, научные достоинства которых бесспорны.

В Институте этнографии АН СССР картографические исследования, занимающие значительное место в плане научных работ, развиваются в двух направлениях: 1) историко-этнографическом (составление историко-этнографических атласов по крупным регионам нашей страны) и 2) демографо-этнографическом (составление карт и атласов современного национального состава населения, а также картографирование размещения населения и различных демографических и этнических сюжетов).

Работы по историко-этнографическому картографированию начались в нашей стране сразу же после окончания второй мировой войны. Было создано два крупных научных коллектива, которые начали сбор материалов для историко-этнографических атласов, посвященных коренным народам Сибири и русскому населению Европейской части СССР.

Атлас Сибири вышел в свет в 1961 г. В нем отражены такие важные элементы народной культуры, как жилище, одежда, головные уборы, орнамент, оленный транспорт, упряжное собаководство, шаманские

бубны и т. д. В 1966 г. были опубликованы три раздела историко-этнографического атласа «Русские», посвященные сельскохозяйственным орудиям, жилищу и традиционной народной одежде. Развернута работа по составлению региональных историко-этнографических атласов Украины, Белоруссии и Молдавии; Прибалтики; Кавказа; Средней Азии и Казахстана. Первые два атласа составляются по программе, близкой к программе атласа «Русские», но по всем народам, населяющим эти регионы. Атлас по Кавказу, а также атлас по Средней Азии и Казахстану в первую очередь посвящены характеристике хозяйства — земледелию, ирригации, скотоводству; кроме того, в этих атласах будут рассмотрены поселения и жилище, одежда и украшения, ремесла и т. д.

При составлении историко-этнографических атласов обычно преследуются две цели. Первая из них — фиксация разнообразных элементов традиционной народной культуры, вторая — обобщение и систематизация накопленных материалов для решения важных проблем, связанных с этногенезом, этнической историей, взаимовлияниями между народами. Для решения всех этих задач разработана специальная методика составления атласов. Все явления должны быть показаны в атласах не в статике, а в динамике, в историческом развитии; для этого карты составляются на несколько хронологических дат. Показ явлений в динамике дополняется количественной их характеристикой. Наряду с отдельными элементами культуры на синтетических картах выявляются также типы явлений. Детально разработаны методика сбора материалов, способы картографирования и т. д.¹

В настоящем сообщении мы остановимся на основных проблемах демографо-этнографического картографирования.

Более двух десятков лет в Институте этнографии АН СССР ведутся работы по составлению этнографических карт различных районов земного шара. В 1951 г. была опубликована учебная карта народов СССР. Затем, начиная с 1956 г., последовательно выходят в свет карты народов Индостана, народов Китая, МНР и Кореи, народов Передней Азии, народов Индонезии, Малайи и Филиппин, народов Африки и, наконец, обобщающая Карта народов мира. Все эти карты были составлены новым методом, разработанным в Институте, а именно методом одновременного показа национального состава и плотности населения. В 1964 г. вышел в свет сводный труд, подводящий итоги многолетних исследований, — Атлас народов мира. Подготовка всех этих работ потребовала решения ряда методологических вопросов. Необходимо было, в первую очередь, разработать принципы выделения и классификации этнических общностей, усовершенствовать способы выявления этнических территорий и установления этнических границ, обосновать методику составления этнических карт, определить возможности использования различ-

¹ О состоянии работ по историко-этнографическому картографированию см. ряд статей в журнале «Советская этнография»: С. И. Брук, М. Г. Рабинович, Историко-этнографические атласы (1964, № 4); С. И. Брук, С. А. Токарев, Проблемы составления европейского историко-этнографического атласа (1966, № 6); К. Г. Гуслицкий, В. Ф. Горленко, Я. П. Прилипко, Работа над историко-этнографическим атласом на Украине (1967, № 1); В. П. Кобычев, А. И. Робакидзе, Основы типологии и картографирования жилища народов Кавказа (1967, № 3); Е. Н. Студенецкая, Одежда народов Кавказа (О собирании материалов для Кавказского историко-этнографического атласа) (1967, № 3); Л. А. Молчанова, Орудия уборки зерновых и производственные постройки белорусов в конце XIX — начале XX в. (Материалы к историко-этнографическому атласу) (1968, № 3); С. И. Брук, С. А. Токарев, Международная конференция по этнографическому атласу Европы и сопредельных стран (1968, № 3); Б. Х. Кармышева, Типы скотоводства в южных районах Узбекистана и Таджикистана (конец XIX — начало XX в.) (1969, № 3); С. И. Брук, Г. С. Маслова, Проблемы историко-этнографического картографирования в Болгарии (1969, № 4); Г. А. Носова, Картографирование русской масленичной обрядности (на материалах XIX — начала XX века) (1969, № 5).

ных материалов и показателей (в том числе и косвенных), выработать методы изображения и т. д.²

В процессе работы по составлению этнических карт был накоплен большой материал по смежным отраслям, характеризующим те или иные аспекты народонаселения мира. Уже в упомянутом выше Атласе народов мира было помещено немало карт, показывающих плотность населения, концентрацию населения в городах, а также карт лингвистического и расового состава населения мира.

В Лаборатории этнической статистики и картографии Института этнографии АН СССР запланирована подготовка в ближайшие несколько лет **Атласа населения мира** — сводного обобщающего труда, который должен дать всестороннюю характеристику населения³. Составление такого Атласа — новый, качественно более высокий этап в демографо-этнографическом картографировании. Научная и политическая актуальность Атласа связана прежде всего с тем обстоятельством, что после второй мировой войны резко изменился характер этнических и демографических процессов. В странах Азии и Африки, недавно добившихся независимости, быстрыми темпами стали развиваться процессы этнической консолидации и формирования крупных наций. В последние два десятилетия в мире происходит так называемая «демографическая революция», обуславливающая бурный рост населения земного шара. Она объясняется многими причинами, в первую очередь, резкими сдвигами в естественном движении (рождаемость и смертность) и изменениями в поло-возрастной структуре населения, на которые, в свою очередь, оказали влияние многие этнические факторы. С достаточной глубиной понять все эти процессы можно лишь применяя новые методы научных исследований. Атлас задуман как большое комплексное картографическое произведение, призванное обобщить в форме карт, схем и диаграмм, а также таблиц и текста, широкий круг явлений и процессов, касающихся народонаселения. Общее число многоцветных карт достигает 200 (не считая врезок). Текст призван, с одной стороны, охарактеризовать картографируемые явления и процессы по существу, с другой — дать пояснения к картам, облегчающие их чтение.

Содержание Атласа будет весьма разнообразным. Во вводной части предполагается поместить серию исторических карт, показывающих постепенное освоение ойкумены на протяжении всей истории человечества, рост численности населения по отдельным континентам и странам. Большую группу составят демографические карты, показывающие естественное движение населения и его поло-возрастной состав, а также миграционные процессы. Еще один раздел Атласа будет посвящен размещению населения (плотность и города), а также формам и типам расселения. Особую группу составят этнические карты в широком понимании этого слова (карты национального, языкового, расового и религиозного состава населения мира), которые помогут понять важнейшие события общественно-политической жизни и вскрыть сущность современных этнических и национальных процессов. Последний раздел Атласа образует относительно небольшое число карт, посвященных социально-экономическим, культурным и медико-географическим характери-

² Подробнее о проблемах, связанных с этническим картографированием, см.: С. И. Брук, Опыт составления этнических карт по материалам различного типа, «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», вып. XXVIII, 1958; С. И. Брук, В. И. Козлов, Основные проблемы этнической картографии, «Сов. этнография», 1961, № 5; С. И. Брук, В. И. Козлов, М. Г. Левин, Современное состояние исследований по этнической географии в СССР, в сб. «География населения в СССР», М.—Л., 1964; С. И. Брук, Атлас народов мира, Доклад на VII МКАЭН, М., 1964; С. И. Брук, О. А. Евтеев, В. И. Козлов, Картографический метод в географическом исследовании населения, в сб. «Научные проблемы географии населения», М., 1967.

³ Следует отметить, что попыток дать такую комплексную картографическую характеристику населения мира ни у нас, ни за рубежом пока еще не предпринималось.

стикам населения (карты классового и профессионального состава, занятости населения, размещения трудовых ресурсов, грамотности, образовательного уровня, медико-санитарного состояния, культурно-бытового обслуживания и т. д.).

В отличие от Атласа народов мира, где преимущественно был применен один метод картографирования (метод цветного фона), здесь предполагается использовать самые разнообразные приемы картографического изображения явлений. Большую часть демографических и социально-культурных карт предполагается составить методом картограмм и картодиаграмм, остальные карты — методом цветного фона и другими способами. В основу картографирования будут взяты страны; в ряде случаев для картографирования будут использованы первые административные единицы внутри стран (республики и области для СССР, штаты — для США и Индии и т. д.).

Одна из важнейших задач Атласа — отразить по мере возможности все явления и процессы в динамике. В некоторых случаях картографируемое явление будет показано за длительный исторический период (многие десятилетия и даже столетия), для других — за значительно более короткий период. Составители Атласа будут стремиться показать (конечно, при наличии соответствующих материалов) состояние картографируемых явлений на следующие даты: 1900 г. (начало столетия), 1913 г. (канун первой мировой войны), 1920 г. (окончание первой мировой войны и начальный период в жизни первого в мире социалистического государства), 1937 г. (канун второй мировой войны), 1950 г. (послевоенный период и образование мирового социалистического лагеря) и, наконец, на три—пять последних лет, на которые имеются новейшие данные. По-видимому, чаще всего будут составляться карты на 1900 год и на современный период. Предполагается в максимальной степени использовать материалы переписей населения 1970 г., которые будут проводиться в большинстве стран мира. Понятно, что чем отдаленнее картографируемый период, тем схематичнее будут карты⁴.

Особое внимание будет обращено на составление так называемых синтетических карт, которые явятся результатом сопоставления ряда элементарных карт. Синтетические карты позволят выявить закономерности, которые до сих пор находились за пределами внимания исследователей. Весьма перспективными, на наш взгляд, могут быть обобщающие карты, показывающие связь естественного движения населения с половым и возрастным составом или же более простые карты, связывающие высокую рождаемость с распространением ранних браков и т. д. Атлас позволит более обстоятельно изучить причины, влиявшие на колебания рождаемости в различные социально-экономические эпохи и у разных народов. Напомним, что в числе этих причин этнические и этно-психологические факторы занимают весьма важное место.

Вводный раздел Атласа будет состоять из двух частей. В первой части будут помещены карты, хотя и не относящиеся к тематике Атласа, но дающие некоторые общие сведения о земном шаре и истории его заселения: карты политического деления мира (на 1900 г. и на новейшую дату, а более мелкого масштаба — и на ряд промежуточных дат), физико-географические (рельефа и ландшафтно-географических зон) и ряд карт освоения ойкумены. С помощью этих карт можно будет лучше понять некоторые демографические и этнические закономерности. Вторая часть будет состоять из самых разнообразных карт, характеризующих динамику населения мира. Динамика численности населения континентов в древнейшие эпохи будет показана с помощью простых кар-

⁴ Уже сейчас ясно, что из-за отсутствия данных по ряду разделов отразить динамику удастся не во всех случаях.

тосжем, рост населения в эпоху средневековья отразят более детальные картограммы. Особенно подробно можно охарактеризовать динамику населения стран Европы и Северной Америки; имеются сравнительно детальные сведения и о динамике численности населения некоторых стран Азии (Китай, Индия). По миру в целом и по всем континентам динамика численности населения может быть показана с достаточной степенью достоверности примерно с середины XVII в., а по всем странам — лишь с начала XX в. В конце вводного раздела будут помещены карты, характеризующие современную демографическую изученность мира, показывающие даты последних переписей и степень их полноты.

Первый раздел Атласа («Демография») посвящен естественному движению населения, его поло-возрастному составу и механическому движению населения (миграционным процессам)⁵. Известно, что быстрый рост населения мира обусловлен резкими изменениями в структуре естественного движения населения в развивающихся странах (где сосредоточено более двух третей всего населения земного шара), происшедшими после второй мировой войны. Поэтому всестороннее исследование структуры естественного движения населения и причин, ее определяющих, имеет огромное практическое значение и является едва ли не центральной задачей демографической науки.

Основные показатели естественного движения населения — рождаемость, смертность и естественный прирост. Обычно применяют так называемые «грубые» коэффициенты рождаемости и смертности, получающиеся при отнесении общего числа рождений (смертей) в год к средней численности населения. Разность между показателями рождаемости и смертности дает коэффициент естественного прироста населения, а их соотношение — общий коэффициент воспроизводства. Карты по всем этим показателям будут составлены на разные годы, начиная с 1900 г. Более точно рождаемость будет характеризовать карты, показывающие коэффициент плодovitости (представляющий собой отношение числа родившихся детей к средней численности женщин фертильного возраста), а также коэффициенты повозрастной и брачной плодovitости. Выяснению причин разного уровня рождаемости помогут карты, показывающие процент женщин, состоящих в браке в различных возрастных группах (особенно интересно выяснить, у каких народов широко распространены ранние браки). Для детальной характеристики смертности обычно применяют коэффициенты повозрастной смертности; особое значение среди них имеет коэффициент детской смертности, получающийся при отнесении числа детей, умерших до одного года, к общему числу детей, рожденных живыми.

В Атласе (по миру в целом, континентам, странам, а также по отдельным, наиболее интересным частям стран) будут отражены основные изменения характера естественного движения населения за обозримый исторический период и сложившиеся типы естественного воспроизводства, а также определены различия в естественном движении между городским и сельским населением. Сравнение карт естественного движения с картами динамики общей численности населения даст представление о роли миграционных процессов в формировании населения. Большой интерес представляют также карты людских потерь в первую и вторую мировые войны.

Один из важнейших и до сих пор окончательно не выясненных вопросов демографической науки — установление комплекса факторов, влияющих на рождаемость и смертность. Смертность в значительно большей степени чем рождаемость зависит от уровня социально-экономического развития той или иной страны, благосостояния населения и

⁵ Миграционные процессы оказывают настолько существенное влияние на размещение населения, что их часто считают одним из разделов географии населения, а не демографии.

развития системы здравоохранения. Вместе с тем было бы упрощением усматривать полное соответствие между показателем смертности и этими показателями. Дело в том, что с уменьшением смертности, как правило, вырастает доля в населении людей тех возрастов, среди которых смертность всего выше, а именно лиц, достигших глубокой старости; в результате этого с определенного времени должен вновь несколько увеличиться показатель смертности.

Показатель рождаемости определяется более сложными причинами и не обнаруживает тесной зависимости от уровня благосостояния населения: в тех или иных конкретных общественных условиях рождаемость с ростом благосостояния может расти или, наоборот, падать. Часто встречающееся в литературе утверждение, что высокая рождаемость якобы является результатом возросшего благосостояния населения в той или иной стране не подтверждается фактами; обратное утверждение (чем беднее население, тем рождаемость выше) также не вскрывает всех механизмов этого явления и является неправомерным обобщением ограниченного числа фактов. Установлена определенная связь рождаемости с особенностями поло-возрастной структуры населения, средним брачным возрастом, уровнем образования супругов и некоторыми другими, в том числе этническими и психологическими факторами. В городах рождаемость, как правило, ниже, чем в сельских местностях. Заметное влияние на рождаемость оказывает и религия. Ислам, например, призывает к многодетности, поэтому в мусульманских странах наблюдается, как правило, более высокая рождаемость. Она характерна и для стран, где господствует католицизм, осуждающий употребление противозачаточных средств и прерывание беременности, а также запрещающий разводы. Нельзя не учитывать и влияния государственных мероприятий, направленных на поощрение или, наоборот, торможение роста рождаемости⁶.

Картографирование хотя бы некоторых из этих показателей поможет выяснить их действительную роль в процессах воспроизводства населения. Возможно, что будут найдены и новые зависимости, до сих пор не привлекавшие внимание исследователей.

Связь между поло-возрастным составом и этнической принадлежностью населения чрезвычайно сложна. Общая численность мужчин во всем мире немного превышает численность женщин, однако в распределении полов по материкам и странам наблюдается значительная неравномерность. Общая тенденция здесь такова: в экономически развитых странах в связи с более высокой смертностью мужчин обычно наблюдается повышенный процент женщин; в слаборазвитых странах, где женщины выполняют особо тяжелую работу и часто находятся в приниженном положении, наблюдается повышенный процент мужчин. Во многих странах Европы и в СССР число женщин резко превышает число мужчин, что объясняется большими потерями мужского населения во время двух мировых войн. Однако нередко страны, условия жизни в которых примерно одинаковы, имеют весьма различное соотношение полов. Так, в Индии, Пакистане и Цейлоне женщин всего 48%, а в соседних Афганистане, Иране, Бирме, Таиланде, Вьетнаме, Индонезии — около 50%. Если же взять страны Тропической и Восточной Африки, то там женщин даже больше, чем мужчин. Не вызывает никакого сомнения, что процентное соотношение полов зависит от многих исторических и этнических факторов, выявление которых будет облегчено наличием подробных карт и картограмм.

При анализе возрастного состава населения можно заметить значительные колебания в разных странах процента молодых (до 15 лет) и

⁶ Подробнее об этих проблемах см.: В. И. Козлов, Динамика численности народов (методология исследования и основные факторы), М., 1969.

старых (старше 60 лет) возрастов. Развивающиеся страны с высокой рождаемостью, значительной смертностью и невысокой продолжительностью жизни характеризуются повышенным процентом детских возрастов (во многих странах Азии, Африки и Латинской Америки число детей лишь на 20—30% уступает числу лиц производительных возрастов) и резко пониженным процентом лиц старших возрастов (3—6%). В индустриально развитых странах число детей более чем в два раза ниже числа лиц производительных возрастов. Стариков же в этих странах в два-три раза больше, чем в развивающихся странах.

В Атласе предполагается дать серию картограмм полового состава населения в целом и с разбивкой по возрастным поясам, отдельно по городскому и по сельскому населению. Будут составлены картограммы возрастного состава, а также картограммы процентной доли в населении лиц различных возрастов (детей, лиц производительных возрастов, стариков и т. д.). Специальные карты покажут средний возраст населения различных стран, ожидаемую продолжительность жизни новорожденных и долю долгожителей (т. е. лиц в возрасте старше 90 или 100 лет), средний возраст вступления в брак мужчин и женщин, средний размер семьи.

Миграционные процессы сыграли важную роль в заселении некоторых частей света и в формировании их населения. Они оказывают существенное влияние на динамику численности населения в различных странах мира. В отдельных странах влияние миграции на динамику населения в некоторые периоды бывает даже большим, чем влияние естественного движения населения. Демографические последствия миграций обусловлены не только численностью мигрантов, но и своеобразием их поло-возрастной структуры: заметным преобладанием в числе переселенцев людей молодого и среднего возраста, а также мужчин.

Влияние миграций на развитие этнических процессов трудно переоценить. На протяжении всей длительной истории развития человечества, начиная от первобытнообщинного строя и до наших дней, происходит непрерывное смешение населения, принадлежащего к различным этническим группам. Любая современная нация или народность сложилась из разнородных этнических элементов, причем характер взаимодействия этих элементов зависел от близости языка, религии, традиций, особенностей расселения, уровня экономического развития и многих других факторов.

Огромное влияние на этническую карту мира оказали такие крупные миграции, как «великое переселение народов» в Европе (IV—VII вв. н. э.); вторжение арабов (VII—VIII вв.), достигших на западе атлантического побережья Африки, а на востоке р. Инд; экспансия тюрко-монголов (XI—XVII вв.), захвативших значительную часть Азии и Юго-Восточной Европы. Наконец, эпоха великих географических открытий (конец XV—XVII вв.) положила начало широкому развитию межконтинентальных миграций, главным образом из Европы в другие части света. В XX в. темпы миграции не ослабевают, хотя и приобретают в целом ряд случаев иной аспект — резко возрастают переселения по причинам неэкономического характера (огромные миграции населения, связанные с двумя мировыми войнами; перемещение по религиозным мотивам более 16 млн. чел., вызванное разделом Британской Индии на два независимых государства — Индию и Пакистан; миграции, связанные с притоком в Израиль евреев и бегством и выселением оттуда арабов и т. д.).

По теме «Миграционные процессы» предполагается составить серию мировых и региональных карт важнейших миграций, имевших место с античного времени до начала XIX в.; картодиаграммы крупных мировых миграций и важнейших внутренних миграций за XIX и XX вв.; картодиаграммы межгосударственных миграций в период между двумя

мировыми войнами и после второй мировой войны; мировые картограммы, показывающие роль миграций в росте или убыли населения стран в XIX и XX вв. Будут подготовлены карты, показывающие заселение восточных территорий СССР и западных областей США; сезонные миграции и отходничество в России перед первой мировой войной; миграции между Индией и Пакистаном в период раздела Британской Индии; заселение целинных земель в СССР и т. д. В Атласе будут также охарактеризованы специальные виды миграций (из сел в города, сезонные миграции, временный въезд рабочей силы и т. д.).

Следующий раздел Атласа («География населения») будет состоять из двух частей: в первой будет показано размещение населения (плотность и города), во второй — формы и типы расселения.

Население размещено по территории земного шара крайне неравномерно. В одних странах (Нидерланды, Бельгия) средняя плотность населения достигает 300—400 человек на 1 кв. км; в других — падает до 1 и меньше человек (МНР, Ливия, Мавритания). Около 10% всей суши (полярные области, пустыни, высокогорные районы) совершенно не освоены человеком; в то же время имеются обширные густозаселенные районы интенсивного поливного земледелия (долины крупных рек южного и центрального Китая, долины Меконга и Красной, Ганга и Нижней Брахмапутры, о. Ява, дельта р. Нила), где плотность сельского населения достигает 1000—1500 человек на 1 кв. км. В наиболее заселенных районах мира, составляющих 5% всей суши, живет половина всего человечества. Плотность населения зависит от многих факторов: природных условий, уровня развития производительных сил, типа хозяйства, исторических условий заселения данного района, особенностей роста народонаселения, обусловленного естественным приростом и миграциями. Следует подчеркнуть, что все эти факторы тесно связаны друг с другом, а природные условия влияют на расселение всегда опосредствованно, через связь этих условий с исторически сложившимся типом хозяйства.

Размещение населения во многом определяется географией городов, сосредоточивших в себе в настоящее время более одной трети населения мира (за исключением зарубежной Азии и Африки, где в городах живет около 20% населения, во всех остальных регионах доля городских жителей значительно превышает 50%). Несмотря на быстрый рост населения в мире, плотность сельского населения во многих странах не увеличивается, так как весь прирост поглощается городами. Все ускоряющаяся урбанизация оказывает огромное влияние на ход демографических и этнических процессов. В частности, в городах, как правило, уменьшается рождаемость и естественный прирост населения, в связи с чем изменяется возрастной состав (уменьшается доля детей в общем населении). Города растут в значительной мере за счет иммиграции (в первую очередь мужчин), и в них постепенно изменяется соотношение полов. В Индии, например, по данным переписи населения 1961 г., на 1000 мужчин приходилась 941 женщина, в городах же на такое же число мужчин — только 845 женщин (в крупнейших городах еще меньше — в Калькутте — 612, Бомбее — 663, Дели — 777); та же тенденция, хотя и не так резко, проявляется и в других странах мира. Исключение составляют лишь некоторые страны Европы и СССР, понесшие большие потери мужского населения в результате войн: только здесь в большинстве городов мужчин меньше, чем женщин.

Еще В. И. Ленин подчеркивал, что города отличаются наиболее пестрым национальным составом населения⁷. Это объясняется притоком в города населения не только из ближайшего сельского окружения, но и из дальних районов страны, в ряде случаев отличающихся в этническом отношении. В странах иммиграции большая часть при-

⁷ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 24, стр. 149.

ехавших также оседает в городах. Все это ускоряет в городских центрах процессы этнического смешения, особенно если учесть более тесное общение городских жителей и их большую социальную мобильность.

По этой теме намечено составить комплексные карты размещения населения на различные периоды. Численность жителей в городах будет отражена на таких картах масштабными пунсонами. Эти карты покажут также плотность сельского населения (включая жителей небольших городов и поселков)⁸, для характеристики которой будет использован метод цветного фона. Картограммы отразят уровень урбанизации на разные периоды, соотношение сельского и городского населения, темпы роста городского населения и отдельных наиболее крупных городов, а также процент жителей в городах различных размеров. В связи с тем, что в разных странах мира существуют различные критерии выделения городов, специальная карта будет посвящена проблеме выделения городских поселений.

Формы и типы расселения теснейшим образом связаны с размещением населения, а также с его социально-экономическими и культурными особенностями (поскольку формы и типы расселения в конечном счете определяются производством и производственно-бытовым образом жизни людей). В то же время расселение народов оказывает существенное влияние и на интенсивность этнических процессов. Само понятие «расселение» весьма емкое и включает самые разнообразные сюжеты. Предполагается ограничиться рассмотрением в Атласе лишь немногих из них. Так, в Атласе будет уделено внимание проблемам типологии поселений, зависимости расселения от физико-географических условий, а также проблемам субурбанизации и городских аггломераций. Даже при такой сравнительно суженной трактовке содержания этой темы имеется возможность вывести ряд новых, не подмеченных ранее закономерностей, так как до последнего времени типы и формы поселений, особенно по крупным регионам земного шара, очень мало подвергались картографированию.

Будет сделана попытка составить карты, показывающие классификацию населенных пунктов по людности, по планировочным чертам, карты, показывающие формы поселений в различных ландшафтных зонах. Будут составлены также карты распределения населения по высотным зонам; карты хозяйственных типов сельского расселения; карты кочевников (с отражением процесса их оседания); картограммы динамики роста городов мира; мировые карты типов городской планировки и застройки; карты процессов субурбанизации; карты расселения в высокоурабанизованных районах мира; планы крупнейших городов и их окрестностей.

Третий раздел Атласа, посвященный показу этнического, языкового, религиозного и антропологического состава населения мира, с определенной долей условности можно назвать общетническим.

Как уже было сказано выше, этнический состав населения земного шара был отражен с большой детальностью на вышедших в последние годы картах и в атласах; в описываемом же атласе показ этнического состава должен явиться лишь одним из аспектов комплексной характеристики населения. Совершенно ясно, что число карт по этой теме не должно быть таким же большим, как в специальном Атласе народов мира, а методы изображения должны органически вписываться в общую структуру намечаемого труда. Это значит, что, кроме этниче-

⁸ Общемировая карта плотности населения и людности городов в масштабе 1:15 млн., составленная Лабораторией этнической статистики и картографии Института этнографии АН СССР и Научно-редакционной картосоставительской частью Главного управления геодезии и картографии, выйдет в свет в первой половине 1970 г. Ее материалы будут использованы для карт Атласа.

ских карт, составленных по методу цветного фона, в новом Атласе должны быть предусмотрены различные картограммы и картодиаграммы, многочисленные врезки, которые позволят связать этническую тематику с тематикой других разделов.

Предполагается составить карты народов по миру в целом, по СССР и отдельным частям света (Азия, по-видимому, будет разбита на несколько регионов). Территории со смешанным этническим составом населения будут изображены в виде чередующихся цветных полос, причем толщина полосы покажет удельный вес того или иного народа в общем населении. Особым способом выделяются редкозаселенные области. Генетическая близость народов будет показана специально подобранной гаммой цветов. По тем же регионам намечается составить картограммы, на которых будет показан удельный вес крупнейшего народа в общем населении страны; на этих же картограммах диаграммными знаками намечено показать этнический состав населения каждой страны в процентах. На специальных картах будут показаны народы, широко расселенные во многих странах мира: русские, украинцы, поляки, англичане, немцы, французы, итальянцы, греки, индийские народы, китайцы, японцы, армяне, арабы, цыгане и т. д. Будут составлены также карты, показывающие этнический состав населения городов мира, насчитывающих свыше 1 млн. человек.

К этническим картам весьма тесно примыкают карты языкового состава. Следует отметить, что до настоящего времени при картографировании языков в основном учитывалась их генетическая близость (что очень важно для классификации народов) и почти не обращалось внимания на другие стороны, характеризующие языки мира. В новом Атласе предполагается дать следующие лингвистические карты: языковых семей, ветвей и групп; классификации языков по морфологическому признаку; государственных и официальных языков мира; билингвизма; обеспеченности языков письменностью. Будут также помещены таблицы графических систем письменностей.

Для полной этнографической характеристики того или другого народа, той или иной группы внутри народа нужно знать их религиозную принадлежность. Религия играла и продолжает играть важную роль в жизни многих стран мира. В ряде случаев она оказывает заметное влияние на ход этнических процессов (ускоряя их, если в процессе этнического взаимодействия находятся народы, исповедующие одну религию, или, наоборот, замедляя их, если религии у контактирующих народов разные). Многие демографические показатели (ранние браки, уровень рождаемости), некоторые виды миграционных процессов и даже характер расселения (отдельные кварталы, создаваемые по религиозному признаку в городах) прямо или косвенно зависят от религиозной принадлежности.

Намечается составить карты религий (с указанием их основных направлений и толков) по миру в целом и отдельным частям света, картодиаграммы религиозного состава населения по странам, а также картограммы распространения наиболее крупных религий: католицизма, протестантизма, православия, ислама, буддизма, а также иудаизма.

Отсутствие по большинству народов массовых данных об основных антропологических показателях ограничивало возможности расширения антропологического картографирования. До настоящего времени в различных антропологических и этнографических работах появлялись преимущественно лишь карты расовых типов и примитивные схемы путей их расселения. Некоторые перспективы в этой области открылись лишь в последнее время, в связи с большими успехами самых разнообразных отраслей антропологической науки. В Атласе предполагается дать карты тех антропологических показателей, которые представляют инте

рес с точки зрения этнической антропологии или этногенетических проблем.

Основные темы этой части Атласа: современное распространение основных антропологических типов; очаги расообразования и примерные пути расселения человеческих рас; география вариаций длины тела на конец прошлого века и в настоящее время; география вариаций веса тела, ширины плеч, обхвата грудной клетки и т. д. (на две указанные даты); география вариаций лицевых размеров; география вариаций лицевого профиля (горизонтального и вертикального), цвета волос, глаз, кожи, роста бороды; география групп крови (распределение частот ген-ов).

Само название последнего раздела Атласа — «Социально-экономические, культурные и медико-географические характеристики населения» — указывает на его сборный характер. На первый взгляд может показаться, что эти сюжеты мало что дают для этно-демографической характеристики населения. Однако это не совсем так, и данный раздел Атласа призван показать сложность и многоаспектность населения, разнообразие и взаимозависимость социальных, экономических, демографических и этнических элементов. Весьма важно при этом сделать тщательный отбор карт — ввести лишь те из них, которые будут «работать» на все остальные разделы. Включение любой карты должно быть логически оправдано⁹. Состав карт последнего раздела намечен пока лишь в самом предварительном порядке. В Атласе предполагается дать картограммы, показывающие долю экономически активного населения во всем населении, структуру занятости экономически активного населения в отдельных отраслях промышленности, а также в сельском, лесном и рыболовецком хозяйстве, на транспорте, в обслуживании и нематериальных видах деятельности; картограммы грамотности и образовательного уровня населения, а также обеспеченности населения учебными заведениями разных типов; карты и картограммы обеспеченности населения медицинским обслуживанием; карты природно-очаговых ареалов болезней; карты болезней, обусловленных социальными причинами; мировые и региональные карты, характеризующие некоторые черты образа жизни (подвижность населения, географию пищевых рационов, распространение отдельных видов спорта и т. д.).

* * *

Выше мы охарактеризовали основные задачи комплексного Атласа населения мира, который предполагается составить в ближайшие несколько лет. Перечислены также темы и группы карт, которые будут разрабатываться для атласа. Даже при поверхностном знакомстве с этими темами становится ясно, что составители встретятся с большими трудностями, связанными в первую очередь, с отсутствием необходимых сведений. Для того, чтобы составить карту и картограмму по тому или другому явлению или объекту, необходимо иметь данные по большинству государств земного шара. К сожалению, демографическая и этническая изученность многих стран мира, несмотря на значительные успехи, достигнутые в последние годы, оставляет желать лучшего. Достаточно напомнить, что до настоящего времени в Афганистане, Эфиопии, отдельных арабских и некоторых других государствах никогда не про-

⁹ Не исключена возможность, что в Атлас будут включены и такие карты, которые прямо не относятся к основной теме — комплексной этно-демографической характеристике населения, но представляют интерес для широкого круга читателей (например, карты центров международного и внутреннего туризма, карты международных ярмарок, или карты «святых мест» и маршрутов паломничества) и т. д.

водились всеобщие переписи населения. Еще сложнее обстоит дело с отражением на картах динамики явлений. Ведь на начало XX в. мы имеем достоверные данные лишь по основным странам Европы и Северной Америки. Таким образом, некоторые темы не могут быть разработаны с достаточной детальностью из-за отсутствия необходимых данных.

Трудности, подстерегающие составителей, связаны не только с отсутствием материалов. До сих пор имеется опыт составления карт и проведены соответствующие методологические и методические разработки лишь по одному разделу Атласа — общезначительному. По всем остальным разделам предстоит большая предварительная работа. Потребуется решение многих методологических и методических вопросов

SUMMARY

Cartographic studies form an important part in the working programs of the Institute of Ethnography of the U.S.S.R. Academy of Sciences. These studies are developed in two main directions: 1) the historical-ethnographic (compilation of historical-ethnographic atlases of large territories) and 2) the demographical-ethnographic (compilation of maps and atlases showing the modern national composition of the population and mapping population distribution as well as various demographic and ethnographic phenomena).

The projected world population atlas which is to be compiled in the Institute within the next few years is characterized in some detail. The atlas is intended to give a complex characterisation of world population. In its introductory part a series of historical maps will be included showing the gradual settlement of the Eucumene in the course of history, the growth of population by continents and countries. A large group is formed by demographic maps showing birth and death rates and natural increase, sex and age composition and migrations. Another section is devoted to population distribution and density as well as patterns and types of settlement. One section is to contain ethnic maps in the broad sense of the term (maps of national, linguistic, racial and religious composition of the population). The last section will be formed by relatively few maps of social, cultural and medical characteristics.

Up to the present only the ethnic section is based on previous experience and existing maps; all other sections will demand the solution of numerous problems of methodology and method.

Х. Гандев

**БОЛГАРСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА
В ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ И МУЗЕЕ БАН
[1889—1969] ***

Досоциалистический период

Настоящая статья посвящена общественным наукам — этнографии и фольклористике — чьи судьбы и развитие в Болгарии в отличие от почти всех других наук, зависели прежде всего от инициативы и помощи Болгарского научного общества (Българското книжовно дружество) и Болгарской Академии наук (БАН), от творческих усилий ее членов. В этом смысле Этнографический институт и музей можно считать детищем БАН.

После освобождения Болгарии от турецкого владычества активизировалось собирание памятников самобытного культурного развития нашего народа, причем особый энтузиазм в этом деле проявили Д. Маринов, К. Шапкарев, В. Кынчов и ряд других исследователей.

Однако научные основы сбора этнографического материала и главные задачи исследовательской работы были разработаны после основания И. Шишмановым в 1889 г. периодического издания «Сборник за народни умотворения» («СбНУ») при Болгарском научном обществе. Этот научный орган руководил болгарским народоведением. Программная статья И. Шишманова, помещенная в первом томе «Сборника», о целях, задачах, методологии и методике собирательской и исследовательской работы этнографа была на протяжении десятилетий наиболее передовым из того, что можно было предложить болгарским этнографам в качестве руководства к действию. Ученые объединились вокруг «Сборника» и накопили огромное количество ценного этнографического материала.

В 1906 г. в Софии был основан Народный этнографический музей, который стал вторым центром исследовательской и собирательской работы, особенно благодаря своему периодическому органу «Известия на народния этнографски музей», который выходил регулярно с 1921 по 1943 г.

В период с 1889 по 1944 г. болгарское народоведение было представлено рядом ученых, которые занимались собирательской работой и создали труды по отдельным вопросам исторической этнографии, материального быта и духовной культуры нашего народа. Так, академик Л. Милетич написал очерк «Древнее болгарское население в Северо-Восточной Болгарии» (1902).

Академик Ст. Романски разработал «Этнографическую карту новой румынской Добруджи»¹, а также начал исследование сложного вопро-

* Автор публикуемой статьи — профессор Христо Гандев, директор Этнографического института и Этнографического музея Болгарской Академии наук. — *Ред.*

¹ См. Ст. Романски, Народописна карта на нова румънска Добруджа, «Списание на Българска Академия на Науки» (далее — Сп. на БАН), клон ист.-фил., кн. XI, стр. 33—112, София, 1915.

са об этногенезе румын, живущих между Тимоком и Моравой². Академик С. Бобчев опубликовал в 1888—1927 гг. ряд очерков о болгарском обычном праве, главным образом в «СбНУ» (кн. 22, 23, 33 и 37), в которых дал научные основы систематизации и изучения социальной жизни народа.

Особенно большое организующее значение имела деятельность проф. Д. Матова, который после двухлетней специализации в Вене у проф. В. Ягича и в Лейпциге у проф. А. Лескина в 1893 г. стал первым профессором, читавшим курс славянской этнографии в Высшем училище в Софии. Вскоре после этого он был назначен редактором «СбНУ». Д. Матов особенно интересовался болгарскими Македонии и стремился на основании этнографических данных показать их принадлежность к болгарской нации³.

Ранняя смерть (1896 г.) прервала плодотворную деятельность ученого в области изучения народной культуры, особенно в области исследования народных обычаев и верований.

Другой болгарский этнограф А. П. Стоилов тоже занимался вопросами духовной культуры нашего народа. С 1913 г. и до конца своей жизни (1928 г.) он работал в Народном этнографическом музее и некоторое время был его директором; он опубликовал несколько исследований по этнографии⁴.

Особые заслуги в собирании этнографического материала (преимущественно из области материальной культуры) принадлежат академику И. Захариеву, которым написаны несколько работ о Кюстендилском крае⁵. Труды И. Захариева являются значительным научным вкладом в этнографию локальных групп.

С 1921 г. как собиратель и исследователь работает Хр. Вакарелски — старейший сотрудник Народного этнографического музея, в его трудах освещены все разделы народной культуры, включая и фольклор. Большой фактический материал введен ученым в область аграрной этнографии. Самым значительным его произведением, в котором собрано и систематизировано большое количество полезных материалов об одной этнографической области, является работа «Быт фракийских и малоазиатских болгар», ставшая первой частью двухтомного труда проф. Ст. Младенова и Хр. Вакарелски под общим заглавием «Быт и язык фракийских и малоазиатских болгар», опубликованного в 1935 г.

Значительный вклад в изучение материальной культуры народа внес и известный болгарский писатель С. Л. Костов (1879—1939 гг.), много лет бывший директором Народного этнографического музея в Софии. Главные его работы посвящены историческому и сравнительному исследованию народной одежды. Таковы, например, очерки «Софийская одежда», «Трынская одежда», «Белодрешковцы в Северо-Западной Болгарии», «Радомирская одежда», «Македонские полотенца и кокошники», «Монеты как украшение» и ряд других⁶. Особенно ценной и до

² См. Романски, Румъните между Тимок и Морава, «Македонски преглед», год. II, 1926, кн. I, стр. 36—68.

³ См. Д. Матов, Македония опред най-новите книжовни весте, «Български преглед», кн. XII, 1895, стр. 52 и сл.

⁴ См. А. Стоилов, Сънища и тълкуванията им у народа, «Български преглед», г. II, кн. III, стр. 198—298, год IX—X, кн. XII, стр. 59—70; его же, Почитане на огъня, «Периодическо списание» (далее — ПС), т. 67, стр. 68—85, и др. раб.

⁵ См. И. Захариев, Кюстендилско крайще, «СбНУ», XXXII, 1918, стр. 668; его же, Каменица, «СбНУ», XV, 1945, стр. 429; его же, Кюстендилската котловина, София, 1963.

⁶ См. С. Л. Костов, Софийска носия, «Известия на народния этнографски музей» (далее «Известия»), кн. VII, стр. 114 и сл.; его же, Трынска носия, «Известия», кн. VIII—IX, стр. 135 и сл.; его же, Белодрешковци в Северо-Западна България, «Известия», кн. X—XI, стр. 73 и сл.; его же, Радомирска носия, «Известия», кн. XII, стр. 33 и сл.; его же, Македонски убруси и сокаи, «Известия», кн. V, стр. 3 и сл.; его же, Парите като накит, «Известия», кн. III, стр. 130 и сл.

сих пор единственной в своем роде является его монография «Сельский быт и искусство в Софийской околии», опубликованная Болгарским Археологическим институтом в Софии в 1935 г.

Нужно отметить значительные заслуги и академика А. Проти́ча, который опубликовал ряд работ о болгарском жилище⁷.

В том же направлении работает и архитектор Т. Златев, который помимо других исследований в 1930 г. опубликовал важную монографию «Болгарское жилище в его архитектурном и историческом развитии»⁸, книга I: «Сельское жилище». В 1955 г. эта работа была переиздана.

Особенно большой вклад в болгарскую этнографию в досоциалистический период внес академик М. Арнаудов, многостороннее творчество которого охватывает как устное творчество, так и обычаи болгарского народа. Работы этого ученого опираются на богатый фактический материал, в них дается широкая сравнительная характеристика явлений (в балканском и индоевропейском аспекте). Труды М. Арнаудова отличаются максимально высоким для того времени теоретический уровень, в них чувствуется превосходное владение существующей научной литературой. При этом он органически связывает этнографическую сторону явлений с фольклорной, что, естественно, придает еще большую глубину и убедительность его выводам⁹.

Исследования М. Арнаудова в области этнографии подняли на более высокий научный уровень как проблематику, так и методику изучения народных обычаев. Его труды служат основой, которая и сегодня широко используется болгарскими этнографами, несмотря на некоторую устарелость методологических и методических принципов и общий прогресс науки в мировом масштабе. И это не случайность, что М. Арнаудов так уверенно и плодотворно работает в социалистический период, продолжая создавать ценные и обширные этнографические труды.

Если мы попытаемся обобщить в исторической перспективе развитие и достижения болгарской этнографии в буржуазный период, то придем к убеждению, что как научная ее организация, так и наиболее значительные теоретические достижения во многом обязаны усилиям и творчеству прежде всего нескольких выдающихся прогрессивных ученых, группировавшихся вокруг Научного общества, Академии и Народного этнографического музея в Софии. Это члены БАН И. Шишманов, М. Арнаудов, Л. Милетич, С. Романски, А. Протич и Й. Захариев, а также С. Л. Костов. Это ученые с демократическими взглядами, с ясным пониманием роли народных масс в культурном творчестве и в производстве материальных благ, они были убеждены в том, что народ как целое, заслуживает всестороннего изучения.

Следует учитывать, что болгарская этнография не получала признания ни у государства, ни у политических деятелей стоявшей у власти буржуазии. Они не понимали, что этнография самостоятельная и имеющая большое общественное значение гуманитарная наука, которая должна развиваться и изучаться в Софийском университете на равных правах, например, с отечественной историей или языковедением и литера-

⁷ См. А. Протич, *Българските къщи в Копровица*, «Юбилеен сборник на Копровица», София, 1927; его же, *Арбанашката къща*, «Годишник на Народния археологически музей в София за 1921 г.», София, 1922; его же, *Еленските чорбаджии и техните къщи*, сб. «Иларион Макариополски», София, 1924, и др. работы.

⁸ См. Т. Златев, *Българската къща в своя архитектурен и исторически развой*, кн. I, *Селска къща*, София, 1930.

⁹ См. М. Арнаудов, *Студии върху българските обреди и легенди*, ч. I, София, 1924; его же, *Български сватбени обреди*, «Етноложки и фолклорни студии», София 1931; его же, *Български народни празници*, София, 1943; его же, *Кукери и русалии*, *Вградена невеста*, «СбНУ», кн. XXXIV, 1920; «Нови сведения за нестинарите», «Сп. на БАН», кн. XIV, 1917.

туроведением. Дополнительный, третьестепенный по значению и вспомогательный по функции университетский курс по славянской этнографии, который читался на кафедре славянского языкознания, естественно, не мог заменить курс болгарской этнографии и, тем более, подготовить этнографов со специальным высшим образованием. Такое положение пагубно отражалось и на развитии самой науки, так как не готовились научные кадры, которые могли бы развивать ее далее, и на собирательской работе, которая почти отсутствовала, и на состоянии этнографического музейного дела, которое вообще не существовало в масштабах страны, так как только в Софии был Народный этнографический музей.

Такое положение могло существовать из-за отрицательного, несерьезного отношения правящих буржуазных кругов к быту и культуре крестьянских масс и мелких ремесленников, от жизни которых эти круги все более отгораживались. С другой стороны, усиленное стремление к европеизации быта и культуры в стране, которая была отсталой на протяжении нескольких веков турецкого господства, способствовало тому, что официальные круги пренебрежительно относились к болгарской этнографии как науке и к ее материальной основе — музейной собирательской работе.

Поэтому на протяжении более чем полувека болгарская этнография не могла окрепнуть и развернуться вглубь и вширь, несмотря на отдельные достижения нескольких ученых. Если распределить проделанную ими работу на более чем полувековой период, начиная с основания «СбНУ» в 1889 г. до последнего года существования буржуазной Болгарии, то можно убедиться в том, что сделано недостаточно, а самих ученых было слишком мало для того, чтобы поддерживать полноценное развитие важной общественной науки. К этому нужно еще добавить, что большинство из перечисленных известных деятелей своими главными задачами считали исследования в других общественных науках и занимались этнографическими темами редко, время от времени.

В результате преобладала случайная микротематика, любительское собирание материалов; отсутствовала основная проблемная направленность, дающая возможность для больших обобщений. Горсточка профессиональных этнографов растрачивала свои усилия порознь во многих направлениях; эти исследователи были не совсем уверены в большом общественном и научном значении своей деятельности, тем более, что не было четкой грани между их деятельностью и деятельностью десятков любителей народной старины, которые собирали материалы различного качества по какому-либо методу или вообще без него. И хотя эти энтузиасты и охраняли наследство народной культуры и оставили свои имена в болгарской этнографической науке, в общем и целом она отставала как по сравнению с другими общественными науками, так и по сравнению с достижениями мировой этнографии.

Нам кажется, что развитие болгарской фольклористики отличается в положительном смысле от развития этнографии. Может быть, потому, что эта наука значительно ближе к литературоведению, болгарские ученые в период до 1944 г. посвятили ей больше усилий, большее число исследований, и это привело к результатам, в значительной мере удовлетворяющим и сегодняшние наши более высокие требования.

После освобождения Болгарии от турецкого владычества постепенно на научных основах была реорганизована работа наших фольклористов, сосредоточившись главным образом в нескольких учреждениях — в Министерстве народного просвещения, Болгарском научном обществе, Народном этнографическом музее и Софийском университете.

Центральное место в болгарской фольклористике в этот период занимает проф. И. Шишманов. Ученый завидной научной подготовки, широкой эрудиции, он имеет неопенимые заслуги в области собирания и исследования болгарского народного творчества. Созданный им «СбНУ»

сыграл среди болгарской интеллигенции важную организующую роль в деле научного собирания, публикации и изучения фольклора. В первом томе этого сборника еще совсем молодой Шишманов поместил чрезвычайно важную свою статью «Значение и задачи нашей этнографии», в которой рассматривал вопрос о развитии европейской фольклористики и подвел итог уже проделанной в Болгарии в этой области работе, а также поставил перед болгарской наукой задачи, предлагая конкретную программу сбора и исследования фольклорного богатства. Ему принадлежит целый ряд крупных работ в области фольклористики, среди которых особое значение имеет его статья «Песня о мертвом брате в поэзии балканских народов»¹⁰, написанная в духе миграционной теории. В этом труде, не свободном от некоторых ошибочных теоретических положений, проявляется огромная эрудиция автора и отличное знание фольклора балканских народов. И до настоящего времени этот труд остается одним из значительных достижений болгарской фольклористики.

Импульс, полученный нашей фольклористикой благодаря организационной работе И. Шишманова и созданию «СБНУ», действовал в двух направлениях — главным образом в направлении сбора и издания фольклорных материалов, а также их теоретического исследования. В первом направлении работает большое число исследователей, и за сравнительно короткий период времени в «СБНУ» и в других изданиях был опубликован значительный материал. Среди собирателей и издателей фольклорных произведений следует прежде всего упомянуть К. Шапкарева и В. Стоина, чьи значительные произведения — настоящие своды памятников болгарского народного творчества.

Во втором направлении работали и работают Д. Матов, А. П. Стоилов, М. Арnaudов, И. Иванов, Хр. Вакарелски и другие. Им принадлежит большая заслуга в исследовании болгарских фольклорных проблем. А. П. Стоилов в многочисленных работах, небольших, но насыщенных фактическим материалом, исследовал ряд песенных и сказочных мотивов, пытаясь установить их происхождение и распространение. Особенно важны его библиографические труды, и из них наиболее ценен «Указатель опубликованных в XIX в. болгарских народных песен»¹¹, который и до настоящего времени — незаменимый помощник при работе с болгарскими народными песнями, используемый болгарскими и зарубежными фольклористами.

Подлинный продолжатель дела И. Шишманова, выдающийся представитель болгарской фольклористики — академик М. Арnaudов. Еще в 1905 г. появилось его исследование «Болгарские народные сказки», которое представляло собой первый и единственный опыт классификации у нас этого вида фольклора. В 1913 г. вышел его труд «Фольклор из Еленской околии», в котором на основе собранного им материала сделаны важные теоретические выводы. В период между двумя мировыми войнами он опубликовал ряд важных работ о болгарских народных обрядах, обычаях и фольклоре, собранных в большом сборнике «Очерки по болгарскому фольклору» (1934 г.). Эта книга — результат тридцатилетних наблюдений и исследований ученого. Одна из последних его работ по фольклору — «Балладные мотивы в народной поэзии» (1964). Наряду с отдельными сюжетами и жанрами М. Арnaudов занимается и теоретическими проблемами, связанными с возникновением, распространением и развитием фольклорных произведений, поэтикой народного творчества, связями между фольклором и литературой, историей и мето-

¹⁰ И. Шишманов, Песента за мъртвия брат в поезията на балканските народи, часть I, II, III, «СБНУ», т. XIII, 1896, стр. 474—569; т. XV, 1898, стр. 1—186 и 449—600.

¹¹ А. П. Стоилов, Показалец на печатаните през XIX век български народни песни, т. I и II, София, 1916 и 1917.

дикой болгарской фольклористики. В его творчестве проявлялись некоторые характерные особенности буржуазной методологии, но по основным вопросам он разделял взгляды советских фольклористов. Благодаря богатому фактическому материалу, на который он опирается в своей работе, академик Арnaudов добивается важных результатов по ряду проблем, и его многочисленные и значительные исследования ставят его на видное место в болгарской фольклористике.

Интерес к фольклору в это время проявляет и академик И. Иванов (1872—1947 гг.). В своем труде «Богомильские книги и легенды» (1925 г.) он рассматривает связи народного творчества с богомильской апокрифической литературой. После смерти ученого был издан курс его лекций о болгарской народной песне, в котором дается исчерпывающая характеристика этого жанра. По богатству фактического материала и широким историческим сопоставлениям эта работа является ценным вкладом в болгарскую фольклористику.

Знаток болгарского народного творчества Хр. Вакарелски известен больше как этнограф. Его очерки и статьи по фольклору интересны не только изобилием фактического материала, но и ценными наблюдениями и проблематикой. Он работает в трех областях: исторической песни, взаимоотношений литературы и фольклора и взаимозависимости между народным бытом и народным творчеством. Особого внимания заслуживает его монография «Свадебная песня, ее место и роль в свадебном обряде» (1937), в которой он, используя богатый материал и приводя широкие параллели с фольклором других стран, приходит к интересным научным выводам.

Социалистический период

Социалистическая революция, естественно, поставила нашу этнографию и фольклористику в новые условия развития и предъявила новые методологические, проблемные и методические требования. Изменились как перспективные научные планы и практические цели, так и задачи работы на ближайшее время. Обе науки необходимо было перестроить на марксистско-ленинской теоретической основе с тем, чтобы глубже и целостнее охватить народную культуру, изучить ее всеобщие и специфические закономерности, собрать и систематизировать недостающие материалы для всех разделов.

Первым важным шагом на пути научной реорганизации болгарской этнографии и фольклористики было создание в 1947 г. Этнографического института Академии наук и последующее объединение в рамках Академии этого института с Народным этнографическим музеем в Софии, а также создание нового, более солидного научного органа «Известия на Этнографския институт и музей на БАН». Создание этого музея — заслуга не только руководства БАН, но и лично академика Стояна Романского. Таким образом, была создана прочная база для дальнейшего развития двух наук — этнографии и фольклористики.

Перестройка идеологической работы в новом институте первоначально шла медленно. Причин для этого было много. Прежде всего, состав научных работников был слишком мал для того, чтобы решать стоящие перед ними преобразовательные задачи. Кроме того, болгарская этнография и фольклористика не были теми общественными науками, которые преподавали в Софийском университете в качестве самостоятельных дисциплин, и их идеологическое переустройство почти совсем еще не было начато. Отдельные работники поддерживали новые начинания, но, встречая равнодушное отношение других, отступали. Лучше шла работа у фольклористов, которые получили задание собрать партизанский и антифашистский фольклор.

Решающее значение в научной перестройке работы этнографов и фольклористов имели два фактора. Во-первых, это последовательная политика БКП в деле окончательной и полной перестройки общественных наук на марксистско-ленинской основе. После исторического Апрельского пленума БКП (1956 г.) глубокий идеологический подъем и особое внимание партии к общественным наукам коснулись и этнографии и Этнографического института БАН.

Во-вторых, успехи в мировом масштабе советской этнографии после второй мировой войны, а также теоретическая и методическая помощь, которую Этнографический институт получал как от работ советских этнографов, так и от личных деловых связей института и его сотрудников с этнографами в Советском Союзе.

В своих работах В. И. Ленин разработал основные положения марксистской теории о наиболее важных общественных процессах, изучением которых занимается и этнография: о двух культурах в классово-антагонистических обществах и особенно в буржуазном; об изживании или дальнейшем развитии культурного наследия прошлого; о преобразовании феодального села в село капиталистическое или мелкобуржуазное с соответствующими изменениями в материальном быту и в социальной психологии; о коренном изменении роли рабочего класса при социализме, которое влечет за собой создание нового быта и нового культурного облика рабочих; о содержании социалистической культуры и закономерностях ее развития.

Усвоение и творческое применение основных ленинских теоретических положений болгарскими этнографами и фольклористами, подкрепленное анализом конкретных исторических процессов, привело к торжеству ленинских идей в болгарской этнографической науке. Отрадно, что болгарские этнографы отмечают эти успехи, празднуя 25-летнюю годовщину социалистической революции в Болгарии и столетний юбилей Болгарской Академии наук, накануне столетия со дня рождения В. И. Ленина.

Принимавшаяся до недавнего времени все еще по буржуазной традиции за филологическую науку, болгарская этнография, наконец, нашла свое правильное место. Этнографический институт перешел из Отделения языковедения в Отделение исторических наук БАН. Соответственно с этим была постепенно преобразована и построена целиком на историко-материалистической основе проблематика, методология и методика исследовательской работы в институте и музее. Развернулась планомерная работа по созданию монографий, обобщающих результаты изучения важных вопросов и явлений, происходящих на всей территории страны или в отдельных ее областях, для выяснения основных вопросов этногенеза, материальной культуры и духовной жизни болгарского народа. Эти исследования достигли, несомненно, более высокого научного уровня по сравнению с исследованиями, проводившимися учеными в области других общественных наук.

Так, М. Велева и художница Е. Лепавцова подготовили к печати монументальный труд — альбом «Болгарские народные костюмы» в пяти томах; первый том уже давно вышел, второй находится в печати, а остальные ждут своей очереди в издательстве БАН. Каждый том сопровождается данными о научных исследованиях и документами. Этой работой завершается научное описание одной из важнейших областей народной материальной культуры — болгарской национальной одежды. М. Велева опубликовала также монографию о старинном болгарском костюме — «Двухпристилочная одежда из Северо-Западной Болгарии». В настоящее время М. Велева — крупный специалист по материальной культуре. О болгарской народной одежде она пишет и в ряде других исследований, рассказывая об общих элементах одежды у восточных и южных славян и о специфических чертах болгарской одежды, развивавшихся под влиянием других культур.

Важное место в болгарской этнографии занимают исследования трудника института П. Петрова по отдельным проблемам исторической этнографии и особенно его монография «Этнографические элементы славяно-балто-германской общности» (1966). Последняя содержит глубоко обоснованную гипотезу о географическом ареале, в котором в праисторическое время совместно жили славяне, балты и германцы прежде чем они этнически дифференцировались. Книга вызвала интерес у советских и немецких этнографов-индоевропейцев и получила положительные отзывы как за границей, так и в Болгарии.

В области изучения материальной культуры плодотворно работал А. Примовски. В 1955 г. он опубликовал монографию «Ремесло медведка в Родопской области», а также сдал в печать в т. 54 «СБНУ» большую работу «Материальная культура родопского населения».

Развитие болгарской фольклористики после 9 сентября 1944 г. обуславливается рядом факторов, которые находятся в прямой связи со значительными революционными изменениями, происшедшими в общественно-политической, экономической и культурной жизни Болгарии после установления народной власти. Это, прежде всего, исключительный интерес, который проявляется к жизни народных масс, а в связи с этим и к народному творчеству во всех областях, включая народное поэтическое творчество. Бурное развитие науки в стране находит отражение в фольклористике. Одной из основных задач болгарских ученых в этот период было развитие болгарской фольклористики как марксистской науки. Идеологическая перестройка отняла немало сил у специалистов старшего поколения, воспитанных на традициях буржуазных фольклористических школ. Огромную роль в этой перестройке и в воспитании молодого поколения сыграла советская наука, которая показывала пример правильного применения марксистского метода, а также помогала в определении круга проблем, требующих изучения.

И если сейчас, спустя 25 лет, мы окинем взглядом пройденный путь, то увидим, что болгарская фольклористика за этот период достигла выдающихся успехов в изучении фольклорных жанров в их историческом развитии и современном состоянии, а также в собирании и публикации фольклорных произведений, которые продолжают жить среди народа.

Одним из наиболее известных в последние десятилетия ученых-фольклористов стал академик П. Динев. Самые значительные его труды этой области — «Болгарская народная поэзия» (1949) и «Болгарский фольклор» (1959) — затрагивают почти все основные проблемы фольклористики. Впервые в Болгарии с позиций марксистской методологии были глубоко осмыслены и критически освещены вопросы, относящиеся к развитию болгарской фольклористики. Особенно важное значение имеют его теоретические концепции по сложным проблемам исторической судьбы фольклора и его современного существования. П. Диневым дана наиболее полная характеристика всех песенных жанров болгарского фольклора. Важным вкладом в науку являются также его исследования связей между фольклором и литературой.

Многообразны интересы другого видного ученого-фольклориста проф. Цв. Романской (1914—1969 гг.), автора ряда монографий, очерков и статей по фольклору. Ею изучены ряд фольклорных жанров и некоторые темы, общие для славянского фольклора. Нужно также отметить ее книгу о народной песне, в которой дается сжатая, но вполне законченная характеристика всех песенных жанров.

Основная работа по изучению болгарского фольклора проводится в Этнографическом институте БАН и в Софийском университете.

Исследование фольклора в Этнографическом институте сосредоточено в специальном секторе, основными задачами которого являются:

- 1) изучение современного народного творчества — под этим понимае

главным образом антифашистский фольклор и 2) исследование в историческом и сравнительном аспекте традиционных фольклорных жанров.

Изучение антифашистского фольклора было одной из первых задач, которую поставил перед собой основанный в 1947 г. Этнографический институт. Еще в 1948 г. было начато изучение партизанских песен и рассказов в Трынской области, которое потом распространилось на всю страну, превратившись в широкое движение по изучению партизанского быта и фольклора. Нужно подчеркнуть, что Болгария была одной из первых стран социалистического лагеря, которая взялась за эту работу. Был собран значительный архивный материал, который позволил написать ряд статей и несколько монографий по этому вопросу: Цв. Романска и Ст. Стойкова «Материалы к изучению партизанского быта и фольклора» (1954), Г. Керемидчиев «Современная болгарская народная песня» (1958), Ив. Коев «Быт партизанского отряда „Антон Иванов“ и фольклор об антониановцах» (1962). В последние годы над этими проблемами работает Т. Живков, обобщающий труд которого «Болгарский антифашистский фольклор» находится сейчас в печати.

Параллельно с этим изучались традиционные, исторические и общественно-политические песни, главным образом песни с революционной тематикой XIX и начала XX в: об Апрельском восстании, русско-турецких войнах, Илинденском и Преображенском восстаниях, актуальность этих тем возросла в связи с политическими событиями второй мировой войны и партизанским движением. Результатом этих исследований стали очерки и опубликованная в 1961 г. монография Р. Ангеловой «За народную свободу (Апрельское восстание в болгарской народной поэзии)».

В 1961—1964 гг. сектором было предпринято фундаментальное изучение болгарского героического эпоса, существование которого из-за недостаточной его изученности все еще оспаривалось в некоторых зарубежных научных кругах. В полевых условиях был собран огромный материал по юнацким песням, которые и сейчас продолжают жить в народе. В результате под руководством Цв. Романской и при участии Р. Ангеловой, Ст. Стойковой и др. был подготовлен большой коллективный труд «Болгарский героический эпос». Он состоит из обширного исследования и текстов, в которых представлены основные сюжеты в их наиболее значительных версиях и вариантах, встречающихся и теперь в народе. Этот труд, который находится сейчас в печати, будет первым в запланированной руководством института серии «Корпус болгарского народного творчества». Начата работа над следующими двумя томами той же серии, посвященными гайдуцким песням и народной прозе. За указанный период отдельные проблемы героического эпоса и гайдуцкой песни были рассмотрены в статьях Цв. Романской, Ст. Стойковой, Р. Ангеловой, Т. Живкова.

Достаточно подробно были рассмотрены и некоторые проблемы короткого жанра. Так, вышло несколько работ о пословицах, этому же вопросу посвящена и монография Ст. Стойковой «Болгарские народные загадки».

Помимо изучения отдельных жанров, сотрудники сектора занимаются и другими проблемами изучения фольклора. Одна из них — проблема носителей народного творчества. Интересные исследования репертуара и процесса его воссоздания у отдельных носителей народного творчества были проведены Г. Керемидчиевым, Цв. Романской и Д. Тодоровым. Изучаются также отношения между литературой и фольклором, литературные влияния в фольклоре (Ст. Стойкова), поэтика фольклорных произведений (Хр. Вакарелски, Ст. Стойкова). В связи с некоторыми комплексными этнографическими работами были проведены исследования народного творчества в отдельных областях или селах, на основе

полученных материалов были написаны соответствующие части коллективных работ (Г. Керемидчиев, Р. Ангелова, Ст. Стойкова).

СобираТЕЛЬСкая работа в секторе ведется по жанрам в зависимости от запланированных тем (так, был собран богатый материал по антифашистскому фольклору, героическому эпосу и гайдуцким песням), или по областям и селам при комплексных исследованиях, например, при изучении родопского населения, кооперированных сел, сел в зоне строящихся водохранилищ и индустриальных объектов и т. д. Сектор привлекает также к работе некоторых своих высококвалифицированных коллег из провинции, которые с помощью сотрудников сектора составляют значительные по объему и содержанию сборники, хорошо представляющие фольклор отдельных областей. Часть этих материалов опубликована в «СБНУ», а остальные находятся в архиве института. Таким образом, уже собран и продолжает накапливаться значительный материал, однако можно пожелать, чтобы уровень собираТЕЛЬСКОЙ работы был поднят с помощью современных технических средств на еще бо́льшую высоту.

Сотрудники двух секторов Этнографического института сосредоточили свое внимание на изучении проблем, появившихся в результате коренной перестройки быта рабочих и крестьян в социалистическом обществе. Какие черты и элементы народной жизни отмирают, какие могут сохраняться и развиваться при социализме, как нужно перестроить быт крестьянина и рабочего в связи с повышением его материальных возможностей, изобилием материальных благ, которые до социалистической революции были им недоступны, какими должны быть культурно-бытовые потребности человека социалистического труда, которому принадлежит сейчас главное место в обществе, — таковы вопросы, разрабатываемые на конкретном материале в отдельных районах страны. Эти исследования легли в основу некоторых кандидатских диссертаций и монографий, например, таких, как «Быт и культура кооператоров села Рыжево Конаре» Р. Пешевой, «Традиционные черты и социалистические элементы в быту и культуре рабочей молодежи в г. Сливене» И. Георгиевой, «Социалистическое переустройство быта и культуры сел Бургасского округа» Д. Тодорова, Б. Тумангелова, Л. Дукова и М. Василевой (находится в печати) и др.

Так сотрудники Этнографического института связывают свою научную деятельность с задачами построения в стране социалистического общества и развития его культуры. Работа их организуется в соответствии с основными теоретическими направлениями, намеченными IX съездом БКП и последующими партийными документами о развитии исторических наук.

Главная задача, стоящая перед институтом — создание трехтомного труда «Болгарская этнография», для которого уже сейчас научный коллектив собирает по всей стране необходимые этнографические материалы и систематизирует их. Эта работа должна быть закончена к 1975 г.

Этнографический институт подготовил ряд молодых ученых, диссертации которых представляют серьезный вклад в этнографию и пополняют наши знания о культуре болгарского народа. Кроме упомянутых уже двух диссертаций, нужно отметить и несколько других из области материальной культуры и проблем этногенеза — Г. Михайловой «Происхождение женской одежды эпохи Возрождения в Среднегории» (1968); Л. Дукова «Эволюция железных земледельческих орудий в болгарских землях от праисторического времени и до конца эпохи капитализма» (1969); Ст. Генчева «Этнографическое разделение восточного и западноболгарского населения по языковой границе в Северной Болгарии» (1969); М. Василевой «Взаимные связи и влияния в материальной культуре болгарского и турецкого населения в Разградском округе» (1969); Т. Колевой «Свадьба в Банском районе — сравнительный очерк на общеславянской основе» (1963); Л. Пеновой «Старинная домашняя обстанов-

ка и утварь в районе Панагюриште» (1965); Ст. Стойковой «Очаг в болгарском народном жилище — типологическое исследование» (1961). Оценивая эти диссертации, нельзя сводить их значение только до уровня кандидатских работ, нужно подходить к ним с более высоким мерилom. Если бы эти работы были защищены и опубликованы до 9 сентября 1944 г., то каждая из них стала бы целым научным событием и большим шагом вперед в болгарской этнографии. Однако в настоящее время как задачи, так и достижения этой науки более значительны. Поэтому упомянутые выше труды следует оценивать, учитывая восходящую линию в области развития болгарской этнографии. Общее число диссертаций по этнографии достигает одиннадцати. Все они написаны и защищены после Апрельского пленума БКП.

Текущие научные работы Этнографического института публикуются в его «Известиях», 13-й том которых вышел недавно. Этот журнал получил международное признание, и в нем регулярно сотрудничают советские, чехословацкие, венгерские и югославские этнографы, которые работают над темами, связанными с Болгарией. «Известия» дают возможность и работникам этнографических музеев страны публиковать свои материалы. Таким образом, «Известия Этнографического института и музея БАН» становятся как бы связующим звеном в исследовательской работе между болгарскими этнографами и этнографами других стран.

Вторым важным печатным органом Института является «Сборник за народни умотворения и народопис», который давно уже завоевал себе международную известность. В печати находится его 53-й том, а авторский коллектив Института уже подготовил и сдал в издательство еще пять томов. В последние годы «Сборник» получил более определенное тематическое направление — в нем публикуются этнографические и фольклорные материалы об определенных этнографических группах болгар. Так, отдельные тома «Сборника» посвящены банатским болгарам (2 тома), фракийским болгарам в Беломории (1 том), родопским болгарам (1 том), населению в Средней Стара-планине (1 том), в области гор Странджа (1 том), населению Западной Болгарии (1 том) и пр. Сейчас готовится том, созданный целиком на новом материале о болгарских колонистах в Молдавской и Украинской ССР. К работе в «Сборнике» привлечены лучшие фольклористы страны, которые публикуют в нем свои работы наряду с сотрудниками института и при их научной помощи.

Этнографический институт издает серию монографий своих сотрудников. Об наиболее значительных трудах говорилось выше. После 9 сентября 1944 г. и до настоящего времени опубликовано 26 монографий, в два раза больше, чем за полувековой буржуазный период.

Научный авторитет института за последние 10 лет быстро возрастает. Это выражается в постоянном его участии в выполнении научных работ, проводимых совместно с этнографическими институтами других стран, которые высоко оценивают возможности болгарских этнографов. Так, вместе с советскими учеными была подготовлена программа Историко-этнографического атласа Болгарии. Для изучения быта жителей северо-западной Болгарии туда была направлена болгаро-польская этнографическая экспедиция. Сейчас закончены подбор и систематизация полученных материалов, и монография «Современный материальный и духовный быт жителей с. Громада и сел в Кулском районе» будет написана в 1970 г. Другая задача, стоящая на повестке дня, — установление с помощью полевых исследований карпато-балканских этнографических параллелей — выполняется вместе с Этнографическим институтом и Словацкой Академией наук в Братиславе.

Этнографический институт и музей БАН успешно участвовали в двух международных конгрессах: VII МКАЭН в Москве (1964 г.) и Первом международном конгрессе по балканистике в Софии (1966 г.). Как на первом, так и на втором конгрессах болгарские ученые работали в двух секциях — этнографии и фольклористики.

Процесс консолидации болгарской этнографической науки и Этнографического института — результат творческого роста этнографов среднего возраста и молодежи. Вот почему мы уверены в том, что в ближайшие годы институт добьется новых, еще более значительных успехов и что появятся талантливые и всемирно признанные молодые этнографы и фольклористы. И можно с уверенностью сказать, что эти молодые ученые своим формированием и развитием будут обязаны руководству и заботам со стороны партии и их собственной любви и преданности болгарскому народоведению.

В заключение нужно отметить наиболее важные моменты в развитии Этнографического музея. С 1906 г. по 1944 г. им были собраны чрезвычайно богатые и ценные коллекции, однако только по самым главным разделам болгарской материальной культуры. Но эти богатства на две трети были уничтожены во время пожара при бомбардировке Софии в 1944 г. После того как Академия в 1949 г. целиком приняла на себя руководство музеем, в нем началась систематическая работа по сбору материала. Собранные музеем коллекции были удвоены по сравнению с тем, что было до 1944 г., и пополнены чрезвычайно ценными экспонатами. Работа по сбору материалов и исследовательская работа взаимно координированы, и поэтому обогащение коллекций сейчас происходит как тематически, так и по этнографическим областям. Персонал музея пополняется квалифицированными научными работниками, которые постоянно повышают уровень экспозиционной работы. Сейчас в музее новая, более развернутая и современная экспозиция. И это опять-таки — заслуга Академии наук, которая возродила из пепла национальный музей Болгарии.

S U M M A R Y

The article is by Professor Christo Gandev, head of the Institute of Ethnography and of the Ethnographical Museum of the Bulgarian Academy of Sciences. In it the main stages of development of Bulgarian ethnography and folklore studies in the period 1889—1969 are reviewed.

И. Н. Гроздова, Т. Д. Филимонова

ВЕНГРЫ И НЕМЦЫ СОВЕТСКОГО ЗАКАРПАТЬЯ

(ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
1968—1969 гг.)

Как уже сообщалось на страницах «Советской этнографии», в 1967 г. Советский Союз вступил в Международную Комиссию по изучению культуры и быта населения Карпат¹.

Закарпатье, где на небольшой территории проживает около 30 национальностей, общей численностью 1 млн. 50 тыс. чел. (на 1 января 1968 г.), в этнографическом отношении является одним из интереснейших районов Советского Союза. Около 75% населения составляют различные этнографические группы украинского народа, 25% — представители других коренных народов СССР, а также национальные меньшинства (венгры, немцы, словаки, румыны, австрийцы), основная этническая территория которых находится за пределами СССР.

Изучение многочисленных народов Закарпатья даст ценный материал для решения некоторых аспектов проблемы карпатской историко-этнографической общности — проблемы, над которой сейчас работают ученые ряда европейских стран.

Большие возможности открываются здесь для изучения современных этнических процессов, происходящих как в городе, так и в деревне, и для изучения судеб национальных меньшинств, живущих в инонациональном окружении.

Первый этнографический отряд Института этнографии АН СССР в 1968 г. начал работу в Закарпатской области УССР. В состав отряда входили научные сотрудники сектора Зарубежной Европы, занимающиеся этнографией указанных народов — И. Н. Гроздова, Н. Н. Грацианская и Т. Д. Филимонова.

Целью экспедиции было уточнение границ расселения отдельных групп венгров, словаков и немцев, их численности, выбор наиболее характерных для этих групп населенных пунктов — будущих стационарных исследований.

За три недели было обследовано более 20 населенных пунктов в Ужгородском, Перечинском, Велико-Березнянском, Мукачевском, Свалявском, Береговском, Виноградском, Тячевском и Раховском районах.²

В 1969 г. работы, начатые в 1968 г. среди венгерского (И. Н. Гроздовой) и немецкого (Т. Д. Филимоновой) населения, были продолжены. Экспедиция продолжалась два месяца. В связи с подготовкой историко-этнографического атласа Украины, Белоруссии, и Молдавии во время экспедиции собирался также материал для атласа по трем разделам материальной культуры: жилищи, одежде и сельскохозяйственным орудиям.

Наиболее многочисленной и ранее других поселившейся в Закарпатье группой из национальных меньшинств является группа венгров (около 160 тыс. чел.). Они образуют довольно компактные поселения, занимая в основном равнинные районы на юге и западе области, живут как в селах, так и в городах — Ужгороде, Мукачево, Тячеве,

¹ О Международной Карпатской Комиссии и ее задачах см.: Н. Н. Грацианская, Конференция по изучению культуры и быта населения Карпат, «Сов. этнография», 1968, № 3, стр. 128—130.

² Пользуясь случаем, благодарим наших закарпатских коллег М. П. Тиводара и М. Ф. Шина за помощь в организации полевой работы. Нам помогли также подробные консультации недавно скончавшегося крупнейшего фольклориста Закарпатья Петра Васильевича Линтура.

Рис. 1. Старый сельский дом венгров (с. Петрово, Виноградовского р-на)

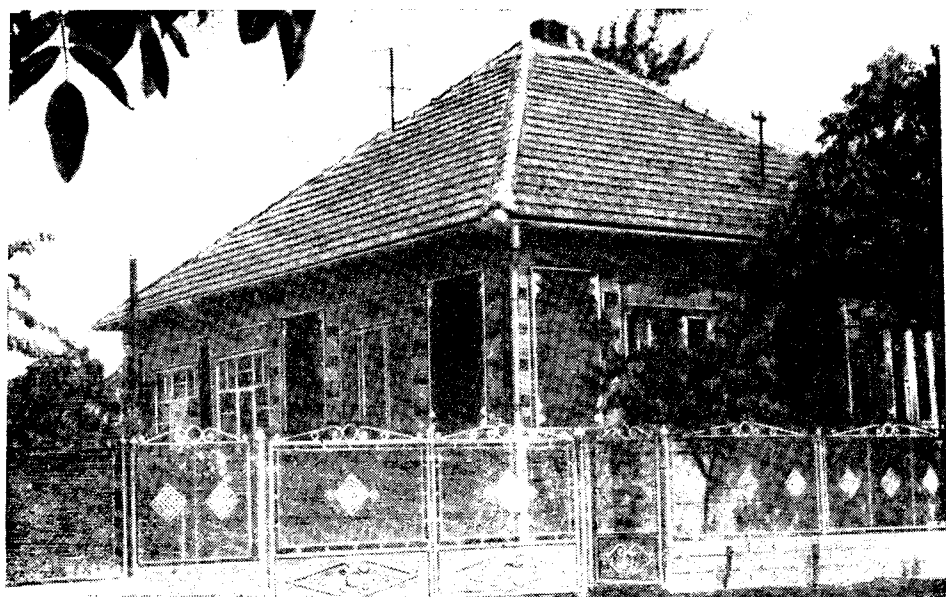

Рис. 2. Новый дом венгров (с. Петрово, Виноградовского р-на)

Рис. 3. Дома австрийцев в пос. Усть-Чорна Тячевского р-на

Виноградове, Берегове и в поселках городского типа — Баркасово, Солотвино и др. Более чем в 90 селах Ужгородского, Мукачевского, Береговского и Виноградовского районов преобладает венгерское население, но есть в этих районах также села, в которых венгров меньше, чем украинцев.

За два месяца работы членам экспедиции удалось обследовать 27 венгерских сел. Все села — очень крупные, с населением от 500 до 7 тыс. человек, причем большинство этих сел почти исключительно венгерские по национальному составу. Так, в с. Вари Береговского района венгры составляют 97% общего числа жителей, в с. Великая Добронь (Ужгородский р-н) — 98%, а в с. Чомонин (Мукачевский р-н) даже 99%. Представители других национальностей в таком селе немногочисленны; это обычно украинцы и русские, работающие в местных школах, медпунктах и пр. В таких однонациональных селах венгры довольно стойко сохраняют свою национальную самобытность: до сих пор небольшое число их знает русский или украинский язык, хотя последний и преподается как специальный предмет в венгерских сельских школах, очень редки и смешанные браки между венграми и украинцами.

Встречаются в Закарпатье села со смешанным по национальному составу населением, в большинстве их отдельные национальности образуют компактные группы: венгры заселяют одни кварталы или улицы деревни, украинцы — другие. Таковы, например, с. Рокошин в Мукачевском р-не, большое с. Вышково Хустского района и другие. В таких селах контакты между двумя народами более тесные. Если раньше двуязычие было более характерно для украинцев, то теперь на двух языках говорит все большее число венгров, в основном представители среднего и младшего поколения, особенно учащаяся молодежь. В последние годы все более нарушается прежняя национальная замкнутость венгров, оживленные становятся связи между живущими в одном селении венграми и украинцами. Об этом же свидетельствует прежде всего увеличивающееся число смешанных в национальном отношении браков.

Венгры поселились в Закарпатье уже давно. Когда в IX в. мадьярские племена переселялись на свою новую родину, современную Венгрию, их путь лежал через Карпаты. Сохранившиеся в народе исторические предания рассказывают о том, что еще в те далекие времена отстававшие по тем или иным причинам от общего потока переселенцев венгры селились на плодородных землях долины рек Тисы и Латорицы, в тех местностях, где и сейчас сосредоточено большинство венгерского населения Закарпатья. Однако, если это и имело место, то число венгров в этих областях было еще в то время очень невелико.

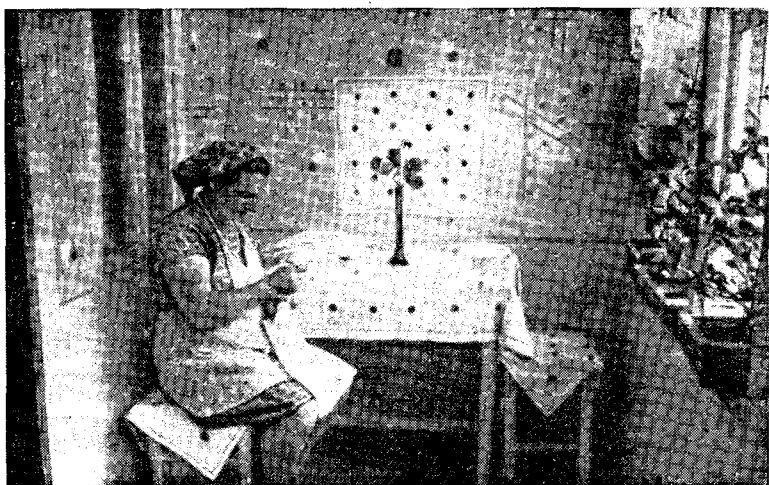

Рис. 4. На веранде. Немецкая часть с. Бородивки, Мукачевского р-на

В XI в. Закарпатье было захвачено венгерскими королями, и с этих пор переселения сюда венгров происходили часто. Особенно много венгерских сел появилось в этих местах в XIII в., после опустошительного татарского нашествия на Карпаты. В XVI—XVII вв., когда Венгрия была захвачена Турцией, в эти районы, удаленные от центра государства, бежали крестьяне, спасаясь от произвола захватчиков. Переселялись сюда венгры и в более позднее время; прибывали они из разных частей страны, поэтому и сейчас здесь распространено несколько диалектов венгерского языка, сохраняются также некоторые локальные различия в материальной и духовной культуре.

В небольшой статье невозможно дать характеристику традиционных черт быта венгерского населения Закарпатья, да это и трудно сделать без предварительной обработки и анализа собранного экспедицией полевого материала. Но нельзя не сказать здесь о тех разительных переменах, которые произошли в жизни венгров (как, впрочем, и других народов Закарпатья) за последние 20—25 лет, со времени воссоединения этой области с Украиной.

До 1945 г. Закарпатье — одна из самых отсталых в экономическом отношении областей Европы. Для венгерских сел того времени характерна резкая социальная дифференциация. В с. Малые Геевцы, например, было много мелкопоместного дворянства, некоторые представители его подчас были беднее иных крестьян, но держались гордо и независимо, а на остальных жителей смотрели с презрением. Остатки былой сословной отчужденности не вполне изжиты до наших дней.

Вот каким был в 40-е годы XX в. социальный состав другого венгерского села — Береги, Береговского р-на: 26 семей кулаков, 29 семей торговцев, 18 служащих, 8 жандармов, 6 учителей, 1 почтмейстер, 1 пастор, 80 семей середняков и более 400 семей безземельных и малоземельных крестьян.

Прошлые социальные различия и сейчас четко прослеживаются в сохранившихся почти во всех селах типах домов: наряду со старыми большими домами помещиков и кулаков в каждом селе можно встретить хижины бывших малоземельных и безземельных крестьян — низкие, сложенные из саманного кирпича двухраздельные дома, с земляным полом, под высокой четырехскатной соломенной крышей.

Большие изменения за последние 20 лет произошли в хозяйственной жизни, в материальной и духовной культуре венгров Закарпатья.

Когда в уже упоминавшемся выше селе Береги в 1947 г. был создан первый колхоз, он имел всего 405 га земли, 18 лошадей, 30 волов, 18 плугов, 1 автомашину.

Сейчас крестьяне этого и двух соседних сел объединены в один крупный колхоз им. Ленина, который располагает 7020 га земли, 9 комбайнами, 36 тракторами, 17 автомашинами и 95 другими сельскохозяйственными машинами.

В венгерских колхозах и совхозах — многоотраслевое хозяйство, в них успешно развиваются различные отрасли земледелия, а также скотоводство и птицеводство.

Каждый колхозник имеет домашний скот и птицу, а также приусадебный участок (0,25—0,4 га), который занят, главным образом, под плодовый сад и виноградник.

С ростом доходов колхозов изменился и внешний облик венгерских сел. Почти все обследованные деревни — рядовые по своему плану. Главная улица идет вдоль шоссе или дороги, от нее в обе стороны расходятся боковые улицы и переулки. Улицы асфальтированы и освещены. На площади, расположенной в центре селения, появилось много новых зданий, в которых размещены общественные учреждения: сельский совет, правление колхоза, дворец культуры, школа, магазины и пр.

Наряду с сохраняющимися, еще традиционными венгерскими домами, трехраздельными по плану (комната+кухня+комната, с узкой галереей вдоль одной из боковых стен), все больше появляется новых домов, выстроенных за последние 15—20 лет по типовым проектам. В с. Дяково (Виноградовский р-н), например, из 253 домов 172 выстроены уже в советское время. В с. Соломонове (Ужгородский р-н) из 356 домов — 197 новых, 94 перестроенных и всего 65 старых. Новые дома строят по проектам, присланным из Ужгорода. Обычно в каждом сельсовете есть альбом с 15—20 типовыми проектами: из них колхозник может выбрать тот, который ему больше по вкусу. По выбранным за последние годы проектам можно проследить, как постепенно венгерские крестьяне отходят от старых традиционных форм народной архитектуры. Так, дома, построенные в 50-е годы, еще очень напоминали старые своей удлиненной формой, трехраздельной планировкой, обязательной галереей вдоль боковой стены. В настоящее время все большее число людей предпочитают дома городского типа, квадратные в плане, с пирамидальной черепичной крышей; в таких домах часто есть водопровод и ванная комната. В интерьере современного жилища венгров сохраняется еще много специфичных для них национальных черт. Наряду с полированными гарнитурами, которыми украшают лучшую парадную комнату (*első szoba*), в других комнатах сохраняется и старая деревянная мебель: кровати с высокими резными спинками, стулья и столы, изготовленные местными мастерами, лари-диваны (*karosládo*), украшенные росписью или резьбой. Сохраняется общая для всех местных венгров традиционная расстановка мебели, своеобразное убранство кроватей, доверху заполненных перинами и по-особому положенными подушками в нарядных вышитых наволочках. Принято украшать новые дома и домоткаными изделиями: половиками, скатертями и полотенцами с вышитыми или ткаными узорами.

Следует отметить, что почти у всех венгров Закарпатья до сих пор развито ткачество. В длинные зимние вечера женщины — и старые, и молодые — ткут на горизонтальных ткацких станах полотно на постельное белье, скатерти и полотенца. Полотно украшается тканым узором, преимущественно одноцветным (бордо, красным, реже синим), с растительным или геометрическим орнаментом. Может быть, такая живучесть

Рис. 5. Домотканое венгерское полотенце (с. Великая Поладь)

этого вида ремесла связана со стойко еще сохраняющимися в селах свадебными обрядами, в которых не последнюю роль играют и тканые изделия: чтобы справиться с работой по старым обычаям, в некоторых деревнях невеста, например, должна иметь 50—70 полотенец.

Подлинная революция произошла со времени присоединения Закарпатья к Украине и в культурной жизни венгерских сел. В каждом селении есть средняя или восьмилетняя школа, обучение в которых ведется на венгерском языке, открыты клубы, библиотеки. Показательно, что в с. Вышкове, например, из 7 тыс. жителей 3900 состоят по своим занятиям читателями сельских библиотек.

С каждым годом растет материальное благосостояние семей венгерских колхозников. Об этом красноречиво свидетельствуют такие цифры: в селе Соломонове в 1969 г. у 356 семей было 280 телевизоров, 380 радиоприемников, 300 стиральных машин, 35 мотоциклов, 605 велосипедов.

Огромные успехи в социалистическом строительстве, достигнутые национально-освободительной борьбой Закарпатья за сравнительно короткий срок, еще раз свидетельствуют о том, какие замечательные результаты приносит ленинская национальная политика.

До сих пор мы говорили о самом крупном национальном меньшинстве Закарпатья — венграх. Группа немцев в Закарпатье значительно малочисленнее, и живут они компактно, а рассеянно, образуя небольшие вкрапления в многонациональной среде.

Современное немецкоязычное население Закарпатья (немцы и австрийцы) — это потомки переселенцев XVIII—XIX вв.

Немецкая колонизация Закарпатья началась уже в XII—XIII вв.; первые переселенцы были преимущественно из северной Германии, селились они в основном в городах и занимались ремеслами и торговлей. Однако потомков этих колонистов уже не сохранилось; войны и болезни, а также ассимиляция сделали свое дело.

Непосредственной причиной колонизационной волны XVIII—XIX вв. было поражение восстания Ференца II Ракоци против Габсбургов (1711 г.) и передача в 1728 г. большей части его Закарпатских владений немецкому духовному князю графу Лотару Францу Шенборну, еще ранее получившему владения в Австрии за свои заслуги перед Габсбургами.

С 1730 г. начинаются переселения на Мукачевщину крепостных крестьян — виноградарей, земледельцев и ремесленников из германских владений Шенборнов — Бамберга, Вюрцбурга и других районов, а также частично и из их имений в Нижней Австрии.

В 70—80-е годы XVIII в. в восточные районы области (Мармарошину) Мария-Терезия и Иосиф II переселяют горных и лесных рабочих из Зальцкаммергут — области на стыке трех австрийских земель (Верхней Австрии, Зальцбурга и Штирии). Австрийские колонисты в эти годы основывают в долине Тересвы колонии — Deutsche Mokra (ныне Комсомольск), Königsfeld (Усть-Чорна) и другие. Часть колонистов селится в городах — Мукачево, Хусте, Тячеве и др.

В XIX в. колонизация этих мест продолжается, но уже главным образом немцами из чешских и словацких имений Шенборнов, ибо последние к этому времени уже потеряли свои права на духовные владения в Германии.

Таким образом, современное немецкоязычное население по своему происхождению весьма смешанное: здесь живут выходцы из Германии и Австрии, Чехии и Словакии. Это в известной степени отражается и в самоназваниях, и в говорах, и в отдельных элементах культуры.

Большинство немцев Мукачевского района называет себя швабами (хотя основная их часть — потомки франконских переселенцев), жители долины Тересвы — австрийцами, а немцы Рахова и некоторых других населенных пунктов — ципсерами (по немецкому названию словацкой области Спша — Zips), откуда переселилась эта группа.

Если венгры составляют около 16% населения области, то немцы и австрийцы не образуют даже 1%. По данным переписи 1959 г., немцев (включая австрийцев) в Закарпатье было 3504 человека. Однако по предварительным подсчетам, произведенным нами в ходе исследований, число их несколько больше, но не превышает 6—7 тыс. чел. Это расхождение с данными переписи отчасти может быть объяснено тем, что под влиянием событий военных лет часть немецкого населения в первые годы воссоединения области с Советской Украиной записывала себя венграми, чехами, словаками и даже украинцами, а в настоящее время считает себя снова немцами. Немцы живут в За-

Рис. 6. Немецкая часть с. Бородивки Мукачевского р-на

карпатье тремя островками. Большая часть — в селах Мукачевского, Свалявского и Иршавского районов: в равнинных селах потомки переселенцев из Германии и отчасти из Нижней Австрии, в предгорных районах — потомки выходцев из Чехии и Словакии. Почти чисто немецким селом является Нове Село (Unter -Schönborn), большинство населения составляют немцы в Павшино, треть — в селе Бородивке Мукачевского района. В остальных селах немцы живут смешанно с украинцами. Второй островок — долина реки Тересвы Тячевского района — поселок Усть-Чорна, села Комсомольск, Дубовое и др.; здесь живут австрийцы. И, наконец, третий островок образуют потомки словацких немцев из Спиша (ципсеры), проживающие в Рахове и Ясинях. Небольшие группы живут также в городах — Мукачево, Хусте, Тячеве и др.

Все немцы Закарпатье владеют двумя, тремя и даже четырьмя языками. Дома, в семье и с односельчанами-немцами, они говорят на местных немецких говорах, довольно сильно различающихся по селам, с окружающим инонациональным населением объясняются на венгерском (больше старшее поколение), украинском и даже русском языках (главным образом, мужчины и молодежь). Развитию билингвизма — трилингвизма среди немцев способствовало и изменение экономической основы жизни: в результате ликвидации частнособственнических хозяйств немцы включились в общественное производство, где они повседневно общаются с представителями других национальностей. В настоящее время почти каждая немецкая семья выписывает газеты и журналы на двух-трех языках.

По сравнению с окружающим инонациональным населением немцы, по нашему мнению, раньше подверглись городскому влиянию. Если у венгров, украинцев и словаков еще и в наши дни сохранилось ткачество, в домах повсюду встречаются лари-диваны, служащие и для хранения вещей, то у немцев ткать перестали уже до второй мировой войны, а лари-диваны стали вытесняться гардеробами уже в начале нашего века. Если у венгров и словаков еще сохраняется народный костюм (в повседневной жизни или только по праздникам), то у немцев его не сохранилось совсем.

В интерьере немецкого дома много общих черт с интерьером домов закарпатских венгров и словаков. С улучшением материального благосостояния и под влиянием городской культуры в домах все больше появляется телевизоров, приемников, холо-дильников, стиральных машин, что в прошлом было совсем невозможно, ибо лишь при советской власти (в 50-е годы) села были электрифицированы.

Сильно изменили за последние 20—25 лет свой облик и сами села. Вместо домов, крытых соломой с земляными полами и печью с открытым дымоходом, все больше

Рис. 7. Музыканты на немецкой свадьбе (с. Павшино, Мукачевского р-на)

появляется просторных (площадью около 100 кв м) на высоком фундаменте домов, крытых черепицей или железом. Новые дома обычно состоят из трех просторных комнат, кухни, ванной и кладовой. В 1968 г. в с. Бородивке мы сфотографировали последний дом с соломенной крышей, но в 1969 г. на его месте уже строился новый. В 1969 г. мы смогли еще зарисовать и сфотографировать по одному дому с печью без дымохода в селах Бородивке, Новом Селе и Павшино. Дома эти были построены в начале нашего века и доживают последние месяцы. Наряду с новыми домами широко еще бытуют дома с традиционной трехраздельной планировкой (парадная комната + кухня + жилая комната), построенные в 30—40-е годы XX в. Как правило, такой дом обращен фасадом к улице; вдоль длинной стороны, выходящей во двор, тянется галерея, в середине которой расположен вход, ведущий в кухню. Двор отгорожен от улицы забором с воротами и калиткой. Дома на Мукачевщине в XX в. строили из саманного кирпича (иногда в сочетании с обожженным кирпичом), снаружи и внутри стены штукатурили, крыши крыли по большей части черепицей; в долине р. Тересвы сохраняются еще деревянные срубные дома, крытые дранкой. В настоящее время редко кто строит новый дом по старой планировке, большинство пользуется более удобными типовыми проектами. Но и в новых домах одна комната остается «парадной», в ней не живут и пользуются ею только по большим праздникам для приема гостей.

Социально-экономические преобразования вызвали изменения не только в материальной культуре, но и в духовной жизни. Если в прошлом немцы жили довольно замкнуто, браки предпочитали заключать преимущественно с лицами немецкой национальности, то за последние 20 лет число смешанных браков значительно возросло. Так, в Новом Селе Мукачевского района семьи, смешанные в национальном отношении, составляют 10%. В селе Бородивке этого же района также есть смешанные семьи, однако браков между односельчанами немцами и украинцами пока что нет, несмотря на то, что молодежь вместе учится в школе, вместе проводит вечера в клубе или Доме культуры. Видимо, здесь сказывается влияние родителей, различие их религии (немцы — католики, украинцы — православные) и бывшая неприязнь между ними, особенно обострившаяся во время войны и не совсем еще, вероятно, преодоленная. Изменился и структурный, и социальный состав семей. В настоящее время преобладают семьи из двух поколений с 1—2 детьми, хотя еще значительный процент составляют и семьи из трех поколений. В современной немецкой семье, как правило, наряду с колхозниками или рабочими совхозов есть также и члены семьи, работающие в городе — на фабриках, заводах, в магазинах и учреждениях, а также учащиеся и представители интелли-

генции (врачи, учителя и т. д.). Произошли изменения и в способе выбора супруга, сватовстве и самой свадебной обрядности, в которую проникли и некоторые элементы обычаев других народов. Расширился за счет включения русских, украинских и венгерских песен также и песенный репертуар немцев. При знакомстве с сельскими библиотеками мы выяснили, что у немцев помимо литературы на немецком языке большим спросом пользуется литература на русском и украинском языках, а представители старшего поколения читают и на венгерском языке.

Таковы наши самые первые впечатления. Конечно, изучение изменений, происшедших в культуре немецкого и венгерского населения Закарпатья, выяснение вопроса о сохранении тех или иных традиционных явлений, а также анализ взаимовлияний с окружающим инонациональным населением требуют более длительного времени и серьезного внимания. Этим мы и собираемся заняться в ближайшие годы.

И. Л. Карахан, Т. Б. Митлянская

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ЧУКОТСКО-ЭКИМОССКОГО ИСКУССТВА РЕЗЬБЫ ПО КОСТИ

Современное искусство чукчей и эскимосов основано на интереснейших древних традициях. На протяжении нескольких тысяч лет охотники на морского зверя создавали разнообразные бытовые изделия из моржовой кости¹. Этот материал использовался с необычайной изобретательностью, пониманием его богатых возможностей. Предметы древней культуры являются подлинными произведениями искусства.

Ко времени открытия Чукотки русскими резьба по кости была здесь самобытным искусством, непосредственно связанным с бытом. Художественная значимость искусства чукчей и эскимосов опровергает представление некоторых зарубежных ученых о неспособности малых народностей создать свою национальную культуру². В искусстве резьбы по кости ярко проявилась особая художественная одаренность чукчей и эскимосов³.

Для плодотворного развития современного искусства чукчей и эскимосов необходимо изучение всего культурного наследия этих народов. Материалы археологических раскопок, проводимых советскими учеными⁴, позволяют сделать весьма интересные и поучительные выводы.

Древняя культура чукчей и эскимосов, насчитывающая несколько тысяч лет развития, богата памятниками большой художественной ценности. Изделия из кости поражают нас и сегодня отточенным мастерством, красотой форм, умением обрабатывать материал. Наибольший интерес представляют вещи, относящиеся к древнеберингоморской культуре (рубеж нашей эры—IV в. нашей эры)⁵. Эти бытовые предметы (наконечники гарпунов для охоты на морского зверя, крюки, загадочные «крылатые предметы»⁶) отличались удивительным разнообразием форм и орнаментации.

Как правило, изделия из кости украшены рельефной или объемной резьбой, сочетающейся с гравировкой. Узоры гравировки, состоящие из овалов, кругов, различных криволинейных фигур, отличаются изысканной красотой. На поверхности предметов, как

¹ Н. И. Руденко, Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема, М.—Л., 1947; М. Г. Левин, Древнеэскимосский могильник в Уэлене, «Сов. этнография», 1960, № 1; М. Г. Левин, Д. А. Сергеев, Древние могильники Чукотки и некоторые аспекты эскимосской проблемы. Доклад на VII МКАЭН, М., 1964; С. А. Арутюнов, Д. А. Сергеев, Древние культуры азиатских эскимосов, М., 1969; Н. Н. Диков, Древнейшее прошлое Чукотки и задачи его изучения, «Записки Чукотского краеведческого музея», вып. I. Магадан, 1968; его же, Древние костры, Магадан, 1969 г.

² А. П. Окладников, Раскопки на Севере, «По следам древних культур», М., 1951, стр. 37.

³ И. Крашенинников, Описание Земли Камчатки, М.—Л., 1949, стр. 382; В. Г. Богораз, Чукотские рисунки. Сборник в честь семидесятилетия Д. Н. Анучина, М., 1913; его же, Выставка «Чукотское искусство», «Путеводитель», Л., 1934; его же, Очерк материального быта чукчей, «Сборник музея антропологии и этнографии Академии наук», СПб., 1901.

⁴ См. С. И. Руденко, Указ. раб.; М. Г. Левин, Д. А. Сергеев, Указ. раб., Н. Н. Диков, Указ. раб.

⁵ Д. А. Сергеев, Развитие древних культур эскимосов Западного Берингова моря, Автореферат канд. дисс., Л., 1966.

⁶ И. П. Лавров, К вопросу о загадочном крылатом предмете, «Записки Чукотского краеведческого музея», 1958, вып. I; С. А. Арутюнов, Д. А. Сергеев, Указ. раб.

бы из глубины их, выступают рельефные изображения зверей—моржа, медведя, нерпы, волка. Эти образы, полные живой выразительности, в основе своей глубоко реалистичны. Рельефное или скульптурное изображение так же, как и узоры гравировки, составляют единое целое с самой вещью, ее формой. Неотделима от изделия и орнаментальная гравировка, столь пышно развитая в искусстве древних эскимосов. Принцип слияния изобразительной и утилитарной сторон в изделиях древнеберингоморской культуры представляет большой интерес для современной художественной практики.

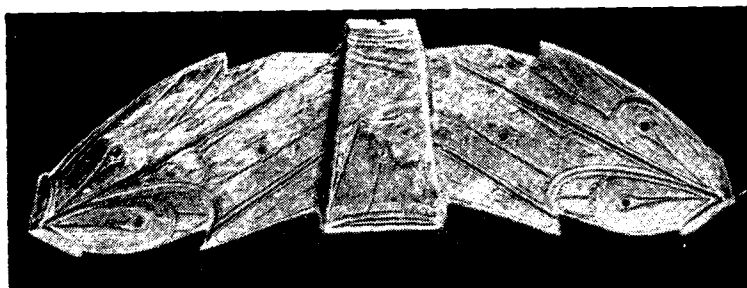

Рис. 1. «Крылатый предмет» из клыка моржа (древнеберингоморская культура, рубеж н. э — IV в. н. э). Хранится в МАЭ, Ленинград

Рис. 2. Скульптура «Нерпы» из клыка моржа (объемная резьба, гравировка, Чукотка, XIX в). Хранится в МАЭ, Ленинград

Со времени открытия Чукотки туда проникает европейская культура. Происходят глубокие изменения в быту, обычаях местного населения⁷. Изменяется и роль изделий из кости. Если раньше их употребляли в быту, то теперь главным образом изготавливают на продажу.

Возникает две линии в чукотско-эскимосском искусстве. Одна из них определяется европейским влиянием, другая развивает черты национального своеобразия.

В искусстве чукчей и эскимосов XVIII—XIX вв. особый интерес представляет миниатюрная скульптура, изображающая зверей и птиц, населяющих море и тундру. Эти вещи привлекают простотой форм, выразительностью образов, красотой силуэта. Наблюдательность сочетается здесь с мастерством обобщения.

Очень красива орнаментальная гравировка в виде простых узоров геометрического характера — полос, кружков, точек; подкрашенные в черный цвет, они особенно четко смотрятся на белой поверхности кости⁸.

Если мы обратимся к чукотско-эскимосскому искусству советского периода, то увидим, что многие из ценных традиционных черт прошлого продолжают жить.

С первых лет установления Советской власти на Чукотке был положен конец эксплуатации местного населения американскими и русскими торговцами. Был взят ленинский курс на сохранение национальной культуры. Особое внимание обращалось на народное искусство⁹. В 1928 г. была организована культбаза у залива Лаврентия, а в 1931 г. создана мастерская в Уэлене. Это способствовало объединению костерезов и укреплению промысла художественной обработки кости.

Большой вклад в развитие искусства чукчей и эскимосов внесли специалисты-художники — А. Л. Горбунков, И. П. Лавров, в течение ряда лет работающие с мастерами.

⁷ И. С. Вдовин, Очерки по истории и этнографии чукчей, М.—Л., 1965, стр. 227.

⁸ См. Е. П. Орлова, Резная кость, Новосибирск, 1964.

⁹ «Новая жизнь народов Севера», М., 1967.

Из кости создавалась анималистическая скульптура; на моржовых клыках в технике цветной гравюры изображались быт современной Чукотки, традиционные сцены охоты, фольклорные мотивы. И скульптура и гравировка чукчей и эскимосов были исключительно выразительны, полны неповторимого национального своеобразия.

Изучение работ 1930—1950-х годов дает яркое представление о больших творческих возможностях мастеров, разнообразии индивидуальных черт при общей стилистической основе. Скульпторы Вуквутагин, Хухутан и другие резчики обладают прекрасным чувством пластики, создают величественные образы животных, полных могущества, силы, достоинства, причем в миниатюре достигается ощущение монументальности.

Нас привлекают в этом своеобразном искусстве особое поэтическое видение мира, умение сочетать цвет с контурным рисунком, разнообразие сюжетов. Среди мастеров

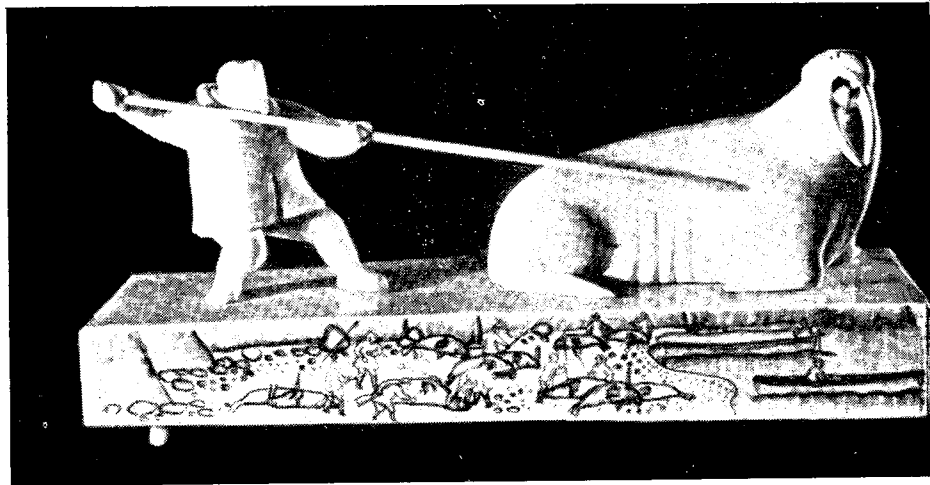

Рис. 3. Скульптура «Охота на моржа» (мастер Хухутан). Клык моржа. Объемная резба, цветная гравировка. Уэлен; 1956 г. Хранится в Музее народного искусства, Москва

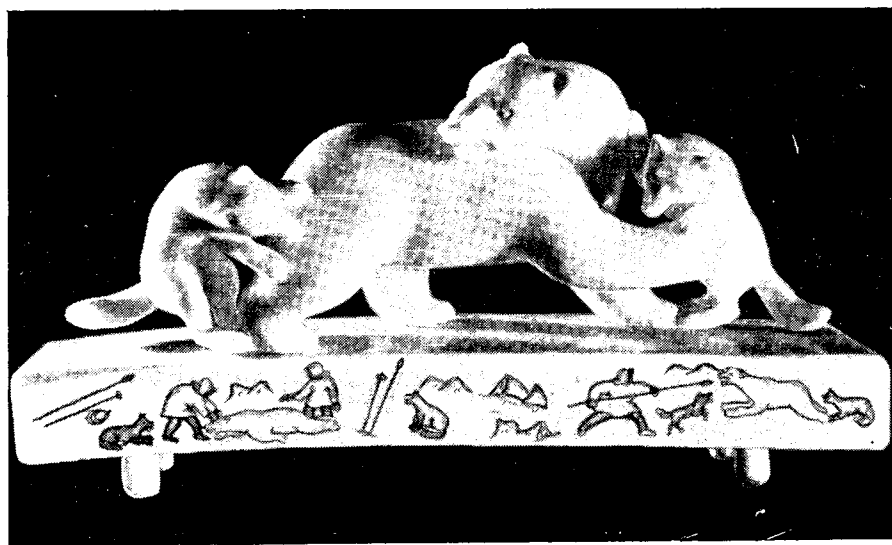

Рис. 4. Скульптура из клыка моржа «Медведь и волки» (мастер Туккай). Объемная резба, цветная гравировка, Уэлен, 1957 г. Хранится в Музее народного искусства, Москва

граверов 1940-х годов значительное место занимают женщины-художницы. Это черта, типичная для нашего времени.

Однако, несмотря на все достижения, в последние годы на страницах печати не раз высказывалась тревога за состояние современного искусства чукчей и эскимосов¹⁰.

Действительно, в работах 1960-х годов многие характерные для чукотско-эскимосской культуры черты постепенно утрачиваются. Не всегда проявляется умение условными средствами добиваться глубоко реалистического содержания образов. Наблюдаются случайность и однообразие композиции гравировки. Творчество постепенно заменяется созданием копий с имеющихся изделий. Если в гравюре в силу специфичности техники еще возможны вариации в процессе работы, то в скульптурной резьбе даже такие возможности отсутствуют. Стандартизация ведет к потере художественной ценности, неповторимости создаваемых вещей.

В скульптуру и гравировку постепенно проникают черты, чуждые национальному декоративному искусству. Если в прошлом создавались вещи утилитарно-декоративного характера, то в настоящее время мастера отошли от этой традиции. Все сильнее наблюдается уклон в область миниатюрной станковой скульптуры. Не учитываются особенности, специфика самого материала — кости.

Аналогичный процесс происходит и в гравировке, украшающей моржовые клыки. В ней все явственней проявляются черты станковой гравюры.

Теряется мастерство обобщения. Для современной чукотско-эскимосской скульптуры и гравюры характерны дробная трактовка, излишняя детализация.

Однообразие в трактовке сюжетов свидетельствует об опасности утраты непосредственного творческого восприятия действительности и окружающей природы. Сцены охоты, пейзажи повторяются мастерами не по свежим впечатлениям, а по образцу уже созданных композиций. Сюжеты фольклорного характера все реже и реже привлекают внимание мастеров, особенно молодежи.

Если в 1930-е годы резчики по кости работали почти во всех береговых поселках, то в 1960-е годы косторезы остались лишь в Уэленской мастерской; число их сократилось за тот же период до 25 человек.

Чем же объясняются те трудности, которые переживает сейчас чукотско-эскимосское искусство резьбы по кости? Главная причина заключается, на наш взгляд, в том, что квалифицированное художественное руководство национальным искусством было, к сожалению, эпизодичным¹¹. Мастерская подчинялась разным ведомствам, не способным оказать квалифицированную помощь резчикам и граверам. Отсутствие единой творческой линии в работе коллектива не может не сказаться на творчестве отдельных, даже наиболее талантливых скульпторов. Между тем в мастерской много способных резчиков и граверов; девять мастеров являются членами Союза художников РСФСР, один имеет звание Заслуженного художника РСФСР.

Традицией для чукотско-эскимосского искусства была преемственность мастерства. В настоящее же время дело ученичества недостаточно продумано. В существующем в Уэленской школе кружке резьбы по кости учат лишь технике обработки кости. Обу-

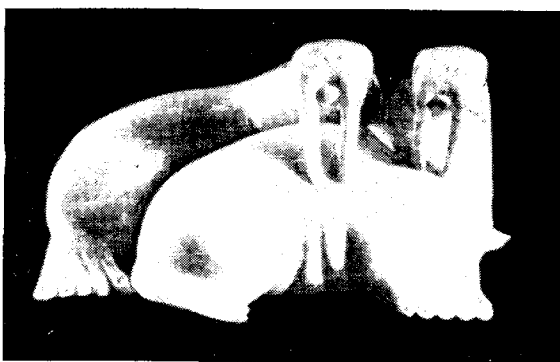

Рис. 5. Скульптура «Моржи» (работа Килилой). Клык моржа, объемная резьба. Уэлен, 1957 г. Хранится в Музее народного искусства, Москва

¹⁰ Л. Е. Тимашева, Почему тускнеет слава косторезов, газ. «Магаданская правда», от 18 мая 1968 г.; ее же, Чукотско-эскимосский промысел резной кости и пути его развития, сб. «История и культура народов Севера Дальнего Востока», М., 1967.

¹¹ И. П. Лавров, Художественные промыслы и народное творчество Чукотки, М., 1940, Рукопись. Библиотека НИИХП, т. 745(с) 1, д. 13.

Рис. 6. «Охота на оленей» (фрагмент). Гравюра на моржовом клыке, мастер Эмкуль. Уэлен, 1956 г. Хранится в Музее народного искусства, Москва

чение рисунку ведется по типовой программе рисования для школ РСФСР без учета нациснального своеобразия художественного восприятия мира.

Тем не менее и сейчас чукотско-эскимосская резьба по кости остается замечательным явлением в искусстве нашей многонациональной страны. По сравнению с другими очагами косторезного искусства, здесь полнее сохранился яркий национальный характер.

Развитие национальных черт чукотско-эскимосской резьбы применительно к современной действительности обусловит новую жизнь этого яркого народного искусства.

Естественно, что традицию следует понимать не как мертвую схему, не подлежащую изменению, а как живую, развивающуюся форму, которая изменяется в связи с потребностями общества, наполняясь новым содержанием. Живое восприятие действительности питает всякое жизнеспособное искусство и является единственным источником художественного творчества. Очень важно творческое отношение к созданию каждой вещи, умение передать образным языком свои впечатления от окружающего мира.

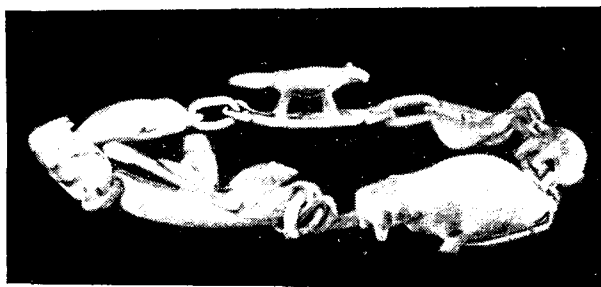

Рис. 7. Украшение из клыка моржа. Чукотка, XIX в. Хранится в МАЭ, Ленинград

Большое значение для плодотворного развития современного чукотско-эскимосского искусства имеет разработка традиционного ассортимента вещей. Создание бытовых изделий из кости было характерно для древней культуры жителей побережья. Кость моржа — это единственный материал, имевшийся в неограниченных количествах и употреблявшийся для бытовых целей. В наше время чукотско-эскимосскими мастерами в основном создается миниатюрная скульптура. В связи с этим изменилось отношение к моржовой кости как к материалу, из которого можно создавать изделия утилитарно-декоративного характера. Между тем создание ассортимента вещей подобно-го плана может быть очень интересным и в полной мере традиционным.

В 1967 г., когда Уэленская мастерская перешла в ведение Министерства местной промышленности, Научно-исследовательский институт художественной промышленности

начал проводить работу с мастерами. Основной задачей было оказание помощи скульпторам и граверам в освоении творческого наследия чукотско-эскимосского искусства. С этой целью изготовлен фотоальбом, где представлены образцы чукотско-эскимосского искусства, начиная с первых веков нашей эры. Изучение коллекций музеев¹², консультации со специалистами—этнографами, археологами, лингвистами помогли выбрать из обширного материала наиболее интересные, художественно ценные изделия, которые могут послужить источником вдохновения для современных мастеров и показать разнообразие и выразительность форм и орнаментации. В альбоме широко представлены фотографии изделий, относящиеся к эпохе расцвета искусства древних эскимосов — древнеберингоморской культуре, фотографии скульптуры и орнаментальной гравировки XIX в., выделены материалы, иллюстрирующие разнообразные украшения из кости, в которых интересно сочетаются скульптурные и ажурные звенья. В альбоме также отражено творчество лучших мастеров советской Чукотки 1930—1950-х годов.

На основе изучения коллекций изделий чукотско-эскимосского искусства, исследования фольклора и литературы художники института попытались создать серию набросков, которые показывают возможности использования национального наследия в современном искусстве. Эти наброски рассматриваются как примерные предложения по новому ассортименту. Цель такой работы — пробуждение творческой инициативы мастеров.

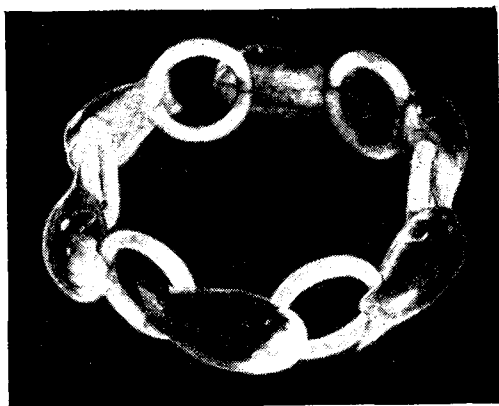

Рис. 8. Браслет «Киты» (работа Л. Никитина). Мореная моржовая кость, резьба. Уэлен, 1968 г. Хранится в НИИ художественной промышленности, Москва

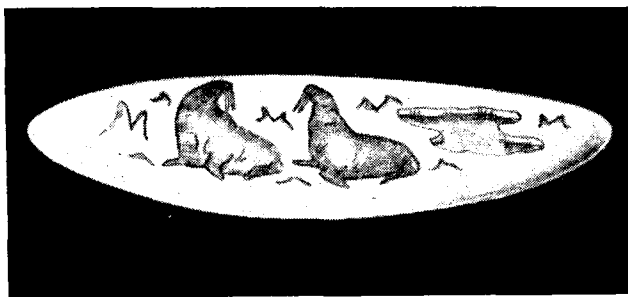

Рис. 9. Игольница. Клык моржа. Цветная гравировка Е. Илькей. Уэлен, 1968 г. Хранится в НИИ художественной промышленности, Москва

Мы считаем методологически неверным предлагать образцы готовых изделий, ибо только особое видение мира, свойственное мастерам Чукотки, способно определить яркое своеобразие их творчества.

Мастера не копировали увиденное, а создавали свои собственные образцы, в которых своеобразно отражались предложенные формы, композиционные приемы, принципы орнаментальной гравировки. На основе этих проектов создано 18 изделий.

¹² Государственный музей этнографии народов СССР; Музей антропологии и этнографии; Музей народного искусства; Музей Арктики.

Новыми и интересными были изделия декоративно-прикладного характера: прессы, игольники, лоточки; украшения: браслеты, кольца, кулоны, брелоки. Часть украшений выполнена из цветной мореной кости, что придает им особую прелесть. Формы их просты и соответствуют современному костюму. В этих вещах интересно сочетание утилитарной вещи со скульптурой.

На основе традиционной малой пластики — амулетов, игрушек создана серия миниатюрной скульптуры. Здесь возрожден традиционный прием сочетания миниатюрной скульптуры с орнаментальной гравировкой.

Проведены опыты с сюжетной гравировкой, украшающей небольшие вещи — кулоны, игольники, настольные декоративные лоточки.

Альбом, наброски художников, а также проведенный с мастерами семинар дали уже положительные результаты. Было создано 60 новых изделий, из которых 38 представляют новый ассортимент и приняты к массовому производству художественными советами Уэленской мастерской и Магаданского Облисполкома.

Положительные результаты совместной работы художников с мастерами Уэлена могут быть закреплены путем планомерного исследования проблем чукотско-эскимосского искусства и постоянной практической помощи Уэленской мастерской.

Чрезвычайно важно также, чтобы Магаданское отделение Союза художников РСФСР и Управление местной промышленности Магаданского облисполкома осуществляли систематическую квалифицированную помощь чукотско-эскимосским мастерам.

В последнее время развитию народного искусства в нашей стране уделяется большое внимание. Правительством принято специальное постановление о мерах по дальнейшему развитию народных художественных промыслов¹³. Оно открывает новые возможности для развития чукотско-эскимосского искусства. В частности, в постановлении говорится о более широком привлечении к работе надомников. В береговых поселках Чукотки еще сохранились мастера, владеющие секретами традиционных видов искусства: резьбы по кости, вышивки, художественной обработки меха. Необходимо найти этих мастеров, привлечь к работе. Также целесообразно заниматься выявлением способных детей еще в школе, учитывая, что традиционное мастерство живет в быту населения. Нужно ввести в школах поселков преподавание резьбы по кости и других видов национального искусства.

Наряду с этим должно быть организовано специальное ученичество при мастерской. Опытные мастера многому могут научить молодежь, передавая ей свой опыт.

Жизнеспособность Уэленской мастерской как центра традиционного искусства определяется также наличием национальных кадров, способных квалифицированно руководить творческой работой мастеров. В настоящее время художников резьбы по кости готовят только два училища — Московское художественно-промышленное училище им. Калинина и Абрамцевское художественно-промышленное училище (недалеко от Москвы). Обучением национальных кадров, художников народного искусства не занимается ни одно училище.

Очевидно, настало время со всей остротой поднять вопрос о подготовке специалистов с художественным образованием из среды коренного населения. Это обеспечит сохранение и развитие наиболее ценных черт национального искусства Севера и Дальнего Востока.

Уэлен и береговые поселки Чукотки должны остаться очагами древнего традиционного мастерства чукчей и эскимосов. Плодотворное развитие искусства малых народностей Севера будет достойным осуществлением идей ленинской национальной политики.

¹³ См.: газ. «Известия», 16 октября 1968 г.

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

В. И. Васильев

СИИРТЯ — ЛЕГЕНДА ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Легенды

Каждому этнографу, которому когда-либо приходилось собирать ненецкий фольклор или даже просто знакомиться с ним, известен образ «сииртя» — человекоподобных существ, будто бы живущих под землей, чаще всего в сопках или в ямах, и выходящих на поверхность только по ночам.

Предания, рассказывающие о сииртя, многочисленны, разносюжетны и разностильны. Иные из них изобилуют фантастическими деталями и сюжетными линиями, другие, наоборот, отличаются сугубо реалистической канвой, хотя фантастический элемент в той или иной степени в них присутствует.

Вот один из таких рассказов, записанный мною в 1962 г. в низовьях Енисея от энца Ивана Ивановича Силкина.

«Давно-давно, когда наших людей здесь не было, тут жили сииртя — маленького роста люди. Которые в земле жили, которые чум травяной держали. Когда людей много стало, они насквозь в землю ушли.

По Енисею дальше, где Чайки-реки голова, есть высокая сопка, по-ненецки Сииртя-седа (седа — сопка. — В. В.). У этой сопки один человек чумом стоял, олени тут же у сопки ходили.

Вот он собрался ехать куда-то, а было это уже осенью. Темно.

Белых оленей решил запрягать. Первого оленя на маут (аркан) поймал. Что такое? На шее у него пятна, как уголь, черные. И у всех оленей так: на шее пять черных пятен, будто след пальцев.

— Ну, — он сказал, — Седа эта, видно, сииртя-седа. Это сииртя, наверное, моих оленей ловили.

С тех пор эту сопку всегда сииртя-седа зовут».

Надо сказать, что географические названия, в составе которых присутствует слово «сииртя», встречаются на всей территории современного расселения ненцев. Среди топонимов тундровой полосы Европейского Севера и Сибири, между полуостровом Канин Нос и рекой Енисей, обнаруживается немало речек с названиями Сииртя-яха (река Сииртя) и не менее двух десятков больших и малых Сииртя-седа и Сииртя-надо (яр Сииртя).

Но возвратимся опять к преданиям.

«Здесь, на той стороне Енисея, Кодола-сопка есть. Внизу (у подножия) — большое озеро.

Там близко один человек наш, старик, жил.

Вот как-то вечером он сильный шум слышит. Пошел туда. Видит, озера к сопке тропинка кем-то протоптана. Он капкан поставил.

На утро глядит: в капкан сииртя попал».

«Это не так давно было,— уверенно добавил рассказавший мне приведенную выше историю ненец Кирилл Данилович Ямкин.— Может, когда отца моего отец жил».

Ненцы рода Вэнонга (Вэнго), обитающие на северном побережье Ямала, говорили В. Н. Чернецову, что, когда их предки пришли в это место, они встретили там людей, которых называли сииртя. Из рассказов ненцев следовало, что сначала они воевали с сииртя. Один из предков Вэнонга, погибший в столкновении с сииртя, был похоронен на мысу Хаэн-сале, и могила его, по словам ненцев, цела до сих пор. Впоследствии отношения ненцев с сииртя стали миролюбивыми. По словам того же ненца из рода Вэнонга, его двоюродная бабка по отцовской линии даже была замужем за одним из последних сииртя¹.

Наконец, один из ненцев, живущих в низовьях Енисея, Борис Япту-нэ, молодой рыбак и охотник, на мой вопрос, слышал ли он о сииртя, ответил, что сииртя — «это такой белый, как извесь, человек. Как тень ходит. Вроде, на солнце смотреть не может, только на темноту. Кто сииртя (рассказчик произносил сихиртя.— В. В.) увидит, счастливый будет».

После этого сообщения, наполненного столь малореалистическими подробностями, Борис неожиданно добавил: «Отец мой, вроде бы, сихиртя видел».

Вряд ли можно с полным доверием относиться к этому рассказу. Скорее всего, в данном случае мой информатор несколько произвольно обошелся с хронологией. Однако как свидетельство «очевидца» эта история представляет несомненный интерес и заслуживает, на мой взгляд, того, чтобы ее здесь привести.

Подведем итоги. Анализ самодийских преданий, отдельные фрагменты из которых были приведены выше, свидетельствует о том, что сюжеты, связанные с сииртя, не просто порождены народной фантазией, но в той или иной степени отражают реальные события. По-видимому, в тундрах Европейского Севера и Западной Сибири, наряду с ненцами некогда обитали какие-то другие люди, иного чем самодийцы облика, обычаев и нрава.

Но содержание преданий — не единственный источник, позволяющий отождествлять сииртя с реально существовавшими в не столь отдаленные от нас времена (может быть, всего каких-нибудь 200—250 лет тому назад) аборигенами Северной Евразии.

Как это ни парадоксально, но оказывается, что некоторые литературные произведения XV—XVII вв., главным образом посвященные описанию путешествий и плаваний по Арктике, содержат сведения о каких-то непохожих на самодийцев людях, населявших еще в это время прибрежные районы Европейского Севера и Сибири.

Такого рода материалы, представляющие собою свидетельства очевидцев (что еще более повышает их ценность), можно обнаружить, например, в путевых записках английского шкипера Стифена Бэрроу, совершившего плавание вдоль северных берегов России в 1556 г., голландца Яна Гюйгенса ван-Линсхотена, комиссара нидерландской экспедиции, отправленной в 1594—1595 гг. для отыскания арктического морского пути в Индию и Китай, и других мореплавателей.

Но, бесспорно, наиболее интересные сведения по этому вопросу содержатся в книге французского врача де Ламартиньера, совершившего

¹ В. Н. Чернецов, Древняя приморская культура на полуострове Я-мал, «Сов. этнография», 1935, № 4—5, стр. 125—126.

в середине XVII в. одно из самых удивительных путешествий по северу Европейской России. Описание этого путешествия не утратило научного значения вплоть до нашего времени.

Рассказ о человеке, которого напрасно посчитали лежцом

Пьер-Мартин де Ламартиньер написал книгу «Путешествие в северные страны». В этом произведении, изданном в 1671 г., дается описание путешествия, совершенного им в качестве судового врача на судне датской торговой компании, отправленном к северным берегам России для закупки мехов и изучения местных рынков.

В ходе этого путешествия де Ламартиньер совершил поездку на Печору, в Большеземельскую тундру и даже за Урал, посетив места, которые были дотоле не только совершенно неизвестны, но, за редким исключением, абсолютно недоступны для европейцев.

Среди сведений о северных народах, приводимых Ламартиньером, особый интерес для нас имеет рассказ о «борандайцах», обитателях острова Варандей (или, как его именовали на старых картах, Борандай) и прибрежных районов Большеземельской тундры. По описанию Ламартиньера, «борандайцы» были смуглы, низкорослы, носили одежду, сшитую из шкур белых медведей мехом наружу, и обувь из «древесной коры» (?). Они занимались охотой и рыбной ловлей и обитали в хижинах, которые были «сделаны очень тщательно из рыбьих костей (каркасов), покрыты также рыбьими костями, проконопачены мохом сверху и обложены вокруг дерном столь хорошо, что внутрь не может проникнуть никакой ветер иначе, как через двери, устроенные наподобие печного устья, и через крышу, в которой устроено окошко или отверстие, в которое проникает свет»².

Как не трудно убедиться, это описание совершенно не соответствует облику самодийцев, их одежды, жилищ и образу жизни. Тем более, что сам де Ламартиньер не ставил знака равенства между «борандайцами» и «самоедами» (ненцами), которых он также повидал во время своего путешествия.

Описывая другую группу увиденных им аборигенов — «новоземельцев», де Ламартиньер приводит чрезвычайно любопытные сведения об устройстве их лодки, имевшей форму гондолы и «сделанной искусно из рыбьих костей и кожи». «...Внутри такого челнока, — пишет далее де Ламартиньер, — они («новоземельцы»). — В. В.) были укрыты по пояс, так что внутри лодки не могла попасть ни единая капля воды, и они могут таким образом выдерживать вполне безопасно всякую погоду»³.

Сочинение де Ламартиньера первоначально имело большой успех у читателей и за сравнительно короткое время (около 50 лет) выдержало более 15 изданий, в том числе на английском и немецком языках.

Но успех этот был непродолжительным. По мере роста популярности книги, росло и скептическое отношение к ней. Многие сведения, сообщаемые де Ламартиньером, включая и рассказ о «борандайцах» и «новоземельцах», стали расценивать как мифические, а то и просто вымышленные.

Его критикам было невдомек, что еще за 100 лет до путешествия де Ламартиньера «самоедскую» лодку, изготовленную из оленьих шкур, наблюдал упомянутый выше английский шкипер Стифен Бэрроу, а описание «самоедского» жилища, устроенного наподобие домов «борандайцев», с входом через крышу, дал в своем знаменитом труде «Описание

² П.-М. де Ламартиньер, Путешествие в северные страны, «Записки Московского археологического института», т. XV, М., 1912, стр. 53.

³ Там же, стр. 91.

путешествия в Московию...» такой видный ученый XVII в., как Адам Олеарий.

К путешествию де Ламартиньера прочно пристал эпитет «баснословное», а сам автор приобрел нелестную славу своего рода северного Мюнхаузена. Позднее о Ламартиньере и его путешествии и вовсе забыли.

Между тем сообщенные им сведения постепенно стали находить все новые и новые подтверждения. В конце XVII века известный русский ученый академик И. Лепехин, путешествуя по Европейскому Северу, собрал немало рассказов о древних жилищах «наподобие пещер с отверстиями, подобными дверям», которые, как он полагал, принадлежали некогда жившему здесь, но ныне исчезнувшему народу — чуди⁴. Рассказы о чудских жилищах, записанные со слов большеземельских ненцев, можно обнаружить и в работах других исследователей этого края — В. Н. Латкина, архимандрита Вениамина и др.

Но самые интересные сведения, безусловно, сумел собрать Александр Шренк. В 1837 г., во время путешествия по Большеземельской тундре, Шренку, известному естествоиспытателю и географу, удалось не только выявить большое количество новых материалов о «чудских» пещерах, но и установить, со слов ненцев, что они служили обиталищами некогда жившего здесь, но исчезнувшего ныне народа по имени сииртя. «...В прежние времена (когда страна эта еле-еле была известна), — писал Шренк, — она была обитаема совершенно другим племенем, нежели которые заселяют ее теперь. Племя это, равно и многие другие, говорящие не русским языком, известно у русских под общим названием чуди, т. е. чужого народа. Самоеды называют их Сирте и с уверенностью говорят, что они жили в этой стране до них, но что потом они ушли буд-то под землю»⁵.

В том же описании путешествия Шренк поместил и несколько записанных им со слов ненцев преданий о сииртя, сходных по содержанию с приведенными нами выше.

Материалы Шренка явились первыми сведениями о сииртя, нашедшими отражение в научной литературе XIX века. Первыми, но и одновременно последними. Промежуток в накоплении данных по этому вопросу длился вплоть до конца 1920-х годов, когда В. Н. Чернецов, в то время еще совсем молодой археолог, обнаружил на мысу Тиутей-сале на западном побережье полуострова Ямал и на мысу Хаэн-сале (тоже на Ямале, на берегу пролива Малыгина) несколько полуразрушенных землянок. Судя по археологическим находкам, их обитатели занимались морским зверобойным промыслом и охотой на дикого северного оленя.

Тогда же на Ямале В. Н. Чернецов записал несколько ненецких преданий, повествующих о сииртя, в числе которых особенно интересен рассказ о «трех земляных хозяевах», живущих на берегу моря и промысляющих морских животных. «Три брата, три земляных хозяина, три брата на трех мысах живут. Братья морского зверя, китов, моржей, тюленей промысляют...»⁶.

В этой связи следует сказать, что охота на морских животных никогда не являлась ведущей отраслью хозяйства самодийских народов. Больше того, если не считать авторов XVI—XVII вв. и одного-двух более поздних свидетельств, в этнографической литературе не встречается даже упоминания о бытовании этого вида промысла у какой-либо из групп самодийцев.

Поэтому вполне закономерно, что, на основании сопоставления материалов своих археологических раскопок, этнографических и фольклор-

⁴ И. Лепехин, Дневные записки путешествия, ч. IV, СПб, 1805, стр. 203.

⁵ А. Шренк, Путешествие к северо-востоку Европейской России через тундры самоедов к северным Уральским горам, СПб, 1855, стр. 326.

⁶ В. Н. Чернецов, Указ. раб., стр. 126.

ных данных, В. Н. Чернецов посчитал обитателей этих землянок не ненцами, а населением, жившим на Ямале до прихода самодийцев, причем еще относительно недавно (поселение на мысу Хаэн сале датируется им XVI—XVII вв.). Развивая эту мысль далее, В. Н. Чернецов допускал, что воспоминания об этих аборигенах, облеченные в форму легенд, и могли сохраниться у ненцев в цикле преданий о полумифических живущих под землей людях — сииртя.

Одновременно был окончательно реабилитирован и де Ламартиньер⁷. Его сообщения о жилищах и образе жизни «борандайцев» и «новомельцев» вполне согласовывались с данными о быте досамодийского населения Ямала, воссозданными по археологическим материалам.

Позднейшие археологические раскопки дали новые факты, подтверждающие гипотезу В. Н. Чернецова. Работами Г. А. Чернова, Л. П. Ладука и других исследователей было установлено широкое распространение культуры морских зверобоев и охотников на дикого северного оленя на всем протяжении прибрежной полосы Европейского Севера и Западной Сибири. Носители этой культуры, просуществовавшей на данной территории до конца первого, а кое-где, возможно, до середины второго тысячелетия н. э. и даже позже, уже в историческое время были частично истреблены, а в большинстве своем поглощены пришедшими с юга самодийцами.

Следы того, что в процессе освоения самодийцами Севера они поглощали, или, иначе говоря, ассимилировали какие-то группы аборигенного населения, обнаруживаются и в родовом составе ненцев, энцев и нганасан.

Так, в ряде самодийских преданий члены ненецкого рода Яптик рисуются как люди, не знакомые с оленеводством и не умеющие выпасать оленей. Вот одно из таких преданий под названием «Приключения Яптика», записанное Б. О. Долгих в 1948 г. от 69-летнего нганасана Монтуку Турдагина⁸.

Герой этого рассказа получает от сказочного человека сто оленей, но всех их съедает в течение одного года, рассуждая так: «Кто собирать их станет, кто караулить будет? Надо всех съесть. Оленей сильных как держать, я не знаю».

Интересно и начало предания: «Семь (братьев.— В. В.) Яптиков берег моря все время кормит. Ни в чем у них нужды нет, только оленей нет. Все время они на берегу моря живут, всякие промыслы промышляют..., промышляют диких (оленей.— В. В.), песца, рыбу каждый год».

В этой связи уместно вспомнить, что, по данным такого авторитетного знатока ямальских ненцев как Б. М. Житков, летние кочевья членов рода Яптик в начале нашего столетия располагались в северо-западной части полуострова. Именно на территории, принадлежащей Яптикам, на мысу Тнутей-сале В. Н. Чернецов раскопал землянки, обитатели которых, судя по характеру их промыслов, были не самодийцами, а аборигенами.

Если уж зашла речь о землянках, стоит привести еще одно место из того же предания, где сказочный человек обращается к одному из главных героев Большому Яптику с такими словами: «Оу! В яме (понимай, в землянке.— В. В.) живущий Яптик!».

⁷ Первый шаг в этом направлении был предпринят В. Семенковичем, опубликовавшим в 1912 г. русский перевод сочинения Ламартиньера и снабдившим его весьма квалифицированными примечаниями. Семенковичу, в частности, удалось установить, что многие действительно баснословные сведения, на основании которых впоследствии составилось столь нелестное мнение об авторе «Путешествия в северные страны», были включены в его книгу при позднейших переизданиях и отсутствуют в первоначальном варианте. Многие другие сообщения Ламартиньера, также считавшиеся вымышленными, как убедительно показал В. Семенкович, находят веское подтверждение в географических и этнографических материалах.

⁸ Полевые материалы Б. О. Долгих, 1948 г., Архив Института этнографии АН СССР.

Из этнографических материалов, которые могут быть привлечены для обоснования предположения об аборигенной принадлежности предков рода Яптик, следует указать на зафиксированный именно у членов данного рода обычай жертвоприношения собаки. Такой обычай, как справедливо отмечает В. Н. Чернецов, совершенно не характерен для оленеводов, «где обычно жертвенным животным является олень»⁹.

У тундровых энцев привлекает внимание род под названием Лодоседа, что в переводе на русский язык означает «без плеч». Под именем Тетасидин (искаженное Тыдаседа) этот род записан в одной из самых ранних по времени ясачных книг Мангазейского уезда, датируемой 1607 г., а позднее фигурирует в составе энцев на протяжении всего XVII века¹⁰.

Название Тыдаседа сами энцы переводят как «без рода» или «безродные» и считают его старым названием рода Лодоседа. В одном из энецких преданий, записанном Б. О. Долгих, сказано, например, следующее: «Тыдюседа (безродные) это раньше род Лодоседа такие были, они сперва Тыдюседа назывались»¹¹.

Это предание входит в цикл коротких, но довольно многочисленных энецких рассказов, повествующих о происхождении рода Лодоседа. Общим для таких преданий является то, что представители указанного рода постоянно совершают странные, необъяснимые, а порой просто граничащие с безумием поступки.

В чем же тут дело?

Анализируя этот цикл преданий, Б. О. Долгих предположил, что они отражают представления самодийцев о каких-то аборигенных предках рода Лодоседа, поведение и обычаи которых были, с точки зрения самодийцев, странными и дикими. И он, по-видимому, прав.

Достаточно сказать, что в одном из преданий, где фигурируют Лодоседа, предками этого рода называются охотники на дикого северного оленя Моррэда — традиционные персонажи энецкого фольклора, во многом напоминающие ненецких сииртя.

Родовые подразделения, связанные по происхождению с аборигенами, прослеживаются и в составе самого северного из самодийских народов — нганасан, обитателей центрального Таймыра.

Кто же такие сииртя?

Итак, кто же такие сииртя? Этнографические, археологические и фольклорные материалы, взятые в комплексе, позволяют утверждать, что, задолго до прихода самодийцев, Европейский Север и тундровая полоса Западной Сибири были освоены и заселены людьми. Вступив в контакты с самодийцами, местное аборигенное население приняло непосредственное участие в сложении современных ненцев, энцев и нганасан. Его несомненное влияние сказалось и на формировании так называемых «северных» или «полярных» элементов, их материальной культуры и быта.

Однако ряд вопросов, чрезвычайно важных для воссоздания цельной и реалистической картины этногенеза северосамодийских народов, все еще остается без ответа. И главным, несомненно, является вопрос о том, кем же являлись аборигены Европейского Севера и Западной Сибири по своей этнической принадлежности, на каком языке они говорили? Предлагаемые ответы пока что носят характер гипотез, хотя таких гипотез выдвинуто уже несколько.

⁹ В. Н. Чернецов, Указ. раб., стр. 132.

¹⁰ Ленинградское отделение Архива Академии наук СССР (ЛО ААН), ф. 21, оп. 4. № 21.

¹¹ «Мифологические сказки и исторические предания энцев», Записи, введение и комментарии Б. О. Долгих, ТИЭ АН СССР, новая серия, т. 66, М., 1961, стр. 223.

Первым, кто попытался ответить на этот вопрос, был видный советский лингвист и этнограф Г. Н. Прокофьев. В ряде работ, опубликованных в конце 1930-х годов, Г. Н. Прокофьев проводил точку зрения о том, что аборигенное население, принявшее участие в сложении северосамодийских народностей, по своей языковой принадлежности было палеоазиатско-эскимосским, иначе говоря, близким к чукчам, корякам и эскимосам, населяющим крайний северо-восток азиатского материка.

Гипотеза Г. Н. Прокофьева имела двоякий резонанс у этнографов и лингвистов, занимающихся вопросами этногенеза сибирских народов. В той части ее, которая касалась самодийско-эскимосских связей, Г. Н. Прокофьев был, безусловно, прав. Факт существования древних языковых контактов между самодийцами и эскимосами был открыт еще в XVIII в. датским миссионером, долгое время жившим среди эскимосов Гренландии, Расмусом Раском. Позднее, уже в 1924 г. вышла работа французского лингвиста А. Саважо, где этот вопрос был рассмотрен чрезвычайно обстоятельно, а общий вывод подтверждал точку зрения Раска.

Что же касается версии Г. Н. Прокофьева о возможном палеоазиатском пласте, вошедшем в состав северосамодийских народов, то у большинства исследователей этого вопроса она поддержки не получила.

Следующий шаг на пути установления этнического лица аборигенов Европейского Севера и Западной Сибири был связан с открытием шведским лингвистом Б. Коллиндером и венгерским языковедом К. Боуда близости юкагирского языка (до этого считавшегося палеоазиатским) языкам уральской (финно-угро-самодийской) языковой семьи.

Основываясь на работах этих исследователей, известный советский этнограф-сибиревед Б. О. Долгих предположил, что этнический аборигенный субстрат, вошедший в состав нганасан, по своей языковой принадлежности мог быть юкагирским.

Иную точку зрения проводит в своей работе, посвященной этнической истории Печерского края, Л. П. Лашук. По его мнению, аборигенов Европейского Севера и Западной Сибири следует считать пралопарями, которые сформировались в результате смещения продвинувшихся в эти районы с востока палеоазиатских племен с местными уральскими и палеоевропейскими племенами.

Наиболее обоснованная точка зрения по этому вопросу принадлежит В. Н. Чернецову. Как он полагает, в эпоху неолита (IV—III тысячелетия до н. э.) аборигенное население Северной Сибири было этнически единым. Только позднее, по мере расселения по северу Евразийского материка, произошло его разделение на западную (пралопарскую) и восточную (праюкагирскую) ветви, каждая из которых в дальнейшем развивалась самостоятельно.

Гипотеза В. Н. Чернецова позволяет разрешить несколько любопытных этнографических загадок, которые доселе не находили удовлетворительного объяснения. Действительно, если принять точку зрения В. Н. Чернецова о том, что аборигенный субстрат на всей территории Евразийского Севера был единым по языку и культуре, становится понятным, почему «борандайские» жилища, описанные Ламартиньером, по своему устройству совершенно идентичны полуземлянкам ительменов — аборигенов Камчатки. Не вызывает более удивления и поразительное конструктивное сходство чукотско-эскимосских каюков с «новоземельским» челноком («гондолой»), сообщение о котором мы находим у того же Ламартиньера, или же своеобразной нартой-лодкой, некогда существовавшей, по данным Ю. Б. Симченко, у нганасан.

Число таких сопоставлений можно было бы увеличить, причем все они не только объясняются на основе гипотезы В. Н. Чернецова, но одновременно и подтверждают ее. И тем не менее, на сегодняшний день пока это только гипотеза.

Ее дальнейшая углубленная разработка затруднена слабой археологической изученностью Арктики и Субарктики, где описанные и описанные культурные памятники являются не более чем островками безбрежном океане неизведанного. Немаловажное значение для установления этнической природы аборигенного субстрата Северной Евразии может дать и детальное сравнительно-этнографическое изучение предметов материальной культуры и быта арктических народов.

Но ведущее слово в решении этой проблемы, безусловно, принадлежит лингвистам. Только сравнительно-лингвистическое исследование основного словарного фонда (особенно терминов, отражающих арктический быт, природу и животный мир) и грамматического строя северомодийских, лопарского, юкагирского языков с привлечением аналогичных материалов из палеоазиатских и эскимосско-алеутских языков позволит дать ответ на вопрос, вынесенный в подзаголовок этого раздела: прочесть одну из интереснейших страниц этнической истории самодийских народов нашего Севера.

* * *

Легенды, как и сказки, создаются людьми. Они могут быть сходны по сюжету, но всегда различны по жанру. В сказке порой трудно выявить простое реалистическое зерно, за мифической дымкой легенд часто бывают скрыты конкретные исторические события.

Таковы и легенды о сииртя. Персонажи фольклора оживают, мифические существа приобретают реальный образ и облик.

И мы уже знаем, что скрывают в себе эти легенды.

В них память о людях, которые были пионерами освоения суровых пространств тайги и тундры, о людях, заслуживших право называться первыми землепроходцами Арктики.

ЭКСПОЗИЦИЯ «НОВОЕ И ТРАДИЦИОННОЕ В СОВРЕМЕННОМ ЖИЛИЩЕ И ОДЕЖДЕ НАРОДОВ СССР» В ГОСУДАРСТВЕННОМ МУЗЕЕ ЭТНОГРАФИИ НАРОДОВ СССР

Историко-географический метод экспонирования коллекций, принятый в советских этнографических музеях, в настоящее время получил всеобщее признание. Участники секции музееведения VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук в Москве отмечали, что многие музеи Франции (например, Музей человека), Болгарии, Румынии и некоторых других стран перестроили свои экспозиции на основании этой методики¹.

Однако если в целом методика построения этнографических экспозиций ясна, то принципы показа современности еще только разрабатываются. Споры вызывают содержание экспозиций, методы показа и даже принципы дальнейшего комплектования фондов этнографических музеев. Старый метод показа здесь непригоден. Новые формы быта народов СССР возникают и трансформируются в сходных социально-экономических условиях и зачастую настолько близки, что экспонирование их как будто не представляет интереса. Посетители музея сами живут в той бытовой среде, которая должна быть охарактеризована средствами музейной экспозиции. Как все-таки сделать ее достаточно интересной? Как сочетать публичность экспозиции с этнографичностью?

Музей этнографии народов СССР в Ленинграде в послевоенные годы предпринимал неоднократные попытки разработать новую методику показа современности.

Первоначально материалы по современности (в виде фотографий и таблиц) вводились в каждую тему. Однако практика показала, что метод противопоставления старых и новых форм, способствующий освещению социально-экономических процессов, малоэффективен для демонстрации изменений национальной культуры и быта. В других случаях материалы по современности были сгруппированы в специальных разделах. Экспозиция по каждому народу подразделялась на две части: в первой из них характеризовалась традиционная культура, во второй — культура и быт советского периода. Однако и этот способ не оправдал себя. Стремясь противопоставить старому новое, авторы не могли одновременно выявлять этнические и региональные отличия или варианты. Поэтому разделы по современной культуре и быту разных народов походили друг на друга, как близнецы. Смотрелись они плохо также и потому, что в экспозиции преобладали плоскостные материалы.

Следующим этапом было создание тематических экспозиций по всем народам СССР. Однако первые опыты музея в этом направлении не представляли интереса. Выставка «Современное прикладное искусство народов СССР» (открыта в 1957 г.), характеризующая современное состояние художественных промыслов в различных регионах Союза, не несет достаточной историко-этнографической нагрузки. Такой тип экспозиции, вероятно, больше пригоден для художественно-промышленных музеев.

Наконец, была предпринята попытка создать общую концовку всей экспозиции музея. Она была открыта несколько лет назад в Мраморном зале Музея этнографии народов СССР. Развитие культуры и национальных отношений показывалось здесь при помощи карт, таблиц, диаграмм, фотографий, пояснительных текстов и других плоскостных материалов. Экспозиция использовалась при обзорных экскурсиях и экскурсиях по отдельным народам Советского Союза. Одним из достоинств ее была простота замены устаревших элементов экспозиции. Однако она не имела самостоятельного этнографического значения. Ее легко было представить себе в зале любого не эт-

¹ Л. Кунц, Народ в пяти поколениях. Новая этнографическая экспозиция Моравского музея г. Брно, «Сов. этнография», 1963, № 2, стр. 72.

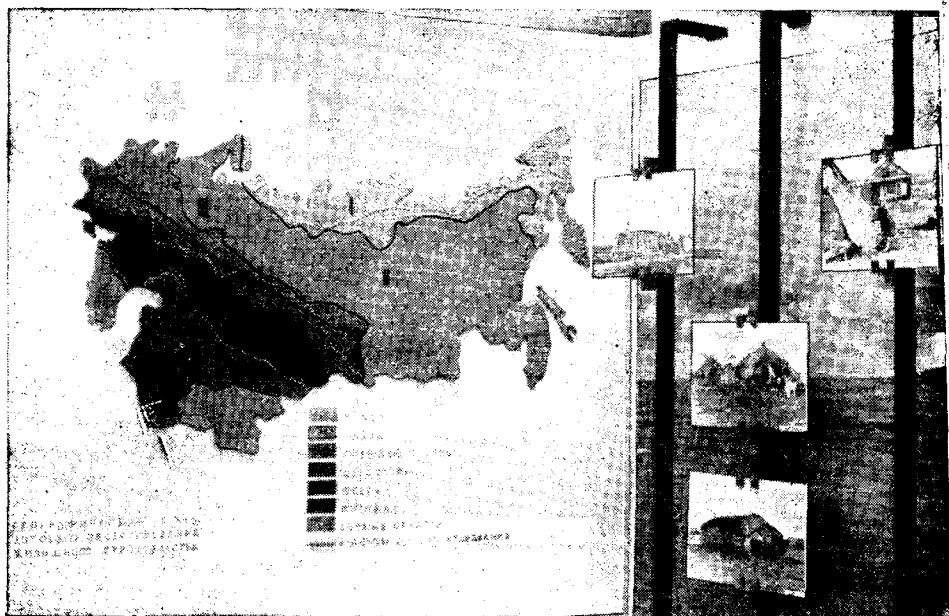

Рис. 1. Часть экспозиции, посвященная современному жилищу

нографического музея, показывающего современность. Опыт советской этнографии в изучении современности и специальные знания, накопленные этнографами, в ней почти не использовались.

Значительным шагом вперед, по нашему мнению, является только что открытая экспозиция музея «Новое и традиционное в современном жилище и одежде народов СССР». Выставка эта отвечает современному уровню этнографической науки, стремящейся не ограничиваться локальными описаниями, а выявлять общие закономерности развития культуры и быта народов СССР. Она развернута в одном из просторных центральных залов, и посетители могут еще раз убедиться в достоинствах замечательного здания, построенного в свое время специально для этнографического музея и в Советском Союзе не имеющего себе равных.

В основу экспозиции положен историко-этнографический принцип. Материалом для нее послужили графика и предметы, отражающие в той или иной мере народные традиции и их изменение в результате взаимовлияния различных культур.

Вводный раздел экспозиции освещает важнейшие политические и экономические мероприятия советского правительства, создавшие базу для перестройки хозяйства и быта (строительство новой экономики, электрификация, индустриализация страны, коллективизация сельского хозяйства и т. п.).

Без культурной революции не могли возникнуть и развиваться новые формы быта. На пожелтевших от времени небольших фотографиях 1920—1930-х годов запечатлены важнейшие события в жизни народов СССР этого периода — ликбез в русской деревне и в горных аулах, культбазы на севере, красная юрта в Казахстане, сожжение паранджи как символический акт раскрепощения узбекских женщин.

Макеты, планы и фотографии знакомят с обликом новых оседлых селений, появившихся у бывших кочевников Средней Азии и Казахстана, у оленеводов Севера; крупных, хорошо спланированных поселков горцев Кавказа (переселенных из неудобных ущелий в долины), сгруппированных из хуторов многодворных селений Прибалтики, Западной Украины и Белоруссии.

Следующий раздел выставки посвящен современному, в основном послевоенному периоду и характеризует ведущие тенденции развития жилища и одежды народов СССР, сближение сельского и городского быта, а также обобщение национальных особенностей в зональные. Экспозиция показывает, что для новых селений на далеком севере у ненцев, в Киргизии, Азербайджане, в Ленинградской области, Прибалтике и Хакасии характерно выделение культурно-бытовой, хозяйственно-производственной и жилой зон. Многочисленные фотографии знакомят с благоустройством сельских поселков — широкими асфальтированными и озелененными улицами. Особенно наглядно все это демонстрируется на макете белорусского колхозного поселка Сноу Минской области. В домах этого поселка есть не только водопровод и электричество, но и радио, газ, телефоны, телевизоры.

Рис. 2. Интерьер современной азербайджанской кухни

Интересно раскрыты изменения, происходящие в планировке домов и усадеб. На примере жилища молдаван, украинцев, армян, бурят, казахов и других народов показано, как усадьбы постепенно освобождаются от хозяйственных построек, а жилище получает большую полезную площадь и становится во всех отношениях удобнее.

Во внутреннем убранстве современного сельского жилища выявляются две тенденции: влияние на интерьер современных городских форм (мебель, радио, телевизоры, газовые плиты и т. п.) и сохранение национальных и локальных различий. Так, в убранстве дома удерживаются традиционные декоративные элементы (ковры и кошмы, паласы и циновки на полу и стенах); они сосредоточиваются, как правило, в комнатах для гостей. Макет молдавского дома иллюстрирует сочетание этих двух линий культуры. С ним соседствует интерьер, выполненный в натуральную величину и изображающий квартиру рабочего совхоза им. Дзержинского Ленинградской области, обставленную современной мебелью и, вместе с тем, убранную традиционными русскими половиками, изделиями крестецких мастериц и другими традиционными декоративными элементами.

Аналогичные процессы показаны и в разделах, посвященных одежде народов СССР. Так, на большой карте наглядно демонстрируется, в каких районах и у каких народов преобладает одежда общеевропейского городского типа (главным образом народы европейской части СССР), где бытует видоизмененная традиционная одежда (народы Севера) и где сосуществуют оба эти типа (среднеазиатский регион).

Сочетание традиционных и новых черт показано на костюмах туркмен, белорусов, узбеков, ненцев, кубачинцев и осетин. Они сшиты из современных фабричных тканей, имеют традиционный, но упрощенный покрой, включают в себя (особенно мужские костюмы) элементы современной городской одежды (брюки, пиджаки, сапоги, туфли и др.).

Рис. 3. Современные национальные костюмы; слева направо: 1 — эстонцы, о. Кихну Эстонская ССР; 2 — Курды, Грузинская ССР; 3 — марийцы, Кировская обл.; 4 — казаки-некрасовцы

Раскрываются на выставке и причины, способствующие сохранению традиционных черт в жилище и одежде, — климатические особенности, специфика производственной деятельности, бытовые традиции и обычаи. На фоне больших фотопанно тундры, пустыни, гор демонстрируются традиционные хорошо приспособленные к данной зоне одежда и жилище: теплая меховая одежда жителей Севера и переносные охотничьи чумы, легкая туникообразного покроя одежда и дома с затененным айваном жителей юга Средней Азии и др.

Экспозиция показывает, что некоторые виды производственной деятельности (отгонное животноводство, охота, морской лов) способствуют сохранению традиционных форм передвижного жилища (юрта, балок, алачик, которые используются охотниками и пастухами) и некоторых форм традиционной одежды. Иллюстрацией к этой теме служит одежда морского охотника-чукчи, таежного охотника-удэгейца, табунщика-горца, пастуха-узбека.

Следующий раздел, показывающий сохранение некоторых традиций в жилище и одежде, в силу бытовых условий и таких обычаев, как гостеприимство, различные формы проявления уважения к старшим и др., — один из самых ярких на выставке. Интерьер узбекской михмон-ханы свидетельствует о том, что традиционное убранство комнаты для гостей в своих основных чертах сохранилось. Стенные ниши помещения заполнены яркими одеялами, посудой, сундуками. Стены украшены декоративными вышивками — сюзани. На полу, устланном ярким паласом, расположилась группа мужчин за чаепитием. Старик — почетный гость — в национальном костюме, молодые мужчины в городской одежде и женщина, подающая чай, в ярком национальном платье. Макеты и плоскостной материал показывают аналогичные явления, бытующие у других народов.

Хорошо известный этнографам факт сохранения национальных традиций в условиях относительной изоляции иллюстрируется на примере эстонцев о. Кихну (одежда здесь сохранила традиционные черты, в то время как у материковых эстонцев они утрачены), на костюме курдянки — жительницы одного из районов Закавказья, на своеобразном русском национальном костюме казачки-некрасовки.

Тенденция к сохранению национальных форм обрядовой одежды демонстрируется на современном свадебном костюме таджички из Самарканда (состоящем из белого платья национального покроя, цветных шаровар, головного убора со старинными серебряными украшениями и капроновой вышитой шелком головной накидки), костюме чеченки (белое капроновое национального покроя платье на розовом шелковом чехле, подпоясанное старинным массивным серебряным поясом), молдаванки (вышитая рубаха, широкая юбка, венок из цветов на голове), башкирки (национальное платье тем-

ных тонов, сплошь зашитое вышивкой цветным шелком) и др. Сохраняя национальные особенности покроя и украшений, все эти костюмы обнаруживают одновременно и заметное влияние современной городской культуры — упрощение покроя, использование новых материалов, а кое-где переход от традиционного цвета костюма к белому.

Сохранение традиций внутреннего убранства жилища, связанного с определенным периодом жизни молодой семьи, иллюстрирует уголок комнаты башкирских молодоженов.

Огромное значение имеют в наше время широкие и интенсивные связи между народами нашей страны, обмен культурными ценностями, взаимовлияние и распространение наиболее рациональных форм жилища и одежды. На интересных схемах в этом разделе показано широкое распространение срубного русского дома у народов Сибири, Поволжья и других районов. То же самое можно сказать и о доме с айваном таджикско-узбекского типа, получившем в настоящее время признание у многих недавно еще кочевых народов Средней Азии, а также и некоторых народов Казахстана.

Заключительный раздел выставки посвящен использованию традиционных форм декора в современном градостроительстве (резьба по камню и дереву — русских и армянских мастеров, резьба по ганчу — сырому алебастру — узбекских народных художников, использование керамики для украшения интерьера общественных зданий на Украине и др.) и моделированию одежды, в частности спортивной, в которой национальные мотивы тактично сочетаются с современным силуэтом.

Все материалы экспозиции наглядно выявляют общий процесс взаимовлияния культур. При этом показано, что некоторые формы имеют общесоветский характер, другие — самобытны и прекрасно приспособлены к данной географической зоне. В некоторых случаях плодотворным оказывается слияние этих двух струй. Элементы, порожденные нуждой, религиозными и бытовыми предрассудками, исчезают; национальные же элементы получают развитие на новой, более высокой экономической базе, причем иногда они приобретают широкое региональное или даже общесоюзное распространение.

Выставка «Новое и традиционное в современном жилище и одежде» — несомненно новое слово в методике экспонирования материалов по современности. Авторский коллектив сотрудников ГМЭ в составе Е. Н. Студенечкой (бригадир), Д. А. Горб, Т. А. Крюковой, Н. Н. Комоловой, Л. Н. Молотовой, А. С. Морозовой, З. Б. Предтеченской и Э. Г. Торчинской проделал громадную работу, не только разработав способы подачи, но и выявив сложную проблематику современных процессов. Известно, что сводных работ, в которых бы отражались современные этнические процессы в материальной культуре народов СССР пока еще не существует.

Современна не только сама экспозиция, но и художественное оформление ее, выполненное со вкусом и выдумкой. Экспозиция эта имеет самостоятельное значение, но может послужить и концовкой для любого регионального отдела музея.

Разумеется, выставка не лишена известных недостатков. Для некоторых разделов ее следовало бы продолжать поиски более выразительных материалов. Это, кстати, выполнимо, так как основные элементы легко заменяемы, что имеет значение не только для совершенствования экспозиции, но и для постоянного поддержания ее на уровне продолжающейся развиваться современности. Требуют дальнейшего продумывания и текстовые пояснения, указатели последовательности обзора. Надо сказать, что пока посетителю без экскурсовода трудно уяснить себе достаточно ясно стержневую идею каждого раздела (отсека). Вероятно, следовало бы выработать и более точное название выставки. Мы предложили бы такой вариант — «Национальные традиции в современном жилище и одежде народов СССР».

Можно не сомневаться в том, что новая экспозиция вызовет интерес у посетителей Музея этнографии народов СССР и вместе с тем привлечет внимание работников, практически связанных со строительством, текстильной и швейной промышленностью, художников, модельеров. Они смогут поучиться вкусу и выдумке, которые различные народы СССР вкладывают в конструкции и художественное оформление своей одежды и жилища.

Т. В. Станюкович, К. В. Чистов

ТРИ НЕДЕЛИ В БОЛГАРИИ

В июле 1969 года по приглашению культурно-просветительных и научных учреждений я провел три недели в Болгарии. Гостеприимные хозяева, друзья и коллеги сделали все, чтобы показать как можно больше — и притом самое для меня интересное, важное и необходимое, так что командировка оказалась на редкость содержательной. В предлагаемом обзоре попытаюсь рассказать о некоторых своих впечатлениях.

С 5 по 13 июля в черноморском городе Бургасе проходил Пятый Международный фольклорный фестиваль. На нем были представлены шесть стран: Болгария, СССР, Польша, Румыния, Чехословакия, Кипр.

В течение десяти дней в летнем городском театре, на концертных площадках Соляного берега, в домах культуры, на импровизированных эстрадах, на стадионах городов и сел Бургасского округа выступали песенные и хореографические коллективы стран-участниц фестиваля.

По самым скромным подсчетам, свыше ста тысяч зрителей испытали в эти дни радость от встречи с ярким, жизнерадостным народным искусством. Многие из этих встреч выходили далеко за рамки «просто» концертов, пусть даже и первоклассных, они превращались, как писал корреспондент газеты «Отечественный фронт», в праздники дружбы и мира между народами.

Я вспоминаю вечер в Малко Тырново, городке близ турецкой границы, в самом сердце горного массива Странджа. На стадионе, расположенном среди невысоких лесистых гор, при свете прожекторов, в присутствии тысяч горожан и жителей окрестных сел состоялось выступление грузинского ансамбля из Батуми. Сказать, что концерт этот явился настоящим (и вполне заслуженным) триумфом аджарских артистов, что зрителей покорило высокое мастерство исполнителей, поэтичность и национальное своеобразие песен и танцев Грузии — значило бы сказать лишь об одной стороне этой встречи. В этот вечер на стадионе, в городе — повсюду царил атмосфера братской дружбы, той самой дружбы, которая прочнее прочного связывает народы Болгарии и Советского Союза и с самыми разнообразными проявлениями которой я встречался во время своей поездки повсеместно.

В зрелищном, собственно художественном отношении Пятый фольклорный фестиваль удался на славу и свою роль пропагандиста и популяризатора народного искусства в массах выполнил с успехом.

Но фестиваль имел и другие цели, о которых не знала широкая публика, и которые занимали организаторов фестиваля и приехавших в Бургас специалистов фольклористов, теоретиков и практиков музыкального искусства, работников радиотелевидения, печати. Фестиваль должен был показать, как в наши дни в разных странах, в различных условиях происходит художественная адаптация фольклора, какими путями и в каких формах попадает он на сцену и что с ним при этом совершается. То обстоятельство, что на фестивале были представлены главным образом социалистические страны, придавало особенную специфику этим вопросам. На фестиваль приехали преимущественно крупные профессиональные и полупрофессиональные ансамбли народных песен и танцев — из Праги, Лодзи, Муреша (Румыния), Батуми, Благоевграда. Кипр представлял греческий рабочий ансамбль, созданный по инициативе демократической общественности. Разнообразным и интересным был состав участников: помимо прославленного «Пириня» мы увидели превосходные детские ансамбли Дворца пионеров Софии и Пионерского дома Бургаса; настоящим украшением фестиваля были выступления небольших групп мастеров фольклора, особенно — группы женщин из села Плана Софийского округа, сохранивших старые песенные и хореографические традиции в удивительной чистоте.

Бургасские вечера дали богатую пищу для размышлений, для сопоставления опыта разных стран, для творческой дискуссии, которая развернулась на специальной теоретической конференции. На бургасских фестивалях такая конференция — новость, и нельзя не приветствовать инициативу организаторов фестиваля, впервые решивших соединить показательные выступления художественных коллективов с научным обсуждением теоретических проблем. Нельзя сказать, чтобы организаторы и участники конференции до конца были довольны ее ходом и результатами. Видимо, в будущем предстоит еще кое-что продумать, чтобы такие конференции давали больший эффект. Но главное все же было достигнуто — завязался серьезный разговор по вопросам, волнующим и нашу научную, теоретическую мысль, и широкие круги музыкальной общественности. Отличным началом этого разговора явились содержательные, полемические доклады болгарских коллег: «Прошлое и настоящее болгарского музыкального фольклора. По следам древней музыкальной культуры» (проф. С. Джуджев); «Народное искусство и музыкальная работа с государственными ансамблями народной песни и пляски» (засл. арт. К. Стефанов); «Сценическое претворение танцевального фольклора» (засл. арт. М. Дикова).

В докладе С. Джуджева прозвучала очень важная мысль о том, что для правильной и успешной современной интерпретации фольклора необходимо должное научное понимание его природы, истории, содержания и формы. Отрадно, что два других доклада, авторами которых выступили руководители профессиональных коллективов, в сущности подкрепили и конкретизировали эту мысль, подчеркнув, что речь должна идти не о консервации, а о творческом воспроизведении и дальнейшем развитии наследия.

Среди выступивших в прениях были народный артист Ф. Кутев, постоянный председатель Фестивального комитета, большой знаток болгарской народной музыки, композитор, давший в своем творчестве множество примеров использования и обработки музыкального фольклора; чехословацкий фольклорист Иржи Холинка; руководитель румынского ансамбля Юлиу Молдован; руководитель кипрского ансамбля Леонидас Синзерис; дирижер аджарского ансамбля М. Киладзе; представительница польской делегации Ева Моричинска; хореограф из ОАР Хасан Халил. Участники конференции под-

черкнули, что профессиональное и самодеятельное искусство в наши дни стало средством сохранения и популяризации фольклорного художественного наследия, поддержания и трансформации в духе современности фольклорных традиций. Естественно, что речь шла о тех принципах, на которых должны основываться взаимоотношения этого вида искусства с фольклором, прежде всего — о необходимости бережного отношения к нему, о наиболее эффективных способах поддержания лучших традиций народного творчества и народной исполнительской культуры. Автор этих строк в своем выступлении специально остановился на этнографизме как характернейшей особенности живых фольклорных традиций. Любой художественный коллектив, обращающийся к фольклору, должен стремиться сохранить и адаптировать черты этнографизма, выражающиеся во множестве признаков, начиная от одежды исполнителей и кончая особенностями языка и голосоведения или хореографическими подробностями. Утрата реальных этнографических примет грозит омертвлением и обезличением народного искусства.

Участники дискуссии поддержали эти мысли. Ф. Кутев подробно говорил о необходимости изучать и сохранять областные фольклорные традиции, он подверг критике тенденции к обезличивающему «обобщению» народных певческих и хореографических школ.

Все мы сошлись на том, что фольклористика в наши дни должна систематически и глубоко изучать проблемы, связанные с музыкально-сценическим воплощением фольклора, исследовать фольклорное наследие с точки зрения возможностей и способов такой адаптации, предлагать научные рекомендации по сохранению и переработке фольклорных традиций.

Я имел немало случаев убедиться в том, что болгарские фольклористы относятся с большой серьезностью к этим проблемам, и их опыт может быть весьма полезен. Участие ученых в повседневной работе различных культурных учреждений положительно сказывается на результатах дела. Фольклористы, прошедшие отличную школу, работают в редакциях радио и телевидения, в концертной дирекции. Они исполнены решимости противостоять вульгаризаторским упрощенческим тенденциям при популяризации народного творчества, они хорошо понимают ценность подлинного фольклора и стремятся сделать его широко известным, воспитывают уважение к нему у массового слушателя.

Болгарские фольклористы превосходно знают живой фольклор своего народа. Фольклорные традиции, прежде всего музыкальные, поэтические, песенные, хореографические, уходящие корнями в глубокую древность и в то же время столетиями развивавшиеся и обогащавшиеся, сохраняются в сегодняшней Болгарии еще довольно прочно. Мы видели на фестивале старинные разнообразные хоро, игры кукуров (типы архаических обрядовых масок), слышали обрядовые и лирические песни и баллады, исполненные на традиционных музыкальных инструментах — гадулках, гайдах, кавалах. То, что звучало на фестивале, — принадлежит не к музейным редкостям, а к фактам живого искусства. Конечно, многое уходит и безвозвратно, кое-что сохраняется, так сказать, в единичных образцах и уже выглядит как экзотика (таков, например, сохранившийся в одном селе в Страндже женский обрядовый танец на горячих углях). Но многое в старом фольклоре отнюдь не противоречит ни изменившимся формам быта, ни новому сознанию. Я убедился в этом лишний раз, когда сотрудники Института музыки Болгарской Академии наук Елена Стоин и Райна Кацарова повезли меня в село Железница, чтобы дать мне возможность встретиться с мастерами фольклора. Железница — типичное пригородное село, вполне благоустроенное, тесно связанное со столицей. Здесь живут шопы — их считают наиболее ревностными хранителями старых болгарских бытовых и художественных традиций.

То, что я увидел в Железнице, очень характерно для нынешней Болгарии, хотя, разумеется, такое встретишь не повсеместно. Хозяйка дома, в который мы приехали, оказалась превосходной исполнительницей народных песен. Ее искусство отмечено медалями различных фестивалей, она показывала нам грампластинку, напетую ею вместе с ее товарками. Нам она пела сначала одна, под аккомпанемент гадулки, на которой играл ее сын, песни обрядовые, о Марке Кралевиче и др. Потом пришли ее подруги, явился сосед-гайдар, и быстро составилась небольшой хор — такой силы и такого мастерства, что успех в Бургасе ему был бы обеспечен. Пожилых женщин сменила группа девушек, а вслед за ними стали показывать свое искусство совсем юные — девочки 10—12 лет. Выяснилось, что преемственность фольклорных традиций, воспитание «смены» составляет в селе предмет специальной заботы, здесь есть энтузиасты и мастера, готовые «школу». Елена Стоин — блестящий знаток болгарской народной песни — оценила эту «школу» весьма высоко. Впрочем, в одном вопросе она разошлась с хозяйками, и завязался спор, который живо заинтересовал и меня. Дело в том, что шопский диалект довольно сильно отличается от современных норм литературного болгарского языка. Естественно, что в общеобразовательной школе учителя прививают детям навыки литературной речи и ведут борьбу с диалектами. В результате этого девочки, которых мы слышали, старались и слова песен произносить по-литературному. Вот это обстоятельство и вызвало возражение у Елены Стоин, которая убеждена, что старая песня должна сохраняться в своем традиционном языковом облике. Я был согласен с нею, но как этого достичь? Ведь чем дальше, тем больше будут углубляться различия между живой речью болгарских крестьян и песенным языком старого фольклора.

Жизнь опровергает представления о фольклоре как о спутнике (или даже следствии) народной отсталости. Существование фольклора поддерживается не отсталостью, а преемственностью бытовых традиций, так же как и традиций народной культуры и психологии. Однако же коллизия между фольклором как органическим элементом народной жизни и бурными преобразованиями, происходящими в самой жизни, существует, и долг науки в том, чтобы исследовать и, если угодно, верно прогнозировать результаты происходящего объективного процесса, а значит, и пытаться воздействовать на него. Болгарские фольклористы осознают диалектическую сложность этих проблем и ищут способы своего участия в их разрешении.

Один из новых путей развития и популяризации фольклора они видят в проведении ежегодных фольклорных праздников — «сборов», привлекающих (и помогающих выявить) множество народных певцов, музыкантов, танцоров. Такие «сборы» регулярно устраиваются с 1960 г. в областях с ярко выраженными особенностями традиционной народной культуры: для них выбираются места с красивой природой, по возможности с естественными амфитеатрами. Сюда съезжаются фольклорные коллективы и многие сотни мастеров-исполнителей — певцов, танцоров, кавалджиев (исполнители на кавалах — дудках), гайдаров (исполнителей на гайдах-волынках), гадуларей (исполнителей на гадулах — смычковых инструментах). Здесь же демонстрируются еще сохраняющиеся в народе обряды — свадьбы, колядование, лазарница, кукуры; устраиваются богатые выставки народных тканей, одежды, ковров, керамики, изделий из дерева и т. п. В течение нескольких дней продолжаются эти праздники народного искусства и народной традиционной культуры. Специальное жюри, составленное из фольклористов, этнографов, хореографов, художников, композиторов, писателей, выносит свои оценки, присуждает награды. Фольклористы тут же записывают песни и снимают праздник на киноплёнку, собирают сведения об исполнителях. Радио Софии организует затем серию передач о праздниках; выпускаются пластинки с записями песен, исполненных на праздниках, издаются популярные песенные сборники.

Такие фольклорные праздники уже состоялись в Страндже, в Добрудже, в Родопах, в Тракии и в других местах Болгарии. В 1965 г. в Копривщице прошёл Первый национальный сбор народного творчества. Такой общebolгарский праздник решено проводить каждые пять лет. В программу очередного национального сбора 1970 г. предполагается включить научную конференцию по фольклору.

Надо ли говорить, как важно все это для современной культуры Болгарии, для поддержания и развития лучших традиций народного творчества, наконец — для успехов самой науки, которой так необходима связь с живым искусством народа. Опыт болгарских фольклористов заслуживает того, чтобы над ним подумать.

Нельзя не сожалеть о том, что наша живая русская фольклорная традиция — все еще богатая и разнообразная — мало известна широкой общественности. К сожалению, выступления мастеров русского фольклора и непрофессиональных фольклорных коллективов перед публикой, так же как и их взаимные встречи, — редкость. И у нас, без сомнения, имели бы успех хорошо организованные фольклорные праздники, которые проводились бы наряду со смотрами художественной самодеятельности. Такого рода праздники можно было бы соединять с различными этнографическими выставками; при их организации объединялись бы усилия и интересы научных фольклорно-этнографических учреждений, культурно-художественных организаций, радио, телевидения и т. д.

Во время поездки укрепились мои убеждения в том, что болгарская фольклористика находится на подъёме. Это заметно, прежде всего, по той интенсивности, с какой работают ученые Болгарии, и по материальным, так сказать, результатам. В дни, когда я был в Софии, на витринах книжных магазинов можно было увидеть новые издания по фольклору, которые, без сомнения, вызовут живой интерес не в одной Болгарии. Вышло несколько превосходно изданных фундаментальных сборников — собрание народных песен из Пиринского края и сборник современных городских песен. Кроме того, издательство «Болгарский писатель» переиздает хорошо известный всем славыстам многотомный классический труд Кузмана А. Шапкарева «Сборник от болгарски народни умотворения» (под общей редакцией профессоров П. Динекова и С. Стойкова), давно ставший библиографической редкостью. Во вступительной статье к первому тому П. Динекров назвал Шапкарева среди тех деятелей болгарского Возрождения, которые имели наибольшие заслуги в деле открытия сокровищ болгарского народнопоэтического творчества. Если добавить к этому, что несколькими годами ранее были переизданы известные сборники народных песен братьев Миладиновичей и Верковича, что недавно вышло обширное исследование М. Арнаудова, посвященное Верковичу, а Институт музыки БАН выпустил специальный том трудов, посвященный памяти Василя Стоина, основоположника болгарской музыкальной фольклористики, то станет ясно, насколько глубоки в современной Болгарии интерес к фольклористическому научному наследию, насколько живо стремление сохранить все ценное в нем, исторически его осмыслить и использовать. Пример связи прошлого с настоящим — деятельность академика М. Арнаудова. Несмотря на весьма солидный возраст, этот ученый трудится с удивительной энергией и завидной творческой продуктивностью. Теперь издательство «Болгарский писатель» выпускает двухтомник его работ — «Очерки по българския фолклор» (под редакцией Елены Огняновой).

Много внимания проблемам фольклора уделяет проф. Петр Динеков — ученый и педагог, заслуженно пользующийся исключительным авторитетом. Всюду в Болгарии можно встретить его учеников — выпускников Софийского университета, с восхищением вспоминающих лекции профессора по фольклору. Его книга «Български фолклор» (1 ч.) известна во многих странах. Естественно, что один из первых вопросов, которые я задал профессору Динекову при нашей встрече, был вопрос о продолжении книги. Петр Николаевич сообщил, что вторая часть близка к завершению, но он намерен серьезно пересмотреть и первую часть. Значит, скоро (надеюсь, скоро!) мы получим большую современную монографию о болгарском фольклоре.

Раз уж я завел разговор о ближайших планах болгарских ученых, не могу не сообщить здесь несколько интересных новостей. Первая касается всех этнографов: готовится к печати фундаментальный труд известного ученого Христо Вакарельского «Болгарская этнография». Книга до сих пор была известна в польском переводе, а недавно вышла также на немецком языке. Для болгарского издания автор проделал над книгой дополнительную работу. Вторая новость привлечет внимание тех, кто занимается славянским эпосом: группа ученых — Л. Богданова, Ст. Стойкова, Т. Живков — подготовила обширный том, посвященный народному эпосу. Первый раздел книги состоит из публикаций, записей эпических песен, сделанных в разных местах Болгарии в последние десятилетия и до сих пор хранившихся в архивах. Публикации должны дать ценнейший материал для изучения судеб болгарского эпоса, его современного состояния. Второй раздел книги включает разнообразный справочный материал — указатели, библиографию, карты и т. д. Я имел возможность просмотреть сюжетный указатель — это пособие, которое станет по выходе настольным для исследователей, собирателей, студентов. Оно будет иметь исключительное значение для международной славистики. Мы с нетерпением будем ожидать выхода книги. Надо только добавить, что весь этот труд делался под руководством профессора Цветаны Романской, которой, увы, не суждено было увидеть его завершения. Издание тома явится теперь данью памяти Романской, так много сделавшей для подъема болгарской фольклористики. Труд, о котором я говорил, создавался в Этнографическом институте. Для работы секции фольклора института характерно внимание к коренным проблемам фольклористики, к методологическим аспектам, к вопросам исторического анализа фольклора, комплексного его исследования, к изучению современности. Немногочисленный коллектив секции работает дружно, инициативно, Ст. Стойкова готовит свод болгарских загадок и одновременно продолжает свои занятия эпосом и современным фольклором. Т. Живков сдал в издательство монографию о болгарском антифашистском фольклоре. Делчо Тодоров «открыл» недавно в Видинском крае старого сказочника, у которого записал большое число замечательных текстов, изучение его творчества должно помочь уяснению ряда сложных проблем эстетики и истории болгарской сказки.

Добавлю еще, что в институте создается сейчас полная рабочая библиография по болгарскому фольклору, и вообще уделяется немало внимания так называемым вспомогательным работам — верный признак того, что ученые намерены приступить к разработке больших тем и готовы для этого прочные тылы.

Фольклористы Болгарии проявляют большой интерес к делам советских коллег. Мой доклад в Этнографическом институте, посвященный обзору современных проблем фольклористики собрал, несмотря на летнее время, довольно большую аудиторию. Интерес проявлялся постоянно и в частных разговорах. Софийские фольклористы в общем-то довольно хорошо осведомлены о наших текущих делах, следят за литературой. Главное же — современная болгарская фольклористика весьма близка к нам, — в понимании основных задач науки, ее перспектив, связей с жизнью общества, методологических принципов. Думаю, что помимо факторов общего порядка, свою роль сыграли непосредственные связи болгарских ученых с нашими учеными и научными учреждениями: многие из них приезжали в Советский Союз, работали здесь; контакты наши довольно оживленные и носят по-настоящему дружеский характер.

Однако же, в результате углубленного знакомства с фольклористикой и многих бесед, я пришел к выводу, что имеющиеся формы наших контактов уже недостаточны. От эпизодических (хотя относительно и не очень редких) встреч нам пора переходить к более планомерному и широкому научному сотрудничеству, которое охватывало бы конкретные научные проблемы, предусматривало бы разработку общих тем, создание совместных трудов и т. д. Такое сотрудничество было бы полезно обеим сторонам.

Болгарская фольклористика на подъеме, но у нее есть и свои проблемы, свои трудности. Иные из них знакомы и нам. Так, изучением фольклора занимаются в разных учреждениях, принадлежащих совсем разным ведомствам, и немногочисленные научные силы в связи с этим распылены. Многие ученые мечтают о создании Института фольклора (либо о сосредоточении основных сил в одном учреждении). Пока же есть план — создать нечто вроде межведомственного творческого объединения фольклористов, которое могло бы проводить более или менее крупные мероприятия — конференции, дискуссии и т. д. Мне с сожалением говорили, что фольклористам редко удается собираться на большие — общенационального масштаба — научные собрания. Теперь предполагается организация такой большой встречи.

Рассказ о болгарских этнографических музеях мог бы составить предмет специального обзора. Мне удалось увидеть, должно быть, более десяти из них, и каждый посвоему интересен и своеобразен. В маленьком черноморском городке Мичурине я посе-

тил любительский музей в Доме культуры, занимающий всего одну комнату. Экспонаты—народная одежда, хозяйственные предметы—были очень хороши, вся экспозиция оформлена искусно и квалифицированно. Мне особенно понравилось (позже я же видел и в других музеях) то, что многие формальные пояснения под экспонатами были удачно дополнены цитатами из народных песен; вещь от этого как бы оживает, становится с более широким кругом народных понятий.

Этнографический музей в Пловдиве помещается в доме, который представляет собою замечательный памятник зодчества эпохи болгарского Возрождения: он построен из дерева в 1847 г. для богатого пловдивского торговца. Мы попадаем как бы в двойной музей: во-первых, это памятник архитектуры, во-вторых, музей с множеством ценнейших этнографических экспонатов, достаточно полно и точно характеризующих жизнь и быт старой Болгарии, перед нами открываются картины домашнего городского быта середины прошлого столетия. Ко всему прочему музей оформлен с особым вкусом и совершенно по-современному.

Под городом Габрово есть живописное местечко Етера, где мы видели музей нового типа, которому предстоит интересное будущее. Сейчас здесь создается заново (часть построек переносится, часть воздвигается) комплекс болгарских хозяйственных ремесленных, бытовых заведений: водяная мельница, кузница, мастерские по изготовлению металлических, деревянных изделий, ткацкие и т. п. В Етере будут представлены все традиционные формы болгарского ремесла, причем сохраняется и восстанавливается старая техника и соблюдается традиционная технология. Музей будет одновременно и действующим хозяйством, которое должно функционировать на началах самоокупаемости и хозрасчета. Судя по всему, эксперименту в Етере суждено иметь большой успех: музей расположен удачно, на оживленном пути, поблизости есть отель, уже действует отличный ресторан с национальной кухней.

Об Этнографическом музее в Софии нет необходимости специально рассказывать—авторитет и известность его достаточно высоки. В то же время я хотел еще сказать об одном необыкновенном музее, городе-музее Копровщице. Место это для болгарского народа—святыня. Сюда въезжаешь с чувством благоговения. На арке городского ворот надпись: «Добре дошли в старото бунтовно гнездо Копривщица». Здесь в 1876 г. началось знаменитое апрельское восстание, сыгравшее большую роль в освобождении Болгарии от турецкого ига. Старая часть города—это памятник восстанию, его героям, его трагедии; здесь в экспонатах потрясающей силы предстает перед нами своеобразная этнография города-бунтаря, открывается быт восставших. Копривщица—родинка или место жизни многих знаменитых болгар: здесь находятся дома-музеи Л. Каравелова, Димчо Дебелянова, Георгия Бенковского, Тодора Коблешкова... Каждый дом в старой Копривщице—памятник национального зодчества эпохи болгарского Возрождения. Мы попадаем в обстановку возрождающейся буквально из пепла болгарской культуры, своеобразного городского быта. Вот это причудливое сплетение историко-революционных, культурно-исторических, архитектурных, собственно этнографических тем и придает городу-музею неповторимую прелесть. К этому надо добавить особенную тишину на улочках старой Копривщицы и окружающий город мягкий горный ландшафт. Здесь, на склонах гор, обступивших со всех сторон Копривщицу, происходят национальные фольклорные фестивали. Здесь с особенной отчетливостью начинаешь воспринимать героическую сущность и высокий патриотический дух болгарской народной поэзии.

Поездка в Копривщицу, многочисленные впечатления от фестиваля, от встреч с мастерами фольклора, от поездок по стране, от бесед с самыми разными людьми дали богатый и ценный материал для понимания народной поэзии в ее теснейших связях с народной жизнью, с этнографией страны, с историей ее культуры.

Я хотел бы закончить свои заметки словами сердечной признательности и приветствия моим друзьям из Софии, Бургаса, Пловдива, Благоевграда, Шумена, Копривщицы, Железницы—всем тем, кто дарил меня дружеским вниманием и гостеприимством.

Б. Н. Путило

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ СССР (1955—1969 гг.)

В данном обзоре не рассматриваются исследования сотрудников центральных институтов. Труды таких ученых, как В. В. Антропова, С. А. Арутюнов, И. С. Вдовин, И. С. Гурвич, Г. Ф. Дебец, Б. О. Долгих, С. В. Иванов, М. Г. Левин, Г. А. Меновщиков, А. П. Окладников и С. И. Руденко, внесших ценный вклад в изучение этнографии и археологии Северо-Востока, достаточно широко известны.

Перед нами стояла задача кратко рассказать о деятельности историков, этнографов, археологов Северо-Востока СССР и дать обзор работ, написанных местными авторами, работающими в Магадане, Анадыре, Петропавловске-Камчатском. Однако, стремясь показать все местные издания по данной тематике, мы будем упоминать книги и статьи не только местных авторов. Кроме того, характеристика деятельности научных учреждений Северо-Востока была бы неполной без учета их публикаций в центре и даже за рубежом. В конце концов, в наше время деятельность столичных и периферийных научно-исследовательских учреждений настолько переплетена и взаимосвязана, что наше разграничение, конечно, в значительной мере условно.

Успехи социалистического и национального строительства на Северо-Востоке, создание в 1930 г. Чукотского, Корякского и Охотско-Эвенского национальных округов, а затем выделение из Хабаровского края в 1953 г. Магаданской области и бурный расцвет ее экономики и культуры остро поставили перед учеными задачу изучения истории и этнографии этой возрожденной к новой жизни прежде отсталой окраины Советского государства. Возникла необходимость марксистско-ленинского осмысления всего исторического процесса, протекавшего на этой территории, с эпохи формирования аборигенного населения, открытия края русскими землепроходцами в XVII в. и до периода коммунистического строительства.

Одной из трудностей на пути к созданию истории народов Северо-Востока явилось почти полное отсутствие материалов по дооктябрьскому периоду. Исторический путь этих народов очень слабо освещен письменными источниками. Многотысячелетняя история населения Чукотки, Камчатки и Охотского побережья вплоть до XVII в. может быть восстановлена прежде всего на основе археологических данных, которых до недавнего времени, как известно, почти не было. Первые археологические раскопки, проведенные здесь в 1910—1911 гг. В. И. Иохельсоном, а затем в 30—40-х годах XX в. М. Г. Левиным, С. И. Руденко и А. П. Окладниковым, дали ценный, но весьма фрагментарный материал, далеко недостаточный для воссоздания целостной исторической картины.

Начало изучения древностей Магаданской области местными исследователями связано с деятельностью Чукотского окружного краеведческого музея в Анадыре и Магаданского областного краеведческого музея.

Экспедициями, организованными музеями, были начаты систематические поиски по рекам Анадырю, Амгуэме, по побережью Чукотского и Охотского морей. Интересные археологические материалы по истории чукчей и коряков, полученные в результате поисков, публиковались в краеведческих записках Чукотского¹ и Магаданского

¹ Н. Н. Диков, Древнейшее прошлое Чукотки и задачи его изучения, «Записки Чукотского краеведческого музея», вып. 1, Магадан, 1958; его же, Предварительный отчет о работе археологической экспедиции Чукотского краеведческого музея в 1956 г., там же; его же, Предварительный отчет о полевых археологических исследованиях Чукотского краеведческого музея в 1957 г., там же; А. К. Саяпин, Н. Н. Диков, Древние следы каменного века на Чукотке, там же; И. П. Лавров, К вопросу о загадочном крылатом предмете, там же; Н. Н. Диков, О раскопках Усть-Бельского могильника по данным 1958 г., «Записки Чукотского краеведческого музея», вып. 2,

музеев². За короткое время эти музеи издали значительную серию краеведческих записок, в которых были освещены не только результаты археологических экспедиций музеев, но и некоторые другие археологические исследования, имеющие отношение к Магаданской области³, а также ряд вопросов современной истории⁴, этнографии⁵ и антропологии⁶ Чукотки и Охотского побережья. Хорошее начинание получило положительный

Магадан, 1961; его же, Предварительные данные об археологических работах на Чукотке в 1959 г., там же; его же, Первые археологические исследования на острове Айон, там же.

² А. В. Беляева, Г. А. Пытляков, Археологические работы на Охотском побережье, «Краеведческие записки», вып. 1, Магадан, 1958; Р. С. Васильевский, Итоги полевых археологических исследований, произведенных на Охотском побережье в 1958 году, «Краеведческие записки», вып. 2, 1959; Н. Н. Диков, Предварительные данные о работе археологической экспедиции Чукотского краеведческого музея в 1958 г., там же; Р. С. Васильевский, Археологические материалы поселения Атарга на Охотском побережье, «Краеведческие записки», вып. 4, 1962; его же, Археологические исследования на побережье Тауйской губы, «Краеведческие записки», вып. 5, 1963.

³ В. Краснов, Т. Дикова, Новый памятник приморской культуры на севере Чукотки, «Краеведческие записки», вып. 6, 1966; Н. Н. Диков, Об охране памятников древней культуры на территории Магаданской области, «Краеведческие записки», вып. 7, 1968; С. А. Арутюнов, Д. А. Сергеев, Древнеэскимские могильники на Чукотке, «Записки Чукотского краеведческого музея», вып. 3, 1962; В. П. Алексеев, Некоторые стороны общественной организации древних племен Чукотки и Аляски (по раскопкам в Ипсутаке), «Записки Чукотского краеведческого музея», вып. 4, 1963.

⁴ В. С. Стариков, К биографии Афанасия Ермиловича Дьячкова, первомагданского краеведа-самородка, «Записки Чукотского краеведческого музея», вып. 1961; И. С. Гарусов, О социальной принадлежности крупного оленевода Северного Востока накануне коллективизации, там же; Т. А. Селюкова, Новые записи произведений устного народного творчества русского нижнеколымского населения (по следам В. Г. Богораза), там же; В. Г. Балицкий, Торжество ленинской национальной политики на Чукотке, «Записки Чукотского краеведческого музея», вып. 5, 1968; Э. Е. Селитренник, Характеристика хозяйства и культуры Чукотки по данным приполярной переписи 1926/27 года, там же; С. П. Нефедова, Иннокентий Степанович Вдовин, там же; М. И. Куликов, Характер экономических (производственных) отношений в чукотских стойбищах типа гаймысчылын (богатых) (конец XIX — начало XX в.), «Краеведческие записки», вып. 1, 1957; К. Г. Кузakov, Страница истории «Краеведческие записки», вып. 2, 1959; И. С. Вдовин, Анадырский острог (Исторический очерк), «Краеведческие записки», вып. 2 и 3, 1959 и 1960; А. С. Иванова, К вопросу о развитии экономики и культуры малых народностей Чукотки, «Краеведческие записки», вып. 6, 1966; И. Н. Каштанов, Пятьдесят героических лет, «Краеведческие записки», вып. 7, 1968; Н. А. Пономаренко, И. Я. Чуксин, Культура преобразенного края, там же.

⁵ Т. Г. Соколова, К вопросу об использовании чукотским населением дикой флоры в районе мыса Дженева, «Записки Чукотского краеведческого музея», вып. 2, 1961; Р. Я. Жуков, Д. А. Сергеев, Древние скульптурные изображения китов, «Записки Чукотского краеведческого музея», вып. 3, 1962; В. В. Леонтьев, Современные способы промысла нерпы на северном побережье Чукотского национального округа, «Записки Чукотского краеведческого музея», вып. 4, 1967; Ю. А. Широков, Чукотско-эскимосская резная кость в Анадырском музее (каталог), там же; Н. А. Мальцева, Копьеметалки у народов Северо-Восточной Азии, «Записки Чукотского краеведческого музея», вып. 5, 1968; Ю. А. Широков, Гравированные клыки в собрании Государственного музея революции, там же; его же, Выставка чукотско-эскимосского изобразительного и декоративного искусства в Анадыре, там же; У. Г. Попова, О народностях Магаданской области, «Краеведческие записки», вып. 1, 1957; А. В. Беляева, Культура и быт эвенов в XIX—XX вв. О работе этнографического отряда, «Краеведческие записки», вып. 2, 1959; Д. А. Сергеев, Первый кит, Из записной книжки этнографа-археолога, там же; К. А. Новикова, О расселении, численности и родоплеменных названиях эвенов Якутской АССР, «Краеведческие записки», вып. 4, 1962; А. В. Беляева, Этнографическая поездка в Анадырский район, «Краеведческие записки», вып. 5, 1965; А. В. Беляева, Свет новой жизни (материалы по городу Анадырю и колхозу им. XXII съезда КПСС), «Краеведческие записки», вып. 6, 1966; М. Дьячков, Совхоз «Анадырский» (экономика, культура, быт), там же; А. В. Беляева, Работы музея по археологии и этнографии (1955—1965), «Краеведческие записки», вып. 7, 1968.

⁶ И. И. Гохман, Древний череп с Чукотки, «Записки Чукотского краеведческого музея», вып. 2, 1961; Г. В. Лебединская, Процесс восстановления головы по черепу из Усть-Бельского могильника, там же; М. Г. Левин, Об антропологических материалах из древнеэскимских могильников, «Записки Чукотского краеведческого музея», вып. 3, 1962; В. П. Алексеев, К краниологии азиатских эскимосов (материалы к этногенезу), «Записки Чукотского краеведческого музея», вып. 4, 1967.

оценку видных специалистов Института этнографии Академии наук СССР⁷. Некоторые из опубликованных в «Записках» материалов были переизданы за границей⁸.

Магаданское книжное издательство, способствуя популяризации результатов исторических исследований, выпустило ряд научно-популярных книг и брошюр историко-этнографического⁹, археологического¹⁰ и топонимического¹¹ характера, а также книги о землепроходцах, исследователях¹² и борцах за власть Советов¹³ на Северо-Востоке, в том числе обобщающую работу по истории Северо-Востока советского периода¹⁴.

Интересные научно-популярные очерки по этнографии, археологии и истории коренного населения систематически публикуются в литературно-художественном альманахе «На Севере Дальнем» в специальной рубрике «Из истории нашего края»¹⁵ в журналах «Магаданский оленевод» и «Колыма»¹⁶, а также в юбилейных сборниках, издаваемых Магаданским книжным издательством¹⁷.

Сравнительно недавно активизировалась деятельность этнографов и краеведов Камчатки, и в частности Областного краеведческого музея в Петропавловске-Камчатском. Там издано уже несколько работ с материалами исследований по проблемам национального строительства¹⁸ и несколько научно-популярных статей и брошюр¹⁹. Су-

⁷ И. С. Вдовин, Реч. на сб. «Краеведческие записки», вып. 1, Магадан, 1957, «Известия Всесоюзного географического общества», т. 90, вып. 5, 1958; И. С. Гурвич, Реч. на сб. «Краеведческие сборники Якутского и Магаданского музеев», «Сов. этнография», 1959, № 1.

⁸ N. N. Dikov, Archaeological materials from the Chukchi Peninsula, «American Antiquity», vol. 28, № 4, 1963; R. S. Vasilevsky, Ancient Kotyak culture, «American Antiquity», vol. 30 № 1, 1964.

⁹ Г. А. Меновников, Эскимосы. Научно-популярный историко-этнографический очерк об азиатских эскимосах, Магадан, 1959; его же, Эскимосские сказки и легенды, Магадан, 1969; В. В. Леонтьев, Юному косторезу, Магадан, 1959; его же, Школа и труд. О трудовом обучении в сельских школах Чукотского национального округа, Магадан, 1964; Л. Е. Тимашова, Современная чукотско-эскимосская резная кость, Магадан, 1967; М. А. Сергеев, Малые народы Советского Севера, Магадан, 1957.

¹⁰ Н. Н. Диков, По следам древних костров. Археологи идут по Чукотке, Магадан, 1960.

¹¹ П. В. Бабкин, Кто, когда и почему. Происхождение названий на карте Магаданской области, Магадан, 1968.

¹² А. В. Беляева, Раскопки на Крайнем Севере, Магадан, 1955; Б. П. Полевой, Григорий Шелихов — «Колумб Русский», Магадан, 1960; А. И. Алексеев, Адмирал Нагаев. Историко-биографический очерк, Магадан, 1959; его же, Братья Шмалевы. Исторический очерк, Магадан, 1958; его же, Колумбы России, Магадан, 1966; его же, Ученый чукча Николай Дауркин, Магадан, 1961.

¹³ В. И. Юхименко-Ехало, Под знаменем Октября (Из истории борьбы за становление Советской власти на Северо-Востоке нашей Родины), Магадан, 1957; Н. А. Жихарев, В борьбе за Советы на Чукотке, Магадан, 1958; И. С. Гарусов, Разгром белогвардейщины в Охотско-Камчатском крае, Магадан, 1963.

¹⁴ Н. А. Жихарев, Очерки истории Северо-Востока РСФСР (1917—1953 гг.), Магадан, 1961.

¹⁵ М. А. Сергеев, Изобретатели письменности (Из истории национального строительства на Севере), «На Севере Дальнем», Магадан, 1956, № 4; И. С. Вдовин, В. Г. Богораз как исследователь языков народов Северо-Востока, «На Севере Дальнем», Магадан, 1957, № 6; Е. П. Орлова, Сказки камчадалов-ительменов, «На Севере Дальнем», 1966, № 1; И. Н. Каштанов, Под звездой Октября, «На Севере Дальнем», 1967, № 2; С. П. Нефедова, Расцвет и создание социалистической культуры на Чукотке, «На Севере Дальнем», 1967, № 1; В. В. Леонтьев, О названиях поселков «На Севере Дальнем», 1960, № 1; его же, Национальные игры чукчей, там же; его же, Чукотские спартанцы, «На Севере Дальнем», 1969, № 1.

¹⁶ И. С. Гарусов, Сочетать общественные и личные интересы колхозников, «Магаданский оленевод», 1959, вып. 3; Г. Г. Рощупкин, Создание горнодобывающей промышленности на Чукотке — начало ее индустриального развития, «Колыма», 1968, № 8.

¹⁷ И. С. Гарусов, Развитие социалистической культуры, Преображенный край, (Сб., посвященный 25-летию Чукотского национального округа), Магадан, 1956; И. Н. Каштанов, Все во имя человека, сб. «10 лет Магаданской области», Магадан, 1963; «Дальстрой» (сб. «К 25-летию Чукотского национального округа»), Магадан, 1956; М. А. Сергеев, Рецензия на книгу о Дальстрое, «Дальний Восток», 1958, № 5.

¹⁸ К. Г. Кузаков, Миную стадию капитализма, Петропавловск-Камчатский, 1968; К. Г. Кузаков, В. Г. Ларькин, Развитие экономики и культуры Корякского национального округа на современном этапе, «Краеведческие записки», вып. 1, Петропавловск-Камчатский, 1968; К. Г. Кузаков, Заметки об эвенах-быстрицах, там же; Г. Г. Порохов, Ительменские «ходилы» и русские песни, там же; К. Г. Кузаков, В. Г. Ларькин, Возрожденные народности, сб. «Возрожденные народности», Владивосток, 1968; К. Г. Кузаков, Корякские колхозы, Петропавловск-Камчатский, 1969.

¹⁹ К. В. Мечанова, И. Ф. Махоркин, Б. С. Бахметьев, Путеводитель по историческим местам Камчатки, Петропавловск-Камчатский, 1961; В. И. Воскобойников, Слово на карте, Петропавловск-Камчатский, 1962; В. П. Мирополь-

щественный вклад в изучение этнографии народов, населяющих Камчатку, восток Дальневосточный филиал СО АН СССР. Его сотрудницей Н. К. Старковой уже поставлена большая работа по этнографии ительменов²⁰.

В развитии историко-этнографических исследований значительную роль сыграл Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт СО АН СССР (директор член-корреспондент АН СССР Н. А. Шило), созданный в 1961 г. в Магадане. С его организацией увеличилась роль местных специалистов в изучении прошлого и настоящего малых народностей крайнего Северо-Востока — чукчей, эскимосов, эвенков. Организацией и координацией этих исследований в пределах Магаданской и Камчатской областей занимаются лаборатория археологии, истории и этнографии СВ КНИИ СО АН СССР (заведующий Н. Н. Диков) и образованная при ней Чукотско-Камчатская группа сибирской секции Научного совета АН СССР по национальным проблемам (председатель Н. Н. Диков)²¹.

Сравнительно небольшая гуманитарная лаборатория СВ КНИИ СО АН СССР (всего 11 сотрудников) ведет в настоящее время исследования по трем направлениям: истории, этнографии и археологии.

Историки изучают историю развития ведущих отраслей народного хозяйства (рыболовства, прежде всего горной, сельского хозяйства, а также историю развития культуры на территории Магаданской и Камчатской областей, причем в центре их внимания малые народы. Занимаются ученые исследованием влияния индустриализации на коренное население; в процессе этого изучения обнаружены интересные закономерности и особенности²².

Историками уже подготовлены к изданию монографии, освещающие основные проблемы социалистического строительства на Чукотке. В основе этих работ лежат впервые обнаруженные документальные материалы, собранные в архивах, расположенных на территории Сибири и Дальнего Востока, в центральных архивах страны, а также материалы, составленные на основе личных наблюдений авторов. Проведена большая работа по изучению ранее отсталых, миновавших капиталистическую стадию развития, народов, и обобщению опыта их развития при социализме на фактическом материале Чукотского национального округа²³.

Впервые осуществленное широкое и всестороннее изучение социалистического строительства в специфических условиях Чукотки представляет несомненный научный интерес, имеет большое политическое и практическое значение. В исследовании убедительно показаны выдающиеся успехи, достигнутые за годы Советской власти в развитии производительных сил Чукотки являются доказательством того, что «...социализм обеспечивает всем народам СССР фактическое равенство в политическом, экономическом и культурном отношениях»²⁴.

Кроме упомянутых выше работ историков СВ КНИИ СО АН СССР вышли в свет еще две книги, подготовленные коллективами авторов. В одной из них приведены основные результаты исследований лаборатории археологии, истории, этнографии²⁵, в др.

ский, Алеуты сегодня, сб. «Возрожденные народности», Владивосток, 1968; Б. И. Мухачев, Октябрь на Командорах, там же.

²⁰ Н. К. Старкова, Материальная культура ительменов (XVIII в.—60-е годы XX в.), Владивосток, 1969. См. также: Н. К. Старкова, Пища ительменов, сб. «VII конференция молодых ученых Дальнего Востока», Владивосток, 1965; е е ж е, Влияние русской культуры на материальную культуру ительменов, сб. «Вопросы истории Советского Дальнего Востока», вып. II, Владивосток, 1965, е е ж е, Обувь ительменов, сб. «История, археология и этнография Дальнего Востока», «Труды Дальневосточного филиала АН СССР», серия историческая, т. VII, Владивосток, 1967; е е ж е, Влияние русской культуры на материальную культуру ительменов, сб. «Народы Советского Дальнего Востока в дооктябрьский период истории СССР», «Труды Дальневосточного филиала АН СССР», серия историческая, т. VI, Владивосток, 1968.

²¹ Н. Н. Диков, О задачах исторических исследований на севере Дальнего Востока, «Труды СВ КНИИ СО АН СССР», вып. 17, 1967; А. И. Крушанов, Вопросы истории северо-востока Азии в трудах магаданских исследователей, «Дальний Восток», 1965, № 3.

²² Работу на эту тему готовит Б. И. Мухачев.

²³ И. С. Гарусов, Социалистическое переустройство сельского и промыслового хозяйства Чукотки (1928—1952 гг.), Автореф. канд. дисс., Владивосток, 1966; Г. Г. Рошупкин, Создание и развитие горнодобывающей промышленности Чукотки (1917—1953 гг.), Автореф. канд. дисс., Владивосток, 1967; С. П. Нефедова, Культурное строительство на Чукотке, Автореф. канд. дисс., Л., 1966; С. П. Нефедова, И. С. Гарусов, Г. Г. Рошупкин, Социалистическое строительство на Чукотке (1923—1958 годы), сб. «Проблемы науки на Северо-Востоке СССР», «Труды СВ КНИИ СО АН СССР», вып. 31, Магадан, 1967.

²⁴ Тезисы ЦК КПСС «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции», М., 1967, стр. 16.

²⁵ «История и культура народов Северо-Востока СССР», «Труды СВ КНИИ СО АН СССР», вып. 8, 1964. В двух других статьях этого сборника освещается вопрос об участии коренного населения в борьбе за установление Советской власти: Г. Г. Рошупкин, Анадырский уездный Ревком — первый орган власти Советов на Чукотке;

гой — материалы Первой конференции историков Северо-Востока СССР (Магадан, 1964 г.), дополненные и переработанные с учетом полученных после нее данных²⁶. В этих книгах собраны также статьи по истории, этнографии и археологии.

Этнографы СВ КНИИ СО АН СССР исследуют национальные особенности хозяйственного и культурного строительства коренного населения Северо-Востока, а также возникающие в период развернутого строительства коммунизма проблемы национальных отношений²⁷.

Завершается, в частности, работа над монографией, обобщающей результаты изучения быта, экономики и материальной культуры чукчей Магаданской области. В основу этого историко-этнографического исследования положены совершенно новые, лично собранные автором данного исследования В. В. Леонтьевым полевые материалы и архивные источники. В нем приводятся сведения о современном расселении чукчей, о жизни колхозов переходного от социализма к коммунизму периода, рассказывается об особенностях хозяйства и быта, о семейных отношениях, старинных и вновь появившихся трудовых традициях. Все вопросы рассматриваются в тесной связи с развитием традиционных отраслей хозяйства и введением новых, с возникающими процессами консолидации народов СССР²⁸.

Аналогичные исследования проводятся по этнографии эвенов. Эти исследования дополняются экскурсами в историю их доколхозной жизни и обобщением данных о сохранившихся у эвенов различного рода пережитках²⁹.

Археологи СВ КНИИ внесли некоторый вклад в решение проблем древней истории Северо-Востока и культурных связей его древнего населения с Америкой³⁰.

Морское побережье северо-восточной Чукотки в 1963 г. подверглось сплошному археологическому обследованию, в результате которого были выявлены не только древнеэскимосские стойбища, но и довольно много могильников разных эпох³¹. Из этих могильников Энмыытнынские и Чинийский были в 1965 г. раскопаны полностью³², а остальные частично³³ (в том числе и Уэленский древнеэскимосский могильник)³⁴.

Представление о распространении и развитии древних эскимосских культур стало более определенным; в частности, подтвердился факт проникновения с середины I ты-

И. С. Гарусов, Участие коренного населения Северо-Востока в борьбе за власть Советов (1917—1923 гг.).

²⁶ «История и культура народов Севера Дальнего Востока», «Труды СВ КНИИ СО АН СССР», вып. 17, 1967. К проблемам социалистического переустройства жизни малых народов прямое отношение имеют прежде всего следующие из статей этого сборника: М. И. Куликов, Основные этапы социально-экономических преобразований у народов Чукотки; И. С. Гарусов, Переход к оседлости и укрупнение поселков у малых народов Северо-Востока СССР; В. Г. Балицкий, Мероприятия партии по формированию национальной интеллигенции на крайнем Северо-Востоке СССР; С. П. Нефедова, Кочевые школы Чукотки (1931—1950 гг.); Б. И. Мухачев, О характере деятельности исполкомов и нарревкомов Северо-Востока в период ДВР (1920—1922 гг.).

²⁷ У. Г. Попова, Становление колхозного строя на Тайском побережье, «История и культура Северо-Востока СССР», «Труды СВ КНИИ СО АН СССР», вып. 8, 1964; В. В. Леонтьев, Историко-этнографические особенности развития коренных народов Северо-Востока, «Тезисы доклада на совещании по проблемам формирования населения и использования трудовых ресурсов в районах Крайнего Севера», Магадан, 1965; его же, Письменность и пути повышения грамотности чукчей, «История и культура народов севера Дальнего Востока», «Труды СВ КНИИ СО АН СССР», вып. 17, М., 1967; его же, Процессы, протекающие в современном чукотском именнике, «Тезисы и доклады на Всесоюзном совещании „Личное имя“ (проблемы антропоники)», М., 1968.

²⁸ В. В. Леонтьев, Народы Чукотки на современном этапе коммунистического строительства, Автореф. канд. дисс., Новосибирск, 1969.

²⁹ У. Г. Попова, Этнографические особенности дореволюционного быта населения Тайского побережья, «Труды СВ КНИИ СО АН СССР», вып. 8, 1964; ее же, О пережитках культа медведя (уркачак) среди эвенов Магаданской области, Труды СВ КНИИ СО АН СССР», вып. 17, 1967.

³⁰ Н. Н. Диков, Археологическое изучение Северо-Востока в советское время, сб. «Проблемы науки на Северо-Востоке СССР», Магадан, 1967.

³¹ Н. Н. Диков, По морскому побережью Чукотки — к предкам эскимосов, «Краеведческие записки», вып. 5, 1965; его же, Древности Сешана, «Краеведческие записки», вып. 6, 1966.

³² Н. Н. Диков, Новые древнеэскимосские кладбища на Чукотке, «Записки Чукотского краеведческого музея», вып. 4, 1967.

³³ Н. П. Диков, Чегитунские древнеэскимосские могильники, «Краеведческие записки», вып. 6, 1966.

³⁴ Н. Н. Диков, Уэленский могильник по данным раскопок в 1956, 1958 и 1963 годах, сб. «История и культура народов севера Дальнего Востока», «Труды СВ КНИИ СО АН СССР», вып. 17, 1967.

сячелетия н. э. со стороны Аляски по северному побережью Чукотки так называемой бирнирской культуры древних морских охотников³⁵.

В 1967—1968 гг. были исследованы Пегтымельские петроглифы — уникальный леоэтнографический памятник приморского населения Чукотки, возможно эскимо и чукчей. Пегтымельские петроглифы имеют большое значение, так как освещают тот период истории, когда у этих народов еще не было домашнего оленеводства, уже были развиты морской зверобойный промысел и охота на дикого оленя³⁶.

В научный оборот были введены новые интересные данные не только о памятниках древнеэскимосских культур³⁷, но и о других приморских памятниках — на Охотском побережье³⁸ и в глубине Анадырского залива³⁹.

В сферу планомерных научных поисков теперь включена и Камчатка, куда Советский Восточный институт в 1961—1967 гг. посылал археологические экспедиции. Открыты в 1961—1962 гг. раннеэнеолитических и мезолитических стоянок, а затем в 1964—1966 гг. верхнепалеолитических жилищ и погребений раскопки, наконец, густой туман, который скрывал самые далекие, восходящие к XV тысячелетию до н. э. глубины исторической истории Северо-Востока нашей Родины. Стали вырисовываться целые становившиеся древних обитателей, у которых в ходу были многие вещи и технические приемы, типичные для сибирского, японского и американского позднего палеолита⁴⁰.

В результате этих экспедиций в 1964 и 1968 гг. на VII и VIII Международных конгрессах антропологических и этнографических наук были продемонстрированы новые материалы, позволяющие хотя и схематично, но достаточно определенно нарисовать картину этногенеза и исторического развития коренных народов Северо-Востока; позволяющие наглядно представить некоторые исторические периоды⁴¹.

На основе новых археологических данных, полученных на Чукотке и Камчатке, была поставлена проблема этнической дифференциации населения Северо-Востока в ходе его исторического развития⁴². Проблемы этногенеза, этнических и культурных связей применительно к этой части нашей страны приобрели более глубокую хронологическую перспективу, достигающую верхнего палеолита (14 300±200, ГИН) и вполне сопоставимую с возрастом древнейших, открытых к тому времени культур Канады и Аляски⁴³.

³⁵ Н. Н. Диков, Ванкаремские древности, «Записки Чукотского краеведческого музея», вып. 5, 1968.

³⁶ Н. Н. Диков, К изучению культурного наследия коренного населения Чукотки (петроглифы на реке Пегтымель), сб. «Проблемы науки на Северо-Востоке СССР», «Труды СВ КНИИ СО АН СССР», вып. 31, 1967; его же, Открытие петроглифов на Чукотке, сб. «Археологические открытия 1968 года», М., 1968; его же, Петроглифы Чукотки, «На Севере Дальнем», 1968, № 1; его же, Чукотские петроглифы — самые северные на планете, «Записки Чукотского краеведческого музея», 1968, вып. 5, 1968; его же, Местонахождение петроглифов, неолитические стоянки и пещера в низовьях реки Пегтымель на Чукотке, сб. «Археологические открытия 1968 года», М., 1969; его же, Проблема этнической принадлежности пегтымельских петроглифов, материалы конференции «Этногенез народов Северной Азии», Новосибирск, 1969.

³⁷ О. Н. Иванов, Новые находки памятников древнеэскимосской культуры на западном побережье Берингова пролива, сб. «История и культура народов севера Дальнего Востока», «Труды СВ КНИИ СО АН СССР», вып. 17, 1967.

³⁸ А. В. Беляева, Древние погребения на Охотском побережье, сб. «История и культура народов севера Дальнего Востока», «Труды СВ КНИИ СО АН СССР», вып. 17, 1967; А. В. Семенов, О древней культуре Корякского округа, сб. «История и культура народов Северо-Востока СССР», «Труды СВ КНИИ СО АН СССР», вып. 8, 1964.

³⁹ Т. М. Дикова, Новые данные к характеристике Канчаланской стоянки, сб. «История и культура народов Северо-Востока СССР», «Труды СВ КНИИ СО АН СССР», вып. 8, 1964.

⁴⁰ Н. Н. Диков, Древние культуры Камчатки, «Материалы по древней истории Сибири», Улан-Удэ, 1964; его же, Открытие палеолита на Камчатке, «Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 года в СССР» (тезисы докладов), Баку, 1965; его же, Палеолитические жилища на Камчатке, сб., посвященный 60-летию А. П. Окладникова, «Наука», Новосибирск, 1969; Н. А. Береговая, Древнейшие культурные традиции Американской Арктики и их связи с северо-востоком Сибири (по раскопкам 1955—1964 гг.), сб. «История и культура народов севера Дальнего Востока», «Труды СВ КНИИ СО АН СССР», вып. 17, 1967.

⁴¹ Н. Н. Диков, Новые данные по археологии Северо-Восточной Сибири, «VI Международный конгресс антропологических и этнографических наук», М., 1964.

⁴² Н. Н. Диков, Каменный век Камчатки и Чукотки, сб. «История и культура народов Северо-Востока СССР», «Труды СВ КНИИ СО АН СССР», вып. 8, 1964; N. N. Dikov, The Stone age of Kamchatka and the Chukchi Peninsula in the light of new archaeological data, «Arctic anthropology», vol. III, № 1, 1965.

⁴³ Н. Н. Диков, Открытие палеолита на Камчатке и проблема первоначального заселения Америки, сб. «История и культура народов севера Дальнего Востока».

Наиболее полное, хотя во многом еще предварительное обобщение всех новых материалов по археологии Северо-Востока читатель найдет в книге, вышедшей в свет совсем недавно в серии «Историческая библиотека Дальнего Востока»⁴⁴.

В заключение надо отметить, что коллектив лаборатории археологии, истории и этнографии СВ КНИИ СО АН СССР принял участие в подготовке пятитомной истории Сибири, двухтомной истории Дальнего Востока и подготовил к изданию историю Чукотки с древнейших времен до наших дней.

Все перечисленные труды магаданских и камчатских историков, этнографов и археологов составляют единый комплекс, вписывающийся в тему «История Северо-Востока с древнейших времен до наших дней». Монографическая разработка отдельных узловых проблем этого комплекса позволит в недалеком будущем осуществить основную задачу — написать совместно с широким активом специалистов, как местных, так и столичных, историю Северо-Востока СССР, издревле заселенного палеоазиатскими народами.

Н. Н. Диков

«Труды СВ КНИИ СО АН СССР», вып. 17, 1967; N. N. Dikov, The discovery of the palaeolithic in Kamchatka and the problem of the initial occupation of America, «Arctic Anthropology», vol. V, № 1, 1968; Н. А. Шило, Н. Н. Диков, А. В. Ложкин, Первые данные по стратиграфии палеолита Камчатки, сб. «История и культура народов севера Дальнего Востока», «Труды СВ КНИИ СО АН СССР», вып. 17, 1967; N. A. Shilo, N. N. Dikov, A. V. Lozhkin, The first data on the stratigraphy of the palaeolithic of Kamchatka, «Arctic Anthropology», vol. V, № 1, 1968; Н. Н. Диков, Верхний палеолит Камчатки, «Сов. археология», 1969, № 3; N. Dikov, Puentes desde Asia a la America Precolombina, «Enfoque Internacional», № 30, Junio, 1969 (Santiago).

⁴⁴ Н. Н. Диков, Древние юстры Камчатки и Чукотки. 15 тысяч лет истории, Магадан, 1969.

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Proto-Indica: 1968. Brief report on the investigation of the Proto-Indian texts. Academy of Sciences of USSR, Institute of Ethnography, M., 1968.

В нашей печати уже нашли освещение результаты работы над изучением эпиграфики древней цивилизации долины Инда, осуществленной группой ученых Ленинграда и Москвы под общим руководством Ю. В. Кнорозова. Эти результаты были опубликованы в сборнике статей, вышедшем в 1965 г.¹ Критическую оценку результатов, достигнутых авторами сборника на первом этапе исследований, читатель найдет в рецензии Н. В. Гурова и Т. Е. Катениной в журнале «Советская этнография»². В рецензии справедливо отмечалось, что исследование группы Ю. В. Кнорозова означают новый шаг вперед в изучении как самой письменности долины Инда, впервые открывая реальные перспективы ее дешифровки, так и цивилизации, ее создавшей. Следует отметить, что ряд положений авторов «Предварительного сообщения», касающихся отнесения языка протоиндийских надписей к дравидской группе, получил в этой рецензии дополнительное обоснование и развитие. Один из авторов рецензии, Н. В. Гуров, включился впоследствии в работу коллектива, продолжающего исследования в этой области.

Новая публикация группы Ю. В. Кнорозова, вышедшая в 1968 г. на английском языке, содержит три статьи: Ю. В. Кнорозова «Формальный анализ протоиндийских текстов», Б. Я. Волчок «К интерпретации протоиндийских изображений» и Н. В. Гурова «Перспективы лингвистической интерпретации протоиндийских текстов (на базе дравидских языков)».

В самое последнее время на Западе также появились публикации работ, в которых предпринимаются попытки интерпретации протоиндийских надписей³. Эти исследова-

¹ «Предварительное сообщение об исследовании протоиндийских текстов», Всесоюзный институт научной и технической информации АН СССР, Институт этнографии АН СССР, М., 1965.

² Н. В. Гуров, Т. Е. Катенина, Новый этап в изучении протоиндийских надписей, «Сов. этнография», 1967, № 2.

³ A. Parpola, S. Koskeniemi, S. Parpola and P. Aalto, Decipherment of the Proto-Dravidian Inscriptions of the Indus Civilization. A first announcement, The Scandinavian Institute of Asian Studies Copenhagen, 1969; D. Schrapel, Die Entzifferung des Yatischen, Marburg, 1969. Сжатый, но достаточно полный обзор существующих работ по дешифровке протоиндийской письменности см. в рецензии Н. В. Гурова и Т. Е. Катениной, стр. 171—172. См. также новейший критический обзор этих работ в статье: A. R. K. Zide, A. Brief Survey of Work to Date on the Indus Valley Script, «Papers from the 4th Regional Meeting, Chicago Linguistic Society», 1968, April 19—20, pp. 225—237.

ния, несомненно, заслуживают отдельного рассмотрения. Однако поскольку, на наш взгляд, содержащиеся в них гипотезы и выводы ни в одном пункте не ставят под сомнение результаты работы советских ученых, в рамках данной рецензии мы их касаться не будем.

Статья Ю. В. Кнорозова подводит итог достижениям предшествующего этапа работы над дешифровкой протоиндийских текстов, кратко характеризует доступный в настоящее время археологический и эпиграфический материал и указывает некоторые новые перспективы исследования. Уже в «Предварительном сообщении» автор обосновал ряд важных выводов относительно характера и возможного значения отдельных знаков и сочетаний знаков протоиндийской письменности. Эти выводы позволили убедительно подкрепить тезис о принадлежности языка текста к дравидской семье. В сообщении 1968 г. они получают дальнейшее развитие.

Автор дает смысловую интерпретацию около двух десятков знаков протоиндийской письменности, исходя из внешнего подобия этих знаков определенным предметам и изображениям соответствующих предметов на печатях и других объектах. Задача эта, как указывает Ю. В. Кнорозов, облегчается характерным для этой письменности слабым развитием конвенционализации, близостью многих символов к пиктографическим знакам, лежащим в их основе. Некоторые определения напрашиваются сами собой и не вызывают сомнений (1—человек, 2—лук со стрелой и т. п.)⁴, некоторые не столь очевидны, например 3, еще в «Предварительном сообщении» определенный как стилизованное изображение дерева ашваттха. Новое толкование этого знака расходитсся с интерпретацией предшествующих исследователей, определявших его обычно как «сосуд», но хорошо подтверждается последующим опытом дешифровки блоков, его содержащих, на основании материала дравидских языков (см. ниже в связи с третьей статьей сборника).

Особое внимание в настоящем сообщении Ю. В. Кнорозов уделяет сочетаниям числительными, предшествующими корневым символам. Автор различает две группы таких блоков. В первой знак числительного меняется перед постоянным корневым; вполне убедительно толкование таких числительных как количественных, а корневых знаков — как обозначающих единицы мер. Уже в «Предварительном сообщении» автор обосновал толкование знака 4 как «пригоршни» (санскр. *prasriti*) — единицы измерения сыпучих тел; столь же очевидно определение знака 5 как «ноши» (санскр. *bhaga*) — меры веса, знака 6 как «сосуда» (последнее подтверждается сравнением с изображениями).

Вторую группу составляют постоянные сочетания определенного числительного и определенного корневого символа. Подробного рода постоянные словосочетания с числительными, как указывает автор, характерны для индийских языков. Сочетания с числительными представляют особенный интерес в плане дешифровки; поиски аналогий с соответствующими словосочетаниями, в первую очередь в санскрите (где возможны кальки с протоиндийских имен и терминов), могут дать многообещающие результаты. Определенные шаги в этом направлении сделаны во второй статье сборника, где отмечаются также, что постоянные словосочетания с числительными в санскрите обычно связаны семантически с мифологией; последний момент еще более увеличивает вышеупомянутую возможность сохранения в санскритской литературе калек с этих протоиндийских блоков.

Среди блоков с числительными пристального внимания заслуживают также рассматриваемые в статье Ю. В. Кнорозова так называемые «жертвенные надписи» на ранних стеатитовых пластинках, найденных М. С. Ватсом в Хараппе. Надписи эти состоят из основного блока, интерпретируемого обычно как имя божества, и добавочного, где числительное, которое варьирует от единицы до четырех, предшествует знаку («сосуд»). Этот добавочный блок, по мнению автора, обозначает число жертвоприношений божеству — по-видимому, жертвенных возлияний. Такое толкование представляется в высшей степени вероятным.

Возможной интерпретации этих знаков на основании предполагаемых санскритских калек касается также Б. Я. Волчок во второй статье сборника.

Статья Б. Я. Волчок, как и предшествующая статья того же автора в «Предварительном сообщении», посвящена важному вопросу интерпретации надписей в связи с изображениями на протоиндийских объектах. Параллели этим изображениям и соответствующим символам протоиндийской письменности могут быть обнаружены в мифологии индийских религий исторического периода; значение поисков в этом направлении в связи с проблемами дешифровки надписей долины Инда не требует объяснений. В этом отношении весьма интересны предлагаемые Б. Я. Волчок сопоставления протоиндийских символов с отдельными мифологическими именами санскритских текстов.

Сжатый объем статьи не позволил автору достаточно подробно аргументировать ряд угадываемых аналогий: тем не менее представляется вполне возможным принятие большинства толкований по крайней мере как гипотетические указания для дальнейшего, более детального исследования. Так, среди постоянных сочетаний с числительными блок, означающий «три ограды» (числительное «три», 7), вероятно, может соответствовать санскритскому *Tripara* («три города»), названию мифического города демо-

⁴ Цифры в тексте соответствуют определенным знакам протоиндийской письменности (см. табл. на стр. 181).

нов, сожженного Шивой; в арийской мифологии с демонами обычно отождествляются аборигены, населявшие Северо-Западную Индию ко времени прихода труда ариев. С другой стороны, менее правдоподобно сопоставление протоиндийского блока «три стража» (числительное «три», 8) и санскритского *trīṇāṃ* — «три стражи (ночных)». Автор толкует знак 8, соответствующий изображению человека с жезлом на плече (на трехгранном амулете, Харалпа, Н-305), как обозначение имени божества, чей образ сложился впоследствии с образом ведического Ямы. Действительно, Яма (*Yama*), в посведическом пантеоне фигурирующий как бог смерти, хранитель Юга, относительно поздно приобретает новые черты, заимствованные, по-видимому, из неарийского (доарийского) круга мифологических представлений, в том числе жезл *danda* как постоянный атрибут. Это находит отражение в индуистской иконографии, где образ Ямы с жезлом на плече напоминает указанные выше протоиндийские изображения. Однако слово *yāma* — «ночная стража», несмотря на внешнее сходство, вероятно, иного происхождения (от корня *yā* «идти»), и мы не находим в санскритской литературе каких-либо ассоциаций между ним и именем упомянутого бога, которые подтвердили бы такое сопоставление.

Обращаясь к блокам «жертвенных надписей», упомянутым в статье Ю. В. Кнорозова, Б. Я. Волчок, так же, как и предшествующий автор, усматривает в них обозначение четырех типов жертвоприношений, по-видимому, жертвенных возлияний. Возможные параллели блоку, означаемому, очевидно, «четыре сосуда», автор видит в санскритских ритуальных терминах *saturvīra* (четырехдневное жертвоприношение сомы) или *catuṣsamsthā* (четыре вида возлияния сомы).

Подобные параллели чрезвычайно соблазнительны, однако подходить к ним следует с осторожностью, имея в виду, что ритуал сомы сложился в среде арийских племен, очевидно, еще до прихода в Индию; на это указывают сходные черты древнеиранской религии. Но развитие сложной системы ведического ритуала происходило уже на индийской территории, и хотя, видимо, эта область была относительно изолирована от влияния местных культов, возможность проникновения в нее каких-то элементов протоиндийского ритуала в принципе не исключается.

Термин *saturvīra* или *sataraṇa* (четырехдневное жертвоприношение сомы) употребляется в ведической ритуальной литературе в ряду других, обозначающих однодневное, двухдневное и т. д. до восьмидневного включительно жертвоприношения сомы (ритуального напитка сомы, а не богу Соме). Здесь нет прямой аналогии с протоиндийскими блоками, где числительные колеблются от единицы до четырех. С другой стороны, можно отметить, что термин *saturvīra*, точное значение которого в ритуальном контексте неясно (*vīra* означает «муж, герой»; *vīrā* женск. рода у некоторых лексикографов означает род хмельного напитка), стоит все же особняком, поскольку для всех других жертвоприношений употребляются только термины с *-āṇa* (ekāṇa букв. «однодневный», dvyaṇa «двухдневный» и т. д.). Связь этого термина с протоиндийским блоком не исключается, но факты, подкрепляющие эту догадку, нам пока неизвестны.

Термин *catuṣsamsthā*, означающий четыре вида жертвоприношений сомы, встречается в санскритских ритуальных текстах редко. Он зафиксирован в «Вайтанасутре» (XXVI, 6), относительно позднем тексте, представляющем собой комментарий к Атхарваведе. Атхарваведа, как известно, более других ведических самхит отразила верования и обряды доарийского населения Индии, воспринятые арийскими пришельцами; однако в самой этой самхите упомянутый термин не встречается. Термин отражает сравнительно древнее состояние ритуала, так называемого *Jyotiṣṭoma*, который включал первоначально три или четыре вида жертвоприношений, впоследствии же количество жертвоприношений постепенно увеличилось до семи. Прямой аналогии с протоиндийскими жертвенными надписями (один-четыре «сосуда») мы здесь также не имеем.

Уже в «Предварительном сообщении» Б. Я. Волчок проводит параллель между семью женскими персонажами, изображенными в сценах жертвоприношения «богине в дереве», и семью богинями — сестрами богини-матери (культ которых был распространен позднее, особенно в Южной Индии) или семью апсарами индийской иконографии (вместе с авторами предшествующей рецензии на «Предварительное сообщение» мы считаем маловероятной, однако, связь с *Saptasindhavaḥ* — Семиречьем). В сообщении 1968 г. автор пытается на основании этой параллели выяснить значение блока, представляющего собой постоянное сочетание числительного «семь» и знака 9, который автор толкует как «радугу»; апсары, как указывается в статье, иногда рассматриваются как персонафикация радуги. В данном случае может иметь значение контекст, в котором исследователь находит повод для сопоставления. К сожалению, объем статьи не позволил автору обосновать эту идентификацию более подробно.

Весьма правдоподобно толкование блока, состоящего из знаков 10, 11, как имени «Блистающая богиня» (по сочетанию в дравидских языках в слове *mīn* значений «рыба» и «звезда», «сиять»; об этом толковании см. ниже в связи со статьями Н. В. Гурова в этом же сборнике). Однако трудно решить, имеет ли санскритское *grābhā* «сияние, свет» как эпитет или имя некоторых богинь индуистского пантеона генетическую связь с этим древним именем или же случайное смысловое сходство.

Напротив, весьма убедительной представляется идентификация персонажа с копьем на протоиндийских изображениях (и соответствующего символа в надписях) с богом Скандой индуистской мифологии. Правда, в Махабхарате (III, 221) версия леген-

ды об убийении Буйвола Скандой довольно далека от протоиндийского изображения. Образ демона Махиши («Буйвола») утрачивает в эпосе зооморфные черты; Сканд пораждает его копьем в голову с колесницы. Это не исключает, однако, весьма верояной связи этого эпизода с доарийским мифом.

Весьма убедительны также доводы, которые автор приводит в подтверждение ждства летящей птицы, изображенной на печати (Хараппа, Н-225), с солнечной птицей индуистской мифологии — Гарудой. Изображение змей над распростертыми крыльями птицы подкрепляет эту параллель; мифология Гаруды тесно связана со змеями. Автор статьи ссылается на миф о змеях и Гаруде, сыновьях сестер Кадру и Винаты; последние олицетворяют соответственно землю и небо. В индийской мифологии (индуистской и буддийской) и мифологической символике пгиди и змеи олицетворяют два антагонистических, извечно враждующих начала — солнце и влагу. В подтверждение толкования птицы на изображении как олицетворения солнца Б. Я. Волчок приводит ценный аргумент, оставшийся вне поля зрения Ватса (впервые предложившего это толкование), но придающий его догадке убедительность: изображение гор справа и слева от птицы можно толковать как «гору восхода» (*udaaya-giri*) и «гору заката» (*astam giri*) — традиционные и обычные образы в санскритской поэзии и индийской иконографии классической эпохи.

Статья Б. Я. Волчок содержит интересные наблюдения и сопоставления в области очень мало загнутой предшествующими исследованиями, и указывает многообещающие перспективы для дальнейших изысканий.

Большой интерес представляет третья статья сборника, принадлежащая дравидлогу Н. В. Гурову, привлечение которого к работе над протоиндийскими надписями в текущем ее этапе нужно считать как нельзя более своевременным.

В начале своей работы Н. В. Гуров убедительно обосновывает принципиальную достаточность использования как зарегистрированного, так и реконструированного материала и данных общей типологии (фонологической, морфологической и синтаксической) дравидских языков при попытках лингвистической интерпретации протоиндийских текстов, несмотря на внушительный разрыв во времени (порядка 1500 лет), отделяющий эти тексты от древнейших известных памятников дравидских языков (прежде всего древнетамильских).

В то же время не без основания с крайней осторожностью высказывается ближайших перспективах дешифровки, в особенности же о возможностях интерпретации переменных знаков на базе «определенных комбинаций дравидских аффиксов». Скепсис автора в отношении последнего момента представляется даже несколько чрезмерным, если учесть такой, например, факт, как интереснейшая интерпретация знака 3 (пиктографически: дерево *atti*, т. е. ашвагхта; актуально: показатель родительного или «атрибутивного» падежа; фонологически: *-t-* — см. «Предварительное сообщение», стр. 50), используемая в процессе дешифровки и подтверждаемая дальнейшими изысканиями Н. В. Гурова, нашедшими отражение в рецензируемой статье.

Во вводной части работы Н. В. Гуровым намечены некоторые из возможных путей дальнейшего продвижения вперед в области языковой и референтной интерпретации исследуемых текстов (семантическая интерпретация слабо стилизованных корневых блоков, в частности — сочетаний пиктограмм с уверенно отождествляемыми «числами»; составление списка таких блоков; составление, исходя из гипотезы ритуального характера текстов, списка «терминов и устойчивых сочетаний», связанных с «концептуальным полем мифологии»; сопоставление членов обоих списков, имеющих опознаваемый общий элемент; продвижение от значения корневых блоков к интерпретации как сопутствующих им переменных знаков, так и фраз путем сопоставлений с гипотетическими идентичными дравидскими фразовыми структурами). Думается, что высказанные им идеи практически осуществимы и могут (при соответствующей организации дела) оказаться плодотворными; следует приветствовать то, что автор сумел достаточно четко их сформулировать.

Заметим, кстати, что работа самого автора говорит о том, что и не фронтальные, а, так сказать, «атомарные» сопоставления могут дать интересные результаты, причем накопление обоснованных «догадок» создает все большие возможности для перекрестных сопоставлений, проверки ранее выдвинутых гипотез, заполнения лакун и отбраковки ошибочных идентификаций.

Аргументы Н. В. Гурова в пользу гипотезы слоگو-морфемного характера протоиндийской письменности, опирающиеся как на типологию дравидских морфонемики, словообразования, словоизменения и синтаксиса, так и на соображения, связанные с возможностями иероглифики, имеют несомненное значение прежде всего как база для фонологических интерпретаций. Впрочем, как видно из конкретных изысканий автора, он не абсолютизирует слоگو-морфемный принцип, допуская отклонения от него, по крайней мере в одном из двух возможных направлений: если в трудах группы Ю. В. Кнорозова до сих пор не встречалась трактовка блоков (цепочек знаков) как одной морфемы, то двухморфемная трактовка одного знака встречается (наиболее уверенно по этому принципу практикуется Н. В. Гуровым знак 12 — см. стр. 47 рецензируемого сборника; причем эта трактовка — одна из наиболее остроумных и убедительных).

Переходя теперь к оценке конкретных находок и гипотетических толкований автора, нашедших отражение в статье, следует сразу же отметить, что все они отличаются

не только смелостью и остроумием, но также обоснованностью и логичностью, которые являются результатом как глубоких дравидологических и индологических познаний, так и кропотливого труда, аккуратности и той дисциплины ума, которая одна лишь может направить увлеченность исследователя в надежное русло. Разумеется, в такой области, как начальный этап дешифровки, ничто не гарантирует стопроцентной надежности и заведомой правильности результатов. Однако требованию оправданности гипотезы Н. В. Гурова, несомненно, удовлетворяют. Разработка и накопление таких гипотез — неперемное и основное условие для дальнейшего приближения — своего рода методом «проб и ошибок» — к лингвистической и содержательной истине, остающейся пока что в основном скрытой от наших глаз «за семью печатями» протоиндийских писем.

В этом плане автором достигнуты следующие основные результаты.

1. Финальная диграмма многих блоков — *3, 1* (где *3* — уже упоминавшийся знак [общедравидской] генитивной морфемы) объяснена как «денотат мужского рода» в именах собственных (именах богов и людей). Это сделано с учетом позиции диграммы в блоках и в надписях, пиктографического характера конечного знака (изображение мужчины), состава диграммы в сопоставлении со структурой мужских имен в дравидских языках, гипотетического содержания и связанной с ним структуры надписей. Автор воздерживается на данной стадии от фонологической и даже определенной морфемной идентификации знака *1* (последняя буквально «напршивается») и даже прямо вытекало казалось бы из сопоставлений автора, но его крайняя осторожность в выводах — это не та черта, против которой мы в данном случае склонны выступать).

2. Дважды встречающаяся тетраграмма (числительное «шесть», знаки *10, 3, 1*), где «шесть», *10* были ранее интерпретированы как «Шесть звезд — Плеяды» (соответствует тамилскому *agu-mṇ* — см. «Предварительное сообщение», стр. 50—51), истолкована как мужское имя (божества или человека), сравнимое с одним из имен бога Муругана (Сканды санскритских источников *agu-mṇ-kāṭalan* «[Возлюбленный] сын Шесть звезд (рыб)»).

3. Подобным же образом истолкована тетраграмма «гри», *10, 3, 1*, где «три», *10*, «три звезды» (ср. тамилское *mṇmṇ* — название пятого «лунного созвездия», санскр. *Mrgasīras* — мужское имя «[Рожденный] в пятый день лунного месяца»).

4. Тот факт, что знак *1* встречается в конечной позиции и без предшествующего *3*, не препятствует его трактовке как «денотата мужского рода», по крайней мере в некоторых случаях. Это мнение Н. В. Гурова опирается на факт необязательности «формального выражения атрибутивного падежа перед денотатом» и с дравидологической точки зрения представляется вполне обоснованным. Следует попутно высказать сожаление по поводу того, что в тексте работы одна и та же дравидская (и гипотетическая протоиндийская) форма именуется то «косвенным падежом» (стр. 33), то «атрибутивным падежом» (стр. 34).

5. Омонимия в дравидском корневой *pāl* «четыре» и *pal* «хороший и т. п.» позволяет Н. В. Гурову истолковать диграмму «четыре», *1* как мужское имя, сравнимое с древнетамилским *paṇṇa* (из *pal* + «денотат мужского рода» *paṇ* — В. Э., С. Р.) и т. д. Частая встречаемость числительного «четыре» в сочетаниях с последующими знаками, несомненно, говорит в пользу предположения о вторичном значении «хороший» — знака «четыре», причем, вероятно, не только в качестве первого компонента собственных имен.

6. Отметив этимологическое единство дравидского корня **vel/*vil* — «внешнее» с **vel-(C)/*vil-(C)* — «лить, выливать» и ссылаясь на обычность в дравидских языках конверсии «действие» (глагольная основа) → «орудие действия» (субстантив), Н. В. Гуров убедительным образом устанавливает производность от выше упомянутого корня прото-южнодравидского **vēr pV* — «жертвоприношение». Это, в свою очередь, дает возможность лингвистически интерпретировать знак *б* (пиктографически «сосуд»; актуально «мера жидкостей; жертвоприношение» — см. выше), связав его с последним этимолом.

7. Весьма частотный знак *б* «носильщик» (с южноиндийским прямым коромыслом на плечах); «ноша» остроумно интерпретирован как «защита, охрана; бог-защитник» — олять-таки, на основании омонимии дравидской основы **kā-*, **kā-s-*, **kā-r-* «хранить, защищать и т. п.» и с этимолом **kā-s(?)*, **kā-r-* «коромысл» (упомянутого типа).

В позиции, характерной для знаков, интерпретированных как имена божеств, этот знак, по предположению Н. В. Гурова, представляет архетип тамилского *kāyatkatavu* «Вину» (букв. «Бог-защитник»).

В других позициях, где этому знаку предшествуют имена божеств, сравнение с «защитной формулой» средневековой индийской в особенности — тамилской эпиграфики «имя или эпитет (бога)» — «бог (богиня)» — «защитит»/«да будет [защитой]», ему приписывается значение «защита; охрана».

Обе эти гипотезы позволяют структурно и содержательно интерпретировать целый ряд надписей.

Автор обращает наше внимание на наличие знака *б* («носильщик» с суперграфемой, совпадающей со знаком *3*, фонологически интерпретируемой как *-t-*) на лицевой стороне одного глиняного амулета из Мохенджо-Даро, где имеются изображения тигра и носорога — политерион, сопоставимый с индийскими *lokarāla-vāṇa* — животными «носителями» богов-«хранителей стран света» (см. статью Б. Я. Волчок в «Предварительном сообщении»). Этот факт действительно свидетельствует в пользу

вышеприведенных толкований знака 5 (ср. тамильское *kā-ppi* «охрана, защита; амulet»). Что касается суперграфемы, то она в данном случае, по мнению Н. В. Гурова, может соответствовать деривационной морфеме **-t-*, представленной, например, в тамильских *kāṭayaṇ*, *kāṭavaṭayaṇ* «деревенское божество».

8. Одна из интереснейших гипотез автора — объяснение часто встречающегося знака 13 (пиктографически «усач, пресноводный карп») как обозначающего красный цвет. Причем ему удалось пойти дальше простой констатации омонимии протодравидских корней **ka-* (**key-*) «карп» и **kēy*—**kēy*—**kēy*—**kēy*—**kēy* «красный цвет» и путем вполне корректных этимологических доводов установить генетическое тождество этих двух корней, представленных, в частности, в двух сериях дравидских слов, обозначающих [карповых] рыб (типа тамильского *kaṇai* и типа тамильского *kentaṭi*). Названия карпа в индийских языках — производные от названия красного цвета (в частности, санскр. *go-hita*, бенгальского *ruī-māch*); это, как указывает Н. В. Гуров, связано с тем, что самцы карпов в период нереста приобретают красную окраску.

Основываясь на этой гипотезе, автор указывает на соответствие ряда диграмм и триграмм со знаком 13 на первом месте дравидской ономастики (13, 3, 1 и тамильские *seuyavaṇ*, *seuyōṇ* «Марс; Сканд»; 13, 11 и тамильское *seuyavaṇ*, *seuyāṇ*, *seṇṇaka* «Лакшми» и др.).

9. В аналогичных позициях, т. е. в качестве первого члена или атрибута предполагаемых имен божеств, знак 10 (пиктографически «рыба»; актуально — «звезда»; дравидские соответствия **ṭip*—**ṭip*— «сиять, сверкать»; *ṭip* «рыба»; звезда» — см. выше трактуется Н. В. Гуровым как обычный в индийской мифологии эпитет «яркий, сияющий»). Однако, опираясь на возможность чередования **m*—**v*— в дравидском, Н. В. Гуров параллельно выдвигает иную версию, приписывая знаку 10 в этих сочетаниях значение «небо» (дравидское *viṭ*/**ṭiṭ* «небо»). Основываясь на первом отождествлении Н. В. Гуров, в частности, предположительно трактует диаграмму 10, 11 как протодравидского имени богини Саресвати (телугу, *minukujēḍiya* < *minuku* «сиять, сверкать блестяще» + *sēḍiya*, *sēḍe* «женщина»).

10. Диграмма 10, 14 и триграмма 10, 10, 14, неоднократно встречающиеся в текстах (пиктографически — птица, вероятно — орел, коршун или ястреб), сопоставляются с именами Гаруды типа *Maḥātejas* «Обладающий великим сиянием». Вполне убедительно в этой связи сопоставление удвоенного знака 10 с удвоенными основами дравидских языков, например, в тамильском *ṭiṇṭiṇi* «светляк» и т. п.

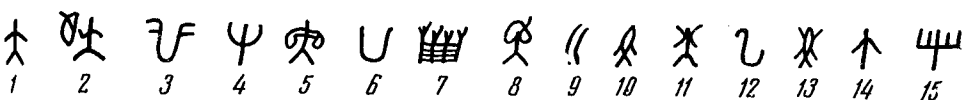
11. Н. В. Гуров нашел возможность подтвердить и одновременно интерпретировать лингвистическое значение «большой, великий», ранее («Предварительное сообщение», стр. 51) предположительно приписанное знаку 16, который в большинстве случаев предшествует знаку 11 («богиня»). Уникальное положение знака 15 в надписи (Хараппа, Н-106), где ему предшествует числительное «двадцать четыре», дало Н. В. Гурову возможность приписать ему значение «половина лунного месяца» (санскр. *ṛakṣa*, тамильское *ṛiṭai* в сочетаниях *valarṇiṭai*, *tēyṇiṭai*), а сочетанию обоих знаков — значение «год» (ср. санскр. *saturviṃśa* (ka) — «год». Отметив омонимию протодравидских этимонов **reṭ*—«рождать» (к которому восходит тамильское *ṛiṭai*) и **reṭ*—«быть большим, великим, великость», Н. В. Гуров принимает **reṭ* как приблизительное фонологическое значение знака 15, который может, по-видимому, трактоваться одинаково в обоих упомянутых значениях.

12. Знак 12 на основании его позиции (окружения) в надписях, пиктографического значения «рыболовный крючок» и омонимии протодравидских **kuṭ*/**koṭ*—«кривой, изогнутый» (отсюда — многочисленные дравидские названия кривых орудий: тогда *kūṭi*, *ṭō*. 1 «крюк; садовые ножницы», телугу *koḍavai* «серп» и т. п., обычно с лабиальным согласным вслед за корнем и **kuṭ*/**koṭ*—«давать, жертвовать [высшему лицу]» (основа соответствующего каузативного глагола присоединяет к этому корню лабиальный согласный) интерпретируется Н. В. Гуровым как знак каузативной основы «побудить [кого-либо] дать [себе — «побуждающему»]». Результатом (и в то же время веским подтверждением) этого остроумного отождествления — в соединении с предшествующими находками автора — явилась полная смысловая и частичная морфемная и фонологическая интерпретация надписи: 10, 11, 12, числ. «два», 6 (Хараппа, № 342), структурно поразительно «дравидскими»: *miN*— богиня *kūṭ*—*V/P*||*vēṭ*-*V/P*-. Этой интерпретации соответствуют два варианта перевода: 1) «То, что сияющая (или небесная, красивая) богиня побудила (или побуждает) дать [ей], [составляет] два жертвоприношения» (если глагол *vēṭ*-*V/P*- имеет форму глагольного имени — «имени действия»); и 2) «Два жертвоприношения, которые сияющая (небесная, красивая) богиня побудила дать [ей]» (если глагол имеет форму причастия — «глагольного атрибута»).

Нельзя специально не отметить того, что «полутные» (с точки зрения прямых задач работы) этимологические результаты, полученные Н. В. Гуровым, являются полезным вкладом в ту труднейшую область дравидского языкознания, которая в основном лишь в последние годы поднялась на высокий научный уровень (главным образом благодаря трудам Т. Барроу, М. Б. Эмено и Б. Кришнамурти). После «Дравидского этимологического словаря» Т. Барроу и М. Б. Эмено каждый новый шаг в области реконструкции протодравидских форм и установления новых генетических связей между ранее

не связывавшимися этимонами неизбежно требует и будет требовать все большего прояснения в закономерности развития дравидских языков. В этой связи «удельное значение» каждого нового, пусть небольшого и частного, открытия в указанной области резко возрастает. Поэтому представляется уместным еще раз обратить внимание читателей на этимологические находки Н. В. Гурова, отчасти уже нами упоминавшиеся, хотя бы просто перечислив их: возведение протодравидского *vel-pV- «жертвоприношение» к *vel-/vil- «внешнее; выливать, лить»; ассоциация с этим корнем тамильско-малаяльского vellam «вода и т. д.», телугу velluva «наводнение»; вполне корректная этимологическая ассоциация тамильского alakam «вода», каннада alaka «жидкость», телугу aluku, колами alk, найки alk, куи lanja «разбрызгивать» скуи lāka «[совершать] жертвоприношение»; на этой основе (с привлечением дополнительных индологических аргументов) — прослеживание семантического перехода «лить, брызгать; вода, жидкость» → «жертвоприношение»; сведение архетипов названий пресноводных рыб (гл. обр. карповых) *kay-al (*key-al), *kay-(*key-) и *kantu-kay, *kantu-key (последний выведен Н. В. Гуровым путем анализа соответствующих основ тамильского, телугу и каннада) к одному корню (представленному во втором архетипе вторым компонентом) и обоснование генетического тождества этого корня с *key- и т. д. «красный»; частичная этимологизация на этой основе слова телугу сёра «рыба» (<*сётра< <*ke-m-ra, (?) *key-m-ra).

Таблица знаков

С. Г. Рудин, В. Г. Эрман

НАРОДЫ СССР

Историко-этнографический атлас «Русские». М., 1967.

Атлас «Русские», подготовленный коллективом авторов Института этнографии АН СССР под редакцией В. А. Александрова, В. И. Козлова, П. И. Кушнера (отв. редактор), М. Г. Рабиновича, — заметное явление в нашей научной литературе. Детально изучены и впервые нанесены на карты такие важнейшие элементы материальной культуры русского народа, как техника земледелия, крестьянское жилище, традиционная одежда. 75 карт и объемистый том пояснительного текста — таков итог этого труда. В аннотации к атласу написано, что он «будет полезным работникам науки и практическим работникам самых различных специальностей». Действительно, художники, краеведы, архитекторы найдут в этом атласе много чрезвычайно нужных сведений, не говоря уже об историках и этнографах, для которых атлас явится настольной книгой. Польза, которую может принести картографирование этнографических данных, была понятна исследователям уже давно. И если этнографическое картографирование не получило до сих пор достаточного развития, то это объясняется не недооценкой этого метода, а лишь тем, что им не могли широко пользоваться, так как накопленного материала было слишком мало. Настоящий атлас смог выйти в свет, в первую очередь, потому, что в послевоенные годы коллектив его авторов и экспедиции, проведенные Институтом этнографии АН СССР, собрали огромное количество материалов; кроме того, были мобилизованы музейные и архивные фонды.

Все это позволило не только поместить в атласе серию карт, регистрирующих распространение важнейших элементов материальной культуры, но и использовать картографирование как метод научного исследования, с помощью которого удалось выявить целый ряд закономерностей, создать определенные типологические классификации и пр. Эти выводы четко отражены в статьях атласа.

Однако, помимо широты и богатства собранного материала, наиболее существенной чертой атласа является исторический подход, положенный в основу методики его составления. Атлас называется не этнографическим, а историко-этнографическим, и его содержание полностью соответствует этому названию.

Хорошо известно, что процесс изменения культуры и быта русского населения стал особенно интенсивным во второй половине XIX в. Особенно же изменился быт русской деревни в результате социалистических преобразований после Великой Октябрьской социалистической революции. Обычно картографирование определенных этнографических данных отражает картину, характерную лишь для сравнительно недавнего времени. Естественное, что такая картина не может дать представления о процессах развития.

Более того, она может даже привести к совершенно искаженным выводам, поскольку эти же элементы могли иметь совершенно иное распространение всего каких-нибудь 50 лет назад. Составители атласа пошли по иному пути. Они картографировали каждый элемент материальной культуры по состоянию на два различных периода — середину XIX в. и на конец XIX — начало XX в. Наличие двух карт, показывающих распространение одного и того же элемента на двух различных этапах, дало возможность выявить динамику процесса, тенденции развития.

Для того чтобы иметь возможность зафиксировать на карте этнографические середины XIX в., нужно было собрать все сохранившиеся сведения, поднять огромный литературный и архивный материал. Особенно ценные сведения дали изучение ответов на анкеты, в частности на анкету, разосланную Русским Географическим обществом в 1848 г. Но для успешного использования архивных сведений оказалось необходимым соответственно составить задания и для современных этнографических экспедиций. Их необходимо было построить так, чтобы они выявили материалы, легко сопоставимые с архивными данными. Таким образом, характер атласа был определен заранее, и вся последующая работа по собиранию этнографических сведений должна была быть подчинена этой задаче.

Общие принципы построения атласа были тщательно обсуждены и опубликованы в ряде статей¹. Эта заблаговременная и тщательная подготовка прекрасно чувствуется при пользовании атласом.

Выявление тенденций изменения форм материальной культуры от середины XIX до начала XX в. дает историкам возможность делать определенные заключения и об историческом развитии этих форм. Конечно, простая экстраполяция, сделанная на основании выявленных тенденций, не может дать достаточно убедительных данных. Но сравнение сведений атласа с отдельными, хотя бы даже отрывочными данными по материальной культуре более ранних этапов может послужить базой для серьезных выводов. В статьях, содержащихся в атласе, авторы пытались наметить развитие отдельных элементов материальной культуры русского народа для достаточно продолжительного исторического периода. В ряде случаев они привлекают даже археологические материалы IX—X вв. Впрочем именно выводы, основанные на них, являются наиболее уязвимыми. Археологические данные о земледелии, жилище и одежде в Древней Руси еще настолько отрывочны и настолько плохо систематизированы, что требуют самостоятельного изучения. Приводимые же в статьях археологические сведения по большей части случайны и не отражают общей картины развития форм материальной культуры IX—X вв.

Наиболее существенным недостатком атласа, который особенно почувствуют историки, интересующиеся ранними периодами русской истории, является ограничение его рамками русского населения. Для эпохи Древней Руси нельзя отделять материальную культуру населения, жившего на территории современной России и современной Украины и Белоруссии. Поэтому для более или менее широких выводов нужно иметь этнографические карты, охватывающие всю восточнославянскую территорию.

Следует отметить и некоторые технические дефекты атласа. Так, карты, показывающие распространение одинаковых элементов материальной культуры на разные даты, расположены на разных сторонах одного и того же листа, что очень мешает их сопоставлению.

Выход в свет атласа «Русские» настоятельно диктует необходимость подготовки подобных ему атласов «Украинцы» и «Белорусы». При этом очень важно, чтобы эти атласы были построены по единой системе и чтобы их материалы были легко сопоставимы. В печати уже появилась информация о том, что подобная работа проводится².

Коллектив авторов историко-этнографического атласа «Русские» свое дело выполнил прекрасно. Будем надеяться, что украинские и белорусские этнографы последуют этому примеру.

П. А. Ранняпорт

¹ См., например, П. И. Кушнер (Кнышев), О русском историко-этнографическом атласе, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», XXII, 1955; М. Г. Рабинович, Историко-этнографический атлас «Русские», «Доклады советской делегации на V Международном съезде славистов. История, фольклор, искусство славянских народов», М., 1963; О. А. Ганцкая, Г. С. Маслова, Д. В. Наидич, Русский историко-этнографический атлас, «Доклады советской делегации на VI Международном конгрессе антропологов и этнографов», М., 1960 (на франц. яз.).

² S. I. Bruck, W. K. Gardanow, K. G. Guslisty, M. G. Rabinowitsch, T. A. Shdanko, L. N. Terentjew a, Grundsätze und Methoden beim Zusammenstellen regionaler geschichtlich-ethnographischer Atlanten in der UdSSR. Der VIII Internationale Kongress der Anthropologen und Ethnographen, М., 1968.

Культура и быт народов Северного Кавказа (1917—1967 гг.). М., 1968, 348 стр.

В 1968 г. вышла в свет коллективная монография «Культура и быт народов Северного Кавказа», написанная сотрудниками сектора Кавказа Института этнографии АН СССР под редакцией В. К. Гарданова.

Монография посвящена исследованию глубоких преобразований, происшедших в жизни народов Северного Кавказа за 50 лет Советской власти. Многонациональный состав населения Северного Кавказа, различный уровень социально-экономического развития северокавказских народов в прошлом, специфика их культуры и быта — все это серьезно усложнило задачу авторского коллектива, который, однако, справился с ней успешно, создав ценный научный труд. Научное значение данного труда определяется тем обстоятельством, что он, как это указано в предисловии, является «первым опытом исследования развития в советский период культуры и быта не того или иного отдельного народа, а совокупности их в рамках целого этнографического региона. Вместе с тем авторы попытались, не ограничиваясь простым сопоставлением старого и нового быта, проследить процесс его изменения по основным этапам истории советского общества» (стр. 5).

Через всю книгу красной нитью проходит мысль, что в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции и установления Советской власти был обеспечен высокий современный уровень социально-экономического и культурного развития народов Северного Кавказа, добившихся за короткий исторический период огромных успехов во всех областях своей жизни. Авторы рецензируемой книги сумели показать эти успехи на богатом конкретном материале, в большинстве своем впервые вовлекаемом в научный оборот. Это придает всему изложению убедительность и делает выводы и обобщения авторов, как правило, хорошо аргументированными.

Изменения культуры и быта народов Северного Кавказа в советский период непосредственно связаны с бурным развитием социалистической экономики, с преобразованием общественных отношений, унаследованных от прошлого. Поэтому первая глава монографии, написанная В. К. Гардановым, и посвящена социально-экономическим преобразованиям, осуществленным на Северном Кавказе за годы Советской власти.

Глава начинается с краткой, но содержательной характеристики уровня социально-экономического развития народов Северного Кавказа в дореволюционный период. Автор показывает процесс постепенного вовлечения хозяйства Северного Кавказа в орбиту русского капитализма. Этот процесс приводил к расслоению горского крестьянства, а также к появлению первых очагов нефтяной, горнорудной и перерабатывающей промышленности.

Опираясь на известное высказывание В. И. Ленина, что экономическое «завоевание» Кавказа капиталистической Россией было «не закончено», В. К. Гарданов при этом подчеркивает, что «горские районы Северного Кавказа представляли собой до Великой Октябрьской социалистической революции в общем наименее втянутую в орбиту капиталистического развития часть Кавказского края» (стр. 18).

Основное внимание в первой главе уделено исследованию процесса социалистического преобразования хозяйства и социально-экономических отношений у народов Северного Кавказа. Впервые в нашей историко-этнографической литературе автор дает обобщающую картину этого процесса, выявляя его важнейшие черты, присущие всем национальным областям Северного Кавказа. В результате привлечения нового чрезвычайно интересного и разностороннего материала В. К. Гарданов ярко и убедительно показал своеобразие социалистического строительства на Северном Кавказе, те исключительные трудности, которые пришлось преодолевать Коммунистической партии при ликвидации многовековой социально-экономической отсталости горцев.

Глава завершается характеристикой современного состояния важнейших отраслей хозяйства народов Северного Кавказа. Автору удалось нарисовать впечатляющую картину расцвета экономики национальных автономий Северного Кавказа, выявить специфику современного этапа и их экономического и социального развития.

Таким образом, первая глава монографии, исследуя в исторической последовательности общий ход социалистических преобразований на Северном Кавказе, показывает те социально-экономические основы, которые обусловили весь процесс развития культуры и быта народов Северного Кавказа за годы Советской власти.

В главе «Основные демографические процессы» (автор Н. Г. Волкова) прослеживаются закономерности изменения численности и национального состава, плотности населения, рождаемости и смертности, пути формирования городского населения в различных районах Северного Кавказа.

Н. Г. Волкова на конкретных примерах показала, что годовой прирост населения находился в непосредственной зависимости от социально-экономических условий жизни народа, от исторической обстановки. Об этом наглядно свидетельствует низкий среднегодовой прирост населения Северного Кавказа в дореволюционный период (1,34%) и высокий — за годы Советской власти.

Большой интерес представляет сделанный Н. Г. Волковой анализ изменения национального состава сельского и городского населения, а также путей формирования городского населения в связи с индустриализацией автономных республик и областей Северного Кавказа. Автор, исследуя источники пополнения городского населения, показывает, что основным из них является передвижение населения из сельских районов в города и рабочие поселки своей автономии; только незначительная часть городского населения приходится на переселенцев из соседних областей. Соглашаясь с этим, заметим, однако, что рост населения таких, например, городов, как Нальчик, Грозный, вплоть до 1940-х годов происходил не в меньшей степени и за счет переселения из более отдаленных краев страны.

Автор правильно отмечает, что формирование городского населения за счет перенесенных жителей происходит в различных районах не в одинаковой степени. Если до осетин, живущих в городах Северо-Осетинской АССР, составляла по переписи 1959 31,7 всей численности осетин, то кабардинцев, проживавших в городах, насчитывал всего 12,1%, что меньше даже соответствующей доли балкарцев (13,8%).

На наш взгляд, автору следовало бы подчеркнуть еще одну характерную особенность этнического развития кабардинцев и балкарцев. Это сравнительно малая подвижность кабардинского и балкарского населения, отсутствие у них тяги к переселению не только в другие районы страны, но даже в города своей автономии.

За годы Советской власти разительные изменения произошли в материальной культуре народов Северного Кавказа. В связи с этим большой интерес представляет третья глава монографии «Города, селения, жилище», насыщенная большим фактическим материалом. В ней автор (В. П. Кобычев) дает довольно подробный анализ истории поселений народов Северного Кавказа до революции и за годы Советской власти, описывает эволюцию горского жилища, его внутреннего убранства и способов отопления. Анализ и наблюдения автора отличаются основательностью и глубиной, свидетельствуют о хорошем знании предмета. Особенно ценный материал содержится в главе истории поселений в советский период.

Так, в частности, В. П. Кобычев показывает, какое большое внимание уделяла советская власть переселению горцев на равнину, в связи с чем в Северной Осетии, Кабарде, Ингушетии и Карачае в 1920—1930-х годах возникло большое число новых населенных пунктов. На ряде конкретных примеров автор показывает, как переселение, коллективизация и обусловленный ими общий подъем материального благосостояния и культуры способствовали неуклонному изменению облика северокавказского поселения и жилища. Вместо прежних архаических турлунных хижин, срубов и дымных горских саклей, едва обогреваемых примитивным очагом, в селах выросли новые просторные и светлые дома с большими окнами, деревянными полами и потолками и печными в ряде случаев и с центральным отоплением.

Несомненным достоинством третьей главы является исследование всех рассматриваемых в ней вопросов в тесной связи с социально-экономическими преобразованиями, происшедшими на Северном Кавказе за годы Советской власти. Конкретно-исторический подход к изменениям в поселении, жилище, интерьере дали возможность автору всесторонне проанализировать эти процессы, проследить их основную тенденцию.

Вместе с тем в третьей главе имеются недостаточно аргументированные или нечетко сформулированные положения. Например, на наш взгляд, требует конкретизации и фактического подтверждения тезис автора о том, что «в новых поселениях на равнине, как и в старых аулах в горах, соблюдается принцип пофамильного заселения. Родственники, однофамильцы, выходящие из одного аула, ушелья селились в одном квартале или занимали один конец селения» (стр. 113). Возможно, что такой порядок был в некоторых поселениях Северного Кавказа, но не следует забывать, что такие поквартально-соседские поселения представителей одной фамилии, одной патронимии не всегда имели место даже в дооктябрьское время. Что же касается Кабардино-Балкарии, то здесь заселение новых пунктов происходило в основном по жребию.

С большим знанием дела написана и четвертая глава «Одежда» (автор Е. Н. Студенецкая). Известно, что традиционная одежда народов Северного Кавказа сохранялась до конца 1930-х годов. Поэтому автор подробно описывает мужскую, женскую и детскую одежду различных народов края, показывает ее сходство и различия, а также отмечает социально-экономические причины изменений, происшедших в одежде дореволюционный и советский периоды.

Примерно одинаковый уровень социально-экономического развития народов Северного Кавказа и постоянные экономические и культурные связи между ними способствовали выработке еще в дореволюционное время общих черт в горской одежде, особенно в мужской. Этот процесс продолжался и в первые годы Советской власти. Однако с 1930-х годов национальная одежда стала вытесняться городской.

В женской одежде, как правильно отмечает Е. Н. Студенецкая, более продолжительное время сохранялись национальные особенности и различия, но тем не менее в 1917 г. и в ней под влиянием различных социально-экономических факторов произошли существенные изменения. Они касались как покроя одежды, так и отдельных частей платья, головных уборов, обуви, украшений. В советский период традиционная женская одежда так же, как и мужская, постепенно почти полностью исчезла.

В четвертой главе имеются некоторые неточности. Так, *гобенек* (войлочное пальто с капюшоном) как одежда пастуха (чабана) бытовала не только у балкарцев и карачаевцев, как пишет автор, но и у кабардинцев. Под *джанэ* кабардинцы понимают нижнюю мужскую и женскую рубашки и верхнюю мужскую рубашку. Вряд ли верно, что дома старухи могли носить одну нижнюю рубашку (стр. 155). По мнению автора, ношение кожаного корсета было своеобразной «привилегией» знатных девушек (стр. 157). Неплохо известно, что в Кабарде корсеты носили и крестьянские девушки.

Одним из самых удачных разделов книги является глава «Семья и семейный быт», написанная Я. С. Смирновой.

В главе использован огромный фактический материал, правильно и глубоко научно обобщена многогранная работа по преобразованию семейного быта народов Северного

Кавказа, по формированию советской семьи, построенной на совершенно новых социалистических началах.

Приводимый в главе материал свидетельствует о том, что преобразование семейного быта у жителей городов происходит быстрее, чем в сельской местности, но разрыв этот сокращается с каждым днем.

Я. С. Смирнова исследовала весь круг вопросов, связанных с семьей и семейными отношениями. Она хорошо показала все изменения, происшедшие в брачно-семейных отношениях, в воспитании детей, проследила те явления, которые уже не встречаются, и те, которые еще бытуют у различных народов Северного Кавказа. При этом автором сделано много тонких наблюдений, показаны общие черты и специфические особенности в семейном быту, брачно-семейных отношениях северокавказских народов.

Вместе с тем некоторые положения автора представляются спорными или требующими уточнения.

1. Видимо, нельзя согласиться с утверждением, что в конце XIX— начале XX в. семья на равнине чаще всего состояла из родителей и их неженатых детей (стр. 185). Так обстоит дело только в настоящее время. В конце же XIX—начале XX в. большинство семей состояло из родителей, их женатых сыновей и их внуков (в Кабардино-Балкарии даже в 1927 г. 50% семей состояло из родителей, их детей и внуков).

2. Нам представляется, что характеризовать брак у народов Северного Кавказа в конце XIX—начале XX в. как «покупной» неправильно. Как известно, значительная часть калыма шла на приданое, на одежду невесты; кроме того половина калыма оставалась в семье жениха как собственность невесты, калым платился в рассрочку и т. д.

3. Фиктивное похищение не только не избавляло от части расходов по заключению брака (стр. 193), но, напротив, увеличивало эти расходы: если жених похищал девушку, то за похищение он платил штраф.

4. Некоторые материалы главы требуют конкретизации, вызывая вопросы: у кого, где, когда и т. д. Так, на стр. 195 сказано, что ребенку, наряду с официальным мусульманским именем, давали и второе, национальное имя. Может быть, это и верно, но у какого народа бытовал такой обычай? У кабардинцев и балкарцев, например, такие факты неизвестны. Нельзя согласиться, что у всех народов Северного Кавказа традиционные похороны «в основном перестали быть многочисленными», что в них участвуют уже не сотни, а десятки человек (стр. 261). У кабардинцев и балкарцев похороны все еще многочисленны. Не совсем верно и утверждение о том, что в среде сельской интеллигенции и передовой части крестьянства погребальный ритуал нередко носит как бы полутрадиционный характер. В Кабарде и Балкарии в сельской местности ни женщины, ни дети на такие похороны не допускаются.

Интересна и содержательна глава «Развитие народного просвещения», написанная Т. Ф. Аристовой. В ней автор на конкретных примерах показывает состояние народного образования на Северном Кавказе в дореволюционном прошлом и огромные успехи, достигнутые в этой области за годы Советской власти.

Как видно из материалов главы, Коммунистическая партия и Советское правительство провели огромную работу по просвещению горцев. За 50 лет Советской власти Северный Кавказ стал краем сплошной грамотности: здесь имеется густая сеть школ, техникумов и вузов. В работе приведены интересные данные, характеризующие рост образовательного уровня народов Северного Кавказа. Так, число кабардинцев, имеющих высшее и среднее образование, только за период с 1939 по 1959 г. увеличилось почти в 8,5 раз. Число женщин с высшим и средним образованием за это же время увеличилось в 19,5 раза.

О подъеме культурного уровня народов Северного Кавказа свидетельствует и широкая сеть культурно-просветительных учреждений (клубов, Домов культуры, библиотек и т. д.), деятельность которых мало чем отличается от городских очагов культуры.

Со знанием дела написана и глава «Развитие литературы и искусства» (автор А. Г. Трофимова). В ней на значительном фактическом материале показан процесс становления профессионального искусства и литературы, национальных по форме, социалистических по содержанию.

А. Г. Трофимова отмечает, что замечательными памятниками устного народного творчества горцев Северного Кавказа являлись нартские сказания, народные песни. С ними были тесно связаны народная музыка, танцы, на которые в свое время обратили внимание известные русские композиторы А. А. Алябьев, С. И. Танеев, М. А. Балакирев. Что же касается литературы, то в дореволюционное время она была сравнительно слабо развита.

За годы Советской власти искусство и литература народов Северного Кавказа расцвели и приобрели огромную художественную и воспитательную силу. Кабардинцы и балкарцы, чеченцы и ингуши, адыгейцы, карачаевцы и черкесы получили свою письменность; на всех языках народов Северного Кавказа стали издаваться газеты, журналы, книги. Появилась целая плеяда талантливых писателей, произведения которых известны и за рубежом. Из самодеятельного искусства выросло профессиональное театральное искусство; многие местные драматурги и актеры получили всесоюзное признание. Велики также успехи профессионального музыкального искусства, живописи и скульптуры народов Северного Кавказа.

Книга заканчивается небольшой, но содержательной главой «Современные этнические процессы» (авторы Н. Г. Волкова, Л. И. Лавров). В ней показаны изменения этнической карты, расширение территории расселения коренных народов края, процесс национальной консолидации, сближения наций и слияния небольших по численности групп, живущих за пределами своей этнической территории, с соседним крупным родом.

Глава содержит новые, свежие данные, интересные обобщения и выводы.

Как видно из краткого обзора рецензируемой монографии, в ней подробно и систематично показан процесс развития материальной и духовной культуры народов Северного Кавказа в советский период. Вместе с тем в монографии уделено большое внимание социалистическим преобразованиям экономики, общественных отношений и различных сторон быта северокавказских народов, их этническому развитию и будущим среди них демографическим процессам.

Все это позволяет дать высокую оценку проделанной авторским коллективом работы и признать данный труд значительным шагом вперед в деле этнографического изучения наиболее важных и актуальных вопросов современности.

Г. Х. Мамбет

Т. М. Акимова, В. К. Архангельская. Революционная песня в Саратовском Поволжье. Саратов, 1967, 168 стр.

В последние годы партийная печать уделяет особое внимание вопросу воспитания подрастающего поколения на революционных традициях. Поэтому естественно, что каждая книга, открывающая новый социально и художественно значимый материал, представляет большой научно-педагогический и общественный интерес. К числу таких произведений принадлежит новый труд Т. М. Акимовой и В. К. Архангельской «Революционная песня в Саратовском Поволжье». Широко известно, что Саратовское Поволжье богато вольнолюбивым антикрепостническим фольклором. Классический фольклор этого района изучен достаточно основательно. Однако такая важная его часть, как революционные песни и песни протеста, до сих пор оставалась за пределами исследования.

Новая книга восполняет этот существенный пробел. В предисловии справедливо отмечено, что авторы впервые вводят в научный оборот большое количество революционных песен, распространенных в городах и деревнях Саратовской губернии в конце XIX—начале XX в. Широко привлечен и архивный материал. Следует отметить, что в числе источников был использован архив губернского жандармского управления, куда во время следствия стекались революционные песни. Любопытно, что и в ГДР сохранились немецких демократических песен изучают фольклор Великой крестьянской войны XVI в. по архивам протоколов суда и допросов¹.

Книга делится на две части: «Дореформенные песни общественного протеста» (автор Т. М. Акимова) и «Рабочие и революционные песни в Саратовском Поволжье» (автор В. К. Архангельская). Как справедливо отмечают авторы во «Введении», обе эти части органически связывает единая цель — на материале фольклора раскрыть процесс созревания общественно-политического сознания масс, показать нарастающий социальный протест на разных этапах исторического развития.

В работе поставлена важная проблема соотношения революционного фольклора и действительности, прослежена роль традиции в становлении жанра революционной песни.

В первом разделе большое внимание уделено песням о Разине и волжских удалцах. Анализируя публикации песен о Разине в XVIII—первой половине XIX в. Т. М. Акимова выявляет два основных направления в их оценке — прогрессивное и консервативное. С этих позиций рассматриваются записи песен Н. Г. Цыганова, П. М. Язкова, С. П. Шевырева, показывается принципиальное различие воззрений на фольклор Н. И. Костомарова и Н. Г. Чернышевского.

Часть первого раздела посвящена песням о тяжелой доле крепостных крестьян, их борьбе с угнетателями. В книге раскрыт сложный процесс формирования революционных песен, которые выросли на основе старых традиционных песен, дополненных мотивами критического характера, новых сатирических и обличительных песен, повествующих о горестном положении народа, а также переходных фольклорно-литературных песен. Убедительно показано, как на первых порах использовались известные песни и впоследствии начался процесс сближения фольклорной песни и литературной.

Большой интерес представляют приведенные в книге архивные материалы, которые разскал Д. Л. Мордовцев. Они свидетельствуют о нарастании народного протеста. Таковы, например, «Письмо» народного удалца Никиты Удалого, «Жалоба саратовских крестьян на земский суд» и др. Оказалось, что большинство известных в научном обиходе песен антикрепостнического фольклора связано с Саратовским Г

¹ См. W. Steinitz, Deutsche Volkslieder demokratischen Charakters aus sechszehnten und neunzehnten Jahrhundert, Bd. I, Berlin, 1954, S. XXIV.

волжьем. Так, в архиве Мордовцева находился текст песни «Как за барами житье было привольное». Т. М. Акимов доказывает, что ее источником могла служить песня, вошедшая в собрание М. Чулкова «У дородного доброго молодца». Но в XIX в., в условиях обострения классовой борьбы, песня видоизменилась — она приобрела более определенный классовый характер и стала содержать призыв к борьбе, в ней отразился возросший уровень народного сознания. Вместе с тем Т. М. Акимов вносит существенные поправки в публикацию песни Н. Л. Бродским, обнаруживая там искусственную литературную стилизацию. Установлена также неточность публикации Н. И. Костомаровым песни «Ах, туманы». Современные исследователи должны учитывать в дальнейшем эти уточнения.

В результате анализа дореформенных песен общественного протеста сделан справедливый вывод о том, что в народном бытовании разинские и удалые песни сомкнулись в XIX в. с песнями антикрепостническими и в соответствии с этим естественно изменился характер художественного образа героя. Из романтического бунтаря-одиночки он превратился в борца за народную свободу. В XVIII—XIX вв. наметился переход от традиционной лирики к революционной лирике конца XIX — начала XX в.

Вторая часть книги посвящена рабочим и революционным песням Саратовского Поволжья. Тщательно проанализированы революционные песни народников, социал-демократических кружков, песни периода революции 1905 г. При этом песни города и деревни рассматриваются дифференцированно. Как уже говорилось, привлечены новые материалы. Они ярко показывают, как на протяжении второй половины XIX в. идеи революции и социализма овладевали массами. В этом главная научная ценность второй части исследования.

Использование разнообразных текстов позволило автору нарисовать широкую панораму революционной борьбы и подготовки Великой Октябрьской революции в Саратовском Поволжье. Прослежены эволюция традиционного фольклора, формирование революционной литературной песни. Песня выступает в книге в качестве одного из могучих средств «агитации и подготовки социальной революции». Особенно удачен в этом плане анализ революционных вариаций «Дубинушки». Убедительно подчеркнута справедливость мысли В. И. Ленина о «пропаганде социализма рабочей песней»².

Значительное достижение авторов — определение жанрового своеобразия революционных песен: тяготение к пародированию песен поэтов, церковных жанров, государственного гимна и др.

Глубина обобщения, широкое использование новых архивных материалов придают книге серьезный исследовательский характер и делают ее одним из крупных достижений современной фольклористики.

Признавая значительные достоинства работы, позволю себе, однако, сделать несколько частных замечаний.

Во вступлении ко второй части (стр. 83—84) сделан вывод, что идеи борьбы с самодержавием были в начале XIX в. чужды народу, и в качестве доказательства этой мысли приведены две не очень выразительные песни: «Царя требуют в сенат» и песня о смерти Александра I. Следует ли делать такой определенный вывод на таком незначительном материале? По фольклору XVIII в. мы знаем об антицаристских настроениях народа. Может быть, до нас не дошли, в силу особых условий, песни начала XIX в.?

Следовало бы раздел книги «Художественная литература и публицистика в революционной борьбе», написанный несколько бегло, доработать и обогатить материалом. При переиздании желательно было бы дать побольше текстов в приложении или же издать эти тексты отдельным сборником. Такой сборник мог бы быть неоценимым пособием для преподавателей и студентов.

Ю. Н. Сидорова

Г. П. Снесарев. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969, 335 стр.

Пережитки доисламских культов изучаются исследователями Средней Азии и Казахстана уже давно. Накоплено много фактов, но до сих пор исследовались преимущественно материалы, узко локальные или ограниченные последним периодом бытования тех или иных религиозных идей или религиозной практики. Г. П. Снесарев впервые попытался рассмотреть пережитки доисламских верований в целых комплексах, в связи со всей историей религий Средней Азии. Он привлек обширный сравнительный материал из смежных наук — собственно истории и археологии. Ученому удалось собрать уникальный этнографический материал в районе, который в силу исторических причин оказался как бы заповедником древних обычаев, средоточием сравнительно хорошо сохранившихся до недавнего времени верований и обрядов, исчезнувших или слишком деформировавшихся в других районах.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 22, стр. 276.

Книга Г. П. Снесарева является первым в этнографии трудом, в котором сведен в систему и проанализирован громадный полевой материал, чрезвычайно трудно поддающийся собиранию. Это связано с тем, что исследователю нелегко проникнуть в область мышления и эмоций, являющихся пережитками прошлого и противоречащих современному быту и идеологии. Многие древние традиции перешли в область глубоко пережиточных явлений, потерявших нередко связь между собой и сохранившихся в фрагментарном виде. Автор впервые попытался исследовать так полно (и, на наш взгляд, удачно) связи пережиточных представлений и обрядов, бытующих среди населения, с историческими данными, содержащимися в письменных источниках и археологических памятниках, и таким образом вскрыть генезис многих реликтовых явлений. Сохранившиеся почти до наших дней среди отдельных представителей старшего поколения идеи и представления, прежде широко бытовавшие у узбеков Хорезма Г. П. Снесарев связал с религиями, как будто бесследно исчезнувшими, решительно изгонявшимися исламом.

Круг вопросов, охваченных исследованием, очень широк: демонологические представления, бытовавшие у населения Хорезма; реликты шаманства; магические приемы «борьбы» с болезнями, «отражение» вреда, который, по поверьям, стремится нанести человеку враждебные ему духи и злые люди; реликты культов и религий раннеклассового общества, проникшие в ислам; пережитки культа животных.

Особое место в исследовании занимает вопрос о реликтах зороастризма. Вопрос этот мало изучен, хотя его научная актуальность очевидна. До недавнего времени преобладало мнение, что зороастризм, будучи религией классового общества, в основном был распространен среди правящих классов и поэтому оставил очень мало следов в народной жизни. Пишущая эти строки, как и многие другие этнографы, придерживалась именно этой точки зрения. Первым, кто поставил в связь с зороастризмом некоторые пережитки более поздних форм идеологии, был С. П. Толстов¹. И. С. Брагинский связал с зороастрийскими божествами и духами, упоминающимися в древнейшей памятнике литературы — Авесте, образы таджикской демонологии, которые отразились в фольклоре².

В труде Г. П. Снесарева в свете идей и образов зороастризма дается анализ самых различных пережиточных явлений народного быта. Ему впервые удалось показать, какой глубокий след в народной жизни оставила эта религия несмотря на самые жестокие и решительные меры, которые предпринимали распространители ислама для ее искоренения. Известен рассказ Наршахи (X в.) о том, как из Бухары выселили часть жителей, а на их место поселили арабов, которые должны были насаждать ислам и его обрядность, следить, чтобы жителями города не соблюдались обряды старой религии³.

На основе материалов, собранных за время многолетних полевых работ в различных районах Хорезма, одного из центров древней культуры Средней Азии, Снесарев доказал, что, победив зороастризм как государственную религию, ислам не сумел вытеснить ее традиций из многих сфер народной жизни. В свете зороастрийских представлений в единое целое складываются отдельные факты, разрозненные, потерявшие в быту связь между собой поверья и образы. Так, мифические персонажи, бытовавшие у узбеков Хорезма, автор связал с образами Авесты (аждархо, пари и т. п.); мусульманского шайтана — с трансформировавшимся образом Аримана. Взгляды узбеков на кладбище как на место обитания злых духов автор сопоставил с отношением зороастризма к «местам трупов», он сравнил также некоторые детали обряда камлания с обрядом изгнания демона смерти, описанным в Авесте. Выполненный им анализ погребальной обрядности показал, что она целиком связана с зороастрийскими идеями о смерти и отношении к трупу. Все это богатство сведенных воедино фактов впервые обнаруживает перед нами столь широкую сферу бытования реликтов зороастризма. Становится ясным, что эта религия не была чужда народным массам и не исчезла без следа с распространением ислама. Вступив в сложный симбиоз с догмами последнего, зороастризм дожил до наших дней в виде многих традиционных обрядов и представлений. Это является подлинным этнографическим открытием, и честь его принадлежит Г. П. Снесареву. Очень правильной и глубокой следует считать высказанную им мысль, что между зороастризмом как государственной религией и определенной философской системой, с одной стороны, и ее проявлениями в быту и идеологии народных масс — с другой, нельзя ставить знака равенства. Зороастризм, несомненно, включил множество более ранних и более примитивных народных представлений, на основе которых в сущности и выросла религия жрецов и царей.

Весьма интересной, хотя и не во всех своих положениях и сопоставлениях бесспорной, является глава, посвященная культу плодородия. Г. П. Снесарев рассматривает здесь этнографический материал в новом аспекте, почти не намеченном до сих пор в других работах. Он видит пережитки культа плодородия в самых различных религиозных представлениях и обрядовых действиях, призванных с помощью сверхъестественных сил увеличить плодородие земли, плодотворность животных и самого человека.

¹ С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, Экскурс III, стр. 282, 290.

² И. С. Брагинский, Из истории таджикской народной поэзии, М., 1956, стр. 28 и сл.

³ Мухаммед Наршахи, История Бухары, перевод Н. Лыкошина, Ташкент, 1887, стр. 72.

Последнее занимает центральное место среди пережитков культа плодородия на том его этапе, когда он сохранился, как и многие другие реликтовые представления, в сфере семейной жизни. Эта весьма плодотворная и глубокая мысль автора связывает воедино обычно не рассматриваемые в этой связи семейные обряды, насыщенные магием, имеющим цель обеспечить плодovitость. Становится несомненной необходимость дальнейшего углубленного анализа семейной обрядности под этим углом зрения. Это позволит вскрыть связи между отдельными проявлениями семейной магии и обрядами одного из важнейших для первобытной религии культов — культа плодородия.

Исключительно интересно и важно то, что Г. П. Снесарев установил связь культа плодородия с представлениями о магической силе воды. Это должно быть типично для стран, в которых искусственное орошение является залогом плодородия. В этом плане собранный им материал о связанном с Амударьей культе «мусульманской» святой Амар-она и исключительно тонкий анализ его генезиса трудно переоценить.

Анализ автором культа мусульманских «святых», в частности установленная им связь этих культов с культом предков, а с другой стороны, с культами древнего Ирана имеет большую ценность. Автор показал, что сфера распространения мифов древнего иранского эпоса была гораздо более широкой, чем предполагалось. Мысли автора, отличающиеся широтой и оригинальностью, в основном базируются на собранных им лично новых полевых этнографических материалах.

Новые мысли, новое понимание автор вносит в интерпретацию многих уже освещавшихся, но не вполне раскрытых в своем генезисе этнографических фактов. Это проявляется, в частности, в сопоставлении мифического образа старухи Оджиз, связанной с зимними холодами, с образом умершей от холодов Мины, которая известна по легенде, приведенной А. Бируни. К сожалению, для доказательства этой интересной мысли не использована приведенная М. С. Андреевым таджикская поговорка «хут агар хутти кунад, кампира дар кутти кунад» — «если февраль начнет делать свое дело, он загонит старуху в ящик»⁴. Если ее поставить в связь с упомянутыми выше мифами, то можно усмотреть в ней намек на какое-то олицетворение зимы, а возможно и на обряд ее похорон, проводов. В этом же плане можно было бы трактовать и «сохранившиеся уже во фрагментах», как пишет автор, хорезмское представление о старухе — «хозяйке холодов».

В Хорезме автор обнаружил пережиток какого-то очень интересного социального института — выделение людей некоторых профессий в своего рода касты, что, по его мнению, связано с представлением о ритуальной нечистоте соответствующих профессий. Исследования такого плана, только начатые в данной работе, в дальнейшем сулят много интересного, они смогут пролить свет на проблему зарождения каст. До сих пор это было известно лишь о профессиональных обмывателях мертвых. Г. П. Снесарев расширил список таких профессий, поставив их в связь с зороастрийским представлением о нечистоте всего отторгнутого от человеческого тела, вследствие чего такие профессии как профессии пирульников, мясников, массажистов выделялись в особую категорию «бам». Необходимо продолжить собирание подобных материалов и их исследование.

Остается пожалеть, что объем книги не позволил автору дать конкретные описания многих анализируемых им верований и обрядов, из которых ему пришлось выделить лишь то основное, что непосредственно касалось вопросов, исследованных им в данной работе.

В этой связи хотелось бы высказать некоторые общие соображения о публикациях этнографических работ. Как правило, первоисточник этнографических исследований — полевые записи — остаются недоступными, и читатель получает факты лишь в интерпретации того, кто их публикует, и в той их части, которую он счел нужным использовать. Между тем чем дальше, тем больше вопросов «большой истории» нуждаются для своего решения в привлечении не только письменного, но и устного, этнографического материала⁵. Особенно необходимо собирать и публиковать этнографические источники, освещающие прошлое, которое исчезает из народной памяти в связи с коренной перестройкой быта⁶. И одним из самых важных вопросов, по которым создание свода этнографических первоисточников, является совершенно неотложным, можно считать вопрос идеологии. Г. П. Снесарев собрал такой обильный и разнообразный материал, что его не смогла вместить одна книга. Пожелаем, чтобы за ней вышла вторая, в которую вошли бы те богатые материалы, которые пока остались неопубликованными.

О. А. Сухарева

⁴ М. С. Андреев, По этнографии таджиков. Некоторые сведения, Ташкент, 1925, стр. 175.

⁵ Этнографические данные легли, например, в основу характеристики положения и условий труда ремесленников в феодальном обществе. См. «История Узбекской ССР», т. I, кн. II, Ташкент, 1956, стр. 20—25. Данные по народным верованиям широко использует Б. А. Литвинский. См. его работу «Кангюско-сарматский фарн», Душанбе, 1961 (рукопечатный).

⁶ Ценнейшим первоисточником являются, например, полевые записи М. С. Андреева, опубликованные во втором выпуске его монографии «Таджики долины Хуф» (Душанбе, 1958).

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

С. А. Арутюнов. Современный быт японцев. М., 1968, 232 стр. с илл.

Многие иностранцы, путешествующие по Японии, интересуются прежде всего такими ее достопримечательностями, как гейши и священная гора Фудзи, а люди, более интеллектуально утонченные, — направлением буддизма дзэн, театром кабуки, искусством ландшафтных садов. Правда, в самые последние годы, в результате поразительно быстрого развития японской промышленности, место этих достопримечательностей отчасти заняли наиболее известные образцы ее продукции — транзисторы, фотоаппараты, сверхскоростные экспрессы на линии Токайдо, и немало иностранных туристов в Японии интересуются прежде всего этими вещами. Но все же основная масса иностранцев ищет в Японии удовлетворения своей тяги к экзотике. С их точки зрения, Токио слишком американизирован, на его улицах не видно людей в кимоно...

Рецензируемая книга С. А. Арутюнова по оглавлению похожа на путеводитель по Японии. Однако это не путеводитель. Характер книги совсем иной.

С. А. Арутюнов много лет занимается изучением этнографии Японии и опубликовал по этой теме немало научных трудов. Начиная с 1960 г. он неоднократно посещал Японию и является хорошим знатоком этой страны и, разумеется, также японского языка. Книга показывает, что ее автору удалось сжиться с изучаемым народом: С. А. Арутюнов жил в японских семьях, в японских традиционных гостиницах, ел пищу простых японцев. Каждую свою поездку по стране исследователь использует для энергичного сбора новых материалов по японской этнографии. Одним из плодов его научных изысканий и является эта книга.

В ней автор ставит своей целью изучить процессы складывания форм бытовых явлений в Японии новейшего времени, т. е. исследовать закономерности изменения бытовой стороны японской культуры в ее соприкосновении с западной (европейской) культурой. До сих пор исследования такого плана в Японии и по Японии практически отсутствовали. Поэтому автору «приходится базироваться почти всецело на результатах полевых наблюдений» (стр. 6). Эти наблюдения дополнены также многими другими материалами.

Книга состоит из трех глав, каждая из которых, в свою очередь, делится на ряд разделов. Первая глава называется «Страна и народ». В первом разделе этой главы («Географическая среда») охарактеризованы природные условия Японии и дано ее обобщенное районирование. При этом автор отмечает незначительность различий в быту между населением юга и севера Японии и не признает «надобности разделять Японию на этнографические районы» (стр. 15). В следующем разделе («Занятия») автор подчеркивает, что быт городского населения, главным образом «людей зарплаты» может служить общенациональным эталоном, определяющим образ жизни нации в целом.

В разделе «Семейные отношения и формирование сознания» рассматриваются вопросы семьи, религии, брачной обрядности, воспитания и т. д. (Недавно С. А. Арутюнов в соавторстве с Г. Е. Светловым опубликовал книгу «Старые и новые боги Японии», специально посвященную вопросам религии, но эта книга заслуживает особого рассмотрения).

Говоря о японских университетах, автор пишет, что «большинство студентов... вынуждены совмещать учебу с работой» (стр. 56). В этом автор не вполне прав. Студенты действительно стремятся заработать деньги, но не для того, чтобы оплатить расходы по учебе, а, к сожалению, скорее ради карманных денег на развлечения. Среди студентов подобные приработки называются «арубайто» (от нем. «арбейт» — работа), и теперь это слово широко употребляется не только студентами, но и другими слоями населения в значении «подочная работа».

Вторая глава («Материальная культура») — самая обширная в книге. В первом разделе этой главы («Поселения») охарактеризованы основные черты деревни, маленького городка и большого города. Особенно подробно рассмотрен вопрос сложения ко-нурбаций, развивающихся сейчас в Японии быстрыми темпами.

Следующий раздел — «Жилище». Вопросы жилища интересуют многих ученых, но главное их внимание обращено на традиционное жилище. С. А. Арутюнов же специально изучает модернизацию японского традиционного жилища. В этом разделе полевые наблюдения автора особенно ценны и успешны. Так, в его описании «данги» (районов массовой многоэтажной застройки) и «апато» (многоквартирных домов) очень интересные параллели, проводимые между «котау» (комнатным очагом) и сандалом (стр. 94), параллели между японской, средне- и ближневосточной культурой, хотя раскрытие этой темы автором излишне усложнено. Раздел «Одежда» написан очень подробно, что свидетельствует о большой наблюдательности автора. При этом С. А. Арутюнов приводит такие терминологические детали, которые не известны многим японцам, особенно мужчинам. Как примеры модернизации кимоно, С. А. Арутюнов отмечает «кимоно-пальто» (стр. 118) и «костюм-двойку» (стр. 119). Однако следует отметить, что последний вариант не получил сколько-нибудь широкого распространения, так как окончательным образом изменил привычный силуэт кимоно. Раздел «Пища» написан не менее подробно, чем предыдущий. Заканчивая описание японской пищи, автор отмечает:

«Японская, китайская и европейская кухни в Японии постепенно сближаются, и можно ожидать в дальнейшем их более или менее полного слияния в единую обогащенную национальную кухню, разные блюда которой будут вполне совместимы друг с другом, а тип сервировки будет выбираться в зависимости от обстоятельств» (стр. 142). Недостатком этого раздела является то, что автор сравнительно мало пишет о сладостях, упоминая на стр. 133 только «екан» (японский мармелад) и «мицумамэ» (бобы в сиропе). Между тем для Японии характерно чрезвычайно многообразие сладостей, причем они очень красиво оформляются. В разделе «Утварь» автор описывает мебель, посуду, украшения жилища и отмечает, что «весь японский дом оказывается по первоначальному замыслу весьма подвижным, в значительной мере сборно-разборным и переносным сооружением» (стр. 148).

Последняя глава книги называется «Общественный быт». В разделе «Сфера производства» описывается производственный быт крестьян, рабочих, «людей зарплат» (служащих) и других. Суммируя формы производственного быта, автор отмечает следующие два фактора: «Один — это капиталистическая эксплуатация, рассчитанная на максимальное напряжение работающего, на экономию места, времени, средств за счет условий удобства и безопасности труда. Другой фактор — высокое мастерство, а главное, аккуратность, четкость, собранность, деловитость, сосредоточенность, дисциплинированность, свойственные японским трудящимся в любом трудовом процессе» (стр. 165). В разделе «Коммунальная сфера» рассматриваются «те участки бытовой повседневной деятельности человека, которые связаны с удовлетворением материальных и духовных потребностей людей разных профессиональных и семейно-соседских групп» (стр. 165). Здесь автор подробно описывает гостиницы, рестораны, столовые и делает следующий вывод: «Присутствие и преобладание элементов традиционного стиля соответствует наличию элементов интимности, развлечения, отдыха, наличию контакта между хозяином и клиентом, хотя бы в виде беседы между ними». Далее он отмечает, что «Типы предприятий с минимальным количеством западных заимствований, примером которых могут служить классические рестораны, бытуют в сравнительно ограниченной сфере, главным образом представителей господствующих классов» (стр. 179).

В разделе «Досуг и развлечения» описываются разнообразные формы проведения досуга и развлечений, начиная с регулярных календарных праздников — Новый год, «бон» (день всех душ), «сэцубун» (день преследования демона), и кончая кабаре и ночными клубами, спортивными и театральными зрелищами. Особенно подробен и интересен рассказ автора о «ёсе» — японском национальном эстрадном жанре.

Последний раздел «Транспорт» посвящен разным аспектам этого явления в быту. Автор делает вывод, что «там, где человек находится в пассивном отношении к транспорту, в качестве пассажира возобладали западные бытовые формы с некоторыми элементами адаптации к традиционным навыкам. Напротив, в качестве субъекта транспорта, даже при наличии технических усовершенствований, человек в Японии продолжает придерживаться многих традиционных обычаев» (стр. 205).

Подводя итоги своего исследования, С. А. Арутюнов приходит к выводу, что в Японии «крестьянский быт и все с ним связанное уже не является основным» (стр. 206) и что «элементы материальной культуры, не связанные с навыками, изменяются гораздо легче, чем элементы, изменение которых повлечет за собой изменение каких-то навыков» (стр. 207).

С. А. Арутюнов успешно фиксирует в своем исследовании многообразные формы современного быта японцев, анализирует процесс модернизации японской культуры и делает попытку установить общие закономерности этого процесса. В целом рецензируемая книга является единственной в своем роде и очень ценной для этнографов и японоведов.

В «Предисловии» автор говорит, что «этнографическая специфика отдельных народов ...изменяется быстрее, чем темпы подготовки и выпуска книг» (стр. 3). Поэтому, не упрекая автора, все же следует восполнить один важный пробел в его описании современного быта японцев. Это исключительно широкое распространение телевизоров, по количеству которых Япония занимает сейчас второе (после США) место в мире.

В заключение надо отметить, что приложенные к книге библиография и указатель японских терминов существенно помогут читателю овладеть изложенным в ней материалом.

Е. Каяма

* * *

В наши дни чрезвычайно возрос интерес к Японии. Убыстренные темпы экономического развития вывели эту страну на второе место в капиталистическом мире. Как живет японский народ, каковы его привычки и нравы, условия материальной жизни и производственной деятельности, каков облик городов и деревень Японии, каковы те изменения, которые происходят в быту японцев под воздействием научно-технического прогресса? На эти и многие другие вопросы дает ответ книга С. А. Арутюнова. Его работа является первым в советской этнографической и социологической литературе монографическим исследованием специфики быта и производственной деятельности японского народа. Разумеется, и до С. А. Арутюнова многие русские дореволюционные

и советские, а также зарубежные авторы изучали быт и нравы японцев. Но их сочинения за малым исключением, следует отнести к бытописательским. С. А. Арутюнов отдал дань должного уважения своим предшественникам и кратко характеризует различные направления в японской этнографической и социологической науке (наука о народах, обычаях, наука о народностях, социология).

Однако если строго подходить к оценке историографии вопроса, то следует упрекнуть автора в несколько поспешном и случайном подборе литературы. Так, в книге существует последовательное изложение истории этнографического изучения Японии в России, СССР и за рубежом. Не вполне ясно, почему говоря о своих предшественниках, автор в первую очередь называет немецкого архитектора Б. Таута и его работу 1930-х годов «Дома и люди Японии».

Вряд ли нужно доказывать, что в России уже в XVIII и особенно в XIX в. в различных периодических изданиях появилось немало познавательных статей, знакомивших русского читателя с бытом соседней страны. Эти сведения частично обобщены в неслучайно обойденной автором книге С. Знаменского «В поисках Японии» (Благовещенск, 1929). В конце 1920-х годов появилась также превосходная книга Д. М. Позднеева «Япония. Страна, население, история, политика» (М., 1925) и незаслуженно забытая японоведами работа К. М. Харнского «Япония в прошлом и настоящем» (Владивосток, 1926).

Что же касается японских авторов, то в тексте книги мы не найдем, в частности ссылок на работы Катаяма Сэн, давшего марксистский анализ положения в японских деревнях. При анализе системы «киэ сэйдо» желательно было бы упомянуть имя современного японского философа-социолога проф. Фукусима из Университета Васэда (стр. 34). Автор рецензируемой книги известен как серьезный исследователь, достаточно эрудированный в литературе вопроса. Это позволяет нам надеяться, что при подготовке последующего издания историографический обзор будет выполнен более тщательно.

С. А. Арутюнов справедливо начинает изложение с главы «Страна и народ». Краткий очерк географической среды дает представление о расположении Японских островов, их рельефе, климатических особенностях, растительности. Многообразие природных условий наложило отпечаток на быт японцев, «заставило их выработать своеобразные формы материальной культуры и соответствующие навыки» (стр. 15). Рассматривая Японию как этнографически однородное целое, автор вместе с тем подчеркивает специфику экономических районов и подрайонов, оказывающую влияние на своеобразие обычаев, особенности занятий населения. Однако, строго говоря, предложение автором экономическое районирование (стр. 15—17) уже отстало от сегодняшнего уровня развития науки (см. «Состояние и проблемы размещения производительных сил Японии», М., 1968).

Очерк о занятиях японцев написан живо, образно и в целом исчерпывающе. Чувствуется, что личные наблюдения автора во время его поездок по Японии в начале 1960-х годов во многом помогли ему наглядно показать читателю сочетание традиционного с современным. Подробный рассказ о сельскохозяйственных работах представляет большой познавательный интерес, так как не всем советским читателям известно, что «на значительной части территории (Японии.—Л. З.) возможен сбор двух урожаев разных культур в год... на крайнем юге удается в год снимать по два урожая риса» (стр. 19). Автор показывает современную тенденцию в развитии сельского хозяйства от рисосаения к овощеводству, садоводству, выращиванию фруктов, частично к животноводству. Некоторые виды сельскохозяйственных работ и орудий иллюстрированы фотографиями. Читатель составит представление о занятиях сельского населения различными промыслами (шелководство, производство корзин, шляп, обуви, циновок, утвари, посуды). Наряду с описанием занятий автор анализирует классовый состав сельского населения.

Важную роль в экономике страны играют рыболовный и морской промыслы. По улову рыбы Японии принадлежит первое место в мире. Автор рассматривает три основных вида рыболовства: речное, прибрежное и глубоководное. Один из приемов речной рыбной ловли — «куай» — чрезвычайно живописен. Это ночная факельная ловля при помощи привязанных на шнуре дрессированных бакланов. К числу широко развитых промыслов относится искусственное разведение жемчуга, а также добыча жемчуга девушками-ныряльщицами («ама»).

Развитие капиталистических отношений в деревне после аграрной реформы 1946—1949 гг. изменило количественное соотношение сельского и городского населения в сторону увеличения последнего. «В результате,— констатирует автор,— наиболее характерными фигурами для населения современной Японии являются промышленный рабочий и мелкий служащий» (стр. 35). Давая социологический анализ рабочего класса Японии, автор указывает, что основная масса рабочих приходится на наиболее развитые отрасли обрабатывающей промышленности (металлообрабатывающую, химическую и нефтехимическую), а также радиоэлектронику и производство точной аппаратуры. При этом, однако, по каким-то причинам совершенно не упомянуты такие ведущие отрасли промышленности, как судостроение и автомобилестроение, по которым Япония занимает соответственно 1 и 2 место в мире.

Автор рассматривает состав рабочего класса. Это, с одной стороны, кадровые потомственные рабочие, имеющие высокую квалификацию и работающие на крупных современных предприятиях. Они являются авангардом японского пролетариата, актив-

ными участниками рабочего движения, объединены в профсоюзы, пользуются такими экономическими завоеваниями пролетариата, как нормированный рабочий день, твердый минимум заработной платы и др. С другой стороны, значительная часть рабочих — это выходцы из крестьян, неквалифицированные рабочие, неорганизованные рабочие мелких предприятий, которые не пользуются какими-либо социально-экономическими гарантиями. В таких отраслях промышленности, как текстильная и радиоэлектроника, на поточно-конвейерной системе широко используется низкооплачиваемый женский труд.

Автор отмечает тенденцию к повышению заработной платы за последние годы. Однако рост цен превышает рост номинальной заработной платы. Поэтому жизненный уровень населения все еще низок.

Интеллигенция представлена рядовым инженерно-техническим персоналом, высокооплачиваемым инженерным составом, государственными служащими, учителями, конторскими и банковскими работниками. Все они являются «людьми зарплат» или «белыми воротничками», как их называют в Японии. По своему образу жизни они тяготеют либо к промышленно-пролетарским слоям, либо к средней и мелкой буржуазии. Наряду с этим средним слоем населения, оказывающим существенное влияние на все стороны жизни японского общества, существует значительная и наиболее стабильная группа мелкой и средней буржуазии (промышленной и торговой) и сравнительно небольшая группа монополистической буржуазии (промышленной и финансовой). Автором приведена интересная таблица о распределении самостоятельного населения в Японии на 1960 г. (стр. 36). Автор сам хорошо понимает, что эти данные быстро «стареют», поэтому в сноске следовало бы отослать читателя к тем статистическим ежегодникам, где можно найти сведения за последующие годы. Кроме того, ссылая на сообщения рабочих-информаторов об уровне заработной платы любопытна, но это источник весьма неустойчивый и субъективный. Лучше ссылаться на статистические данные.

Обстоятельно изложена автором проблема семейных отношений и формирования общественного сознания. Заметим сразу, что автор касается формирования сознания японцев лишь в системе семейных отношений и образования. Такая постановка вопроса не может быть признана методологически правильной. Формирование сознания происходит главным образом в сфере производственной и общественной деятельности. Это прежде всего относится к формированию классового сознания. Национальное самосознание складывается под влиянием целого комплекса причин, среди которых особенно важную роль играют идейные течения на разных этапах исторического развития страны. Выделение этой проблемы в особую главу было бы вполне правомерным. Что касается построения конкретной схемы семейных отношений, то автору принадлежит первое слово в описании ряда традиционных и ныне существующих воззрений на семью как единицу общества. По традиции только патриархальная семья с ее строгой регламентацией подчинения старшему в семье и на производстве, в религиозных и других общественных организациях официально признавалась государством и обществом. И хотя в наши дни традиции «из» (патриархальной семьи) отменены законом и на смену им пришла концепция современной буржуазной семьи на основе взаимного равенства, на практике старые традиции все еще живы (в свадебных обрядах, похоронах, семейных торжествах, внешних знаках почтения к старшим и т. д.).

Подробно описывает автор патронимическую организацию «додзоку» — объединение семей одной фамилии, где главной семьей («хонкэ») являлась семья основателя фамилии. Отделившиеся семьи («бункэ») строго следовали указаниям главы хонкэ не только в личных делах, но и в выборе занятий. Автору следовало бы отметить, что и сегодня в крупных городах Японии широко бытует система «додзоку» — землячества, т. е. выходцев не только из одной фамилии, но и одной провинции. На уклад семейной жизни и быт оказывают влияние не столько бытующие в стране религиозные воззрения, сколько их обрядовые элементы. Это прежде всего религия «синто» («путь богов») — культ почитания сил природы и предков, буддизм и христианство. «Хотя современные японцы в массе своей отнюдь не отличаются особой религиозностью, — справедливо отмечает С. А. Арутюнов, — свойственная им любовь к традициям побуждает большинство из них неуклонно и тщательно выполнять традиционные обряды, так же, впрочем, как и нерелигиозные церемонии» (стр. 49).

Особенно строго японцы соблюдают похоронный и свадебный обряды, а также церемонии, связанные с рождением детей. На характер воспитания членов общества большое влияние оказывает система образования: шесть лет — начальное образование, три года — низшее среднее, три года — повышенное среднее и четыре года — высшее. Девять лет (а не шесть, как утверждает автор) дети учатся бесплатно. Девятилетнее обучение в стране является обязательным. Высшее образование сосредоточено в частных и государственных университетах и колледжах. В частных учебных заведениях установлена высокая плата за обучение, пользование лабораториями, сдачу вступительных экзаменов.

Достоин сожаления, что С. А. Арутюнов, являющийся автором этнографического очерка в справочнике «Современная Япония» (вышедшем в одном году с рецензируемой книгой, но раньше подписанном к печати), написал рассматриваемую главу на менее высоком научном уровне. В этой главе книги есть неточности (разве буддизм в Японии распространен в VIII в.? — стр. 50); поспешность в суждениях («духовенство не пользуется ни особенным почетом, ни популярностью» — стр. 49); противо-

речивости в изложении фактов (стр. 53—54); совершенно не раскрытые положения (о необуддийских сектах в политике; нет даже упоминания о многомиллионной организации «сокагаккай» и ее партии «комэйто» (стр. 49); совершенно непонятная для япониста транскрипция японских слов (Аматерасу вместо Аматэрасу, Кваннон вместо Каннон, кириситан вместо кирисутан); неточности формулировок («создание японца письменности сыграло большую роль в формировании единого национального языка» — стр. 54).

Глазу о материальной культуре читатель и специалист прочтет с удовольствием и удовлетворением. Разделы о поселениях, административном устройстве современной Японии, о домашней жизни в деревнях, поселках и маленьких городах, крупных промышленных центрах и конурбациях написаны с глубоким знанием предмета, подкрепленные личными наблюдениями автора. В описании типов жилищ и их внутреннего устройства автор указывает на значительное взаимопроникновение черт западного и японского зодчества. Раздел, посвященный жилищу, богато иллюстрирован. Автор отмечает характерную особенность японской архитектуры: ее увязку с окружающим ландшафтом (водным пространством, растительностью и рельефом). Особенности устройства японского жилища, его планировки, интерьера сказываются и на особенностях быта. В одежде японского народа бытует три типа: одежда европейского покроя; повседневная домашняя и праздничная национальная одежда; рабочая и крестьянская одежда. В настоящее время японский национальный костюм постепенно видоизменяется, но это и объясняется его устойчивостью и жизнеспособностью в новых условиях жизни и быта. Японская обувь существенно отличается от европейской. В типе одежды и обуви наиболее отчетливо прослеживается грань между японской традиционной и западными культурами (стр. 126).

Далее автор показывает принципиальное отличие японской пищи и способов ее приготовления от европейской. Описание японской кухни дано столь живописно, что читатель может представить ее зрительно и почти ощутить на вкус. Национальная кухня требует применения соответствующей утвари, а специфика последней определяет навыки приготовления пищи и нормы поведения за столом (стр. 152).

Следует еще раз подчеркнуть, что в книге С. А. Арутюнова глава о материальной культуре представляет самостоятельное исследование, написанное живо и образно.

Последняя глава посвящена общественному быту в сфере производства, коммунального хозяйства и на транспорте, развлечениям и проведению досуга. Все перечисленное выше рассматривается только как средство общения людей, а развлечения и проведение досуга — как некоторые эстетические нормы поведения людей в обществе. Следует отметить, что проблема изучения производственного быта в этнографической и социологической науке фактически только начинает разрабатываться. Как правильно указывает автор, «особенно сложной представляется она в отношении столь своеобразной иции, как японцы, в быту которых характерные черты, присущие всем высокоразвитым в техническом и индустриальном отношении народам, переплетаются с многочисленными специфическими традиционными местными явлениями» (стр. 156).

Сравнительно легко поддается описанию производственный быт крестьян, так как его специфика связана с полевой и домашней сферами, с подсобными приусадебными помещениями и животноводством. Навыки чистоты и опрятности японцев перенесены ими в сферу производственного быта. Для питания на производстве характерна национальная кухня (либо столовые с японской пищей, либо домашние «бэнто»).

Сфера коммунального хозяйства весьма разнообразна, в ней отражаются «общие всему населению или его значительной части общественные навыки и вкусы» (стр. 166). Автор рассматривает особенности таких видов коммунальных учреждений, как гостиницы, кафе, бани, парикмахерские, рестораны, столовые, закусовые, бары, питьевые заведения, универмаги, мелкие лавочки. Он отмечает, что в сфере обслуживания вошло в традицию полное отсутствие чаевых, так как персоналу выплачивается специальная надбавка, составляющая 10% зарплаты (стр. 189).

Характерная для Японии любовь к празднествам и традиционным играм проявляется во время празднования Нового года в день поминовения усопших — «бон», в праздники посадки риса и жатвы, в праздниках девочек и мальчиков. В часы досуга японцы любят играть в карты, «мадзэн» (китайская игра в костяшки), «го» (облавные шашки), «сёги» (китайские шахматы). Из современных видов спорта в Японии популярны: бейсбол, настольный теннис, плавание, альпинизм, лыжи, борьба «сумо» и «дзюдо» («дзюдзюцу»), фехтование на японских мечах («кэндзю»), стрельба из лука. Автор характеризует также некоторые виды искусства, которые он рассматривает как сферы досуга японцев: поэзию, театр «но» и «кабуки», балет, искусство составления цветов («икэбана»), созерцательный отдых (любование цветами).

Принадлежность к политическим партиям, участие в рабочем и профсоюзном движении, идеальные течения и борьба в сфере науки не затрагиваются автором в данной книге, а следовательно, вопросы идеологии японского народа, его поведения в решающие для страны моменты истории остаются за пределами исследования. Можно надеяться, что совместные усилия этнографов, социологов и философов приведут к появлению такого всестороннего исследования, в котором найдут отражение также и эти существенные аспекты жизни японского народа.

С. А. Арутюнов — первопроходец, с успехом преодолевший длинный и сложный путь, давший специалистам-японоведам и широкому кругу читателей интересное описание традиционного и современного быта японцев.

Л. В. Зенина

Р. В. Кинжалов. Искусство древних майя. Л., 1968, 198 стр., 181 илл.

Ленинградское отделение издательства «Искусство» выпустило в свет книгу Р. В. Кинжалова, посвященную различным проблемам древнемайяского искусства. Здесь, видимо, нет особой нужды представлять читателю самого автора. Для каждого, по интересуется историей и культурой доколумбовой Америки, имя ленинградского этнографа Р. В. Кинжалова, безусловно, знакомо достаточно хорошо. Да и основной предмет его новой книги — искусство древних майя — неоднократно уже затрагивался в той или иной связи как в популярной, так и в научной литературе¹. В чем же отличие настоящего издания от всех предыдущих работ Р. В. Кинжалова в области майяского искусства? Прежде всего — в широте и глубине охвата основной темы. Если раньше узкие рамки журнальных статей и специальных тематических сборников ставили автору известные пределы в освещении интересующих его проблем, то в данном случае мы наблюдаем совершенно иную картину: не будет преувеличением сказать, что новая книга Р. В. Кинжалова — самое полное и тщательное исследование по искусству древних майя, появившееся когда-либо в советской историографии.

Написанная хорошим литературным языком, прекрасно оформленная внешне, с обильными и качественными иллюстрациями, книга (несмотря на специфику выпущившего ее издательства) отличается вместе с тем поразительной емкостью содержания в ней научной информации, мало чем отличающейся в этом смысле от обычных академических изданий. Достаточно сказать, что библиография по искусству древних майя, приведенная Р. В. Кинжаловым в специальных примечаниях в конце книги, является по данному предмету почти исчерпывающей.

Если же говорить о книге в целом, то она содержит не только тщательный и глубокий анализ важнейших произведений майяского искусства, но подчас дает совершенно новую трактовку различных вопросов, мотивов и сцен, резко отличную от взглядов зарубежных исследователей (военное использование храмовых пирамид и т. д.). Автор ставится и ряд общих проблем, касающихся истории и культуры древних майя (схема развития майяской культуры, происхождение цивилизации классического периода и причины ее гибели и т. д.).

В структурном отношении книга состоит из небольшого введения, пяти глав и заключения.

Во введении рассматривается, хотя и в очень краткой форме, история изучения искусства майя, дается общая его оценка и описывается тот природный фон, на котором происходили расцвет и падение майяской классической цивилизации. Кроме того, автор, основываясь на трудах зарубежных исследователей, дает здесь и хронологическую схему развития культуры древних майя: период охотников и собирателей (10 000—1500 гг. до н. э.); доклассический период (XV в. до н. э.—II в. н. э.), классический (II—X вв. н. э.) и постклассический (X—XVI вв.) (см. стр. 10).

Первая глава посвящена рассмотрению майяского искусства доклассического времени, когда на обширных пространствах Мексики, Гватемалы и Гондураса возникают многочисленные селения раннеземледельческих племен, многие из которых спустя 15—20 веков превратились в величественные города-государства классического периода. Это эпоха сложных глубинных процессов и изменений, приведших в конце концов к тому, что в различных областях Мезоамерики где-то на рубеже нашей эры появлялись целое созвездие блестящих раннеклассовых цивилизаций с их многочисленными городами, изощренным и зрелым искусством, письменностью и календарем. И майя были среди них, по крайней мере, первыми среди равных. Однако Р. В. Кинжалов с этим не согласен. По его словам, «сейчас еще нельзя сказать с полной определенностью, где именно в Месоамерике начался процесс формирования классового общества. Но вероятнее всего, его начальные этапы имели место на побережье Мексиканского залива, где некогда возник основной центр одной из самых загадочных древних культур — ольмекской» (стр. 14).

При решении проблемы происхождения цивилизации майя и ее соотношения с другими центрами высоких мезоамериканских культур особое значение приобретают вопросы хронологии. Здесь не следует, видимо, касаться датировок, предложенных автором для начала доклассического периода (1500 г. до н. э.), хотя сейчас, после работ Р. Мак-Нейша в Техуакане (Пуэбла), есть все основания начинать этот период, по

¹ Р. В. Кинжалов, Искусство древней Америки, М., 1962; его же, Искусство майя в классическую эпоху (III—IX вв. н. э.), сб. «Культура индейцев», М., 1963.

меньшей мере, с 2000 г. до н. э.² Речь идет главным образом о хронологии начала этапов цивилизации майя, или, иначе говоря, о хронологии классического периода. Зарубежные археологи обычно начинают его с момента появления монументальной каменной архитектуры, стел и алтарей, иероглифической письменности, календаря и т. д.³ Еще сравнительно недавно, исходя из совокупности вышеперечисленных признаков, начало классического периода относили ко II или III в. н. э. Мы видим, что такой точки зрения придерживается и Р. В. Кинжалов (стр. 10). Однако в ходе анализа конкретного археологического материала и различных мотивов искусства он проявляет странную непоследовательность и, видимо, самой логикой фактов вынужден был сдвинуть весьма красноречивое признание: «...Древнейшие памятники майяского зодчества открыты пока в Тикале, Цибильчалтуне и Вашактуне. Точная их датировка еще вызывает определенные затруднения, но можно предполагать, что в III—I вв. до н. э. (курсив мой.—В. Г.) монументальная архитектура уже получила значительное развитие» (стр. 21). И далее: «К началу нашей эры процесс формирования раннеклассового общества у майя был в основном завершен» (стр. 37).

Эти высказывания автора, опровергающие, кстати говоря, его же собственные хронологические построения, можно подкрепить и другими интересными фактами. Судя по материалам последних археологических исследований в Чиापасае и Петене, древнейшие памятники майяской письменности и календаря относятся по меньшей мере к I в. до н. э. (стела № 2 из Чиапа де Корсо⁴ и фресковая роспись с календарным знаком «Акбаль» из Тикаля⁵).

Таким образом, начальный этап цивилизации у древних майя относится, видимо, к I в. до н. э. — рубежу нашей эры.

Вторая глава книги Р. В. Кинжалова посвящена майяской архитектуре, третьей — скульптуре и, наконец, четвертая — живописи классического периода. Почти с исчерпывающей полнотой автор анализирует и представляет читателю величественные архитектурные ансамбли Паленке, Тикаля, Пьедрас Неграс, монументальные изваяния правителей и богов на рельефах и стелах Яшчилана и Сейбала, Копана и Киригуа. Немеренные краски бонампацких фресок, шедевры вазовой живописи из Чама и Вашактуна, изящные и выразительные терракотовые статуэтки с о-ва Хайна дополняют общую картину сложного и разнообразного искусства майя в эпоху наивысшего расцвета их родов-государств.

К числу несомненных достижений автора можно отнести выделение и развернутую характеристику нескольких самостоятельных художественных школ (главным образом в области скульптуры), существовавших когда-то в различных центрах обширной территории майя.

Не менее важна и та оригинальная трактовка содержания фресок Бонампака, которую дает Р. В. Кинжалов (стр. 134).

В последней, пятой главе книги говорится об искусстве майя постклассического периода (X—XVI вв. н. э.). Главная трудность, с которой сталкивается исследователь поздних этапов майяского искусства, заключается в необходимости **сочетать чисто искусствоведческий анализ с глубоким изучением общеисторических проблем**. Без этого невозможно понять природу тех резких качественных изменений, которые претерпело искусство майя.

«За период менее 700 лет (приблизительно с середины IX по первую четверть XVI в.), — пишет Р. В. Кинжалов, — в искусстве майя происходят столь значительные изменения, каких не наблюдалось за всю его предшествующую историю. Причины этого следует искать в каких-то крупных политических и социальных событиях, потрясших в IX—X вв. общество древней Мesoамерики» (стр. 149).

Каковы же эти события? Что привело к гибели классических городов-государств майя в джунглях Петена и в долине Усумасинты?

По мнению автора, здесь сыграли свою роль два фактора — внутренний (социальная борьба и восстания низов в самом обществе майя) и внешний (нашествие чужеземных племен с запада). Не опираясь этого тезиса в целом, вместе с тем необходимо подчеркнуть преобладающую роль внешнего фактора в крахе «Древнего царства» майя. Это стало особенно ясно после недавних раскопок в Сейбале и Алтаре Жертв⁶. Касаюсь более позднего времени, X—XII вв., когда на Юкатане происходило формирование новой майя-толтекской культуры, автор совершенно справедливо предостерегает от слишком упрощенного подхода к этому процессу, чем зачастую грешат еще некоторые зарубежные исследователи. Местный, майяский элемент, безусловно, сыграл в данном

² В. И. Гуляев, Новые данные о происхождении земледельческих культур Мesoамерики, «Сов. этнография», 1966, № 1, стр. 146—152.

³ S. G. Morley, The Ancient Maya, Stanford, 1947, p. 38.

⁴ B. Warren, A hypothetical construction of Maya origins, «Actas y Memorias del 35 Congreso Internacional de Americanistas», vol. I, México, 1964, p. 298.

⁵ W. R. Coe, Tikal, Guatemala and emergent Maya civilization, «Science», 1965, vol. 147, № 3664, p. 1413.

⁶ J. Sabloff and G. Willey, The collapse of Maya civilization in Southern Lowlands: a consideration of history and process, «Southwestern Journal of Anthropology», vol. 23, № 4, Albuquerque, 1967.

симбиозе двух культур решающую роль. Завоеватели — тольтеки быстро растворились среди майя, полностью утратив и свой язык и свой этнос. Только своеобразие исторической обстановки, сложившейся тогда на Юкатане (крах старой идеологии и упадок власти ее выразителей — правителей и жрецов), позволило тольтекам оставить заметный след в религии и некоторых специфических областях культуры местных майяских племен. В рамках короткой журнальной рецензии трудно осветить все те важные проблемы и факты, которые затронул в своей книге Р. В. Кинжалов. Да в этом и нет особой нужды. Каждый, кто интересуется историей и искусством одного из наиболее выдающихся народов доколумбовой Америки, с удовольствием познакомится с новой работой известного советского ученого.

В. И. Гуляев

СОДЕРЖАНИЕ

Ю. В. Бромлей, В. И. Козлов (Москва). Ленинизм и основные тенденции этнических процессов в СССР	117
И. С. Гурвич (Москва). Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера СССР	118
Б. В. Андрианов, Л. Ф. Моногарова (Москва). Ленинское учение об общественно-экономических укладах и его значение для этнографии	119
Л. П. Лашук (Москва). В. И. Ленин о земляческих и национальных связях	120
В. А. Александров (Москва). В. И. Ленин о сельской общине в крепостнической России	121
И. А. Крывелев (Москва). В. И. Ленин о социальных корнях религии	122
Н. Н. Чебоксаров (Москва), А. М. Решетов (Ленинград). В. И. Ленин о национальном развитии стран Востока	123
Н. И. Чумаченко (Москва). Образ Ленина в произведениях мастеров и художников народных художественных промыслов	124
С. И. Брук (Москва). Атлас населения мира (основные проблемы демографо-этнографического картографирования)	125
Х. Гандев (София). Болгарская этнография и фольклористика в Этнографическом институте и музее БАН (1889—1969 гг.)	126
Сообщения	
И. Н. Гроздова, Т. Д. Филимонова (Москва). Венгры и немцы советского Закарпатья (по материалам полевых исследований 1968—1969 гг.)	130
И. Л. Карахан, Т. Б. Митлянская (Москва). Проблемы современного чукотско-эскимосского искусства резьбы по кости	144
Поиски, факты, гипотезы	
В. И. Васильев (Москва). Сииртя — легенда или реальность?	150
Научная жизнь	
Т. В. Станюкович, К. В. Чистов (Ленинград). Экспозиция «Новое и традиционное в современном жилище и одежде народов СССР» в Государственном музее этнографии народов СССР	159
Б. Н. Путилов (Ленинград). Три недели в Болгарии	163
Критика и библиография	
Критические статьи и обзоры	
Н. Н. Диков (Магадан). Историко-этнографические и археологические исследования на северо-востоке СССР (1955—1969 гг.)	168
Общая этнография	
С. Г. Рудин, В. Г. Эрман (Ленинград). <i>Proto-Indica: 1968. Brief report on the investigation of the Proto-Indian texts</i>	175
Народы СССР	
П. А. Раппопорт (Ленинград). Историко-этнографический атлас «Русские»	181
Г. Х. Мамбетов (Найчик). <i>Культура и быт народов Северного Кавказа (1917—1967 гг.)</i>	182
Ю. Н. Сидорова (Москва). Т. М. Акимова, В. К. Архангельская. Революционная песня в Саратовском Поволжье	186
О. А. Сухарева (Москва). Г. П. Снесарев. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма	187

Народы зарубежной Азии

- Е. Каяма (Токио), Л. В. Зенина (Ленинград), С. А. Арутюнов. Современный быт японцев 190

Народы Америки

- В. И. Гуляев (Москва). Р. В. Кинжалов. Искусство древних майя 195

На первой странице обложки: Туркменский ковер с портретом В. И. Ленина. 1936 г. (из коллекции Музея народного искусства)

SOMMAIRE

- Yu. V. Bromley, V. I. Kozlov (Moscou). Léninisme et tendances principales des processus ethniques en l'U.R.S.S. 3
- I. S. Gourvitch (Moscou). Réalisation de la politique nationale léniniste chez les populations de l'Extrême-Nord de l'U.R.S.S. 15
- B. V. Andrianov, L. F. Monogárova (Moscou). La doctrine léniniste des régimes de l'économie sociale et son importance pour l'ethnographie 35
- L. P. Lachouk (Moscou). V. I. Lénine sur les liens nationaux et ethnoterritoriaux 48
- V. A. Aléxandrov (Moscou). V. I. Lénine de la communauté rurale en Russie féodale 59
- I. A. Kryvéliov (Moscou). V. I. Lénine sur les racines sociales de la religion 72
- N. N. Tchéboksarov (Moscou), A. M. Riechetov (Léningrad). V. I. Lénine sur le développement national dans les pays de l'Orient 83
- N. I. Tchoumatchenko (Moscou). L'image de Lénine dans les oeuvres des maîtres des arts populaires 99
- S. I. Brouk (Moscou). L'Atlas de la population du monde (problèmes principaux de la cartographie démographo-ethnographique) 111
- Kh. Gandév (Sofia). Ethnographie et études folkloriques bulgares à l'Institut et au Musée d'Ethnographie de l'Académie des Sciences de Bulgarie (1911—1969) 123

Communications

- I. N. Grozdova, T. D. Filimonova (Moscou). Les Hongrois et les Allemands de la Transcarpatie Soviétique (d'après les matériaux des recherches sur le terrain, 1968—1969) 135
- I. L. Karakhan, T. B. Mitlianskaya (Moscou). Problèmes de l'art contemporain de sculpture en os des Tchouktchis et des Eskimaux 144

Recherches, faits, hypothèses

- V. I. Vassiliev (Moscou). Le «sihirtya» — légende ou réalité? 151

Vie scientifique

- T. V. Staniukovitch, K. V. Tchistov (Léningrad). «Le nouveau et le traditionnel dans l'habitat et le vêtement en l'U.R.S.S.», une exposition au Musée d'Etat de l'ethnographie des peuples de l'U.R.S.S. 159
- B. N. Poutilov (Léningrad). Trois semaines en Bulgarie 163

Critique et bibliographie

Articles de critique et revues

- N. N. Dikov (Magadan). Etudes historico-ethnographiques et archéologiques au Nord-Est de l'U.R.S.S. 169

Ethnographie générale

- S. G. Roudine, V. G. Erman (Léningrad). *Proto-Indica: 1968. Brief report on the investigation of the Proto-Indian Texts* 175

Peuples de l'U.R.S.S.

- P. A. Rappoport (Léningrad). *«Les Russes», un atlas historico-ethnographique* 181
 G. Kh. Mambietov (Naltchik). *Culture et mode de vie des peuples du Caucase du Nord (1917—1967)* 182
 Yu. N. Sidorova (Moscou). *T. M. Akimova, V. K. Arkhanguelskaya. Le chant révolutionnaire dans la région de Volga à Saratov* 186
 O. A. Soukharieva (Moscou). *G. P. Sniessarev. Reliquats des croyances et rites pré-islamiques chez les Ouzbek de Khorezm* 187

Peuples de l'Asie (hors l'U.R.S.S.)

- Ye. Kayama (Tokyo), L. V. Zienina (Léningrad). *S. A. Aroutiounov. Le mode de vie moderne des Japonais* 190

Peuples de l'Amérique

- V. I. Gouliaiev (Moscou). *R. V. Kinjatov. L'Art des anciens Maya* 195

Sur la couverture: tapis turkmène au portrait de V. I. Lénine. 1936 (de la collection du Musée de l'art populaire, Moscou)

Технический редактор Т. И. Сироткина

Сдано в набор 13/XI-1969 г.	Т-00660	Подписано к печати 4/II-1970 г.	Тираж 2275 экз.
Зак. 5893	Формат бумаги 70×108 ¹ / ₁₆ .	Печ. л. 17,5	Бум. л. 6 ¹ / ₄ Уф.-изд. л. 19.

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10